

ССРИ ЭЛМЛƏР АКАДЕМИЯСЫ
АЗƏРБАЙЧАН ФИЛИАЛЫ
НИЗАМИ адына
ДИЛ ВƏ ƏДƏБИЯТ ИНСТИТУТУ
УУУ

ЕВ_1941_АКС_64

Азəрбайчан нафьылары

Тəртиб əдэни Ф. БАБАЕВ
Тəрчүмэ əдэни С. БƏЙЛƏРБƏЙОВА

ЭААЭФ НƏШРИЙЯТЫ
Баки — 1941

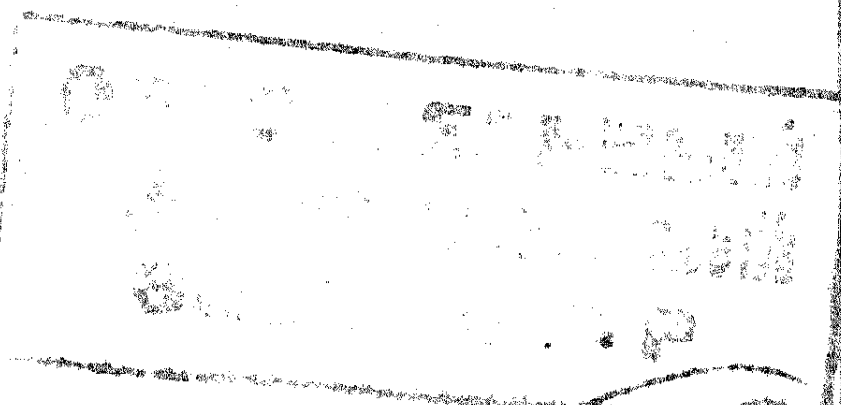
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. НИЗАМИ
1941

1941к
3392

Азербайджанские сказки

33114

Составитель Ф. БАБАЕВ
Перевод С. БЕГЛЯРБЕКОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЗФАН
Баку — 1941

*Напечатано по распоряжению
Президиума Азербайджанского
филиала Академии наук СССР*

Сборник „Азербайджанских сказок“ включает в себя избранные сказки азербайджанского народа. В сборник входят собранные и записанные в районах Азербайджанской ССР Фольклорным отделом Института языка и литературы им. Низами АзФАН сказки: фантастические, бытовые и сатирические. Особенностью данного сборника являются сказки, переведенные непосредственно с оригинала, документированных и паспортизированных Фольклорным отделом института с необходимым соблюдением местного колорита и специфических терминов, характерных для азербайджанских сказок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ознакомление широких слоев русских читателей с азербайджанскими сказками, если не считать незначительных попыток в более ранний период, в основном начало осуществляться после Апрельской социалистической революции 1920 года.

В период между 1881—1914 годами, в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (изд. Управления Кавказского учебного округа), были напечатаны некоторые азербайджанские сказки, собранные в отдельных районах Азербайджана, но эти сказки в ущерб оригиналам были руссифицированы и потеряли свои местные особенности.

Помещенные в предлагаемой книге сказки собраны фольклорным отделом Института литературы и языка имени Низами АзФАН в 1934—1937 гг. в районах Азербайджанской ССР.

Изложенные в этом издании сказки рассчитаны на ознакомление с азербайджанскими сказками широких кругов русских читателей. Поэтому при переводе сказок на русский язык мы учитывали требования русских читателей. При этом, с одной стороны, мы стремились сохранить особенности и колорит азербайджанского языка, народные поговорки и порою образные выражения, а также и специфику сюжетов азербайджанских сказок, не

отходя от азербайджанских текстов, издаваемых одновременно с этим. С другой стороны, вынуждены были в некоторых случаях идти на облегчение чтения для того, чтобы не усложнять освоение.

Несмотря на то, что герои азербайджанских сказок часто показаны, как происходящие из Емена, Греции, Египта, Китая и т. п., а также несмотря на то, что события переносятся в места отдаленные, порою исторические, а порою мифические,—азербайджанские сказки родились в естественной политической и экономической действительности Азербайджана и создавались под влиянием борьбы азербайджанского народа как против всяких иноземных завоевателей, так и против местных феодалов и эксплуататоров.

Эти сказки неразрывно связаны с определенными эпохами в истории Азербайджана с древних времен до наших дней. Они охватывают также естественные красоты, богатство и особенности природы Азербайджана: высокие горы, прохладные родники, зеленые пастбища, обширные леса, страшные пещеры, животных, зверей, птиц, непонятные для сознания людей прошлого вулканические явления на Апшеронском полуострове и т. п. Все это неразрывно и органически связано с сюжетом сказок.

Поэтому наши сказки, как один из наиболее древних жанров фольклора, полны описаниями: уголков рая—прохладных лугов и пастбищ, прекраснейших садов, вершин гор, поднимающихся до небес, родников, наполненных водою—прохладной и прозрачной, как слеза, горных озер с прекрасными лебедями, Симургов, пэри, преданных коней, дэвов и ифритов, аждаха, Гюлистан-Ирема, храмов на Апшероне и вечных огней, всяких заклинаний и т. п. Таким образом, куда бы ни переносились события, излагаемые в азербайджанских сказках, они не выходят за рамки жизни азербайджанского народа.

Силы, участвующие в сказках, по их отношению к героям можно разделить на две группы: на силы враж-

дебные или приносящие вред и на силы дружеские и помогающие.

Среди враждебных и вредных сил наиболее характерное место занимают дэвы. По внешнему своему виду дэвы страшны, отвратительны, обладают невероятной силой и способностью летать.

Главным занятием дэва является кража красивых девушек и юношей, которых он подвергает колдовским чарам. Дэв дик и способен на людоедство.

Своей страшной внешностью и силой дэвы кажутся наиболее опасными врагами героев, но в действительности, ввиду того, что дэв враждебен герою, народная фантазия создала дэва, как образ крайне глупый и ничемный. Сколько бы он ни старался, ни в одной сказке он не может до конца удержать и околдовать девушку или юношу. Пугая героев тем, что они будут съедены, дэвы ни в одной сказке как в тайной борьбе, так и в открытом бою не могут победить героев. Дэва удается обмануть даже маленькому мальчику в популярной детской сказке «Джиртдам» и Ахмеду-трису, который боится даже лисиц, в сказке «Трус Ахмед» (азербайджанский текст).

Дэвы изображаются разны: одноголовые, двухголовые, трех, семи, порою и сорокаголовые. Дэвы всегда живут в замках и башнях; двери жилищ бывают заколдованы или настолько прочны, что простому смертному их невозможно открыть. В жилищах их имеется все, что нужно человеку. Как простые смертные—дэвы рождаются, едят, пьют, женятся и умирают. К примеру: в упомянутой выше сказке «Трус Ахмед» дэв заставляет Ахмеда поливать сад, таскать дрова из леса, подвергая его жестокой эксплуатации. В другой весьма популярной азербайджанской сказке «Дэв Джаду» (азербайджанский текст) изображено, как дэв пользуется всеми средствами для того, чтобы разбогатеть. Он показан, как обладатель крупных стад скота и при этом изображена его крайняя скупость. В образ дэва народная фантазия воплощает эксплуататоров-мироедов и таким образом,

будучи враждебными к героям—защитникам интересов народа, дэвы наделены в сказках обликом и особенностями эксплуататорских сил.

Вторая враждебная сила в азербайджанских сказках—это аждаха, который встречается только в двух случаях. В одной сказке аждаха захватывает родники, в другой хочет съесть детей птицы Симург—главной покровительницы героя. Но ни в одной сказке аждаха своей цели не добивается и герой побеждает и убивает его.

Насколько аждаха является образом отрицательным, настолько же, в противовес ему, змей—положительный образ. Оказание помощи герою со стороны змея, передача им герою кольца «хазрети Сулеймана», показ ему пути и наконец пребывание в образе змея прекрасных девушек и юношей—часто встречающийся мотив в азербайджанских сказках.

Джейраны занимают особое место в азербайджанских сказках. Они во многих случаях увлекают за собой в погоню героев и обязательно подвергают их какому-нибудь бедствию. Джейраны или сами колдуны или являются орудием в руках колдунов.

Дервиши в азербайджанских сказках большей частью играют отрицательную роль. Дервиши в большинстве своем путешествуют, а некоторые нищенствуют. Дервиш вначале различными путями оказывает содействие в рождении детей у бездетных, но тут же заключает условие о передаче одного из детей ему—дервишу. В каждой подобной сказке, когда ребенку исполняется пятнадцать лет, дервиш его уводит и, разжигая печь, хочет зажарить его для колдовских надобностей. Вместе с тем, какие бы усилия дервиши ни прилагали, сколько бы козней ни творили, в конечном итоге они побеждаются героями.

Вторая группа в сказках—помогающие дружеские силы. Среди них главное место занимает птица Симург.

Симург—птица сострадательная, всегда помогает нуждающимся, обездоленным и попавшим в бедственное по-

ложение. Она воспитывает только что родившихся героев сказок, подготавливает их к будущей борьбе и различными способами помогает их окончательной победе. Она не боится никого и ни перед какой силой не отступает. Она умнее и способнее всех враждебных сил, с которыми ведет борьбу. Характерной особенностью образа Симурга является ее борьба с тьмой. Героя, попавшего в тьму, выводит в светлый мир только Симург.

Другой дружеской силой в сказках являются кони. Конь не только полезен в пути, но он и самый преданный друг героя. В азербайджанских сказках кони порою говорят человеческим языком, дают необходимые наставления героям об ожидающем их в пути, показывают им дорогу и т. д.

Голуби также принадлежат к силам положительным, помогающим. В сказках они всегда встречаются парами, предупреждают героя об ожидающих его бедствиях и указывают способы избавления от них. Они, сбрасывая перья со своих крыльев, дают лекарство для исцеления самых неизлечимых болезней, возвращают потерянное зрение и даже отрубленную от туловища голову оживляют, восстанавливают на месте. В азербайджанских сказках фигурируют голуби двух родов. Одни, как указано выше, просто голуби, помогающие героям, а другие—пэри, пребывающие в оперении голубей.

В противоположность дэвам—пэри великодушны, прекрасны и разумны. В настоящем своем облике, т. е. в образе девушек, они встречаются редко. В тех сказках, где они участвуют, с самого начала они бывают в оперении голубей. В отдельных случаях они влюбляются в героя и выходят за него замуж, но и при этом неизменно их условием является необходимость сохранения в целости их птичьего одеяния. В том случае, когда это одеяние уничтожается, она, оскорбленная, уходит от героя, а тот начинает ее искать, и пока не согнет в его руках железный посох и не износятся надетые на его ноги железные лапти, он ее не находит. Этим злостью она подвергает героя для испыта-

ния его преданности. Девушки-пэри считают материнское молоко превыше всякой другой святости. Они могут нарушить любую клятву за исключением тех случаев, когда клянутся материнским молоком.

Азербайджанские сказки насыщены рядом других положительных образов, в частности: птицы-довлет, которая сажает героя на трон падишаха для того, чтобы он легче одолел своих врагов; львицы, выкормившей героя с малолетства («Аг-Гуш»), медведя, проявляющего дружбу и преданность («Бейкес»), преданных собак и разных других животных и птиц.

Весьма характерно и обращает на себя внимание то обстоятельство, что враждебные силы, т. е. дэвы, колдуны, ифриты, аждаха, дервиши и т. п. в своей борьбе против героев, защищающих интересы трудящегося народа, если при необходимых случаях и входят между собой в союз, но ни в коей мере друг с другом не дружат и между ними всегда существуют вражда и драка.

В противоположность им, помогающие силы, будучи между собой связаны крепкими узами, организуют монолитную, коллективную силу в борьбе против зла и для защиты трудящегося народа (в образе героев), подвергаемого жестокостям и эксплуатации.

Герой азербайджанских сказок—отважный, безбоязненный, преданный до последнего вздоха, искренний и правдивый, глубоко уверенный в своей конечной победе и опирающийся в своей борьбе на широкие слои народа. Он постоянно борется с непонятными силами природы, с зверями, нарушающими нормальную жизнь его коллектива. Он борется с враждебными общественными силами, которые с течением времени постепенно начинают забирать власть в свои руки, и с правителями, стремящимися всеми способами вырвать у него последний кусок хлеба. Он борется с местными феодалами, именуемыми падишахами, и с деспотами, которые душат всякие стремления к свободе. Он борется с ханами, бе-

ками, духовными силами и со всеми черными силами, находящимися в их распоряжении.

Одним из характерных героев азербайджанских сказок является «кечал» (лысый, плешивый). «Кечал» — явный представитель азербайджанского дореволюционного крестьянства в его борьбе против богачей и духовенства. В азербайджанских сказках часто встречается тема о двух братьях — бедняке и богаче, что является художественным изображением в народном творчестве происходящего на селе классового расслоения. Объективные экономические условия младшего брата делают бедняком, а старшего богачем и последний обычно начинает борьбу против младшего брата. В таких сказках герой сказки — «кечал» помогает младшему в его борьбе против богатого брата.

В азербайджанских сказках образ женщины чрезвычайно интересен. В противовес религиозным верованиям и легендам, созданным под влиянием ислама, народное творчество рисует женщину весьма положительной, активной в борьбе, отважной и умной. Она восстает против отца, решившего жениться на своей дочери («Гара-Визирь»), и в своей борьбе с ним, отказываясь от помощи влюбленного в нее юноши, сама расправляется со своим отцом.

Наряду с именами исторических личностей: Искендера (Александра Македонского), Эфлатуна (Платона), Эрестуна (Аристотеля), Шаха Аббаса и других в азербайджанских сказках часто встречаются имена мифических личностей. Среди них: врач Локман — мудрец и ученый, Эрестун (Аристотель) — изображенный в роли его ученика, хазрети Сулейман (царь Соломон) — связанный с волшебными предметами: шапкой-невидимкой, ковром-самолетом, скатертью-самобранкой, кольцом, дудкой, мешком и т. п., и эти заколдованные предметы являются орудием в руках героев в их борьбе.

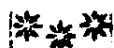
Преобразования в азербайджанских сказках, в противоположность сказкам многих народов, встречаются не часто.

Система счетов в азербайджанских сказках аналогична системам в русской и европейской сказках. И тут преобладает система «трес» и, в полном соответствии с определением академика Н. Я. Марра, третий всегда играет решающую роль и побеждает.

В предисловии к первому тому русского перевода сказок «1001 ночь» (1930 г.) А. М. Горький пишет:

«Особенно значительно и неоспоримо влияние устного творчества на литературу письменную. Сказками и темами сказок издревле пользовались литераторы всех стран и всех эпох».

Ряд классиков азербайджанской литературы пользовался в своем творчестве фольклором, в частности, сюжетом сказок. Среди них особое место занимает великий поэт Азербайджана Низами Ганджеви. Такие сказки, как «Аг-Гуш» и «Уч-Шахзаде» (азербайджанский текст), использованы в поэме Низами «Семь красавиц».

Учитывая особенности издания, в конце книги помещен словарь упоминаемых в сказках общеупотребительных слов, имен и терминов, а также примечания, в которых даны разъяснения образных выражений, пословиц и поговорок по тексту сказок.

Там же приводятся сведения о сказителях, собирателях, месте записи сказок и соответствии сюжетов с номером указателя М. Н. Андреева (Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, изд. Географического общества, Ленинград, 1929).

С К А З К И

I. СКАЗКА О ХАТЭМЕ¹

Кто-то был, кого-то не было, жил-был богач по имени Хатэм. Он был очень щедрый, хлебо-сольный и дружелюбно относился ко всем бедным и обездоленным.

Построил себе Хатэм на перекрестке семи дорог роскошный дворец, в котором было сорок дверей. Поручил он своим рабам и слугам подавать каждому проходящему через эти двери путнику по золотой монете. Таким образом каждый, входящий к нему, получал сорок золотых.

В один из дней какой-то дервиш, напевая оды, пришел во дворец Хатэма и, согласно установленному порядку, у каждой двери он получил по золотому. Когда же он дошел до сороковой двери, дервиш увидел сидевшего там Хатэма.

Дервиш продолжал петь, и Хатэму очень понравился его голос.

Подозвав раба, Хатэм вручил ему золотой и поручил пригласить дервиша к себе.

Раб, протянув золотой дервишу, с почтением сказал: — Баба дервиш,² мой господин просит пожаловать вас к нему, погостить несколько дней и тем осчастливить нас.

Дервиш согласился и вошел во дворец. Хатэм поднялся и почтительно указал ему место рядом с собой. Дервиш поклонился и сел. Хатэм приказал подать угощение. Они поели и поблагодарили всевышнего, после чего Хатэм обратился к дервишу:

— Баба дервиш! Вы—дервиши-странники, обходите весь мир, многое видите, многое слышите. Взгляни,— вот этот дом принадлежит мне, в нем сорок дверей, и, как ты видел, каждому входящему сюда дают сорок золотых. Этот мой обет продолжается уже семь лет, с того дня как я построил этот дворец. И ни один путник, идущий по этим семи дорогам, не уходит без того, чтобы не получить свою долю. И, слава аллаху, надеюсь, пока я жив, так и будет продолжаться. Теперь скажи, ты, выдавший свет, встречал ли человека, равного мне по щедрости?

Подумав немного, дервиш молвил:

— Да, Хатэм, я видел в таком-то месте, на перекрестке сорока дорог, стоит дворец: на каждой дороге, на расстоянии одного агача от дворца, стоят рабы, и каждого путника они просьбой, уговорами приводят во дворец, дают ему кушать на золотом подносе и на золотом блюде. Они упрашивают гостя: «Побудь здесь несколько дней! Сколько бы дней ты ни прожил, трижды в день на золотой тарелке и на золотом подносе тебе будут подавать плов и каждый раз посуду, из которой ты ел, будут откладывать, а когда ты будешь уходить, всю эту посуду подарят тебе». Таким образом, ежедневно там обедают сотни людей, и все они уносят с собой золотую посуду, из которой едят. Меня самого задержали там на три дня. И когда я уходил, попросили остаться еще на несколько дней, но я не согласился. Мне мирские богатства не нужны. Я хотел отказаться от золотой посуды, из которой я ел, но мне возразили, что таков обычай и посуду следует с собой обязательно взять. Теперь, о Хатэм, подумай, кто щедрей—ты или владелец того дворца?

Немного поразмыслив, Хатэм ответил:

THE
PUBLISHED
BY THE
PUBLISHERS

— Баба дервиш, конечно, перед его щедротами мой —ничто. Но если горы и камни обратятся в золото, то и они не выдержат такой расточительности и иссякнут. Тут кроется какая-то тайна. Скажи же мне, кто владелец этого дворца?

— О Хатэм,—ответил дервиш.—Знай, что хозяина этого дворца, кроме аллаха, никто не знает. Если же хочешь узнать, отправься сам, может быть, тебе удастся узнать что-нибудь.

— Да, баба дервиш, я пойду туда.—сказал Хатэм после некоторого раздумья.

Они провели ночь. На утро Хатэм распростился с дервишем, и тот пошел дальше своей дорогой. Хатэм же, подвязав потуже башмаки, направился в места, указанные дервишем.

Что ни день, то новый привал, что ни ночь, то остановка, долго ль шел, коротко ль, через горы и ущелья, —через несколько дней доехал до того самого места, на которое указывал ему дервиш.

Смотрит, вдали виднеется дворец. И думает: «Дай-ка я посмотрю, все ли так, как рассказывал дервиш».

И пошел он не по направлению ко дворцу, а в противоположную сторону. Слышит, кто-то сзади зовет его. Оглянувшись, видит и вправду какой-то раб молнией мчится за ним и кричит:

— О прохожий! Заклинаю тебя твоей верой, кто бы ты ни был, остановись: у меня к тебе слово.

Хатэм остановился. Раб приблизился и почтительно склонился перед ним:

— Господин мой, ты должен последовать за мной в этот дворец.

Хатэм, притворившись непонимающим, спрашивает:

— Сын мой, а что мне там делать? Мне предстоит долгий путь, я не хочу задерживаться.

— Я вижу, что ты на чужбине,—снова вежливо заговорил раб.—Эти места тебе незнакомы. Знай, что в этом доме согласно обету принимаются гости. Здесь пересекаются сорок дорог, и на каждой из них стоит

раб. Наш долг приводить во дворец всех путников, чтобы каждый мог получить свою долю, и только тогда он может следовать дальше. Заклинаю тебя отправиться со мной в этот дворец, иначе я буду наказан.

Видит Хатэм, что дервиш говорил ему правду, и решил пойти и посмотреть, что будет дальше.

Не торопясь, они пришли во дворец, и там Хатэм убедился, что все в действительности так и есть, как рассказывал ему дервиш: при уходе каждый получал ту посуду, из которой ел, а посуда в этом доме была исключительно золотая. «Это невысказано,—подумал Хатэм.—Тут кроется какая-то тайна, и я должен повидать владельца дворца».

Хатэму оказали всевозможные знаки внимания. Тотчас подали ему плов на золотом подносе, на золотом блюде. Как только Хатэм поел, рабы и рабыни убрали посуду и, вымыв, уложили ее в хурджин Хатэма.

Прожив там три дня, Хатэм уверился, что с каждым днем с ним обращаются все предупредительней и любезней, а посуду, как обычно, моют и складывают в его хурджин. Он убедился, что, если проведет здесь даже год, с ним будут обходиться все с большей лаской и уважением, и установленный порядок не будет нарушен. «Ни денег, ни богатства мне не нужно,—подумал Хатэм.—Задерживаться мне не к чему. Надо подойти к своей цели, не теряя времени».

Хатэм подозвал одного из рабов. Тот, приблизившись, поклонился и спрашивает:

— Что прикажешь, мой господин? Скажи, я все с радостью исполню.

— Сын мой, да будешь ты сам властелином рабов! К тебе я поручений не имею, но я хотел бы повидать владельца этого дворца.

Раб засмеялся и говорит:

— Мой господин, это очень трудное дело. Вот уже семь лет, как я живу здесь, но еще ни разу не видал его и не знаю, как его имя, и кто он—человек, джин.

пэри, или кто другой. Все рабы и слуги, живущие в этом дворце, так же, как и я, этого не знают и никто его не видел.

Подумав немного, Хатэм спросил:

— А нет ли раба или слуги, который передает вам его приказания?

— Да,—ответил раб,—есть одна служанка, которая передает нам все распоряжения и докладывает владельцу обо всем.

— Пойди, позови ее сюда,—попросил Хатэм.

Раб поклонился и пошел исполнять просьбу Хатэма.

Служанка явилась, поклонилась Хатэму.

— Ступай, скажи своему господину,—обратился Хатэм к служанке,—что если он разрешит, я хотел бы повидать его.

Служанка покачала головой.

— Господин мой, это невозможно, так как я сама его не вижу, и мы переговариваемся через занавесь. Еду я подаю ему таким же путем. До сих пор я слышала его голос, а самого не видала.

— Ступай, поклонись от меня хозяину и скажи, что если он не поговорит со мной хотя бы через занавесь, я не приму его подношений.

Служанка поклонилась и вышла. Спустя некоторое время она вернулась и сказала:

— Мой господин шлет тебе привет и говорит: «пусть гость требует все, что угодно,—я дам ему и золота и денег, но с этой просьбой пусть ко мне не обращается».

— Пойди, скажи своему господину,—возразил Хатэм:—мне не нужно богатство этого мира, я хочу задать ему несколько вопросов. Если он разрешит, я поговорю с ним через занавесь, а нет—уйду.

Снова поклонившись, служанка удалилась и, вновь вернувшись, сказала:

— Мой господин кланяется тебе и просит передать: «Я поклялся по мере своих сил исполнять желания входящих в этот дом, и раз таково желание моего гостя,—пусть пожелает».

Хатэм обрадовался, услышав эти слова, и пошел вслед за служанкой. Пройдя ряд комнат, они подошли к двери последней комнаты и вошли в нее; посреди комнаты Хатэм увидел протянутую занавесь.

Служанка подвела Хатэма к занавеси:

— Мой господин за этой занавесью, можете говорить, — сказала служанка и сама удалилась.

Хатэм приблизился к занавеси и произнес слова приветствия.

Какой-то голос ответил на его приветствие и спросил:

— Гость мой, скажи, зачем тебе были нужны переговоры со мной?

— О человек, знай, что зовут меня Хатэмом. Я не нуждаюсь в богатстве и деньгах. В такой-то местности, на перекрестке семи дорог, у меня есть дворец. В этом дворце сорок дверей. И каждый, входящий туда, проходя через каждую из этих сорока дверей, получает по золотому. Как-то раз явился ко мне дервиш. Когда, получив сорок золотых, он хотел удалиться, я оставил его у себя, и он рассказал мне о твоей щедрости. Я удивился и, чтобы лично убедиться, явился сюда. Теперь я вижу, что дервиш был во всем прав. Но я удивлен этой щедростью. Ведь перед такой щедростью не в силах устоять и золотые горы. А теперь ты открой мне свою тайну, чтобы я понял, в чем здесь дело.

— О Хатэм,—ответил голос за занавесью.—Если хочешь узнать мою тайну, отправься в такой-то город, там есть хаким, узнай причину его горя, приди, сообщи мне его тайну, и тогда я открою тебе свою.

Хатэм принял это условие, распростился с хозяином и пустился в дорогу.

Что ни день, то новые места, что ни ночь—новая остановка, долго ль шел, коротко ль, через горы и ущелья и, наконец, дошел до того самого города.

В одном из каравансараев он снял комнату и расположился там; а отдохнув, начал наводить справки о хакиме.

Хозяин каравансарая, которого он об этом спросил, ответил ему:

— Сын мой, каким этот раз в год выходит на майдан, и в этот день все городское население собирается туда. Он щупает пульс каждого, определяет болезнь и горе каждого и назначает лечение. Теперь ты должен ждать; как только наступит этот день, я сообщу тебе, и мы вдвоем отправимся на майдан. Когда очередь дойдет до тебя, каким скажет, что у тебя за горе, и укажет, как тебе быть.

Узнав это, Хатэм был удовлетворен. Прошло некоторое время, и как-то хозяин каравансарая сообщил Хатэму:

— Хатэм, сын мой, завтра срок. Поднимайся пораньше, пойдем на майдан.

Кое-как провел Хатэм ночь, а на утро с восходом солнца хозяин каравансарая и Хатэм отправились на майдан.

Придя туда, видят: все выстроились в ряд; и они также присоединились к ним, стали ждать.

Вскоре они увидели, что верхом на быке подъехал хаким, а быка вел раб. Подъехав к майдану, хаким сошел с быка и передал поводья рабу, который отвел быка в сторону и стал ждать.

Хаким принялся по очереди обходить собравшихся.

Одному он говорил: тебе нужно то-то и то-то, другому иное; а когда очередь дошла до хозяина каравансарая, он ему сказал: содержи свой каравансарай в чистоте.

И с этими словами перешел к Хатэму. Пощупав пульс Хатэма, хаким промолвил:

— Сын мой, твое горе зависит от меня; подожди немного, я закончу с ними, и мы пойдем.

Закончив со всеми, хаким сел на быка и, взяв с собой Хатэма, отправился к себе домой.

Придя к нему, Хатэм увидел, что у хакима такой дворец, какой не в силах построить падишах. После того как они пообедали и начали беседу, Хатэм открылся хакому.

Тот выслушал его и сказал:

— Эх Хатэм, твое горе легко излечить; но я поставлю одно условие, ты должен принять его, и тогда только я открою тебе свою тайну.

— Хорошо,—согласился Хатэм.—Я готов выполнить любое условие.

Хаким обрадовался:

— О Хатэм. В таком-то городе есть падишах. Вот уже семь лет, как он ослеп. Предсказатели объявили ему, что лекарство для исцеления своих глаз он найдет в местности, на которую еще не ступали копыта его коня. У этого падишаха три сына. Старший—от дочери хана, средний—от дочери бека, а младший—от дочери бедняка. Падишах отправил сыновей, рожденных от дочери хана и бека, за лекарством. Они, объехав несколько стран и решив, что «сюда никогда не ступали копыта коня их отца», поспешно собрали первые попавшиеся им под руку травы, цветы и растения и возвратились обратно; но толку от этого не получилось. Младшего сына этого падишаха зовут Ибрагимом. Сколько раз он ни просил отпустить его, отец не соглашался, говоря: «Раз мои родовитые сыновья ничего не могли сделать, что же сумеешь сделать ты?» Поэтому Ибрагим всегда печален. Он дружит с простым людом, бедняками и всеми нуждающимися. Отправляйся туда, там ты быстро сдружишься с Ибрагимом, а после сближения с ним передай ему мой привет и скажи, что лекарство для восстановления зрения его отца находится в цветнике дочери падишаха Гюлистан-Ирем.³ Я дам тебе лекарство и письмо, а ты передашь их Ибрагиму. Пусть поступит согласно написанному в письме и тогда он сумеет достать лекарство для своего отца.

Хатэм обрадовался и принял предложение хакима. Проведя ночь в доме хакима, он на утро собрался в путь.

— О Хатэм, знай, что Ибрагим женится на дочери властителя пэри. Ты увидишь эту девушку. Ты должен проявить терпение, и, когда увидишь ее, передай ей мой привет и скажи, чтобы она разыскала мою книгу и при-

слала ее мне. Как только она вручит тебе книгу, ты немедленно вернись. Только после этого ты узнаешь мою тайну.

Хатэм поблагодарил его, взял письмо, лекарство, распрощался и пустился в дорогу, как вихрь над ущельями, как поток с гор, как ветер могучий, по подгорьям, по тропинкам, что ни день, то новая остановка, что ни ночь, то новый привал—и через несколько времени добрался наконец до владений слепого падишаха.

Расспросив, он разыскал Ибрагима и познакомился с ним. Как только Ибрагим узнал, что Хатэм чужеземец, он побратался с ним, повел к себе и показал матери.

— О мать, Хатэм—мой брат, позаботься о нем.

— Буду жертвенным даром моему сыну, а его брат имеет всегда место на моих глазах,⁴—отозвалась мать.

Оставим пока здесь Хатэма и Ибрагима, а я вам расскажу о слепом падишахе.

Позвал слепой падишах своих визиря и векила и приказал подготовить все необходимое, так как его старший и средний сыновья снова должны были отправиться за лекарством.

Услышав об этом, Ибрагим загоревал, так как отец не позволил ему ехать с братьями.

Видя, что Ибрагим чем-то опечален, Хатэм расспросил его. Ибрагим сперва отмалчивался, но заметив, что его молчание огорчает Хатэма, сказал:

— Брат мой, завтра мои братья отправляются на поиски лекарства для глаз отца, поэтому я печален.

— Отправляйся и ты. Зачем же грустить?

— Да вся беда в том, что отец мне этого не разрешает,—возразил Ибрагим.— Он говорит: «Ты рожден простой женщиной. Что ты сумеешь сделать?»

Сказав это, Ибрагим заплакал. Хатэм не выдержал. Поднявшись с места, он подошел к Ибрагиму, обнял его и сказал:

— Брат мой, да будет тебе ведомо, что я давно знаю об этом, но нарочно молчал и ждал нужного момента. Знай, что лишь для того, чтобы помочь тебе, я явился сюда и только для этого познакомился с тобой.

И Хатэм рассказал Ибрагиму всю свою историю от начала до конца, точно так, как я рассказал вам.

Когда же Хатэм сообщил Ибрагиму о хакиме, Ибрагим поднялся, обнял Хатэма и говорит:

— Скорей дай посмотреть лекарство и письмо. Клянись тебе, я соглашусь, если даже меня ждет верная смерть,—я пойду.

Хатэм достал письмо хакима и подал его Ибрагиму.

Ибрагим прочел письмо хакима, который писал: «Ибрагим, садись на коня и поезжай прямо на юг. На четвертые сутки ты подъедешь к лесу. Там находится дэв; вот уже семь лет, как в его ногу вонзилась ветка чинары, и он при смерти. Вырой у его ног яму, влезь туда; затем неожиданно выдери ветку и отбрось в сторону, а сам спрячься на дне ямы. Дэв зарычит: «О мой мучитель, попадись ты мне в руки, я разорвал бы тебя на куски и выпил бы твою кровь». А ты сиди и молчи. Когда же рана очистится и кровь и гной отойдут, дэв успокоится и уснет. Проснувшись, он скажет: «Ах, если б мне увидеть тебя, мой избавитель! Клянусь священным знаком на перстне пророка Сулеймана, я дал бы тебе все, что ты попросишь». Тогда выйди, вылей присланное мной лекарство на его ногу, и рана тотчас заживет. После этого поступай так, как он укажет».

Ибрагим обрадовался, условился с Хатэмом о встрече и отправился к падишаху.

— Дорогой отец!—обратился он к падишаху.—Прикажи и мне дать коня, я хочу отправиться, и, быть может, с помощью аллаха мне удастся найти лекарство для твоих глаз.

— Послушайте слова этого глупца!—засмеялся падишах.—Мои высокородные сыновья бьются и не могут ничего отыскать, а ты найдешь?!

Ибрагим опечалился и, словно в воду опущенный, побрел домой.

Увидя Ибрагима, Хатэм бросился к нему. Ибрагим передал ему слова отца.

— Не кручинься!—утешал Хатэм.—Я все устрою.

Он встал с места и подошел к матери Ибрагима.

— Матушка,—сказал Хатэм,—падишах не дает Ибрагиму коня, чтоб он мог отправиться с братьями. А Ибрагим молод, нерасположение отца огорчает его. Отправляйся к падишаху и уговори его; может, ты сумеешь убедить его, и он даст Ибрагиму хоть какую-нибудь кобылу.

Материнское сердце бывает мягко. Поднялась мать Ибрагима и отправилась к падишаху.

— Женщина, в чем дело, зачем явилась ты?—спросил падишах.

— О повелитель вселенной,—ответила она,—что из того, что Ибрагим рожден простолюдинкой? Он молод, смилостивься, не обижай его сердца. У тебя в конюшне сотни лошадей,—дай Ибрагиму хоть какую-нибудь, пусть и он поедет с братьями, и это доброе дело будет угодно аллаху.

Подумал немного падишах, и сердце его смягчилось.

— Визирь,—приказал он,—в конюшне стоит кривая, хромая на одну ногу кобыла. Дай ее Ибрагиму, пусть отправляется хоть в ад.

Визирь приказал подать Ибрагиму кривую кобылу. А мать, вернувшись, рассказала об этом Ибрагиму и Хатэму. Все трое обрадовались милости падишаха и начали готовить Ибрагима в дорогу.

Короче говоря, обратив эту ночь в день (да принесет вам наступающий день радость!), Ибрагим захватил на дорогу кое-что, перекинул хурджии через седло и взобрался на лошадь. Поручив матери заботу о Хатэме, а Хатэму—о матери и перецеловав обоих, он пустился в дорогу.

Выехав из города, он повернул прямо на юг. Увидели братья, что Ибрагим направляется на юг,—повернули оба коней своих на север.

Оставим их, а сами посмотрим, что случилось с Ибрагимом.

Ехал Ибрагим два дня. Видит—лошадь совсем изнемогает от усталости, спешился и погнал ее впереди себя. Шел, шел, долго ль, коротко ль, и наконец дошел

до того самого леса, о котором писал ему хаким. Отвязал он от седла свой хурджин, снял с лошади седло и уздечку и отпустил ее: «Ступай, куда хочешь, больше ты мне не нужна».

Сам же в поисках дэва углубился в лес. Шел он, шел и наконец дошел до поляны. Смотрит, лежит огромный дэв и громко стонет. Вот-вот, сейчас умрет.

Подойдя к дэву, Ибрагим вырыл у ног его яму. Когда яма была готова, он влез в нее, покрыл ее кустами, оставив место для руки, затем неожиданно дернул ветку чинары и отбросил ее в сторону, а сам быстро спрятался на дне ямы.

— О мой мучитель!—зарычал дэв.—Попадись ты мне в руки, я обнажу твои кости и выпью твою кровь.

Ибрагим прижался ко дну, лежит, не шелохнется.

Кровь и гной потоками хлынули из больной ноги дэва. Немного погодя, дэв успокоился и уснул.

Давно уже дэв не знал сна, больная нога не давала ему покою ни днем, ни ночью. Вот почему, проспав ровно три дня и три ночи и проснувшись только на четвертые сутки, он сказал:

— О мой избавитель, клянусь священным знаком на перстне пророка Сулеймана, я дам тебе все, что ты попросишь!

Тотчас Ибрагим выкарабкался из ямы и говорит:

— Я здесь, но прежде должен смазать лекарством твою больную ногу, и тогда уже поговорим с тобой.

Дэв поцеловал Ибрагима в обе щеки.

— Ты избавил меня от смерти. До самой кончины я — брат тебе и исполню все твои желания.

Только успел Ибрагим смазать полученным от хакима лекарством ногу дэва, как она моментально стала совершенно здоровой.

Тогда обратился Ибрагим к дэву и говорит:

— Брат мой, теперь ты должен провести меня в Гюлистан-Ирем. Мой отец ослеп, и только там, в цветнике дочери падишаха пэри в Гюлистан-Иреме—Мелике Хатун, я могу найти лекарство для него.

— Ого, брат,—заметил дэв,—это дело нелегкое. Я не знаю, в какой стороне находится Гюлистан-Ирем. Но не бойся. На расстоянии трехмесячного пути отсюда живет мой брат. Он на сто лет старше меня. Мы отправимся к нему, и, возможно, он сумеет помочь нам. Но, как ты видишь, я вот уже семь лет болел и ослаб. Поохоться несколько дней, подстрели дичь,—я подкормлюсь, окрепну, и тогда мы двинемся. Не печалься, аллах милостив!

Ибрагим тотчас взял свой лук и стрелы, подстрелил нескольких оленей, джейранов, быков, зажарил шашлык, и они поели.

Так провели они ровно сорок дней, и каждый день дэв съедал по одному степному животному. На сорок первый день дэв, почувствовав, что он окреп, говорит:

— Ну, братец, сегодня мы можем отправиться в путь.

Посадил дэв Ибрагима к себе на плечи и поднялся в воздух. Так летели они ровно три месяца и в начале четвертого опустились у подножья высокой горы.

Смотрит Ибрагим—у вершины горы огромная пещера. Они поднялись на гору. Ибрагим увидел, что у входа в пещеру сидит дэв, но такой, что не описать: ростом с огромный минарет, руки как чинары, голова словно купол. Завидя их, дэв вскочил с места и обнял младшего дэва.

— Добро пожаловать, брат мой, добро пожаловать! Где ты пропадал эти семь лет, как ты узнал, что я давно не кушал человеческого мяса, и принес мне в подарок этого человека?

— Ибрагим—наш младший брат,—возразил дэв, привезший Ибрагима.—Семь лет, как мне в ногу вонзилась чинара. Я умирал и Ибрагим спас меня. Сам он направляется в Гюлистан-Ирем за лекарством для исцеления слепого отца. Ты должен помочь Ибрагиму и проводить его туда.

Услышав это, дэв снова поднялся с места, прижал Ибрагима к груди, расцеловал в обе щеки и говорит:

— Брат мой, клянусь перстнем пророка Сулеймана, я не знаю, где находится Гюлистан-Ирем, но не пе-

чалься. Наш старший брат живет на расстоянии трех-месячного пути отсюда. Он ровно на триста лет старше меня. Я повезу тебя к нему, и он поможет тебе, но прежде вы должны несколько дней погостить у меня и немного отдохнуть с дороги.

Ибрагим провел здесь три дня, отдохнул. После этого младший дэв остался, а средний, посадив себе на спину Ибрагима, взвился в небо. Они летели ровно три месяца и прилетели к подножию громадной горы. И снова, подняв голову, Ибрагим заметил у самой вершины пещеру. Стали они карабкаться на гору. И наконец добрались до пещеры. Смотрит Ибрагим и не верит глазам. Сидит здесь дэв, но такой, что его братья перед ним—словно малые дети.

Завидев их, дэв поднялся на ноги и говорит:

— Брат мой, добро пожаловать. Как это ты вспомнил обо мне, откуда узнал, что я давненько не пробовал человеческого мяса?

Средний брат засмеялся и говорит:

— Ошибаешься, брат, Ибрагим—наш брат. Он спас нашего меньшого брата от смерти, а сам направляется в Гюлистан-Ирем. Ты должен взять его с собой.

И он сообщил старшему брату все, что я рассказал вам.

— Брат мой, я проведу туда Ибрагима, — ответил старший дэв,—но это трудная задача. Боюсь, как бы с Ибрагимом не случилось беды.

— Брат мой, ты только проведи меня, а остальное уже мое дело,—попросил Ибрагим.

— Хорошо, но вы должны погостить у меня несколько дней, отдохнуть как следует, и тогда я повезу тебя. И ты должен во всем слушаться меня.

— С полной покорностью! — промолвил Ибрагим.— Что ты прикажешь, то я и сделаю.

Ровно месяц продержал дэв среднего брата и Ибрагима у себя в гостях. Братья ежедневно брали Ибрагима на прогулку и на охоту, носили его на спине, убивали птиц и зверей и снова возвращались к себе. Словом, оба старались развлечь Ибрагима и не давали ему скучать. Когда старший дэв принимался ласкать, целовать и под-

брасывать Ибрагима, как малого ребенка, средний говаривал:

— Братец, ведь Ибрагим—человеческое создание, в нем душа еле держится, не мучь его.

Короче говоря, через месяц старший дэв вместе с Ибрагимом собрались в дорогу, а перед отправлением старший брат сказал среднему:

— Брат, пока мы с Ибрагимом не вернемся, оставайся здесь и жди нас. Я доставлю Ибрагима сюда, а ты —к младшему брату, а он доставит его на родину к отцу. Дэв согласился.

Тогда старший усадил Ибрагима к себе на спину и полетел по направлению к Гюлистани-Ирем.

Немного погодя он спрашивает Ибрагима:

— Ну как, тебе не холодно?

— Холодновато,—ответил Ибрагим.

Тогда дэв спустился ниже и, пролетев некоторое расстояние, снова спрашивает:

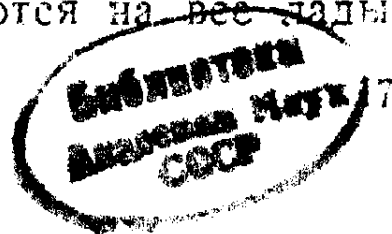
— Не жарко ли тебе?

— Да, жарко,—ответил Ибрагим.

Дэв поднялся чуть выше. И так, если бывало жарко, —он подымался выше, холодно — спускался ниже. Так летел он до полудня. В полдень спустился на цветущую лужайку. Подстрелив несколько джейранов, они приготовили кебаб, закусили и, отдохнув немного, дэв снова усадил Ибрагима к себе на спину, взвился в воздух, и они полетели прямо по направлению к Гюлистани-Ирем.

Так летели они до самого вечера; когда же наступили сумерки, спустились на поляну. Поели, попили и, переюочевав в пещере, на утро двинулись дальше. Ежедневно они пролетали месячный путь. На сороковые сутки достигли они границ Гюлистани-Ирема. На сорок первые сутки, ровно в полдень, спустились они на цветущую лужайку.

Оглянулся Ибрагим и видит: эти места совсем не походят на виденные им раньше. Повсюду — цветы и деревья, словно орошенные эликсиром жизни, их макушки достигают самого неба, заливаются на всеяды

«Соловьи, благоухают цветы. «Клянусь аллахом, как будто это уголок рая!» От удивления Ибрагим раскрыл рот.

— Брат мой,—сказал ему дэв,—это еще что, ты пока только на границе, а вот когда попадешь в Гюли-стани-Ирем, тогда увидишь, что там еще лучше.

Подстрелив дичь, они пообедали, и дэв обратился к Ибрагиму:

— Ну, брат, я дальше этого места итти не смею. Дальше ты должен проследовать сам, а я подожду здесь твоего возвращения. Но я хочу дать тебе кое-какие наставления. Ты должен все исполнить в точности.

— Говори, брат,—ответил Ибрагим.—Я готов исполнить все, что ты скажешь.

— Вот что, брат. Как только ты ступишь ногой на землю падишаха пэри, ты не должен итти днем, а можешь двигаться лишь по ночам. А чуть только забрезжит утро, вырой яму и спрячься в ней. Отсюда до сада дочери падишаха пэри—Мелике Хатун—сорок привалов. Ты должен этот путь проделать за сорок ночей и итти так, чтобы утро заставало тебя в яме, не то—дэвы растерзают тебя на куски. За эту черту еще не переступала и не может переступить нога человека. Это жилище пэри и дэвов. И еще: сороковую яму надо вырыть у самого входа в сад дочери падишаха пэри—Мелике Хатун, потому что лекарство для слепых очей твоего отца как раз в этом саду, а сад сторожат сорок семиглавых дэвов. Шесть месяцев они несут охрану, а шесть месяцев путешествуют и, погуляв и поохотившись, возвращаются обратно. Когда дэвы собираются в путь, они читают лоух⁵—тогда ворота открываются, и они выходят наружу. Они снова произносят лоух—и ворота замыкаются. Если ты не выучишь эти лоухи, сколько ни бейся, в сад не попадешь. Ты запомни лоухи, и как только дэвы удалятся, вылезай из ямы. Прочти первый лоух,—ворота раскроются, ты войдешь внутрь. Тогда прочти второй—и они снова закроются. Обойди сад. Ты увидишь высокое дерево: на каждом листочке его подвешен бубенчик. Эти то листки и являются лекарством для очей твоего отца. Ты должен осторожно подняться

на дерево, сорвать листочки так, чтобы ни один бубенчик не шелохнулся. А стоит им звякнуть, как звуки их раздадутся на расстоянии шестимесячного пути,—и дэвы услышат и тотчас появятся в саду. Ведь они шестимесячный путь проделывают в один час. А раз они явятся,—будь у тебя хоть тысяча душ, ни одна не останется в живых. Набив себе карманы этими листьями, осторожно спустишься вниз. Затем подойди к воротам, прочти заученные лоухи, выходи и добирайся сюда. Иди при этом только по ночам, а днем прячься в яме. Я буду ждать тебя ровно три месяца, и если ты не придешь, я буду знать, что ты погиб, и вернусь обратно. А вернешься—умчу тебя в свои владения. Оттуда мой брат доставит тебя к себе. Только ты твердо помни мои наставления.

Когда же наступил вечер, Ибрагим распрощался с дэвом и пустился в дорогу. Шел он всю ночь, а чуть забрезжило утро, вырыл яму и спрятался в ней. Так просидел он до сумерок, а с наступлением темноты снова пустился в дорогу. Проведя всю ночь в пути, под утро он снова прятался в яме. Так шел он ровно сорок ночей, а на сорок первое утро вырыл яму у самых ворот сада Мелике Хатун.

Дни он проводил в яме, ожидая, не покажется ли кто-нибудь. По юточам вылезал из ямы и охотился на газелей и птиц. Он хотел узнать—в саду ли дэвы или на охоте. Так прошло три дня. На четвертый день он услышал со стороны сада чудовищный рев. Ибрагим затаил дыхание и видит, что идут семиглавые дэвы.

Стал он внимательно присматриваться. Дэвы прочли лоух. Ибрагим, повторяя за ними все слова, выучил лоух наизусть. Ворота распахнулись. Дэвы вышли. При виде их Ибрагим задрожал от страха. В жизни не встречал он подобных чудовищ: ростом—с минарет, руки как чинары, рога как ветви инжира, у каждого семь голов. Шел каждый дэв, держа в руке надетые на ствол чинары семь мельничных жерновов. Ибрагим подумал: «стоит дэвам ударить этим орудием по горе, и разобьется гора вдребезги!» Но видит—они не думают ис-

пытывать свое оружие. Снова прочли дэвы лоух, ворота сомкнулись, а дэвы, закружившись, завертевшись с шумом и ревом, взвились в небо. Ибрагим запомнил и второй лоух.

Когда дэвы скрылись с глаз, Ибрагим подождал немного и, окончательно оправившись от испуга и призвав на помощь аллаха, Магомета и Али, выбрался из ямы. Прочел он первый лоух—ворота распахнулись. Ибрагим вошел в сад и прочел второй лоух, снова ворота сами по себе сомкнулись. Оглянулся Ибрагим и видит: о аллах! это действительно райский уголок. Вершины деревьев поднялись к небесам, всюду протекают ручейки, в воздухе струится аромат распустившихся цветов, каждый влюбленный соловей воспевает свою возлюбленную.

Ибрагим потерял голову, не зная что делать: любоваться ли пролетающими птицами или игрой соловья с цветами. Внезапно до его слуха донеслись звуки музыки. Взяв себя в руки, он быстро спрятался в кустах. Видит, что идет с пением и музыкой толпа девушек, настолько прекрасных,—что не ешь, не пей, а стой и любуйся их алыми ланитами и черными родинками. Ибрагим замер и думает: «о творец, неужели могут существовать такие красавицы и такие чудесные места?»

Девушки медленным шагом прошли мимо того места, где спрятался Ибрагим. Он подумал: «пока я не разузнаю, кто они и куда направляются, я ничего не сумею сделать», и пока девушки удалялись, вышел из кустов и некоторое время шел следом за ними. Видит—впереди виднеется замок, такой сверкающий, что ослепляет глаза. Подойдя поближе, Ибрагим снова спрятался и увидел, что девушки вошли в замок. «В этом замке кроются все тайны,—подумал Ибрагим.—Надо будет все разузнать. Дэвы еще шесть месяцев будут в отсутствии, и до тех пор я смогу многое сделать».

Вышел Ибрагим из своей засады, подошел к замку и с удивлением заметил, что крепостные стены выложены из золотых и серебряных кирпичей. Изумлен-

ный, осматриваясь, он дошел до ворот и увидел, что ворота раскрыты.

Призвав на помощь аллаха, Ибрагим вошел в замок и увидел сад столь прекрасный, что первый сад пред ним — ничто! Подобного сада еще не создано во вселенной! Какие только фрукты на свете существуют, здесь имелись, какие только цветы на свете существуют, имеются тут, каких ни пожелаешь птиц, имеются тут. Словно творец собрал сюда все лучшее из своих творений!

Ибрагим опьянел от всего виденного. Он не знал, чем любоваться. Оглядываясь по сторонам, он дошел до одного места и смотрит—перед ним бассейн, выложенный из рубинов и изумрудов: фонтан бьет высокой струей, и прозрачная—словно розовая вода—струя падает в бассейн. Услышав, что справа доносятся какие-то голоса, он быстро спрятался за деревом. Видит—подошли к бассейну несколько девушек с разными одежаниями в руках. Выбрав красивое местечко около бассейна, они разостлали шелковые ковры.

— Сестра, сегодня госпожа спустится в сад,—обратилась одна из девушек к другой,—и мы немного повеселимся.

Ибрагим подумал: «какой прекрасной должна быть та, чьи прислужницы так очаровательны!»

Разостлав ковры и разложив одежды, девушки удалились.

Усевшись поудобней, Ибрагим стал ждать появления госпожи. Прошло некоторое время. Подошла вереница девушек с плясками и музыкой, а за ними сорок нежнейших красавиц, одна краше другой, которые несли на золотом подносе косы своей госпожи. Все эти сорок девушек прислуживали ей одной. Ибрагим понял, что она и есть Мелике Хатун. Приглядевшись, он увидел, что она так красива, что ее аллах в благодати своей мог сотворить в один из лучших своих дней и часов.

Грация, кокетство, нежность.

Ангелоликий идол,—

Приди, увидь и стори от любви.

Похитительница сердца и жизни,

Смерть несущая влюбленному,
Тонкостанная, гиацинтоликая
Обольстительница.

Увидев эту девушку, Ибрагим потерял голову и без чувств свалился на землю. Спустя долгое время, он очнулся и видит—солнце клонится к закату, а девушек и след простыл. Никого не видать; как говорится: «дедушка съехал, жильё осталось». ⁶ Как они появились, как исчезли, так он и не понял.

Ударил себя Ибрагим по голове и по глазам: «Что же это я натворил? Как женщина, упал без чувств, не мог даже разузнать, откуда она явилась и куда ушла». Долго думал он и наконец успокоился на той мысли, что в конце концов она не могла уйти из этого сада, что так или иначе она выйдет когда-нибудь погулять, и ему удастся ее опять увидеть.

Размышляя таким образом, Ибрагим, прогуливаясь по саду, увидел вдали дворец, обрадовался и решил, что дворец этот принадлежит Мелике Хатун. Осторожно озираясь по сторонам, он подошел к дворцу и, спрятавшись за деревьями, увидел, что дворец этот построен из ослепительно белого мрамора, и убедился, что вокруг нет стражи,—ни пэри, ни дэвов.

Немного подождав, он, прячась за деревьями, пробрался к окну, заглянул внутрь и увидел там Мелике Хатун, подобную четырнадцатиночной луне. ⁷ Сидит она на роскошной тахте, а перед ней сорок прислужниц со сложенными на груди руками. Вымыв гюлабом волосы госпожи, они убрали их под ожерелье. Ибрагим снова чуть не лишился чувств, но с трудом взял себя в руки. Немного спустя, показались музыкантши и танцовщицы. Начались пение и танцы. В полночь Мелике Хатун отпустила девушек и села за трапезу. Затем прислужницы раздели госпожу и уложили ее спать. Поставив один золотой канделябр у ее изголовья, а другой у ног, и прислонив одно зеркало к изголовью, а другое к ногам, они удалились.

Ибрагим подождал до тех пор, пока девушка не уснула. Тогда, отворив дверь, он вошел в комнату. Спер-

ва он умылся, вытерся, затем придвинул к себе ужин. поел и сполоснул рот, вновь умылся и вытерся и, подойдя к ложу, откинул занавесь. Склонившись над девушкой, закинув одну руку по одну сторону, а другую руку по другую, он поцеловал девушку в обе щеки и вышел. Разыскав в саду укромный уголок, он лег и заснул.

Оставим пока Ибрагима спать. О ком бы мне пове-
дать вам? О Мелике Хатун!

Поднявшись с ложа, Мелике Хатун взглянула в зеркало и видит: на лице ее два ярких пятна, и тотчас поняла, что ее поцеловали. Промолчав и не подавая виду, она приказала девушкам подать одежды. Нарядившись, она потребовала еду.

Когда развернули хончу, увидели, что она пуста, словно все миски десять раз перемыты. Служанки замерли. Видит Мелике Хатун, что прислужницы не двигаются с места, и спрашивает:

— Что случилось, почему вы стоите как вкопанные?

Наконец одна из них пришла в себя:

— О госпожа, клянусь аллахом, тут есть чему удивиться. Кто-то поел твой завтрак. Хонча пуста.

Услышав эти слова, Мелике Хатун вышла из себя.

— Ах вы, негодницы,—воскликнула она,—ну-ка, скажите правду, в чем дело? Завтрак съеден, меня поцеловали в щеку; кто осмелился войти в мою комнату? Кто, кроме вас, находится здесь?

Девушки удивились и говорят:

— Госпожа, ты права. Сюда никто войти не может. Но, подумай, ведь и ты и мы—девушки. К чему нам целовать тебя? Это, во-первых. А во-вторых, ведь если б мы захотели есть, слава аллаху, кухня полна всякими сластями и едой, мы бы там досыта поели. Ведь никто нам этого не запрещает. Зачем же нам притрагиваться к твоей трапезе?

Мелике Хатун согласилась с ними. Немного подумав и подняв голову, она сказала:

— Если хоть одна из вас обмолвится словом, пусть пеняет на себя. Если об этом начнут судить и рядить, свершивший это испугается и вторично не осмелится

явиться. Пусть он думает, что никто ничего не узнал, и снова придет, тогда я буду знать, что делать.

А про себя подумала: «собака, отведавшая сыр, вновь придет». Затем, приказав служанкам собрать новую хончу, она закусила, вымыла руки и приказала готовиться к прогулке.

Оставим их пока в сборах и приготовлениях и посмотрим, что стало с Ибрагимом.

Дуновение утреннего ветерка и первые лучи солнца пробудили Ибрагима. Он вскочил и умылся у родника. Усевшись недалеко от бассейна, он стал припоминать события прошлой ночи.

«О создатель!—думал он.—Сон это или явь?»

В этот момент его слуха коснулись звуки песни. Подняв голову, он увидел, что снова по направлению к бассейну идут те же девушки. И тогда он убедился, что события прошлой ночи не были сном и что все это действительность.

Как и накануне, девушки разостлали шелковые ковры, а затем появились сорок красавиц, несущих на золотом подносе густые тяжелые косы Мелике Хатун. Впереди них шествовали музыкантши, танцовщицы и певицы. Подойдя к бассейну, они расположились на приготовленных заранее коврах. Кто пел, кто танцевал, кто наигрывал нежнейшие мелодии.

Наблюдавший за ними Ибрагим видит, что Мелике Хатун сидит молча и задумчиво. Он понял, что девушка догадалась о происшедшем, и решил: «Клянусь аллахом, если даже меня изрежут на кусочки, я от тебя не отступлюсь. И этой ночью я повторю то же самое».

Ибрагим созерцал красавиц до тех пор, пока те не ушли, и когда Мелике Хатун скрылась, Ибрагиму показалось, что вместе с ней ушла его жизнь.

Оставшись один, Ибрагим вышел из засады и обошел сад. Мысли его были до того заняты всем виденным, что он не вспомнил ни о пище, ни о питье, и только теперь почувствовал голод. Сорвав разных плодов, он слегка утолил томивший его голод. До наступления темноты бродил Ибрагим по саду, а когда солнце скло-

нилось к закату, он подошел ко дворцу. Теперь он уже знал дорогу и, подкравшись, спрятался под окнами и сидел там, не двигаясь, до тех пор, пока девушки, выполнив обычный вечерний ритуал, не отправились на кухню и, накрыв суфру, не подали ужин. Мелике Хатун едва прикоснулась к еде. Появились другие служанки и, раздев и уложив госпожу, удалились.

Как Мелике Хатун ни крепилась, она не выдержала и, спустя немного, уснула сладким сном. Убедившись, что девушка спит, Ибрагим пробрался в комнату. Как вчера, плотно покушав, он умылся и, дважды поцеловав девушку в обе щеки, вышел из ее покоев и снова лег спать на том же месте.

Когда же настало утро, он поднялся, поел фруктов и ягод и направился к бассейну. Спрятавшись за кустами роз, он стал ждать красавиц. «Как шайтан не отходит от кизилового дерева»,⁸ так и Ибрагим не сводил глаз с бассейна.

А теперь о ком бы мне поведать вам?

Проснувшись Мелике Хатун и тотчас посмотрела в зеркало. Увидев снова на обеих щеках два пятна, она поняла, что ее снова поцеловали. Не сказав ни слова, она не стала допытывать и служанок. Она сама поднялась, оделась, умылась и, накрыв суфру, расставила пустые маски. Увидев эту картину, вошедшие на зов госпожи служанки всполошились, а Мелике Хатун улыбнулась и говорит:

— Из-за этого загадочного случая я решила провести ночь без сна и до утра не сомкнула глаз. Проголодавшись, я пожалела лишать вас утреннего сна, оделась и сама накрыла суфру.

Сказав это, Мелике Хатун приказала готовиться к прогулке.

Снова с прежней пышностью вышли девушки в сад. Но ни звуки музыки, ни пение и пляски не могли развеселить Мелике Хатун и, хоть она порой и улыбалась, но внутренне обливалась кровавыми слезами. Понял Ибрагим, что Мелике Хатун этой ночью во что бы то ни стало постарается выследить его. Как обычно, к вечеру девушки вернулись во дворец, а Ибрагим принялся про-

гуливаться по саду. Он бродил до тех пор, пока не наступила ночь. Потихоньку подкрался он к окну, оглянулся по сторонам. Смотрит, не видать караульных. Успокоившись, он вошел во дворец.

А теперь послушайте о Мелике Хатун.

Вернувшись с прогулки и поужинав, Мелике Хатун обратилась к танцовщицам и музыкантам:

— Девушки, я не спала прошлую ночь, меня клонит ко сну. Сегодня я отменяю танцы и пение. Вы свободны, можете идти.

Девушки поклонились и разошлись по своим комнатам.

Отпустив и своих прислужниц, Мелике Хатун взяла острый алмаз и, надрезав палец и насыпав на рану соли, легла в постель. Боль была до того нестерпима, что сон покинул ее, а ей только это и было нужно. Притворившись спящей, она лежала в постели в ожидании появления неизвестного гостя.

Наступила полночь. Слышит Мелике Хатун—чуть скрипнула дверь. Смотрит из-под прищуренных ресниц и видит: входит человек. Мелике Хатун подумала: «ну, конечно, на такую выходку способен только человек»,— и была изумлена, как могла ступить сюда нога этого человека!

Приглядевшись к нему, она была восхищена его красотой. Словно воскрес сам Юсиф Прекрасный и явился к ней—видно аллах сотворил его в свой лучший час. И Мелике Хатун тысячью нитей своего сердца привязалась к Ибрагиму и подумала: «если этот человек так же разумен, как прекрасен, я стану его женой. Если же нет, клянусь печатью на перстне пророка Сулеймана, я подвергну его такой лютой смерти, что рассказы о его мучениях обратятся в легенды и будут передаваться из уст в уста».

Она видела, как Ибрагим умылся, вытерся, принес суфру и, как полагается, разостлал ее на полу. Затем, принеся хончу, он принялся за еду.

Увидела Мелике Хатун, что юноша благовоспитанный и достойный и обрадовалась. Поев, Ибрагим под-

нялся, убрал остатки ужина и снова совершил омовение, а затем, надушившись и сполоснув рот и зубы мускусом и амброй, осторожно приблизился к ложу. Мелике Хатун крепче сомкнула глаза и притворилась спящей. Ибрагим подошел, склонился над изголовьем и положил руки по обеим ее сторонам; но только он хотел ее поцеловать, как Мелике Хатун схватила его за руку и спрашивает:

— Нечестивец, сын нечестивца! Как смел ты поцеловать меня?! Мало того, что ты вошел в мой сад, съел мой ужин, ты еще дерзнул целовать меня? Что ты сделаешь, если я сейчас прикажу растерзать тебя на куски, а затем, предав огню, развеять твой прах по ветру?

Видит Ибрагим.—тут надо держаться крепко, оглядываться да трусить поздно. И говорит себе: «смерть есть смерть, к чему же хрипеть. Будь, что будет!»

Обратившись к Мелике Хатун, он промолвил:

— Я повинуюсь любому твоему повелению. Я раз навсегда отдал тебе свою жизнь. И если б у меня были тысячи жизней, то и тогда, умерев тысячу раз и воскреснув, я все тысячи жизней отдал бы тебе одной. Пусть даже меня сожгут, я не взмолюсь о пощаде и в моем сердце не будет сожаления. Пусть слетит с плеч голова, если она не способна на жертву ради любимой.

Видит Мелике Хатун, что Ибрагим воспитан и умен, и понравились ей его речи.

— О человек!—сказала она.—Открой мне, кто ты? Чем ты занимаешься? И как и зачем проник ты в мои владения? Мой сад охраняется сорока семиглавыми дэвами. В страхе пред ними и проносящиеся в небе птицы не осмеливаются залететь сюда. Я царствую над всеми шэри, а в страну шэри не ступала еще нога человека. Положим, что ты каким-то путем проник в страну Гюлистан-Ирем, но мои двери заколдованы и их кроме дэвов ни один смертный раскрыть не может. Как мог ты проникнуть в тайну колдовства? Открой мне всю правду, и тогда я решу, как поступить с тобой.

Ибрагим рассказал Мелике Хатун все свои злоключения так, как я рассказывал их вам.

Услышав слова Ибрагима, Мелике Хатун обрадовалась и похвалила его смелость. Любовь к Ибрагиму в ее сердце возросла тысячекратно. Притянув его к себе, она поцеловала его чело.

— О Ибрагим, я простила тебе твою вину. Вот уже семь лет, как скончался мой отец, и я царствую в его владениях. Мне подвластны все дэвы, пэри и ифриты. Ты и сам видишь, как я могуча. Такой славой, роскошью и силой не обладает ни один земной падишах. Если ты женишься на мне, то до конца жизни мы будем вместе.

От радости глаза Ибрагима округлились, как у насытившегося козленка. Склонившись к ногам Мелике Хатун, он не знал, что делать. Прижав Ибрагима к груди, Мелике Хатун сказала:

— Мой дорогой, не думай ни о чем. С завтрашнего дня мы начнем готовиться к свадьбе. Сам всевышний послал тебя мне.

Затем оба разделись, легли и обнялись. До утра не прекращались горячие поцелуи и ласки влюбленных, и как говорится в пословице: «за одну деньгу не нашлось бы покупателей на каждые пять поцелуев их».

На утро Мелике Хатун приказала провести Ибрагима в баню. Сняв с него дорожную одежду, его облекли в царские одеяния, и Ибрагим стал еще более красив. Вернувшись из бани, Ибрагим приветствовал Мелике Хатун. Мелике Хатун взяла Ибрагима за руку и усадила его рядом с собой. Затем она дала приказание собрать всех подвластных ей пэри, дэвов и ифритов. Весь Гюлистан-Ирем ярко осветился. Сорок дней и сорок ночей длились свадебные торжества. На сорок первый день кази царства пэри совершил над ними обряд бракосочетания, после чего Мелике Хатун и Ибрагим подали друг другу руки и все подходили, поздравляли их и удалялись.

Весело и счастливо зажили Мелике Хатун и Ибрагим.

Видит однажды Мелике Хатун, что Ибрагим очень грустен.

— О Ибрагим, неужели и теперь ты не чувствуешь

себя счастливым?—спросила она.—Скажи, что мучает тебя? Я не могу вынести твоей грусти.

Ибрагим заплакал:

— О Мелике Хатун! Ведь я явился сюда за лекарством для исцеления слепых очей моего отца. Если я не прибуду ко времени, что подумает обо мне отец? Настоящий мужчина должен твердо держать свое слово.

Мелике Хатун привлекла его к себе, поцеловала и говорит:

— Мой Ибрагим, зачем ты плачешь? Клянусь знаком на перстне хазрети Сулеймана, после этих слов я в тысячу раз больше люблю тебя. Я как раз думала о том, что человеческие создания вероломны; я думала—если Ибрагим, увлекшись мной, забудет отца и мать,—он такой же вероломный. А теперь своими словами ты доказал, что ты верен и тверд. Я отпускаю тебя домой, отнеси лекарство отцу, но с условием, чтоб через три месяца ты вернулся обратно. Без тебя мне будет очень тяжело. Я не вынесу разлуки.

Ибрагим согласился.

Тотчас, призвав служанок, Мелике Хатун приказала собрать столько листьев, сколько их нужно было Ибрагиму, и, призвав одного из дэвов, приказала:

— В таком-то и таком-то месте Ибрагима ожидает дэв. Доставь его к нему, возьми у него письмо о благополучном прибытии и принеси его мне.

Дэв склонил голову и, усадив Ибрагима на спину, пустился в дорогу.

— Смотри же, о дэв,—повторила Мелике Хатун,—ты перевезешь Ибрагима так, чтобы он не почувствовал никакого неудобства. Берегись, если он хоть чуточку пострадает, тогда беда тебе.

Она вручила ему письмо к трем дэвам с разрешением переходить границы царства пэри и с приказанием доставить Ибрагима к его отцу, а затем всем вместе возвратиться в Гюлистан-Ирем для постоянной и спокойной жизни.

Она еще раз расцеловала Ибрагима, и дэв взвился в небо.

Проделав путь в один день, они прилетели к тому самому месту, где ожидал их дэв. Увидав Ибрагима, тот прижал его к груди.

— Брат мой, скажи, в чем тут дело? Как это случилось, что тебя не убили?

Передав дэву письмо Мелике Хатун, Ибрагим рассказал ему все, что было, и дэв, узнав, что Ибрагим женился на Мелике Хатун, возликовал и запрыгал от радости.

Написав маленькую записку Мелике Хатун, Ибрагим вручил ее привезшему его дэву, а сам, сев на ожидавшего его дэва, полетел дальше. Проделав шестимесячный путь в один день, они прилетели к жилищу старшего дэва, где средний брат сидел и ждал их. Обнялись, расцеловались, и когда средний принялся за расспросы, старший говорит:

— Брат, да озарятся радостью наши очи, наш брат Ибрагим женился на владычице Гюлистан-Ирема — Мелике Хатун. Отныне и мы будем жить там вместе с нашим братом.

И затем рассказал дэву все, как было, и показал письмо Мелике Хатун. Они провели здесь десять дней, а на одиннадцатый, в полдень, средний брат усадил Ибрагима к себе на спину, попрощался, расцеловался со старшим дэвом и пустился в дорогу.

Проделав в десять дней шестимесячный путь, они добрались до жилища среднего дэва, где младший дэв с нетерпением ожидал их возвращения. И с ним они поздоровались, обнялись, расцеловались, рассказали все от начала до конца. Проведя и здесь десять дней, на одиннадцатый, распрощавшись с средним братом, младший дэв и Ибрагим полетели прямо к владениям отца Ибрагима. На десятые сутки спустились они прямо у границы владения отца Ибрагима.

— Брат, счастливого пути,—сказал дэв Ибрагиму.— Когда покончишь с делами, приходи обратно, и мы отправимся в Гюлистан-Ирем.

Они распрощались.

Ибрагим направился во владения своего отца, а дэв полетел к себе.

Придя наконец домой, Ибрагим нашел мать и Хатэма в большой тревоге. Увидя сына живым и невредимым, мать лишилась чувств. Придя в себя, она прижала его к сердцу. Обнявшись и расцеловавшись с матерью и Хатэмом, Ибрагим рассказал им все, что было.

Хатэм посоветовал Ибрагиму никому не открывать того, что он женился на Мелике Хатун.

Отдохнув с дороги, Ибрагим и Хатэм пошли к падишаху и предстали перед ним. Старшие сыновья падишаха снова вернулись ни с чем. Ибрагим, приблизившись к падишаху, почтительно промолвил:

— Дорогой отец, не горюй! Я принес лекарство для твоих слепых очей.

Не поверив словам сына, падишах приказал созвать хакимов и ученых. Взглянув на листья, хакимы и ученые воскликнули:

— О владыка вселенной, твое зрение может быть излечено только этим лекарством.

Обрадовался падишах и прижал Ибрагима к сердцу.

Хакимы сварили листья и приготовили из них бальзам. В течение десяти дней падишах обрел зрение, словно он никогда и не был слепым.

Прозрев, отец так полюбил Ибрагима, что ни на минуту не отпускал его от себя. Ежедневно Ибрагим вместе с Хатэмом являлись к падишаху, усаживались около него, занимали его беседой и даже ели и пили в его покоях. Старшие сыновья, родившиеся от принцесс и бекских дочерей, опостытели падишаху. Страшась отцовского гнева, они держались с Ибрагимом ласково и пока что не трогали его. Ненавидя его в душе, они мысленно устраивали ему тысячу козней. Как-то раз старший брат говорит среднему:

— Брат мой, в чем дело? Хоть мы и рождены дочерьми ханов и беков, отец нас не любит, а любит этого незаконнорожденного. Клянусь тебе, в конце концов отец, умирая, оставит ему трон и корону, а мы останемся в стороне.

— Ты говоришь правду,—ответил средний брат,—но что мы можем сделать? Пока наш отец жив, мы бессильны. Мы должны подождать кончины отца.

— Нет, брат мой, мы не можем ждать. Мы должны заблаговременно позаботиться о себе. Стоит отцу умереть, как Ибрагим тотчас займет его место, и тогда уже мы будем бессильны.

Опустив голову, средний брат задумался.

— Брат,—сказал он наконец,—что ты думаешь? Скажи, что ты советуешь?

— Возьмем Ибрагима на охоту и там убьем его, смочим одежды в крови и с воплями вернемся к отцу, сказав, что Ибрагима сожрал тигр.

Средний брат согласился:

— Это придумано неплохо. Но ведь отец не отпускает Ибрагима ни на шаг от себя. Как же нам быть?

— Это уж дело мое,—сказал старший.—Можешь не тревожиться.

На этом братья сговорились меж собой. На следующее утро отправился старший к визирю, стал упрашивать его:

— Мы хотим отправиться на охоту. Уговори отца отпустить с нами Ибрагима. Ведь он наш брат, нам хочется быть вместе с ним. И он сам тоже поохотится и рассеется. Ведь не девица он, чтобы держать его взаперти.

Визирь согласился и дал слово уговорить падишаха. На следующий день падишах, как обычно, восседал у себя. По правую и левую руку от него сидели визири и векилы, а перед ним Ибрагим с Хатэмом.

— Да будет долговечна жизнь владыки вселенной! —сказал падишаху старший сын.—Скоро на семь дней мы хотим выехать на охоту. Мы просим тебя позволить нашему брату Ибрагиму отправиться с нами. Это его развлечет: ведь он молод, наконец, мы же братья и нам хочется, чтоб он разделял с нами наши радости и удовольствия.

— Сын мой, я стар, я скучаю. Оставьте Ибрагима, пусть он побудет со мной. Отправляйтесь одни.

После долгих просьб и уговоров в разговор вмешался визирь и убедил падишаха дать свое согласие.

Хатэм незаметно шепнул Ибрагиму:

— Брат, раз ты едешь, проси разрешения, чтобы и я поехал с тобой.

И Ибрагим получил позволение взять с собой и Хатэма. Три дня шли приготовления; на четвертый братья выехали на охоту. Ехали они три дня, а на четвертый разбили шатры на широкой равнине. Подстрелив дичь и плотно поев, они почувствовали сильную жажду, а воды не оказалось. Как ни искали, а поблизости воды не нашли.

Когда советовались, как быть, Ибрагим спросил братьев:

— Не знаете ли, где здесь поблизости можно найти воду? Ведь вы здесь бывали раньше, а мне эти места незнакомы.

— На расстоянии трехчасового пути отсюда,—ответил старший брат,—я видел колодец. Там можно найти воду, если он не высох.

— Ну что ж, поедем, привезем воду,—предложил Ибрагим.

Все три брата собрались ехать.

— И я поеду с вами,—заявил Хатэм.

— О нет,—возразил старший.—Ты наш гость, и я бы не хотел, чтобы ты беспокоился.

Братья пустились в дорогу. Когда же они достигли колодца, старший обратился к двум остальным и говорит:

— Опустите, братья, меня в колодец, я буду черпать воду и передавать вам, а вы наполняйте меха, а затем вытащите и меня, и поедем назад.

— Что ты, брат,—запротестовал средний,—пока я жив, я не допущу, чтобы ты спустился в колодец. Ты старше меня, это—мой долг.

— Нет, братья, вы оба ошибаетесь. Я младше вас и потому спуститься в колодец должен я. Спустите меня,—сказал Ибрагим.

А братьям только этого и надо было, так как старший и средний заранее сговорились меж собой: я, мол, скажу то-то, а ты то-то, и тогда Ибрагим, конечно, предложит свои услуги, и мы спустим его в колодец, наполним меха, а после этого легко расправиться с ним.

Вот почему, обрадовавшись, они помогли Ибрагиму раздеться. Обвязав веревками его пояс, братья спустили его в колодец, глубина которого была в сорок аршин. Достигнув уровня воды, Ибрагим принялся наполнять меха и бурдюки и передавать братьям, а когда вся посуда была наполнена, он обвязал себя веревкой и крикнул:

— Теперь тащите меня.

Братья потянули, и когда Ибрагим был уже у края колодца, они взмахом сабли перерезали веревку, и Ибрагим с шумом упал на дно колодца, в воду.

— Ну, что, Ибрагим, как ты себя чувствуешь?—спросил старший, нагнувшись над колодцем.—Вот тебе самое подходящее место, царствуй теперь здесь, сколько тебе угодно.

После этого они подошли к лошадям, нанесли несколько ран коню Ибрагима, изорвали его рубаху, омочили ее в крови коня и направились к месту стоянки. Приблизившись к шатрам, они подняли вопли и стона.

— О брат, ты согнул мой стан!—вопил старший.

— Ох... ах... о, опора моего сердца!—воскликнул средний.

На их крики и стоны сбежались охотники, слуги и Хатэм.

— Что такое, что случилось?—спрашивали они.

— Ах!—застонал старший.—Что может быть? Рухнул наш дом! Тигр сожрал Ибрагима!

Услышав эти слова, Хатэм сообразил, что тут дело неладно, и спросил:

— Как же это случилось? Расскажите.

— Мы отправились за водой,— начал старший,—Ибрагима оставили стеречь коней. А в это время из-за кустов показался джейран. Ибрагим вскочил на коня и

помчался за ним. Сколько я ни кричал: остановись, не ездь,—он не послушался, продолжал преследование и скрылся из глаз. Быстро наполнив бурдюки, мы сели на коней и поехали разыскивать его. Доехав до поляны, мы увидели, что тигр растерзал и сожрал Ибрагима и искусал его коня. А вот и его окровавленная рубаха.

Сказав это, братья снова притворно зарыдали. Никто не ложился в эту ночь. Окружив братьев, охотники и нукеры плакали до утра. На утро, сев на коней, со стопами и рыданиями все направились в город и через три дня добрались до столицы. Как только старый падишах услышал эту скорбную весть и как только увидел окровавленную рубаху Ибрагима, он не выдержал и лишился чувств. Его привели к себя, но он снова упал, и наконец с большим трудом еле привели его в чувство. Больной и разбитый, он, не сумев перенести этой тяжелой утраты, через неделю умер,—подарил вам свою жизнь.

После смерти отца падишахом стал старший сын, а главным визирем средний.

Со дня «смерти» Ибрагима заболела его мать, но Хатэм утешал ее:

— Клянусь аллахом, мать, Ибрагим не умер, ты не бойся! Тут кроется коварное дело рук его братьев. Не тужи, где бы он ни был, ты в скором времени увидишь его.

Хатэму в конце концов удалось убедить и успокоить несчастную женщину.

А теперь о ком бы мне поведать вам? Об Ибрагиме.

Когда братья перерезали веревку, Ибрагим упал в колодец. Воды в колодце было много. Ибрагим было пошел ко дну, но тут же всплыл на поверхность. Он не растерялся, схватился за камень и, выкарабкавшись из воды, сел на выступ в стене колодца. Тут-то, услышав слова брата, он понял, что братья устроили ему ловушку, и решил молчать, а братья, подумав, что Ибрагим утонул, уехали.

Оставим Ибрагима в колодце. А мне о ком бы вам рассказать?

Скажу несколько слов о Мелике Хатун.

Каждый день она с большим нетерпением ожидала Ибрагима. Когда же истек назначенный ею срок, она решила, что Ибрагима больше нет в живых, или он не властен над собой. Она была уверена в том, что, если бы Ибрагим был закован семью цепями, он, не задерживаясь ни одного часа, вернулся бы к ней, если бы у него была возможность. Вот почему она приказала тотчас собраться всем дэвам и пэри, населяющим Гюли-стани-Ирем, и вместе с дэвами, названными братьями Ибрагима, отправилась во владения отца Ибрагима.

Через десять дней, глубокой ночью, дэвы окружили город. Мелике Хатун приказала свободно пропускать в город всех желающих, но из города не выпускать даже кошку. Поднявшись рано поутру, падишах увидел, что город окружен густым лесом. Призвав гонца, он приказал:

— Ступай, разузнай, в чем дело. Ведь вокруг нашего города леса не было.

Спустя некоторое время, гонец примчался бледный, перепуганный, с разорванной губой:

— Владыка вселенной! То, что ты видел, это—не лес, а рога дэвов, и все они семиглавые. Подумай, что предпринять. Они требуют Ибрагима. Их падишах—женщина. Она говорит: «пусть падишах сейчас же выдаст мне Ибрагима, или же я немедленно разнесу город так, что не останется камня на камне».

От страха у падишаха треснула губа, потекла кровь по его бороде.

Проснувшись и узнав, в чем дело, жители бросились к зданию судилища. Прошло немного времени, как все население от мала до велика собралось перед судилищем. От страха все потеряли головы и не знали, что предпринять.

В это время к падишаху приблизился дэв с запечатанным свитком.

— Повелительница пэри и дэвов Мелике Хатун приказала мне передать: «пусть падишах немедленно, где

угодно, разыщет Ибрагима и вместе с ним явится ко мне».

Прочитав послание, падишах ответил:

— Ибрагим умер. Где же я теперь найду его, чтобы представить ей?

— Это меня не касается,—возразил дэв,—отправляйся сам и отвечай госпоже.

Падишах, видя, что делать нечего, взял визиря и отправился к Мелике Хатун. Семикратно низко поклонившись, он рассказал Мелике Хатун все обстоятельства, сожалея о смерти Ибрагима.

Мелике Хатун спросила:

— Кто, кроме вас, двух братьев, был тогда вместе с Ибрагимом?

Опустив голову, падишах ответил:

— Был с нами и названный брат Ибрагима, Хатэм.

Мелике Хатун со слов Ибрагима знала о Хатэме, и знала, что он будет говорить только правду. Поэтому она тотчас же послала гонцов за Хатэмом, а он в это время сидел у матери Ибрагима и утешал ее. Услышав шум голосов, он вышел наружу и увидел, что народ мечется в разные стороны.

— В чем дело?—спросил он.

Ему рассказали о всех событиях и о том, что явилась Мелике Хатун. Хатэм обрадовался, вбежал в комнату и, сообщив матери Ибрагима все слышанное, взволнованно крикнул:

— Мать моя! Я хочу пробраться к Мелике Хатун и попытаться что-нибудь сделать.

Попрощавшись, Хатэм вышел из дому; по пути встретился с посланным за ним гонцом, и оба вместе направились к Мелике Хатун. Оба низко склонились перед ней и остановились в ожидании приказаний.

Узнав Хатэма, Мелике Хатун ласково поздоровалась с ним, усадила рядом с собой и, обратившись к нему, спросила:

— Скажи мне, Хатэм, сколько дней прошло со дня смерти Ибрагима?

— Повелительница вселенной,—ответил Хатэм,—я не

уверен в его смерти, но со дня исчезновения прошло сорок дней.

При этих словах лицо Мелике Хатун засияло, как роза. От радости из глаз полились слезы.

— Как? А разве ты собственными глазами не видел смерти Ибрагима?—быстро спросила она, обернувшись к Хатэму.

— Нет,—ответил Хатэм,—нет, повелительница вселенной. Я даже не верю в его смерть. Не знаю, как было дело, но зло причинено ему братьями—нынешним падишахом и его старшим визирем. Старшие братья завидовали Ибрагиму, тому, что трон и корона перейдут к нему.

После этих слов Хатэм подробно рассказал Мелике Хатун все, что было. Тогда Мелике Хатун, поняв в чем дело, обратилась к братьям Ибрагима:

— Признавайтесь, что вы сделали с Ибрагимом?

— О, повелительница вселенной, что могли мы плохого сделать с родным братом?—ответили те.—Клянемся кораном, что его растерзал и убил тигр.

— А ну-ка, нагрейте шомпуры,—приказала Мелике Хатун.

Когда поставленные на огонь шомпуры начали накаливаться, падишах содрогнулся и убедился, что тут шутки плохи, что «игра эта не из тех игр». Видя, что делать нечего, он обратился к Мелике Хатун и сказал:

— Повелительница вселенной, мы виновны. Разреши сказать правду.

— Можешь говорить, разрешаю, но помни, говори только правду!—ответила Мелике Хатун.

Падишах начал:

— Повелительница, там-то и там-то находится колодец, мы бросили Ибрагима в него и не знаем, умер он или жив.

Услышав это, Мелике Хатун обратилась к ифриту:

— Немедленно отправляйся в путь. От тебя требую живого или мертвого Ибрагима.

— Повинуюсь,—сказал ифрит и исчез в мгновение ока.

Через несколько минут он спустился и положил Ибрагима на землю. Бросившись к нему, Мелике Хатун приложила руку к его груди и убедилась, что жизнь в нем едва теплится.

— Хаким!—крикнула она.

Пришел хаким. Дав Ибрагиму лекарство, он привел его в чувство:

— Повелительница вселенной, завтра же Ибрагим будет здоров.

Веря хакиму, Мелике Хатун поручила Ибрагима его заботам, а ифриты, по ее приказу, как цыплятам, свернули шею падишаху и его брату—визирю. И тогда она торжественно въехала в город. Оставшись во дворце, Мелике Хатун приказала привести к себе мать Ибрагима, и, устроив пышное празднование, она до утра пировала вместе с матерью Ибрагима и Хатэмом. Были призваны все бедные и нуждающиеся, и им были розданы щедрые дары. Выслушав всех нуждающихся, Мелике Хатун удовлетворила их нужды. Население возликовало от этих милостей. С наступлением утра хаким, одев Ибрагима, привел его к Мелике Хатун, и снова пошли объятия и поцелуи. Хакима, щедро наградив, отпустили домой. Ибрагим сильно похудел, от него оставались кожа да кости. Но мать и Мелике Хатун так усердно ухаживали за ним, что за неделю он поправился и стал выглядеть лучше прежнего.

Как-то раз Ибрагим, Мелике Хатун и Хатэм, сидя вместе, вели беседу.

— Ибрагим,—сказала Мелике Хатун,—зачем задерживаться здесь? Ни я без тебя в Гюлистан-Иреме, ни ты без меня жить не можем. Назначь на место брата нового падишаха, а мы заберем с собой твою мать и отправимся в Гюлистан-Ирем.

Ибрагим согласился и решил оставить падишахом Хатэма, но Хатэм отказался:

— Повелитель вселенной! Мне не нужна власть падишаха. У меня иное желание.

— Выскажи свои желания!—попросила Мелике Хатун.

— Да будет долговечна жизнь владыки вселенной! Хаким, направивший меня к Ибрагиму и указавший, как найти лекарство для исцеления больных очей его отца, поручил мне при встрече с тобой попросить разыскать его пропавшую книгу.

Мелик Хатун приказала созвать всех ифритов. Когда все они собрались, она повелела:

— Пройдите все по очереди передо мной.

Выстроившись в ряд, ифриты прошли перед Мелике Хатун. После этого Мелике Хатун спросила:

— Не остался ли еще кто-нибудь из ифритов?

Ей ответили:

— Госпожа, в таком-то месте остается еще один хро- мой ифрит.

Мелике Хатун приказала привести и его. Когда он, явившись, проходил перед Мелике Хатун, она его остано- вила и приказала:

— Подай мне книгу.

Ифрит хотел поклясться, что книги у него нет, но Мелике Хатун сурово прервала его:

— Разведите костер и бросьте туда этого негодяя!

— О повелительница, пощади, не бросай меня в огонь! Я укажу, где находится книга, — взмолился он, видя, что дело плохо.

— Хорошо, ты не будешь сожжен, но ты должен по- клясться, что больше таких проступков совершать не будешь.

Поклонившись, ифрит сказал:

— Госпожа, прикажи призвать цырюльника, вскрыть мою спину. Книга спрятана там между мышцами и ко- жей.

Призвали цырюльника. Вскрыв тело ифрита, он из- влек книгу; книгу вручили Хатэму, и тот, распрощавшись с Мелике Хатун, Ибрагимом и его матерью, пустился в путь, направляясь к хакиму.

Оставим Хатэма в пути и посмотрим, что случилось с Ибрагимом и Мелике Хатун.

Прожив несколько дней и назначив визиря своего покойного отца падишахом, распрощавшись с народом,

Ибрагим вместе с матерью, Мелике Хатун и тремя дэвами отправился в Гюлистан-Ирем и провел там счастливую жизнь до конца дней своих.

А теперь вернемся к Хатэму и посмотрим, что стало с ним.

Расставшись с Ибрагимом, Хатэм двинулся в путь. Что ни ночь, то новый привал, что ни день, то новая стоянка,—через несколько дней добрался он до того самого города, где жил хаким. Подойдя к воротам, он постучал, и дверь открыл тот самый раб, который вел быка за поводья. Увидя Хатэма, он узнал его и сказал:

— Пожалуйте!

Войдя в дом, Хатэм направился прямо к хакиму. После первых приветствий и расспросов, хаким спросил Хатэма:

— Принес ли ты книгу?

— Да, принес,—ответил Хатэм, достав книгу и подавая ее хакиму, который обрадовался и сказал:

— О Хатэм! Теперь ты прежде всего должен увидеть мои дела, а затем узнаешь мою тайну.

— Очень хорошо,—согласился Хатэм.

Хаким позвал тотчас раба и приказал:

— Раб, дай книгу!

Раб не отвечал.

— Раб, дай книгу!—снова приказал он.

Опустив голову, раб опять молчал.

— Раб, дай книгу!—в третий раз крикнул хаким.

Раб опять молчал. Когда и на третий раз раб не шевельнулся, хаким схватил меч и обезглавил его. Потом, взяв голову, хаким приложил ее к мертвому телу, смазал каким-то лекарством, и раб воскрес и, громко чихнув, поднялся с места.

— Ты свободен, встань и приведи быка!—приказал хаким.

— Сейчас, мой господин,—ответил раб и привел быка. Обернувшись к быку, хаким приказал:

— Бык, дай книгу!

Ответа не последовало.

— Бык, дай книгу!—вторично приказал он.

Бык опять не ответил.

— Бык, тебе говорю, дай книгу!—крикнул хаким в третий раз.

И опять бык молчал. Тогда хаким обезглавил и его. Голова быка покатилась к его ногам, а тело рухнуло на землю. Хаким поднял голову, приложил ее к туловищу, смазал своим лекарством, и бык, ожив, замычал.

Отправив быка в стойло, хаким приказал рабу:

— Ступай, приведи собаку.

Раб привел собаку.

Обратившись к собаке, хаким приказал:

— Собака, дай мою книгу!

Собака не отвечала.

— Дай книгу!—повторил хаким, и снова собака не ответила.

Третий раз то же самое. Обезглавив и ее и снова оживив, хаким отпустил собаку и велел привести леопарда. Проделав то же самое и над ним, он обезглавил и оживил его.

После этого он обратился к Хатэму:

— Видел?

— Да, видел,—ответил Хатэм.

— Ну, тогда встань и следуй за мной.

Хатэм поднялся и отправился за ним. Они прошли несколько комнат и вошли в одну комнату, где посередине висела занавесь и та же черная собака была привязана у входа. Когда хаким хотел отдернуть занавесь, собака чуть не растерзала его, она была готова разорвать свои цепи. Схватив со стены плеть, хаким стал избивать ее до тех пор, пока та не обессилела. Когда хаким отдернул занавесь, Хатэм увидел лежавшего человека, лицо которого было прикрыто. Хаким приподнял вуаль. И глазам Хатэма предстала прекрасная девушка, подобная четырнадцатиночной луне. Ее облик был подобен ночным лепесткам фиалки, и красотой она соперничала с Зудейхой. Под пристальным взглядом Хатэма девушка вздрогнула. Лицом и станом она до того походила на Мелике Хатун, словно они были половинками одного яблока. Раскрыв книгу и заглянув в нее, хаким

бросился к нише и, взяв какой-то пузырек, поднес к лицу красавицы. Девушка моментально очнулась, села и, улынувшись, сказала:

— Как долго я спала!

— Да, госпожа, ты спишь ровно семь лет,— ответил хаким.

— А мне казалось, что я проспала два-три дня. Как же это так? В чем дело?—с удивлением сказала она.

— Нет, госпожа, твой сон длился ровно семь лет, идет восьмой год. Я сохранил твою жизнь лекарствами.

— Ну, а теперь пойдём, и я открою тебе виденные тобой тайны,—обратился хаким к Хатэму.—Ты мне сделал столько добра, что если я прослужу тебе до самой смерти, то все же останусь перед тобой в долгу.

Хаким с Хатэмом вернулись в первую комнату.

— Слушай, Хатэм,—обратился хаким к нему,—виденная тобой девушка—моя вторая жена. Она дочь падишаха Гюлистан-Ирем, младшая сестра Мелике Хатун, а виденная тобой черная собака—это моя первая жена, а бык—мой ученик, раб же—просто раб. Что касается леопарда, то это—мать первой жены, моя теща. В мою вторую жену влюбился тот самый ифрит, который похитил мою книгу. Я всегда охранял ее комнату, не давая ифриту проникнуть в нее и заколдовать ее, и раз даже я покалечил ему ногу. После этого, страшась меня, он не показывался в ее покоях. Моя первая жена и теща завидовали красоте второй жены и только искали случая, чтобы причинить ей зло. Они постоянно следили за мной, и я, в свою очередь, не спускал с них глаз. Как-то раз вторая жена заболела и жаловалась на сильную головную боль. Какие лекарства я ни давал—не помогало. Я никогда не расставался с этой книгой и, заглянув в нее, увидел, что я должен усыпить девушку, снять черепную коробку и осмотреть мозги. Желая оградить себя от любопытных взглядов, я запер дверь изнутри, так как если бы кто-нибудь увидел в этот момент жену, ее трудно было бы разбудить. Сняв черепную коробку, я нашел маленького черненького клеща, пробравшегося через ухо жены и впившегося в обо-

лочку мозга. Я хотел снять щипчиками клеща, но, оказывается, мой ученик подглядывал в дверную щель, и он крикнул:

— Что ты делаешь? Раньше накали щипчики, а затем уже отрывай клеща. Ведь клещ впился в мозг. Если ты оторвешь его силой, ты повредишь мозговую оболочку, и она погибнет.

Услыхав эти слова, я рассердился и, распахнув дверь, вышел наказывать его, но он убежал в другую комнату. Я в гневе швырнул книгу и, схватив ученика, раза два крепко ударил его.

«Хорошо,—сказал я ему.—Как только я вылечу жену, я выгоню тебя».

Взяв щипчики, я накалил их, и под действием раскаленных щипчиков клещ отцепился от тела. Поставив вновь черепную коробку, я смазал голову жены, коробка срослась, но для того, чтобы разбудить ее, нужна была моя книга. Я заглянул в боковой карман,—книги не оказалось. Вспомнив, что, погнавшись за учеником, я разозлился и швырнул книгу, я бросился в другую комнату, но книги и там не было. Я искал повсюду, но книга так и не нашлась. Собрав домашних, я потребовал от них книгу. Они поклялись, что не видели книгу. Я прибег к мольбам, обещаниям и угрозам, но ничего не вышло. Тогда, лишившись всяких надежд, я поклялся, что пока не найду свою книгу, каждый день по десять раз буду предавать их смерти. Вот почему, превратив их в разных животных, я по десять раз требовал у них свою книгу. Они молчали, и я снова и снова убивал и воскрешал их. Теперь, о Хатэм, я избавлен от постоянной сердечной тревоги. Сейчас я придам им прежний вид. Я думал, что книга украдена ими. Оказывается, разгневавшись, я упустил ифрита, а тот, воспользовавшись случаем, утащил мою книгу.

Рассказав тайну, каким обратил быка, собаку и леопарда в людей. Все бросились обнимать и целовать друг друга. Каким привел сюда и дочь падишаха страны пэри. Они обнялись и расплакались и, попросив прощения друг у друга за злобу, зависть и ненависть, поклялись

больше не давать им места и не забывать уроков этих семи лет. Все были очень довольны и горячо благодарили Хатэма.

Хатэм хотел встать и уйти, но хаким остановил его со словами:

— О Хатэм, я тебе дам одно лекарство. Оно пригодится тебе для раскрытия второй тайны.

Взяв лекарство, поцеловавшись и распрощавшись с хакимом, Хатэм пустился в дорогу.

Натянув свои чуствы, ударяя о жилы земли, как вихрь через ущелья, как поток с гор, как могучий тайфун через горькие биановые степи и через камыши, что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новая остановка, обратив ночи в дни, а дни в ночи, и чуть не летя—прибыл, наконец, Хатэм к тому самому месту, где на перекрестке сорока дорог высился дворец. Он вошел во дворец. Тотчас рабы и слуги окружили его, усадили, принесли ему пищу и питье. Подкрепившись с дороги, Хатэм потребовал к себе служанку и приказал:

— Ступай, скажи своему господину, что Хатэм вернулся. Пусть разрешит мне явиться и выполнить наш уговор.

Служанка поклонилась и вышла. Спустя несколько минут, она вернулась и говорит:

— Мой господин просит вас к себе.

Служанка прошла вперед, а Хатэм пошел следом, и они вошли в ту самую комнату, где помещался хозяин дома. Открыв дверь и пропустив Хатэма, служанка вышла. Приблизившись к занавеси, Хатэм поклонился. Голос за занавесью ответил Хатэму:

— О Хатэм, скажи,—удалось ли тебе проникнуть в тайну хакима, или ты вернулся с пустыми руками? Почему ты так задержался?

— Нет, я вернулся не с пустыми руками. Мне удалось проникнуть в тайну хакима.

— Раз так, то выполни наш уговор, а я исполню свое слово,—ответил голос.

Хатэм обрадовался и рассказал все, начиная с того дня, как он покинул эту комнату, и до событий последних дней.

— О Хатэм,—раздалось в ответ, когда он кончил свой рассказ.—Теперь послушай, и я поведаю тебе свою тайну. Слушай внимательно. Я дочь кочевников. Мои родители были набожные, богобоязненные, сострадательные люди. Как-то раз в наше кочевье явился какой-то дервиш. Он начал славословить святого Али, и когда вышла моя мать и вынесла ему подаяние, он обратился к ней:

«Сестра моя, я устал. Ради аллаха, приюти меня на один день».

«Баба дервиш, моя жизнь принадлежит аллаху и гостям, посланным им,—ответила мать.—Садись. Почет тебе и место».

Дервиш сел. Я была в ту пору девушкой, мне было около 15—16 лет. Вижу,—дервиш не сводит с меня глаз. Я не обратила на это внимания. Немного спустя, вернулся с работы отец и, увидав дервиша, обрадовался и, поздоровавшись с ним, сел. Мы приготовили трапезу. Они поели, попили и возблагодарили аллаха. Когда суфра была убрана, отец обратился к гостю:

«Баба дервиш, расскажи нам, послушаем, откуда ты идешь и куда направляешься?»

«Сейчас время, когда кочевники поднимаются на эйлаги. Вот и я решил отправиться к ним собрать немного масла, сыру да шерсти. Переходя с кочевки на кочевку, я добрался и до вашего села. Я думал провести здесь несколько дней, а затем пойду на другую кочевку».

«Прекрасно,—ответил отец,—но, баба дервиш, пока ты здесь, днем отправляйся и собирай, что тебе положено судьбой, а вечерами обязательно возвращайся к нам. Смотри, не стесняйся, будь как у себя дома. Наш долг ухаживать за тобой и почитать тебя».

Поблагодарив отца, дервиш вышел. Вечером он с собранными за день пожертвованиями вернулся к нам. Проведя у нас и эту ночь, он утром снова ушел и, как и накануне, к вечеру возвратился к нам. Так провел он

у нас ровно сорок дней и стал своим человеком. Как-то раз он обратился к отцу с предложением выдать меня за него. Посоветовавшись с матерью, отец выдал меня за дервиша. Дервиш вместе с нашей семьей отправился на кочевки. Судьба лишила меня на эйлаге отца и матери, и я осталась на свете одна, и не было у меня никого, кроме мужа-дервиша.

Должна сказать, что с самого дня свадьбы дервиш не взглянул на меня, и я осталась девушкой. Внешне он был очень ласков и предупредителен. Мне было стыдно признаться в этом родителям. А когда они скончались, я осталась совершенно одинокой. Родители мои были люди небогатые. Посоветовавшись, мы с дервишем распродали скотину, устроили поминки и, захватив оставшееся, двинулись в путь. Я не знала, куда мы шли, и не спрашивала об этом дервиша. Отношение его ко мне не изменялось. Подумав, что он везет меня к себе на родину и там сделает своей женой, я решила подождать немного. Через десять дней мы прибыли на это самое место. Здесь скрещивались сорок дорог, и дервиш принялся строить этот дворец.

Приобретя маленькую обезьяну-самца, он принялся растить ее. Когда дом был построен, и мы поселились в нем, он предоставил одну из комнат мне, а в другой стал жить сам и больше не встречался со мной, возясь лишь с обезьяной. Так тянулось до тех пор, пока обезьяна стала взрослой.

Тогда он явился ко мне и сказал:

«Госпожа, ты должна сойтись с этой обезьяной.»

Я не согласилась. Он начал мне угрожать и избивать меня. Я заплакала. Ничто не помогало. Он говорил, что мне нужно будет встретиться с обезьяной только один раз, после чего я стану его женой. Видя, что он не отстанет от меня, я решила бежать, куда глаза глядят. Дервиш догадался о моих намерениях и, связав мои руки и ноги, сказал:

«Я хотел, чтобы все было сделано по добру, а раз ты упрямилась, я поступлю по своему усмотрению.»

Он ввел ко мне обезьяну, и обезьяна овладела мной.

После этого, развязав мне руки и ноги, дервиш сказал:

«Госпожа, ты не выполнила приказаний своего мужа, но тем не менее я прощаю тебя, ибо тебе неизвестно, что иначе ты не могла стать моей женой. Я околдован. Теперь ты моя жена. Но дай мне срок».

Таким образом он пытался утешить меня, а я продолжала плакать. Чтобы уверить меня, дервиш на моих глазах убил обезьяну. Но я уже ненавидела его. Он же, не спуская с меня глаз и следя за каждым моим шагом, старался утешить и успокоить меня, хотя сам и не прикасался ко мне.

Так прошло некоторое время, и однажды я почувствовала себя матерью. Узнав об этом, дервиш стал еще ласковей со мной. Он несколько раз заглядывал ко мне, справляясь о моем самочувствии.

«Не бойся,—говорил он,—уже час нашего счастья близок. Через сорок дней чары окончательно развеются, и тогда мы станем настоящими мужем и женой».

На все его слова и утешения я отвечала потоками слез, он же не спускал с меня глаз. Так прошло сорок дней. Я разрешилась от бремени. У меня родился сын. Дервиш стал молить меня:

«Покорми его, чтоб он не погиб. Не гречи. Чем виноват ребенок».

Сначала я упорно отказывалась, но затем, боясь аллаха, приложила его к груди. Постепенно я привыкла к ребенку. Когда же ему исполнилось сорок дней, дервиш явился ко мне, отнял у меня дитя и начал растить его сам. Сколько я ни упрашивала вернуть мне ребенка, ничего не помогло. Он рассердился, выгнал меня из комнаты и больше со мной не разговаривал. Так и жили мы—он, погруженный в заботы о ребенке, а я—в слезы и печаль. Когда же мальчик стал ходить и бегать, он был до того крепкий и толстый, что щечки его лоснились от жира. Раз, поставив передо мной золотой таз, дервиш связал ребенка по рукам и ногам, и тут же, у меня на глазах, обезглавил его. Я кричала, билась, пла-

кала, молила, но напрасно. Содрав с ребенка кожу, он изжарил его и, растопив жир и слив его в маленький кувшин, запер этот кувшин в сундук, а ключ положил к себе в карман. И тогда, установив виденный тобой обычай, он стал кормить и поить каждого показавшегося на этих дорогах путника. В чью бы пищу он ни капнул одну каплю, тот мгновенно превращался в золото и яхонт. Так, в течение семи лет, он обращал всех путников в золото и ценные камни и набивал ими амбары. Наконец масло кончилось, оставались одни поскребки. Приготовив плов (а мы не говорили с ним ровно семь лет), он явился ко мне.

«Ханум, давай помиримся. Пойдем поужинаем, а затем будем всю жизнь наслаждаться нажитым богатством».

Я сообразила, что, накормив меня остатками жира, он и меня обратит в золото. Я задумалась.

«Не бойся, госпожа,—заметил он,—я не превращу тебя в золото. Если б я хотел, я сделал бы это в течение этих семи лет».

Со дня убийства сына я не ела ничего из того, к чему прикасались его руки. Я готовила себе пищу сама, и дервиш знал об этом, но притворялся непонимающим.

Подумав, я решила, что иного выхода нет. Положившись на милость аллаха, я поднялась с места. Вижу—дервиш обоим нам наложил плову в одну миску. Я поняла, что он поступает так, чтоб рассеять мои подозрения и масло, вероятно, положено в ту часть пищи, которую должна буду есть я.

Когда дервиш отправился за хлебом и солью, я улучила минуту и повернула миску так, что плов, предназначенный для него, оказался передо мной, а моя доля досталась ему. Мы принялись за еду. Как только мы съели две-три горсточки, капля жира начала оказывать на дервиша свое действие. Он понял, что я повернула тарелку, и встал. Я хотела бежать. Он схватил меня своей жирной рукой и вымазал мне маслом половину лица и тела. Тотчас дервиш обратился в золото и

бриллианты, а у меня половина лица, рука и нога, отнявшись, затвердели, и их постигла та же участь. Теперь, о Хатэм, половина моего тела золотая. Приди и смажь мое полумертвое тело лекарством, полученным тобой от хакима.

Хатэм поднялся с места и прошел за занавесь; видит—о, аллах! это такая красавица, что подобной ей нигде не сыскать, но половина ее тела состоит из золота. Как только он смазал лекарством тело девушки, она ожила и стала еще краше прежнего.

— О Хатэм, когда дервиш обратился в золото, я стала раздумывать,—куда бы мне употребить столько богатства? Тогда позвала я старшую служанку. Она привела из города ювелира, я наняла рабов и служанок и, сплавив золото, стала, как ты видишь, раздавать его путникам. Вот уже семь лет, как я исполняю свой обет, но золота в подвалах хватит на сто лет!

— А что ты сделала с дервишем?—спросил Хатэм.

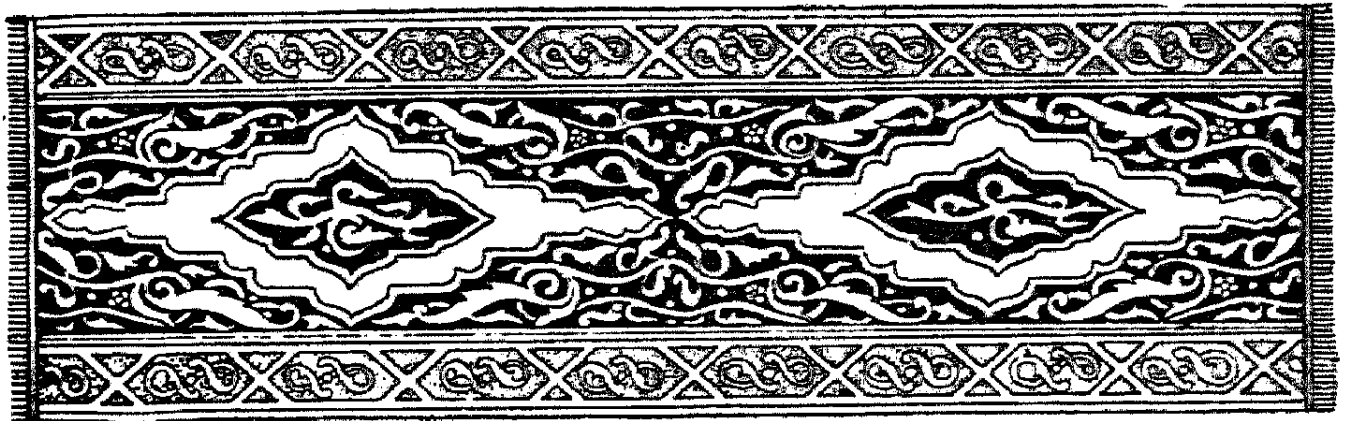
— Первым долгом я велела сплавить этого негодяя и изготовить из него золотую посуду.

Девушка и Хатэм спустились в амбар. Он видит: амбар битком набит обращенными в золото людьми. Оба принялись смазывать их этим чудесным лекарством. Одной капли его было достаточно для их превращения. Люди, ожив, принимали прежний вид и с хвалой творцу на устах выходили из заточения и отправлялись в дальнейший путь. К вечеру в амбаре не осталось ни одного человека. Подарив дом со всем имуществом рабам и служанкам, Хатэм и девушка призвали моллу, совершили кебин и, сев на коней, отправились в дом Хатэма.

Что ни день, то новый привал, что ни ночь—новая стоянка, наконец, добрались они до дома Хатэма. И стал Хатэм хозяином, а его жена—хозяйкой этого дома. До самой смерти выполняли они данный Хатэмом обет и жили дружно, весело и счастливо.

Они ели, пили, в землю отошли, а вы ешьте и жизнью наслаждайтесь.

II. МАММЕД

го-то был, кого-то не было. Жил-был бедняк Маммед, по профессии пиначи. Ежедневно с самого восхода до заката он усердно работал, чинил и латал башмаки, но зарабатывал только на хлеб и пучок лука, на три человека. А бывали и такие дни, когда он еле зарабатывал только на хлеб. Сам он был человек тихий, безобидный.

У Маммеда были жена и дочь. Насколько сам Маммед был тих и добр, настолько жена его была зла и вдобавок к этому еще упорна и настойчива. Уж раз она что сказала, то упрется обеими ногами в один башмак и будет настаивать на своем. А дочка у Маммеда была такая красавица, что всякий, кто ее видел, не мог наглядеться на нее, а умом и того лучше; кто ее увидит—от любви к ней зачахнет.

Как-то раз мать и дочь сидели на улице; а у богатых соседей была свадьба: увозили их дочь-невесту. Жена Маммеда видит, как со двора невесты выводят сорок верблюдов, нагруженных ее приданым. Лучше и не спрашивайте о состоянии жены Маммеда, когда она это увидела! Она чуть с ума не сошла. Она думала: «почему у моей дочери не должно быть столько же приданого? Видно только потому, что она бедна, и у нее

нет приданого, никто ее не сватает. Мне нужно во что бы то ни стало справить своей дочке такое же приданое. А дочка моя ведь засиделась в девках: ей уже четырнадцать, пятнадцать лет. Девушка в четырнадцать-пятнадцать лет ведь старуха. Самая пора девице итти замуж в девять или десять лет. Этим шутить нельзя. Ничего, пусть только придет Маммед домой, я с ним поговорю, как следует».

И правду сказать, никто до сих пор не сватался к девушке.

В этот день, как обычно, Маммед, купив на заработанные деньги лук и чурек, веселый и довольный, возвращался вечером домой, чтобы, собрав вокруг себя семью, поужинать. Но не успел он войти, как жена, словно палач, стала над душой и говорит:

— Знать ничего не знаю, ступай и принеси мне для нашей дочки такое приданое, чтоб его можно было нагрузить на пятьдесят верблюдов, а не то я переломаю твои кости и выпущу твою кровь.

Вытаращил Маммед глаза.

— Какое приданое, на каких верблюдах?—сказал Маммед и решил, что жена шутит с ним.

Но жена и не думала шутить. Долго настаивала жена, а Маммед и слушать не хотел; долго уговаривал ее Маммед, но и жена слушать не хотела. Уперлась она обеими ногами в один башмак: достань, откуда хочешь, вот и все.

Растерялся Маммед:

— О аллах, ну откуда мне взять приданое, да еще такое, чтоб его можно было нагрузить на пятьдесят верблюдов?

А жена, как змея, обвилась вокруг него и шипит:

— Ступай и пока не сделаешь по-моему, не смей возвращаться.

Схватив его за уши, она выбросила его на улицу. Переспал Маммед ночь во дворе, а утром пошел на базар и думает: «сделать нечего, единственное, что можно сделать, это—украсть».

Сам он страшно боялся воров и думал, все люди так же боятся их. Поэтому он решил зайти к какому-нибудь купцу и сказать:

— Я вор!

«А тот,—думает Маммед,—как услышит это, от страха убежит; я тем временем заберу все, что у него есть, и принесу этой старухе; может быть, тогда она успокоится и отстанет от меня».

Пошел он на базар, вошел в одну из лавок, а купец живо разложил перед ним ситцы да кумачи.

— Что прикажешь, скажи, сколько аршин отмерить?

Маммед говорит:

— Душа моя! Я ничего не хочу, на деньги я не возьму ни вершка, а заберу все даром.

— Как это так «заберу даром», что это значит?

— Или ты не знаешь, что я вор!

Пристально взглянул на него купец и говорит:

— Ну и что ж?

— Как то есть «ну что ж?» Чего же ты медлишь беги скорей, а я заберу товары.

Купец вытолкнул его из лавки, подумав, что он сошел с ума.

Зашел Маммед к другому купцу, а там то же самое; он к третьему, четвертому,—езде одно и то же. Видит он, что кроме него самого никто воров не боится, и что из его затей ничего не вышло, и впал в отчаяние, не зная, что предпринять дальше.

Вернулся он в сумерки домой, но как ни просил, как ни молил, жена твердит:

— Нет и нет, пока не принесешь то, что я сказала, я тебя домой не пущу.

Делать было нечего, и Маммед ушел на улицу. Ночь уже наступила—бедняга стал игрушкой в руках своей жены и не знал, как быть. Задумавшись, он побрел, куда глаза глядят, и, когда очнулся, увидел, что вышел далеко за город.

«Если я усну здесь,—подумал он,—меня растерзают волки. Надо найти где-нибудь уголок, где бы

крыша была над головой: забьюсь туда и проведу как-нибудь ночь, а утром посмотрим, что со мной будет».

Видит, поблизости стоит старая полуразрушенная баня без окон, без дверей. Только он вошел, как поднялся крик, шум, и его окружили неизвестные люди с обнаженными саблями. Маммед тотчас сообразил, в чем дело. Он знал, что с давних пор в городе появились сорок разбойников, и понял, что это они и есть. Видя, что ему пришел конец, он взял себя в руки, ведь как говорится: «умирать, так умирать, зачем же хрипеть».

Маммед не ошибся. Баня действительно была пристанищем сорока разбойников. Разбойники схватили Маммеда и спрашивают:

— Сюда до сих пор не осмелился показаться ни один человек. И визири и векилы знают, что мы здесь, но из страха перед нами ничего не смеют предпринимать; кто же ты такой, что решился притти сюда?

Видит Маммед, что дело сделано, прошедшего не воротить, и что тут нужна ловкость и изворотливость, иначе его растерзают на куски. Поэтому он смело спросил:

— Кто тут ваш атаман, пусть он выходит и говорит со мной. Я известный разбойник Маммед. Я услышал, что вы здесь разбойничаете, и решил притти посмотреть, что вы за разбойники.

Обрадовались разбойники. Оказывается, был в Багдаде известный разбойник Маммед, и они решили, что это он. Окружив Маммеда, они принялись расспрашивать его, а он начал пускать им пыль в глаза, рассказывать о своих подвигах всякие небылицы: «и так я косил, и так я разил, и так я разобрал потолок да утащил телку, да вырубил отверстие, стащил быка», одним словом, как говорится: «здесь владычествую только я, а в Багдаде слепой халиф». ¹ Своим бахвальством Маммед вскружил им голову. Атаман и говорит:

— Ах, Маммед, искали мы тебя на небе, а ты попался нам на земле. У тебя и опыта, и смелости больше нашего; раз ты пришел, давай этой ночью ограбим дом визиря.

Собрались разбойники и пошли на грабеж. У ворот дома визиря они разделились, каждому досталось определенное место, а Маммеду кухня. Вошли разбойники в дом и принялись грабить, а Маммед, не торопясь, проник на кухню, взял котел и уже хотел вынести его, как подумал: «ведь утром бедняга повар захочет приготовить пищу и не найдет котла, а визирь разгневается и убьет несчастного. Лучше оставлю я котел и возьму что-нибудь другое». Положил он котел, взял кувшин и снова задумался о том, как бедняга повар обойдется без кувшина, во что он будет набирать воду. Словом, к чему бы он ни прикасался, он видел, что все это может понадобиться утром повару, и клал все обратно. Наконец, попалась ему в руки ступка, он было ее взял, но опять подумал чуточку и говорит себе: «ведь утром понадобится и ступка; если несчастный сварит обед без соли, его отца сожгут.» Самое лучшее — натолку я чуточку соли и оставлю повару, а сам унесу ступку. Да и дочери моей ступка пригодится».

Отыскал он глыбу соли, сел по всем правилам на пол, положил соль в ступку, поместил ступку меж колен и начал стучать, что есть мочи. От стука проснулись все жильцы, а разбойники, услышав шум, бросились бежать. А Маммед и не знает, что творится вокруг него, сидит себе и толчет в ступе соль. Короче говоря, все в доме проснулись, прибежали на кухню и видят, что сидит какой-то незнакомец и толчет соль.

— Что ты тут делаешь?

— Я пришел грабить.

Видя, что это какой-то полоумный, схватили его и потащили к визирю. Тот его начал допрашивать. Наконец, Маммеду ничего не осталось делать, как откровенно рассказать все как было.

— Клянусь аллахом,—закончил он свой рассказ,—я не вор, и не разбойник, я человек честный, жена превратила меня в безумца и выгнала вон.

Визирь видит, что этот бедняга человек действительно безобидный, и что из-за его наивности разбойникам не удалось ограбить его дом, потому что, если бы он не

поднял шума, все его имущество было бы унесено. Желая отблагодарить Маммеда, он дал ему сто рублей и отпустил его.

Маммед, получив деньги, радостный и довольный вернулся домой и отдал их жене, а жена спрятала деньги, дала Маммеду подзатыльник и снова выгнала на улицу со словами:

— Из этого ничего не выйдет, ступай, добудь еще.

Маммед опять ушел из дома, прослонялся до самого вечера по улицам, бесцельно мерил улицы слева направо, справа налево, а когда стемнело, пришел он домой. И он и соседи ровно два часа умоляли жену впустить его, но та уперлась и твердит: нет!

Опять пошел Маммед по улицам, полный дум, а когда очнулся, видит, что он снова перед той же баней. Задрожал он от страха и думает: «теперь уж разбойники ваставят мою кошку взобраться на макушку дерева». Пока он раздумывал, как бы удрать, его кто-то схватил за шиворот и потащил. Маммед видит, что дело плохо, что он снова попался разбойникам, и опять начал бахвалиться:

— Ах, чтобы ваши дома рухнули, куда же вы все вчера скрылись, бросив меня одного? Меня схватили, потащили к падишаху, а тот повелел^ю накинуть мне петлю на шею. Но я набросился на палачей, перебил их всех и убежал.

Разбойники смутились, что не помогли товарищу. Стали они просить прощения и, наконец, говорят:

— Давайте, пойдем сегодня ограбим дом векила.

Ну собрались они, вошли во дворец, занялись грабежом. Маммеду досталась крайняя комната. Войдя туда, он увидел, что лежит обмытый, одетый в саван, труп служанки векила, которую завтра должны были хоронить, а подумал: «У этих мусульман не осталось никакого благочестия: труп оставили здесь, и никто даже не прочтет над ним коран; будет лучше, если я сяду тут и прочту молитвы».

Уселся он у изголовья покойницы и звонким голосом запел суру из корана, разбудив всех живущих в доме.

Поднялся переполох, а разбойники побросали награбленное и убежали. Слуги слышат, что из крайней комнаты раздается пение, вошли и видят: сидит незнакомец и читает коран.

— Что ты здесь делаешь?—спрашивают они.

— Я пришел грабить.

— Так зачем же читаешь коран? Ведь молитвы и грабеж—вещи разные.

— Грабежу свое время, а корану свое,—ответил Маммед.

Видя, что человек этот ненормальный, слуги повели его к векилу. После того, как на него немного накричали—Маммед рассказал все, как было. Векил увидел, что наивность Маммеда спасла его богатство, вынул сто рублей, отдал Маммеду и отпустил его. Выйдя от векила, Маммед бегом пришел к себе домой, высыпал перед женой и эти деньги, но злодейка взяла их и опять выгнала Маммеда на улицу.

— Из этого ничего не выйдет. Ступай, принеси еще.

Маммед был уже научен. Отыскал он укромное местечко, проспал там до самого вечера, а вечером направился к разбойникам и начал опять плести: «уж и так меня поймали, да так я всех избил, так разделался с векилом»,—словом, показал чудеса храбрости.

Опять он обманул разбойников. Сели они и принялись совещаться; и решили этой ночью напасть на дворец самого падишаха. В полночь собрались они и пошли. Разбились они на группы, и на долю Маммеда выпало проникнуть в спальню царевны. Вошел он и видит, что царевна спит. Да, но что это за красавица! Каждому, кто ее увидит, хочется без конца смотреть на нее, но... шелковое одеяло на ней еще лучше. Маммед подумал: «Дочке моей понадобится и шелковое одеяло. Вот и хорошо, возьму-ка я его и понесу домой».

Приподнял он одеяло, смотрит, а царевна лежит нагашом. «Унесу я одеяло,—подумал Маммед,—а девушка простудится, умрет, и останется грех на моей душе».

После долгого раздумья он разбудил девушку. Про-

снувшись и увидя в комнате незнакомого мужчину, она хотела крикнуть, но Маммед успокоил ее, говоря:

— Не бойся, я вор и пришел ограбить вас. Мне хочется взять твое одеяло, но боюсь, что ты простудишься. Вставай, принеси себе из другой комнаты одеяло, накройся, а я возьму это.

Девушка была смекалиста. Она встала и говорит:

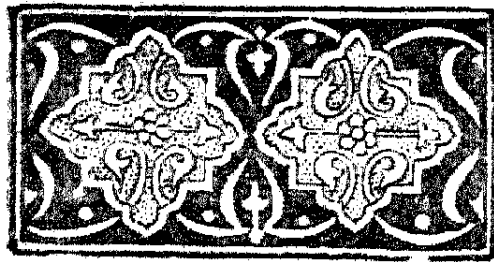
— Ты посиди тут, а я сейчас пойду и принесу.

Вышла она и разбудила падишаха. Тем временем разбойники, ничего не подозревая, занимались своим делом. Поднял падишах потихоньку стражу, они оцепили дом и переловили всех разбойников.

Когда падишах расспросил Маммеда, он рассказал ему все свои злоключения.

Падишах подарил Маммеду 50 вьюков приданого, а самого его оставил при себе, говоря:

— Женщина может сделать с мужчиной все, что она захочет. Захочет—сделает счастливым, захочет—сделает несчастным. Есть жены, которые делают мужей именитыми, а есть жены, которые позорят мужей.

III. УСТА АБДУЛЛА¹

цветнике красоты на розу взор мой пал,
На лице ее, подобном розе, чернел нежный
хал.

Добились своих любимых все безумцы любви,
А мое горе стало притчей в устах толпы...
Счастье разбито... Увы, таков мой удел...

Рождается сказание из были,

Ядро—из скорлупы,

Баня среди бани,

Решето в самане.

Верблюд цырюльничает

Среди старой бани.

Мы на муху сели,

Над Курой летели,

Довгу наварили,

Вилами пили.

Кто-то был, кого-то не было. Был аллах, а совладельцев у него не было.

О чем бы мне поведать тебе? Поведаю о Еменском вилайете.

В один из многих дней был в Еменском вилайете один падишах. Решил он построить себе дворец. Какой бы мастер ни брался строить, падишаху не нравилось, и

под конец он обезглавливал его, а дворец оставался недостроенным.

В Исфагани проживал мастер по имени Уста Абдулла. Прослышал он об этих делах падишаха, собрал свои инструменты и пустился в путь.

Следуя по краям дорог, по подгорьям, как поток с гор, как вихрь среди ущелий, как ветер стремительный, он добрался до города Емена и спрашивает:

— Кто тут строит? Я мастер, хочу наняться.

Отвечают ему:

— Сам падишах строит дворец.

Привели его к падишаху, а тот спрашивает:

— Как зовут тебя?

— Зовут меня Уста Абдулла из Исфагани.

— Уста Абдулла,—говорит падишах,—видишь этот дворец, ты его можешь достроить?

— Да будет долговечна жизнь падишаха! Дворец я дострою, но я должен заключить с тобой договор. Ты дашь мне рабочих и дашь полную власть над ними, а сам не будешь приходить ко мне.

Падишах согласился, нанял рабочих, передал их Уста Абдулле и наказал:

— Смотрите, я передаю ему и власть над вами и самую жизнь вашу. Он волен поступать с вами, как ему угодно.

— Ну,—обратился Абдулла к рабочим,—знаете ли что?

— Нет,—отвечают те.

— Вы должны беспрекословно исполнять каждое мое слово.

Когда они начали работу, Уста Абдулла видит, что идет падишах, предложил рабочим:

— Ни звука. Подавайте лишь кирпич и глину.

Падишах, сопровождаемый визирем, векилом и свитой, подошел к постройке.

— Аллах в помощь!—сказал он, бросив кошелек с золотом. Поднял Уста Абдулла кошелек, положил меж камней, замуровал и, не обращая внимания на пришедших, продолжал работать, приказывая рабочим:

— Подать глину! Подать кирпич! Кирпич! Глину!

Визирь посмотрел на падишаха, падишах на визиря...

— Раз он так работает,—говорит визирь,—у него должна быть прекрасная жена. Мастер, где в Исфагани твой дом?—обратился он к Уста Абдулле.

— Мой дом в Исфагани известен. Когда въезжаешь в город, он сразу бросается в глаза.

Захватил визирь одежду, провизию и решил поехать «посмотреть на его жену».

Пустился он в путь и через несколько дней, к закату, подъехал к Исфагани. И как только въехал в город, видит: возвышается великолепное белое здание, такое красивое, что равного ему не сыскать.

Подъехав к этому зданию, он спросил старуху, сидящую у ворот:

— Бабушка, этот дом Уста Абдуллы?

— Этот, этот, башува донум.²

Жена Уста Абдуллы стояла у окна и видела, как подъехал визирь. Она вышла и пригласила его в дом. Взяв у него лошадь, она отвела ее в конюшню, привязала, вернулась и, указывая на лестницу в сорок ступеней, пригласила визиря подняться наверх.

Как только визирь поднялся до пятой ступени, лестница внезапно сбросила его вниз, и он очутился в подвале. Вскоре дверь отворилась, вошли двое, с дубинами в руках, и спрашивают:

— Ну, визирь, что умеешь делать?

И, повалив визиря, они принялись колотить его.

— Не убивайте,—завопил визирь.—Башунуза донум! Я умею шить папахи.

Падишах и векил долго ждали визиря. Видя, что тот не возвращается, падишах сказал векилу:

— Видно, он влюбился в жену Уста Абдуллы. Придетя, векил, поехать тебе.

Векил накупил шелков, разных тканей и провизии, сел на лошадь и поехал. Долго-ль ехал, коротко-ль, наконец, приехал в Исфагань.

Он также увидел белый дом и у ворот старушку.

— Бабушка, это дом Уста Абдуллы?

— Этот, этот, башува донум,—ответила она.

И опять, как и к визирю, вышла жена Уста Абдуллы и, указав на лестницу, пригласила наверх. И векил, поднявшись на две-три ступени, был сброшен в подвал и видит, что там сидит визирь и усердно шьет папахи, а вокруг него разложены барашковые шкурки, нитки и иголки.

Немного погодя, появились двое с дубинами в руках и начали колотить векила, требуя сказать, что он умеет делать.

— Аман, аман! Не убивайте, — завопил векил, — я умею шить чарыхи.

Ждет падишах, ждет, но, видя, что они не возвращаются, оставил на своем месте заместителя и поехал в Исфагань.

Подъехал он к воротам прекрасного белого дома и спросил старуху, сидевшую у ворот:

— Бабушка, этот дом Уста Абдуллы?

— Да, этот самый,—ответила старуха.

Жена Абдуллы, увидев, что приехал сам падишах, вышла навстречу, и со словами: «пожалуйте наверх», указала на ту же самую лестницу. Падишах стал подниматься по лестнице, тоже провалился в подвал и видит, что визирь усиленно шьет папахи, а векил чарыхи.

— Что это такое?—спросил он.

— Тише, не разговаривай. Дело наше плохо,—зашептали те ему в ответ.

И снова отворилась дверь, вошли двое с дубинами в руках и со словами: «скорей скажи, что умеешь делать?» —стали беспощадно колотить падишаха.

— Когда я еще не был падишахом, я был шерсто-битом,— закричал падишах, извиваясь под ударами.

Тотчас появилась шерсть, палки, станок, и падишах, подобно визирю и векилу, принялся за работу.

Закончил Уста Абдулла постройку дворца и возвратился в Исфагань. Приехал и спрашивает жену:

— Ну жена, что делала без меня?

— Спустишь в подвал,—ответила она,—и увидишь, что я сделала.

Спустился Уста Абдулла в подвал и видит: «Ого.. Все старые знакомые. Кто чарыхи шьет, кто папахы, а сам падишах бьет шерсть».

— Ну, падишах, всегда бы тебе быть в таком положении,—сказал насмешливо Уста Абдулла.

Он освободил их, взял расчет и приговаривая: «ступайте, ступайте, и больше таких глупостей не делайте»,—выпроводил их.

Они ели, пили, в землю отошли, а вы ешьте, пейте, жизнью наслаждайтесь.

С неба упало три яблочка. Одно тебе, другое мне, а третье тому, кто сказку рассказывал.

IV. ИМАМ-СВОДНЯ¹

то-то был, кого-то не было, и в один из многих дней жил-был купеческий сын Ахмед. Не было равных ему по красоте: воде он говорил—не струись, я буду струиться, солнцу говорил—не всходи, взойду я.

В один из многих дней захватил Ахмед большую сумму денег и отправился путешествовать. Объехал он многие страны, побывал во многих городах и доехал, наконец, до одного города. Он погулял, посмотрел город и остановился переночевать в одном каравансарае.

Хозяин каравансарая видит: входит к нему юноша, такой красивый, как будто он картина, такой красивый, что ослепляет глаза того, кто смотрит на него.

Отвел он ему самую лучшую комнату и стал прислуживать ему.

Ахмед-купец провел здесь ровно один месяц. Днем он бродил по городу, а ночью возвращался в каравансарай. С хозяином он крепко подружился.

Однажды хозяин видит, что Ахмед очень грустен, и спрашивает:

— Друг мой, что с тобой, ты мне кажешься грустным?

Покачал Ахмед-купец головой и не проронил ни слова. Как ни старался хозяин развеселить его, ничего не выходило.

За каравансараям у него была беседка. Хозяин поставил там скамеечку, привел Ахмеда-купца и говорит:

— Брат мой, не кручинься, посиди немного в моей беседке, может быть, рассеешься.

Налил он Ахмеду стакан чаю, поставил перед ним кальян, набитый отборным табаком, и удалился.

Пусть он себе уходит, а я тебе расскажу—о ком?— О купце Ахмеду.

Купец Ахмед осмотрелся кругом и видит: вокруг него роскошный сад, такой чудесный, что нет слов его описать, а в стороне под деревьями протекает ручеек, прозрачный, как слезинка. И в ту же минуту он видит, что к ручейку приближается, покачивая стройными бедрами, с кувшином в руке—девушка. Она подошла и села у ручейка. Купец Ахмед увидел, что она такая красавица, так прелестна, что прикажи она реке, та прекратит течение. Перед ним была словно сама Зулейха. Глаза, как у газели, брови дугой, очерчены рукой самого всевышнего, а на щеке темнеет родинка и словно говорит: только я одна и существую на свете. В каких странах, в скольких городах побывал купец Ахмед, но такой обольстительной красавицы видеть ему не доводилось. Ахмед тысячами нитей своего сердца привязался к этой девушке и стал внимательно следить за ней.

Девушка наполнила кувшин, поднялась с места и словно пронеслась по роскошным травам и кроваво-алым макам. Ахмед пошел за ней следом и увидел, что девушка отворила какую-то калитку и скрылась за ней.

Если до сих пор у купца Ахмеда было одно горе, то теперь стало их тысяча. Не ест, не пьет купец Ахмед, а лежит в своем уголке, погруженный в бездну печали.

Хозяин каравансарая видит, что друг его бледнеет день ото дня и тает словно воск. Как он ни старался, чтоб Ахмед открылся ему, ничего не выходило. Наконец хозяин каравансарая говорит:

— Брат мой, раз так, перебирайся в другой каравансарай, найди себе другое место. Какие же мы после этого братья, если ты не решаешься открыть мне свое горе?

Видит Ахмед, что дело плохо: перейди он в другой каравансарай — лишится надежды когда-нибудь встретиться с красавицей, а вынести разлуку он не в силах. Волей-неволей рассказал он хозяину о своем горе:

— Так и так, видел я в саду девушку, похожую на пэри, и влюбился в нее. Если ты и впрямь любишь меня, помоги мне,—сказал он хозяину.

Подумав немного, хозяин каравансарая сказал:

— Ох ты, несчастный, тяжелое ты мне даешь испытание. Это несбыточное дело.

Услышав его, купец Ахмед потерял сознание. С трудом привел его хозяин в себя. Когда купец Ахмед очнулся, то сказал хозяину:

— После этого мне жизнь не мила.

Тогда хозяин каравансарая сказал ему:

— Брат мой, ты отлично знаешь, что я для тебя не пожалею ни жизни, ни имущества. Но дело, о котором ты говоришь, очень трудное дело. Девушка, о которой ты рассказываешь, дочь известнейшего купца, она—не девушка. Она была невестой своего двоюродного брата. Когда же наступило время готовиться к свадьбе, девушка уперлась обеими ногами в один башмак и говорит: «не пойду я за него, не пойду». Оказывается, у нее на примете был другой. И кто бы ты думал?—Глава городского купечества. Девушка и он уже несколько лет были влюблены друг в друга. Свадьба расстроилась, а девушку подвергли тысячам мучений, да таким, каких с сотворения мира никто не видал. Девушка упорно стояла на своем. А глава купечества, хоть ты и не видел его, двадцатилетний красавец-юноша, по имени Юсиф, да и лицом он впрямь Юсиф Прекрасный. Ну, начал он тут по-всякому стараться, жизнь готов был отдать, достоинства лишиться... Наконец, года два спустя, ему удалось жениться на девушке. Привез он ее к себе. Вот уже

три года, встреченная тобой красавица,—супруга Юсифа. Теперь сам посуди, как мне быть. Этому горю нельзя пособить ни деньгами, ни богатством. Но я укажу тебе одного человека; только этот человек, может быть, сумеет сладить это дело.

Купец Ахмед упал на колени перед хозяином каравансарая:

— Назови же скорей, кто он, кто может исцелить меня?

Подумав немного, хозяин каравансарая сказал:

— В нашем городе есть женщина-имам. День ее проходит в постах, молитвах и благочестии. Большую часть дня она проводит в мечети. Среди народа она пользуется большим уважением и почетом. Ей никто никогда не перечит. На самом же деле, эта женщина большая пройдоха. Если кто сумеет помочь твоему горю, то только она, и никто кроме нее не поможет.

— А где я могу найти ее?—спросил Ахмед.

— В мечети,—ответил ему хозяин.

Потом хозяин каравансарая указал Ахмеду дорогу в мечеть.

Теперь послушай об Ахмеде.

Пошел Ахмед к мечети, а около нее дети играли в альчики, и один из них проиграл. Подозвав его к себе, Ахмед говорит:

— На тебе деньги на сто альчиков,—пойди, вызови сюда из мечети имама.

Взяв деньги, мальчик зарделся от удовольствия, как роза, и побежал в мечеть. Имам сидела впереди женщин и совершала намаз. Мальчик подошел к ней и шепнул:

— Там тебя ждет один мужчина.

Имам поднялась на ноги и вышла на двор. Увидев Ахмеда, подошла к нему и спрашивает:

— Дитя мое, к добру бы, что тебе надо?

Купец Ахмед отвел ее в сторону, открылся ей во всем и добавил:

— Имам, молю тебя, курбанун олум,² на тебя вся моя надежда!

Приложив ко лбу указательный палец, она задумалась.

— Дитя мое, правда, в моих руках это такое же легкое дело, как испить чашку воды, но это потребует больших расходов.

Быстро опустив руку в карман, купец Ахмед вынул горсть золота, вложил в руки имам и говорит:

— Я дам все, что ты потребуешь, только устрой мне это дело.

Увидев деньги, старуха загорелась и от удовольствия захрюкала, как свинья.

— Сейчас же ступай отсюда прямехонько в лавку купца Юсифа. Скажи ему, что ты купец, приехал сюда с товаром и, распродав его, заработал немалые деньги. Теперь же хочешь уехать. А тут, мол, вот уж год, как у тебя есть возлюбленная, завтра ты имеешь с ней свидание и хочешь сделать ей хороший подарок. Не пугайся цены. Купи такую вещь, какую нельзя найти ни у одного из здешних купцов. Ну, ступай скорее, я подожду тебя здесь.

Купец Ахмед как можно скорее пошел в лавку Юсифа. Расспрашивая, дошел он до его лавки и убедился, что тот действительно является главой купечества, а сам такой красивый, что Ахмеду впору лишь прислуживать ему, да воду для мытья рук подавать.

Ахмед думает про себя:

— Афэрин,³ хозяин прав: это одни бесплодные мечты, и если кто что и сделает, так это только имам.

Итак, вошел он в лавку, поклонился, сел, поговорил о том, о сем. Купец Юсиф понял, что перед ним сидит такой же купец, как он сам, и приказал подать кальян. Поговорив немного, купец Ахмед, следуя советам имама, рассказал о себе и закончил:

— Вот таковы мои дела. Есть у меня возлюбленная, она жена очень богатого человека, но близка со мной. Ты должен дать мне что-нибудь для подарка ей, но вещь редкую и ценную, достойную моего имени и ее положения.

Купец Юсиф говорит:

— Клянусь аллахом, как раз мне присланы из Индостана образцы двух новых шелковых платков. Таких еще в этот город не присылали никому. Один из них взяли для дочери падишаха, а другой я хотел оставить себе. Раз ты просишь, так и быть, уступлю тебе. Но только он стоит не мало.

— А сколько он стоит?

— Тридцать туманов.

Сговорились на двадцати пяти туманах, и Ахмед-купец вручил их Юсифу-купцу, распрощался, взял шаль, вышел и направился прямо к мечети, где его ждала имам. Ахмед дал ей шелковую шаль и добавил, что другой такой в городе нет, кроме одной, и то только у дочери падишаха.

Она сказала: «очень хорошо», развернула шаль и предложила Ахмеду зажечь спичку. Он зажег спичку, и она прожгла в шали дырочку, величиной с зернышко. После этого она вернула шаль Ахмеду, говоря при этом:

— Вернись в лавку Юсифа и скажи, что ты нечаянно прожег шаль и просишь заменить другою. Если он скажет, что другой нет, то возьми эту шаль и возвращайся ко мне.

Ахмед снова отправился в лавку Юсифа, который сидел довольный, что сразу в один день заработал целых двадцать пять туманов. Когда Ахмед вошел к нему в лавку, Юсиф спросил его:

— В чем дело?

— Да вот, со мной приключилась беда, — ответил Ахмед. — Нечаянно я уронил спичку, прожег шаль и испортил ее. Как хочешь, но достань мне другую такую же шаль.

Юсиф, осмотрев шаль, увидел, что и вправду шаль испорчена; он начал клясться и божиться, что у него была только одна шаль, и ту он продал Ахмеду.

Ахмед, убедившись, что второй шали нет, успокоился и, вернувшись в мечеть, передал шаль женщине-имаму.

«Святая» эта взяла шаль и спрашивает:

— Где ты живешь?

Когда Ахмед назвал свое местопребывание, она говорит ему:

— Хорошо, пройдут четыре дня, а на пятый я приведу к тебе девушку, но ты никому не должен ни слова об этом говорить, потому что опозоришь меня в глазах народа и лишишь куска хлеба.

Ахмед дал слово, что никому ничего не скажет. Спрятав шаль, женщина-имам направилась в мечеть и продолжала свой намаз.

А купец Ахмед вернулся в каравансарай.

Жена Юсифа, обратившая сердце Ахмеда в кровавую рану, в это время как раз сидела у себя дома. Вдруг к ней вошла женщина-имам. Она приветливо встретила гостью, приложилась к ее рукам и почтительно ввела ее в комнату. Имам, охая, вошла в комнату и говорит:

— Эх, постарела я, совсем выбилась из сил: вышла из мечети и думала вечерний намаз совершить у себя дома, но от слабости (далее не могу идти и, чтобы не просрочить срок вечернего намаза, я зашла к тебе.

Жена Юсифа ввела ее в спальню, говоря, что там ей будет удобней, так как в первой комнате по коврам ходили люди и для совершения намаза они не чисты.

Имам перешла в спальню и начала молиться. Пользуясь моментом, когда хозяйка вышла, она незаметно сунула шаль под подушку и продолжала молиться. Кончив молиться, она ушла к себе, и, как хозяйка ни уговаривала ее остаться, старуха не согласилась.

Пусть она себе идет, а я тебе расскажу, о ком?—О купце Юсифе.

Вечером купец Юсиф запер свою лавку и отправился домой; открыл калитку, вошел во двор и видит, что жена, как обычно, ждет его. Как и всегда, обнявшись, вошли они в дом. Жена принесла воду, обмыла ему ноги и руки, и они поужинали. После ужина Юсиф перешел в спальню, чтобы лечь спать. Когда он разделся и про-

тянул руку, чтоб оправить подушку, то случайно нащупал под ней какой-то предмет. Подняв подушку, он увидел там шаль и был сильно удивлен. «Таких шалей, — думал он, — ни один купец кроме меня в городе не имел, как же она очутилась здесь?»

Что-то ему подсказало развернуть и осмотреть шаль. Когда же он развернул ее, то что же? Он увидел, что это та самая шаль с маленькой дырочкой, которую он днем продал купцу Ахмеду.

Юсифа словно окатили ледяной водой. Прислонившись к стене, он застыл на месте, как мертвец. «Эх, — думал он, — ловко же обманули меня. Я смеялся над чужими женами, а моя у меня же в доме принимала любовника».

Никаких сомнений у него больше не было. Ведь сам Ахмед-купец говорил ему, что у него есть возлюбленная, и платок он покупает для нее. «Значит, любовница купца Ахмеда — моя собственная жена», — думал он.

Больше Юсифу не нужны были ни оправдания, ни объяснения. Позвав жену, он сказал:

— Пошли сказать твоему отцу, чтоб он явился за тобой. Я даю тебе развод.

Сколько несчастная ни спрашивала: «почему?» — Юсиф отвечал: «Сама знаешь!»

Ночью же он послал за ее отцом. Отец, узнав, в чем дело, старался уладить дело миром, но Юсиф был умолим, уперся, как столб, был слеп и глух ко всему окружающему. Как в воду опущенный, взял отец свою дочь и ушел.

А теперь послушай о честном народе.

Пошел по всему городу слух, что Юсиф-купец вернулся домой, застал у своей жены веселящихся любовников и тут же дал ей развод. Весь город всполошился. Каждый, прибавляя от себя еще сто небылиц, рассказывал другому, и каждый шел по своему. Отец ее, видя, что дочь его будет окончательно опозорена, послал к Юсифу сказать:

— Сын мой, откажись ты от этой затеи. Не позорь и себя, и нас.

Ничего не помогло.

А дочь убивалась и говорила отцу:

— Клянусь аллахом всемогущим, я невинна!

Кто станет ее слушать? Каждый плюет ей в лицо и отходит.

Оставим их пока здесь в слезах и печали, а ты послушай о женщине-имаме.

На утро в мечети женщины ей сообщили: так и так, купец Юсиф развелся с своей женой.

Имам как ведьма разгневалась, воздела руки к небу и стала вопить:

— Камни, камни будут падать с небес. До каких дней мы дожили!

А про себя думает: «Он должен был тотчас развестись, почему он так запоздал».

Тут же она прибежала в дом родителей красавицы. Увидев ее, родители всполошились, обрадовались. «Сюда жалует имам, она принесет в дом счастье и благоденствие. Клубок наших бедствий распутается, у нее легкая нога».

Когда, ковыляя на своих «легких счастливых» кривых ногах, «святая» вползла в комнату, расспросила обо всем и говорит:

— В течение сорока дней, при помощи святых, я оберну все дело так, что счастье снова улыбнется вашей дочери. Ее заколдовали нечистые силы, наверное, в «двадцать первый день» она чем-нибудь разгневала их.

Почтительно стоя перед имамом, отец красавицы сказал:

— О имам! Мой дом, мое имущество, все мое состояние к твоим услугам; я опозорен, поступай как хочешь, лишь уладь это дело.

Немного подумав, имам сказала:

— Надо, чтобы она отправилась ко мне и провела у меня сорок дней. В течение этих сорока дней ежедневно я должна купать ее в райской воде, приносимой мне самими ангелами, и очистить ее от колдовства нечистых духов. За это время она не должна видеть ни одного

человеческого лица, а не то никакие молитвы и омовения не помогут.

Словом, не стану утомлять вас, взяла она с собой красавицу, отправилась к себе домой, заперла двери и говорит:

— Знаешь, в чем дело?

— В чем?—отвечает та.

— Все это сделала я,—ответила женщина-имам.— Все равно, в конце концов ты все узнаешь, лучше узнай заранее: что не скрыто от самого аллаха, к чему скрывать от тебя. Один юный красавец сходит с ума по тебе. Во сне ему было дано откровение, что я должна помочь ему. Теперь ты сорок дней проведешь у него, а водворить тебя по истечении сорока дней к мужу—дело мое!

— Имам, я опозорена,—говорит девушка,—помоги моему горю, и я готова сделать все, что ты скажешь, лишь бы снять с меня это пятно. Если это зло не исправить, отец ни одного дня не оставит меня в живых.

— Ты слушай меня. На сорок первый день я повежду дело так, что Юсиф сам поклонится тебе в ноги, и я снова устрою тебе свадьбу с зурной и плясками.

Красавица согласилась. На утро, когда еще куры слали, повела она ее в каравансарай в комнату купца Ахмеда и говорит ему:

— Через сорок дней я вернусь за ней.

Дни пролетели стрелой, и на сороковой день, в тот же самый час, явилась «святая» и стучится в двери к красавице.

— Уже время, пойдем.

Привела она ее к себе, спрятала, а сама побежала к купцу Ахмеду.

— Ну, сын мой, ты достиг своего, а теперь сделаем так, чтоб и девушка не пострадала.

— Ну, нет,—возразил Ахмед,—я от девушки не отступлюсь. Она полюбила меня, а я ее. Я был и у моллы, мы совершили кебин, и я увезу ее с собой.

— Ну, раз так, то хоть смоем с нее позорное пятно.

Ты ступай к купцу Юсифу и скажи ему, что в тот самый день, когда ты купил у него шаль, тебе указали на старуху, которая мастерски чинит платки и шали. И, взяв у тебя шаль, отнесли старухе, а ты, якобы, уехал по торговым делам и теперь, вернувшись, не можешь разыскать человека, который отнес шаль к старухе; а старуху-де ты не знаешь, попроси его помочь разыскать старуху и добавь, что прозвище ее «имам», остальное тебя не касается.

Купец Ахмед отправился к Юсифу. Юсиф, видя, что к нему входит его лютей враг, хотел встать с места и выгнать его вон, но решил: «посмотрим, что он скажет?» Ахмед поздоровался и, как научила его «святая», все рассказал. Внимательно выслушав его, Юсиф сказал: — Я знаю эту старуху.

Выпроводив Ахмеда, он запер лавку и пошел домой. Там он позвал служанку и спросил ее:

— В тот день, когда я развелся с женой, имам заходила к нам?

Служанка, подумав немного, ответила:

— Да, приходила.

Не медля ни минуты, Юсиф бросился к старухе. Имам видит, что Юсиф бежит к ней. Войдя к ней, не переводя дыхания, Юсиф спросил:

— Имам, не давали ли тебе шаль для починки?

— Да, как же, родной, давали. А я ее потеряла и теперь прямо не знаю, что я отвечу хозяину.

— А где же ты ее потеряла, не помнишь?

Она притворилась, что не может вспомнить, и ответила:

— Ах, сын мой! Клянусь аллахом, не помню. Да я в тысяче мест совершаю намаз. Но только помню, что я где-то засунула ее под подушку.

Тут Юсиф схватил себя обеими руками за голову:

— Нечего сказать, натворил я дел! Оклеветал несчастную женщину!

Тут же он, как раз на сорок первый день, послал людей к своему тестю и просит прощения.

Ну и пошли дела! Приказывает теперь красавица:

— Пусть раньше, семь дней и семь ночей играют свадьбу, соберут весь народ, всем объявят, что напрасно оклеветали меня, тогда лишь я соглашусь на кебни.

Юсиф исполнил все в точности: созвал весь город, семь дней и семь ночей играли свадьбу, и он всем объявил о своей вине, а затем отправился к ней.

— Не пойду я за тебя замуж, — заявила она.

Он и туда и сюда, да что тут поделаешь, ничего не вышло. Не хочет она идти за него, да и все.

Красавица вышла за купца Ахмеда, и они уехали к нему на родину.

Вот тебе и имам! Вот и «святая!»

И все-то они, проклятые, таковы:

На вид одно, на деле другое.

Вы живите, и я буду здравствовать.

V. СКАЗКА О КЕЛ-ГАСАНЕ¹

В стране Бендерпушур жил один бедняк по имени Ахмед. У Ахмеда, кроме единственной жены, никого не было.

Бедняга как-то заболел и не мог больше идти за дровами. Жена Ахмеда—Ниса, видя, что Ахмед лежит в постели, а дома нет хлеба, тайком от мужа взяла топор и направилась в лес, решив нарубить дров, продать на базаре и на вырученные деньги купить на вечер хлеба.

Придя в лес, Ниса нарубила две вязанки дров, связала их, принесла и положила посреди дороги. Ниса была очень голодна. Протянув руку, она сорвала с дерева несколько груш и с большим аппетитом съела их. Утолив голод, она почувствовала сильную жажду. Поднявшись с места, она спустилась к роднику, напилась, умыла лицо и руки и вернулась к вязанкам. Смотрит—на вязанке сидит красивая птица.

Ниса подумала: «Вот удача! Эту птицу я убью и приготовлю обед».

Недолго думая, подняла Ниса камень и бросила в птицу, которая, похлопав крыльями, снесла на вязанке крупное яичко и улетела. Ниса подбежала, взяла яйцо,

но оно разбилось у нее в руке. Ей стало жаль выбрасывать яйцо, и она решила его выпить. Яйцо было до того сладко, что Ниса почувствовала, словно нутро ее загорелось. Быстро спустившись к роднику, она съела напиться, вернулась на дорогу, забрала вязанки и пошла домой.

Дойдя до города, она хотела отправиться на базар, но на полпути почувствовала сильную боль, и из глаз ее словно искры посыпались. Голова у Нисы закружилась. Чувствуя мучительную боль, со стонами: «ой, умираю, ой, погибаю», она вернулась домой.

На стоны жены вышел Ахмед.

— Жена, что с тобой?

— Ох, умираю,—был ответ.

И Ниса рассказала мужу все, что с ней произошло.

Ахмед, несмотря на свою болезнь, поднял вязанки, пошел на базар, продал их и, купив на вырученные деньги хлеб, вернулся домой.

Пролежав в постели девять месяцев, Ниса родила мальчика. А Ахмед, как увидел ребенка, так тут же упал и умер от разрыва сердца. Мать назвала мальчика Гасаном. В два месяца ребенок начал ползать, а годовалым он ходил и бегал, как взрослый.

Шли годы, мальчик рос. Ему было уже девять лет. Ниса ходила по дворам и просила подаяние. Однажды, в «курбан байрам», жители Бендерпушура — богатые и бедные — пошли в лес, где у холодного родника резали баранов: праздновали и веселились. Вместе с детворой отправился и Гасан. Когда все были заняты едой и весельем, из-за деревьев внезапно выскочили два огромных медведя и бросились на пирующих. При виде медведей, все — от мала до велика — в страхе побросав еду, бросились бежать. Увидав бегущих, Гасан удивился, не понимая — почему все убежали. Обернувшись, Гасан увидел двух здоровенных медведей и тогда лишь понял причину страха и бегства людей. Недолго думая, он подошел к медведям, крикнул так, что содрогнулись земля и небо, и, схватив медведей, стукнул их головами с такой силой, что моментально отправил их души в

джаханнам. Собравшись на холме, народ издали смотрел на эту картину. Все были уверены, что Гасан будет съеден зверями, но, увидав, как он разделался с медведями, все с криками радости и восторга бросились обнимать героя. Его подняли на руки, потчевали, чем могли, и с этого дня стали звать Кел-Гасаном.

И жители Бендерпушура весь день провели в лесу, радостно пируя, а к вечеру вернулись в город.

Теперь послушай о бендерпушурском падишахе.

Падишах Бендерпушура был знаменит. У него была одна единственная дочь—зеница его ока. Звали ее Пери. Она была редкая красавица: брови словно лук, глаза—винный бокал, нос—индейский орех, тело—самаркандская бумага, груди круглые, как шамам. Красавица пятнадцати лет, прекрасная, как павлин.

Многие сватали Пери, но отец не хотел выдавать ее замуж и оставлял дома.

Как-то раз Пери-ханум, с разрешения отца, пошла в сад погулять в сопровождении сорока девушек.

Теперь поведаю вам о Кашкаш-пехлеване, влюбленном в Пери-ханум.

В один прекрасный день Кашкаш-пехлеван, под предлогом охоты, отправился гулять и случайно проходил мимо сада, где прогуливалась Пери-ханум. Он увидел, что сад этот подобен раю, где растут все деревья, имеющиеся в мире, и все нежнейшие цветы. В этом саду розы призывают соловьев, а соловьи—розы, фиалки распустились, деревья покрыты густой листвой, нарциссы высоко подняли головки. В этом же саду прогуливалась, окруженная сорока девушками, красавица, подобная газели.

Увидев Пери-ханум, Кашкаш-пехлеван потерял голову и, не спрашивая разрешения, вошел в сад. Девушки, увидев его, вскрикнули и, оставив Пери-ханум одну, разбежались. Кашкаш-пехлеван воспользовался суматохой, схватил Пери-ханум за ее хорошенькие ручки, посадил на коня и увез ее.

Когда сорок девушек оправались от испуга, они решились пойти узнать, что случилось с Пери-ханум. Вер-

нулись девушки в сад, долго искали Пери-ханум, но никак не могли найти. Наконец, устав от поисков, потеряв всякую надежду, пошли они, удрученные, к падишаху и сказали:

— Да провалятся твой трон и корона! Пери-ханум исчезла.

Услышав эти слова, падишах сильно опечалился и послал во все города людей на поиски дочери, но нигде ее не нашли.

После долгих бесплодных поисков, отчаявшись, падишах призвал к себе одного мудреца.

— Мудрец!—обратился он к нему.—Если ты скажешь мне, где находится моя дочь, я одарю тебя всеми богатствами мира.

Заглянув в книгу, мудрец сказал:

— Да будет долговечен падишах! Пери-ханум жива.

-- В какой стране она?—спросил падишах.

Еще раз посмотрев в книгу, мудрец ответил:

— Твою дочь похитил Кашкаш-пехлеван.

Услышав имя Кашкаша-пехлевана, падишах испугался. Этот пехлеван славился редкой отвагой; было их три брата, и не одного царя они заставляли плакать, не одного лишили трона.

— Как можно вернуть Пери? — спросил падишах мудреца.

Мудрец вновь заглянул в свои книги:

— Да будет жив падишах! В стране Бендерпушур появился новый пехлеван. Спасти Пери сможет только он один.

— Кто такой этот пехлеван?

— Уроженец Бендерпушура. Кел-Гасан, сын Ахмеда. —ответил мудрец и, откланявшись, ушел.

Падишах позвал визиря и приказал:

— Немедленно отправляйся в Бендерпушур, разыщи и приведи ко мне Кел-Гасана—сына Ахмеда.

— Да будет жив падишах, как я могу его разыскать и привести?—спросил визирь.

Падишах разгневался:

— Визирь, я тебе даю четыре дня сроку.

Выйдя из покоев падишаха, визирь отправился в Бендерпушур. Придя туда, он долго разыскивал Кел-Гасана, но не мог его найти. Отчаявшись, визирь хотел вернуться обратно, как вдруг увидел двух мальчиков, игравших на улице в кости. Мальчики спорили:

— Отдай мои кости!—требовал один.

— Не отдам,—отвечал другой.

— Ты что, подражаешь Кел-Гасану?—спросил первый.

Услышав имя Кел-Гасана, визирь схватил мальчика за руку и сказал:

— На тебе эти деньги и покажи мне дом Кел-Гасана.

Взяв деньги, мальчик повел визиря к дому Кел-Гасана.

Пусть мальчик ведет визиря, а я расскажу вам о Кел-Гасане.

Ему было уже шестнадцать лет. Равного ему по силе пехлевана не было в целом мире. У него был только один недостаток: нижняя челюсть его напоминала птичий клюв.

Дойдя до ворот дома Кел-Гасана, визирь постучался. На стук вышел Кел-Гасан. Видит визирь, что вышел человек громадного роста, и спрашивает:

— Кого надо?

— Мне нужен Кел-Гасан,—ответил визирь.

— Зачем нужен Кел-Гасан?

Визирь увидел, что у этого человека из глаз сыплются искры, и если немного погромче поговорить с ним, то он схватит его и двумя пальцами выдавит из него все соки. Поэтому он боязливо ответил:

— Его зовет падишах.

— Я Кел-Гасан.

— Ну, тогда пойдём.

— Подожди немного. Я пойду переоденусь и тогда двинемся,—ответил Кел-Гасан.

Кел-Гасан натянул чарыхи, папаху, кафтан, покрытый ста заплатами, и в сопровождении визиря отправился к падишаху. Пришли они во дворец. Визирь, запыхавшись, вошел к падишаху и говорит:

— О падишах, идет Кел-Гасан!

Падишах с нетерпением ждал встречи с Кел-Гасаном, и когда тот вошел к нему, падишах увидел, что перед ним стоит человек ростом с полкорабля, с чарухами на ногах и в рваном кафтане. Визирь представил его падишаху, и тот разрешил ему сесть на кресло; но на какое кресло Кел-Гасан ни садился, оно, не выдержав его тяжести, ломалось. Падишах был удивлен и, разозлившись, хотел выгнать Кел-Гасана, но взглянув на его рост и фигуру, побоялся и смолчал. В конце концов Кел-Гасан сел на пол. Когда он сел, падишах обратился к нему:

— Юноша, я хочу послать тебя против Кашкаша-пехлевана. Пойдешь ли ты?

— А с какой целью посылаешь меня на него?—спросил Кел-Гасан.

— Кашкаш-пехлеван увез мою дочь Пери-ханум. Если ты сумеешь вернуть ее мне, я выдам Пери-ханум за тебя замуж,—ответил падишах.

Кел-Гасан согласился и попросил падишаха приготовить ему семь котлов плову, одного коня и доспехи пехлевана. Шах велел дать ему все, что он потребует. Приготовили семь котлов плова, он полностью съел его, одел на себя, специально приготовленные для него, семидесятипудовые стальные доспехи, щит и меч. Одевшись, он потребовал коня, но на какого коня ни садился, тот падал с переломанным позвоночником. Наконец Кел-Гасан разозлился и крикнул:

— Подать коня!

Но подходящего коня не нашли.

Схватил он визиря за бороду и, подбрасывая на ладони, швырнул к ногам царя.

— Потребуй от падишаха коня.

Упал визирь в объятия падишаха.

— Он сломал мне бедро,—крикнул визирь.

— Что случилось?—спросил падишах.

— Да разрушится твой дом! В какую беду вверх ты нас! На конюшне не осталось ни одного коня, а у меня

не осталось целой косточки. На какого бы коня он ни садился, конь падает. Теперь он требует нового.

Падишах велел вывести из конюшни своего арабского жеребца и дать его Кел-Гасану. Привели арабского коня. Кел-Гасан сел на него и, убедившись, что конь выдерживает его тяжесть, поскакал.

После долгого пути, к ночи он подъехал к жилищу какой-то «гары» и постучался в ворота; вышла гары и увидела у ворот юношу громадного роста.

— Кого тебе надобно?—спросила она.

— Мамаша! Эту ночь я твой гость.

— Дорогой мой! Где мне взять конюшню для твоего коня?

— Много не говори!—ответил он и положил в руку ей горсть золота.

Взяв золото, гары приютила Кел-Гасана. Дав гары еще денег, он поручил ей приготовить ему котел плова. И, поев, лег спать.

— Бабушка, а где живет Кашкаш-пехлеван?—спросил он на утро.

— Бога ради, не впутывай меня в беду. И так у него лазутчиков видимо-невидимо. Птицы, и те не смеют произнести его имя.

— Гары, если жизнь тебе дорога, отвечай, а не то ты повиснешь на своей косе.

— Кашкаш-пехлеван живет в своем саду на берегу реки, неподалеку отсюда, и Пери-ханум, дочь царя, также живет там.

Узнав о местонахождении Кашкаша-пехлевана, Кел-Гасан сел на коня и направился туда.

Теперь послушай о Кашкаше-пехлеване.

Кашкаш-пехлеван был рожден от дэва. Похитив Пери-ханум, он заключил ее в башне в своем саду Гюльшен. Давно он лелеял мечту разделить с ней подушку, но Пери-ханум попросила отсрочки на один год, пока у нее не рассеется тоска по родительскому дому.

Случайно Кашкаш-пехлеван был на охоте, а Пери-ханум сидела одна в башне и смотрела в окно. Вдруг видит—едет великан, и вышла на балкон.

Въехав в сад, Кел-Гасан слез с коня и заметил красавицу.

— О юноша!—обратилась к нему Пери.—Мне жаль тебя, уйди! Если Кашкаш-пехлеван застанет тебя здесь, он погубит и меня и тебя.

Кел-Гасан сказал:

— О красавица! Его-то я и ищу.

— О юноша! Поднимись наверх.

Кел-Гасан поднялся к ней.

— С какой целью и кем ты послан сюда?—спросила она.

— Мне надо увести Пери-ханум, похищенную Кашкаш-пехлеваном.

— О юноша! Знай, что я дочь царя Бендерпушура—Пери-ханум. Меня похитил Кашкаш-пехлеван из сада моего отца, когда я гуляла со своими девушками. Он проходил мимо сада, увидел меня и увлекся моей красотой. Что бы он ни делал, пока я верна себе. Сегодня последний день года, когда я по уговору должна согласиться на его требования. Где бы он ни был, сегодня он вернется.

— О красавица!—ответил на это Кел-Гасан,—не бойся. С помощью аллаха я доставлю тебя к отцу.

Переночевав в башне, Кел-Гасан утром вместе с Пери-ханум вышел в сад.

Оставим их гулять и обратимся к Кашкашу-пехлевану.

Кашкаш-пехлеван был на охоте целый месяц и теперь возвращался к Пери-ханум. Въехав со своими воинами в сад, он увидел Пери-ханум гуляющей с каким-то пехлеваном и подошел к ним.

— О негодный,—обратился он к Кел-Гасану.—Если сюда залетит птица—обломает крылья, зайдет мул—сломают копыта! Как ты осмелился явиться сюда?

Кашкаш схватился за меч.

Кел-Гасан обернулся к нему и сказал:

— Пехлеван! У пехлевана три качества: умение обращаться с мечом, умение бороться, умение словами

напугать противника. «Вот тебе майдан, вот тебе шайтан». Выбирай любой вид борьбы.

Кашкаш поднял щит и с мечом в руках бросился на Кел-Гасана. С быстротой сокола Гасан ринулся в бой. Они пускали в ход мечи, стрелы, пики, арканы и, не одолев друг друга, наконец, отбросили оружие, вцепились друг в друга и начали бороться. Как Кашкаш-пехлеван ни старался побороть Кел-Гасана,—не удалось. А Кел-Гасан, схватив за пояс Кашкаша, крикнул так, что замерли птицы в небе, и с такой силой бросил его оземь, что тело Кашкаша разлетелось на мелкие куски и не досталось даже гончим собакам.

Пери-ханум, увидев это геройство Кел-Гасана, бросилась к его ногам, говоря:

— Спасибо за то, что ты избавил меня из рук этого негодяя.

Сев на коней, Кел-Гасан и Пери-ханум направились в Бендерпушур. Через несколько дней и ночей они доехали до одного родника. Кел-Гасан сказал Пери-ханум:

— Пери-ханум! Вот уже несколько дней, как я не знаю сна. Разреши, я немного посплю.

Пери-ханум согласилась, и Гасан лег.

Пока он будет спать, я расскажу вам о среднем брате Кашкаша—Белге-пехлеване.

Белг-пехлеван поехал навестить своего брата Кашкаша. Приехав к нему, он увидел, что тот убит, а Пери-ханум исчезла. Сев на своего коня Ветер, он через овраги, долины и холмы доехал до родника. Увидев Пери-ханум, он схватил ее, посадил на коня и ускакал. На крик Пери-ханум Кел-Гасан проснулся и, видя, что она вновь похищена, сел на своего арабского скакуна и пустился следом; но как он ни старался, догнать их он не смог.

Белг-пехлеван привез Пери-ханум в свой замок и запер ее в башню.

Теперь послушайте о Кел-Гасане.

Приехал Кел-Гасан к одному городу, видит: сидит юноша и горько плачет.

— О чем ты плачешь?—обратился к нему Гасан.

— Я из этого города,—ответил юноша.—Я был влюблен в одну девушку. На днях должна была состояться наша свадьба, но паша этого города, увидев ее, отнял у меня мою невесту. Она не захотела выходить за него, и он бросил ее в темницу.

У Кел-Гасана было мягкое сердце.

— О юноша, не горюй. Я сию же минуту доставлю тебе твою возлюбленную.

Он пошел с юношей в город и, написав письмо, послал передать паше. Прочитав письмо, паша собрал всех своих пехлеванов и выслал их против Кел-Гасана, который стоял и ждал ответа. Увидев приближавшихся пехлеванов, он понял, в чем дело, выхватил меч, бросился на них и перебил их всех. Сообщили паше, что его пехлеваны перебиты. Тогда он приказал войскам двинуться на Кел-Гасана. Видя, что на него наступает большое войско, Кел-Гасан прищпорил арабского коня и крикнул так, что воины испугались и разбежались. Кел-Гасан тут же отправился к паше и, схватив его за бороду, с такой силой ударил оземь, что тело паши разлетелось на куски. Тогда он стал обыскивать дом и, подойдя к дверям одной закрытой комнаты, увидел там гары.

— Открой!—приказал ей Кел-Гасан.

— Без разрешения паши я дверь не открою!—ответила гары.

Разозлившись, Кел-Гасан взял ее, швырнул на землю так, что она распласталась, как тесто, и открыл дверь. Войдя в комнату, он увидел, что там сидит какая-то красавица, а перед ней золотой таз, наполненный слезами.

Схватив красавицу за руки, он вывел ее на улицу и передал жениху. После этого Кел-Гасан назначил юношу пашой. Семь дней и семь ночей длилась свадьба. Поживив молодых, Гасан сел на своего арабского жеребца и пустился в путь. Приехав на заброшенную мельницу, он привязал коня и улегся, намереваясь спозаранку двинуться дальше.

Была глубокая ночь. Внезапно Кел-Гасан заметил, что в помещение, где он лежал, вошли два джейрана. Войдя

внутри, они скинули с себя шкуры и превратились в красивых девушек. То были две сестры.

Младшая обратилась к старшей:

— Сестрица, сестрица! Почему ты сегодня опоздала?

— Я сегодня стояла и смотрела на то, как Белг-пехлеван—брат Кашкаша, похитил Пери—дочь бендерпурского падишаха. Вот почему я опоздала. А ты почему опоздала, сестрица?

Младшая сестра ответила:

— А я опоздала потому, что, идя по тропинке в лесу, я услышала стон. Подойдя ближе, я увидела башню; оттуда и доносился стон. Поднявшись наверх и заглянув в слуховое окно, я увидела, что какой-то пехлеван розгами избивает обнаженную молодую девушку и говорит: «Выходи за меня замуж». «Не пойду»,—отвечает девушка. Избив девушку, пехлеван запер дверь и ушел, оставив девушку одну. Вот почему я и опоздала.

Кел-Гасан, услышав все это, взял джейранову шкуру младшей сестры и спрятал ее.

Переночевав, сестры на утро собрались в путь. Обнаружив пропажу своей шкуры, младшая сестра обратилась к старшей:

— Сестра, дорогая! Моя шкура пропала.

— Видимо, здесь кто-то прячется,—ответила другая.

Повысив голос, младшая позвала:

— О, человек или кто бы ты ни был, верни мне мою шкуру. Я отплачу тебе добром.

Услышав эти слова, Кел-Гасан вышел.

— Верни мне мою шкуру,—сказала девушка.

— Укажи мне местонахождение той девушки, и я верну тебе твою шкуру,—сказал Кел-Гасан.

Дочь пэри согласилась.

Кел-Гасан вернул ей шкуру, и, одевшись и снова превратившись в джейрана, она сказала:

— Следуй за мной .

Она привела его в тот самый лес. Ворота замка были заперты на замок. Кел-Гасан, спрятавшись, стал подкарауливать. Была ночь, когда он заметил, что к башне

подъехал всадник. Привязав лошадь, он стал открывать ворота. Кел-Гасан бросился на него и, вмиг свалив наземь, сел ему на грудь и обезглавил его.

Покончив с ним, Гасан сломал ворота и вошел в башню. Пройдя немного, он натолкнулся на девушку, наполовину зарытую в землю. Откопав ее, Кел-Гасан спросил:

— О девушка! Что с тобой?

— О юноша! Знай, что я дочь короля франков и мое имя Шереф. Влюбившись в меня, визирь моего отца несколько раз объяснялся мне в любви. Я отвергла его домогательства, предупреждая, что если он еще раз осмелится подойти ко мне, я скажу об этом отцу. Испугавшись моих угроз, визирь как-то ночью похитил меня и запер в башню. Ровно год, как я здесь, и каждую ночь он приезжает и хочет обесчестить меня, но я противлюсь. Он каждую ночь избивает меня и уходит. О юноша! Избавь меня от этого злодея.

Кел-Гасан ответил:

— Выйди и посмотри на лежащий во дворе труп. опознаешь ли ты его?

Шереф-ханум вышла и, узнав труп визиря, бросилась к ногам Кел-Гасана.

— Ты спас меня от злодея,—воскликнула она.

Усадив ее на своего коня, он приехал в Бендерпушур и, поручив Шереф-ханум своей матери, отправился дальше.

Пришпорив своего арабского скакуна, он помчался, как поток с гор, как вихрь через ущелья, как ветер могучий. Ноги в стремях, колена у боков коня, хлестнул коня, и через несколько привалов подъехал к одной башне. Над воротами была установлена статуя пехлевана. Башня представляла крепость, окруженную крепкими стенами.

Кел-Гасан подумал: «Она должна быть в этой крепости».

Привязав в стороне своего арабского коня, он подошел к воротам, дважды нажал на них, а на третий раз,

призвав в помощь аллаха и Магомета, со всей силы рванул и сорвал их с места. Войдя в крепость, Кел-Гасан увидел, что жители спят; только в одном месте виднеется огонек. Пошел он на свет и дошел до одной башни, ворота которой были запечатаны восьмью печатями.

Взломав двери, Кел-Гасан вошел в башню и увидел, что дочь бендерпушурского падишаха — Пери сидит в углу, закованная в цепи.

При виде Кел-Гасана, Пери-ханум, собрав последние силы, разорвала цепи и бросилась ему на шею.

Кел-Гасан, освободив ее, сказал:

— Пери-ханум, приготовься, поедем.

Оставим их, а я расскажу о Белге-пехлеване.

Встав поутру, Белг шел к Пери-ханум. Подойдя к башне, он увидел, что ворота ее открыты настежь. Разгневавшись, он крикнул так, что Кел-Гасан, услышав, подпрыгнул.

Выйдя из башни, Кел-Гасан увидел Белга и с криком бросился на него. Между ними завязалась битва на мечах. Видя, что мечом ничего не поделаешь, Кел-Гасан взял Белга-пехлевана и, подняв его как птицу, с такой силой ударил оземь, что и кусков его нельзя было подобрать.

Посадив Пери-ханум на коня, Кел-Гасан двинулся дальше.

После нескольких дней пути они подъехали к Бендерпушуру.

Кел-Гасан послал к падишаху гонца с извещением, что его дочь Пери-ханум найдена.

Услышав это, падишах приказал жителям Бендерпушура с подобающими почестями встретить Кел-Гасана. Весь город был освещен.

Торжественно въехали Гасан и Пери-ханум в город.

— Кто любит меня, тот должен одарить Гасана, — приказал падишах.

— Я жду исполнения данного обещания, — сказал падишаху Кел-Гасан.

— Дай мне три дня срока,—ответил падишах.

Кел-Гасан согласился.

Призвав к себе визиря, падишах спросил его:

— Визирь! Выдать мне замуж Пери-ханум за Кел-Гасана или нет?

Визирь ненавидел Кел-Гасана, а на Пери-ханум хотел женить своего сына. Подумав, он ответил:

— Да будет жив падишах! Ты боялся только Кашкаша-пехлевана. Он убит Кел-Гасаном. Теперь бояться некого. Лучше задай пир, на котором в еду Кел-Гасана подсыплем яду и отравим его. Твою дочь Пери-ханум недостойно выдавать замуж за простого подданного, когда она достойна только царского сына.

Падишах по глупости согласился с предложением визиря.

Оставим их пока в приготовлениях и обратимся к Шереф-ханум.

Узнав о приближении Кел-Гасана, Шереф-ханум наредила руки и ноги хной и, вместе с матерью Кел-Гасана—Нисой, вышла ему навстречу.

Расцеловавшись с ними, Кел-Гасан обратился к Шереф-ханум:

— А тебя я повезу к твоему отцу.

Услышав это, Шереф-ханум ответила сквозь слезы:

— О Гасан! Знай: я твоя и не расстанусь с тобой.

— Если ты решила не возвращаться к отцу, я женюсь на тебе,—ответил Гасан и заключил ее в свои объятия.

Теперь послушайте об отце Пери-ханум.

Падишах пригласил к себе в гости Кел-Гасана.

Когда Гасан собрался на пир, Шереф-ханум сказала:

— О Гасан! Не ходи.

— Нет, не могу, я должен пойти,—ответил он.

Кел-Гасан явился на пир. Накрыли суфру и подали кушанья.

Съев несколько кусков, Кел-Гасан почувствовал, что нутро его горит.

Падишах приказал бросить Кел-Гасана за семь гор. Тридцать воинов взяли Кел-Гасана и, бросив его в одну долину, вернулись обратно.

Высоко в небе пролетала птица Симург. Заметив, что в долине что-то темнеет, она подлетела и видит, что это пехлеван.

Симург поняла, что он отравлен, стала высасывать из него яд и, напоив Кел-Гасана своим молоком, привела его в чувство.

Кел-Гасан открыл глаза и, увидев, что находится в какой-то долине, вспомнил, что с ним произошло.

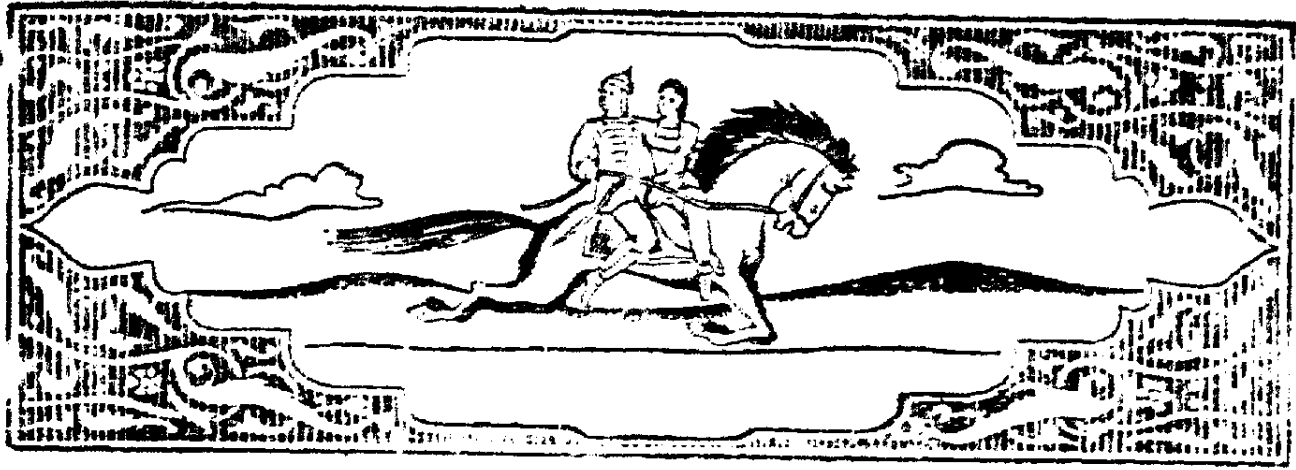
Поцеловав птицу в крыло, Кел-Гасан пешком добрался до Бендерпушура. Взяв свой меч, он уничтожил всех воинов и пехлеванов падишаха и, ворвавшись во дворец, нашел падишаха и визиря, спрятавшихся от страха в нише одной комнаты. Схватив падишаха и визиря за горло, он швырнул их об землю так, что и кусков их нельзя было собрать.

Пери-ханум он повел к себе.

Население Бендерпушура, видя такую отвагу в Кел-Гасане, хотело избрать его падишахом, но Кел-Гасан не согласился. Он нашел другого человека и назначил падишахом. Семь дней и семь ночей длилась свадьба Кел-Гасана, когда он женился на Пери-ханум и на Шереф-ханум.

И вместе с населением Бендерпушура он стал жить в весельи и довольстве.

VI. СКАЗКА О СИМАНЕ

то-то был, кого-то не было. Рассказывают, что некогда в некоем царстве был падишах по имени Дашкувер. У этого падишаха не было сыновей. Сам он был очень жестоким падишахом.

Как-то раз Дашкувер вызвал своего раммала и сказал ему:

— Я изведаль все наслаждения мира, но боюсь, что умру и унесу с собой в могилу печаль своего сердца. Раскинь кости и погадай мне.

Раммал, бросив кости, увидел, что они предвещают неблагополучие; бросил кости еще раз и опять получилось то же самое. Тогда он сказал падишаху:

— Предсказание плохое. Позволь, я приду завтра.

Падишах отпустил его, и раммал ушел.

На утро, явившись во дворец, оказав почтение падишаху и должным образом приветствовав его, раммал сел и приступил к гаданию. Кинул кости и увидел, что предсказание точь-в-точь такое же, как и вчера.

— Да будет долговечна жизнь падишаха! — сказал он, — не сердись на меня.

— Говори правду, — приказал Дашкувер.

— Рано иль поздно,—сказал раммал,—у одного из твоих подданных родится сын, и ты погибнешь от его руки.

Дашкувер погрузился в глубокое раздумье: кто может быть этим подданным, у которого родится сын, от руки которого ему суждено умереть?

До самого утра падишах не мог уснуть. Как волны, одна за другой, набегали черные мысли, и, чуть блеснули первые лучи солнца, призвав раммала, он пригрозил:

— Смотри, если я узнаю иль прослышу, что ты осмелился хоть кому-нибудь поведать эту тайну, тебе не сдобровать.

Заручившись молчанием раммала, падишах обратился к нему за советом.

— Сделай вот что,—предложил раммал.—Прикажи убивать в твоём государстве всех новорожденных мальчиков.

Дашкувер одобрил его совет и призвал четырех приближенных; щедро оделив их золотом, он назначил им жалование и приказал:

— Вы должны обходить все дома в моих владениях, выкрадывать и убивать всех новорожденных младенцев мужского пола. Но берегитесь! Делайте так, чтобы об этом не узнал народ.

Взяв с них подписку о молчании, падишах отпустил их.

Оставим его служителей совершать свое злое дело; послушайте о Дашкувере.

Дашкувер вышел в сад и видит: воробей, держа в клюве птенчика, спустился над бассейном, трижды окунул его в прохладную воду и улетел.

Словно огненная искра заронила в сердце Дашкувера, и оно запылало завистью, болью и гневом.

— О, если б и у меня был сын!—воскликнул он.

В это время садовник Дашкувера обходил сад и, увидев, что падишах сидит у бассейна, сорвал с яблони

лучший плод и с почтительным поклоном поднес погруженному в думу падишаху.

Дашкувер взял яблоко, вдохнул его аромат, и муки сердца его удвоились.

Глубоко вздохнув, он сказал:

— Твои яблоки прекрасны, но...

— Что но?—осмелился спросить садовник.

— Моя голова поседела и борода серебрится, и когда я умру, кто знает—кому достанется этот сад?

Опустив голову, садовник не проронил ни слова.

Долго думал Дашкувер и, наконец, обратясь к садовнику, предложил:

— Давай-ка, с благословением аллаха, совершим сделку.

— Да будет долговечна жизнь падишаха! Какую сделку?

— Если у тебя родится дочь—я ее удочерю, а сын—усыновлю,—сказал он.

Дашкувер был могущественным падишахом, садовник не осмелился ослушаться его и согласился на его предложение.

Теперь послушайте о наемниках Дашкувера.

Как коты за мясом, так и они следили за каждым домом, выкрадывали новорожденных мальчиков, как только те появлялись на свет, и топили их в реке. Несчастные родители тщетно искали похитителей, и не раз они приходили к падишаху с жалобой, но он, не выслушивая, выгонял их прочь.

А теперь поведаю тебе о жене садовника.

Стрелой пролетает время в сказках. Прошло ровно девять месяцев, девять дней, девять часов, девять минут, и жена садовника родила сына.

Дошла до садовника весть, что у жены его родился сын.

Обрадованный садовник прибежал домой и что же видит: у ребенка ни бровей, ни ресниц, ни волос на голове. А сам он, хоть голова, руки и ноги его и целехоньки, словно кусок мяса без костей. Садовник решил,

что такого ребенка стыдно выносить на-люди, и крепко задумался, не зная, как быть и что отвечать Дашкуверу. Хотел он выбросить дитя, да пожалел.

Послушай о Дашкувере-падишахе.

Дашкувер-падишах, узнав, что у садовника родился сын, от радости не мог усидеть на месте, и пошел к нему.

Садовник в ту пору сидел в слезах; он чувствовал, что оказался в неловком положении перед падишахом.

Внезапно подняв голову, он заметил, что идет сам падишах. Утерев слезы, он склонился ниц и стал в почтительном ожидании.

— У тебя родился сын. Почему же ты до сих пор ничего не сообщаем мне?—спросил его Дашкувер.

— Да будет долговечна жизнь падишаха! Черен мой лик перед тобой.¹

— Почему? Или мальчик подарил свою жизнь?

— Ах, лучше бы он подарил свою жизнь тебе, чем явился бы на свет.

Эти слова сильно огорчили Дашкувера, и он предложил садовнику без утайки рассказать, в чем дело.

Садовник правдиво рассказал, какой сын у него родился.

Дашкувер опечалился, но, не поверив садовнику, решил: «вероятно он жалеет о данном слове и скрывает от меня сына».

— Я хочу сам взглянуть на ребенка,—сказал он.

Садовник провел падишаха в свое жилище и показал младенца. Взглянув на ребенка, падишах рассердился и быстро покинул дом садовника. Он отправился во дворец, сел на трон и, призвав раммала, приказал:

— Раскинь кости и скажи: родился тот мальчик или нет?

Совершив омовение, раммал раскинул кости, взглянул на них и говорит:

— Да, тот мальчик родился.

— Дай совет,—сказал падишах, предварительно созвав своих наемников.

— Прикажи убить всех новорожденных мальчиков.

— Я утворю ваше жалование,—обратился падишах к своим наемникам.—Убейте всех новорожденных мальчиков в моем царстве, но действуйте осторожно, а пока отправьтесь к садовнику, утопите его сына и убейте жену.

Наемники падишаха пошли к садовнику, захватили ребенка и мать, но пожалев их, не убили; разлучив мать с ребенком, младенца оставили в тени огромного дерева у подножия горы, а мать в пустыне.

Итак, жена несчастного садовника осталась в пустыне, а ее младенец под деревом.

Теперь послушайте о птице Симург.

Высоко в небе парила птица Симург и заметила: у подножья горы под деревом виднеется что-то. Спустилась с высоты, смотрит—лежит младенец, а около него никого нет.

Симург-птице дано было знать все сокровенное и тайное: знала она, что творится на земле и что под землей. Взглянув на дитя, Симург тотчас узнала в нем сына садовника, о котором она знала, что, едва явившись на свет, младенец стал жертвой ярости Дашкувера.

Осторожно подняв ребенка, Симург взлетела ввысь и прилетела с ним к своему гнезду.

Птица Симург была другом всех бедных и угнетенных.

Бережно уложив ребенка рядом со своими птенцами, она полетела на поиски его матери.

Долго летала Симург, но жену садовника не нашла.

Оставим Симурга в поисках и вернемся к жене садовника.

Изнемогая от усталости, голода и жажды, жена садовника шла по пустыне в поисках своего злосчастного ребенка и, питаясь изредка попадавшимися по дороге кореньями, кое-как поддерживала свою жизнь.

Пролетая над этой пустыней, Симург-птица увидела жену садовника, которая лежала под палящими лучами

солнца. Спустившись вниз, Симуург покрыла ее своим крылом.

Жена садовника, очнувшись, увидела, что какая-то птица, как одеялом, прикрыла ее своим крылом, испугалась и хотела убежать, но тут заговорила Симуург-птица:

— Не бойся. Закрой глаза, сядь ко мне на спину и я доставлю тебя к твоему ребенку.

Только тогда поняла ошеломленная женщина, что перед ней Симуург-птица; она вскочила на ноги и, нежно поцеловав крыло птицы, села ей на спину и закрыла глаза.

Взмахнув крыльями, легко и плавно понеслась птица Симуург ввысь.

Подлетела к своему гнезду, спустила жену садовника и говорит:

— Открой глаза.

Открыв глаза, женщина увидела, что кругом прекрасный лес, а птицы Симуург нет.

Прошло немного времени, и птица Симуург с ребенком в когтях спустилась на землю.

— Что это за дитя?—спросила она птицу.—Чье оно?

— Это твой сын,— ответила птица Симуург.

Взглянула женщина на ребенка и не узнала: дитя, похожее при рождении на кусок мяса, без бровей, ресниц и волос на голове,—теперь обратилось в такого младенца, что равного ему не сыскать в целом мире.

Хотела она взять его на руки, поцеловать его, но мальчик оказался таким тяжелым, что у нее не хватило сил.

Тогда обратилась она к Симуург-птице с вопросом о том, что это значит, и та рассказала ей:

— Я пролетала над землей. Вижу: у подножья горы под огромным деревом что-то виднеется; спустилась, гляжу—младенец. Подхватив его, я омыла его в водах Нил-моря, затем, взяв камень с черной горы, растолкла его и натерла лишённые волос места. Вот уже год, как я лелею его вместе с моими птенцами.

Жена садовника встала, поцеловала Симуург-птицу в оба крыла и тотчас назвала мальчика Симаном.

Вручив младенца обрадованной женщине, Симуург-птица принялась на вершине огромного дерева вить гнездо матери с сыном, и они остались жить в лесу.

Симуург-птица в дальнейшем поровну делила всякую добычу между своими птенцами и женой садовника с Симаном.

Так прошло несколько лет.

Как-то раз в отсутствие Симуурга аждаха напал на гнездо, где находились птенцы Симуурга.

Симан увидел аждаха. Перепрыгивая с дерева на дерево, он добрался до высокой чинары, схватился за нее и закричал изо всей мочи.

Звуки его голоса сотрясли лес. С диким ревом Симан с корнями вырвал могучую чинару.

Завидя его, аждаха оставил птенцов и бросился на Симана.

Подняв чинару, Симан запустил ее в яростно раскрытую пасть чудовища и, проткнув его насквозь, с такой силой пригвоздил к земле, что, извиваясь от боли, аждаха отправился в джаханнам.²

Как раз в это время Симуург-птица пролетала над лесом.

Услышав крик Симана, она спустилась над гнездом, видит: жена садовника в страхе взобралась на верхушку дерева и дрожит, как лист. Симуург спросила, в чем дело, что случилось, и птенцы, перебивая друг друга, рассказали об аждаха.

Симуург кинулась на помощь Симану, но он успел уже расправиться с аждаха и стоял над ним, опираясь на чинару.

Тогда Симуург трижды вонзила когти в распростертое тело, вырвала лучшие куски и дала своим птенцам, а сердце аждаха—Симану.

Затем, усадив мать и сына себе на спину, приказала:
— Закройте глаза.

Они послушно закрыли глаза. Симуург-птица взмахнула крылами и взвилась ввысь. Долго ли летели, ко-

ротко ли, наконец птица спустилась на землю и приказала:

— Откройте глаза.

Мать и сын открыли глаза и видят: стоят они перед домом. Симург постучалась в дверь. Прошло немного времени, и к ним вышел чобан.

Завидя Симурга, чобан благоговейно приложился к крыльям птицы.

— Я поручаю тебе Симана и эту женщину,—сказала Симург чобану.

Чобан молча поклонился и усыновил Симана, а Симург взвилась в небо и исчезла из поля зрения. Время от времени она прилетала проведать Симана.

Время в сказках не идет, а летит. Симану исполнилось пятнадцать лет. Он превратился в такого пехлевана, что захоти он понатужиться, то сдвинул бы с места Гаф-гору.³

— Хочу коня и меч,—обратился как-то раз Симан к чобану.

Чобан зажег волосок Симурга, и в то же мгновение птица явилась.

— Что случилось?—спросила Симург.

— Симан требует коня и одеяние пехлевана.

— Хорошо,—сказала Симург-птица и с этими словами, громко крикнув, поднялась ввысь.

Паря в воздухе, она то спускалась над землей, то взвивалась в небо и, наконец, достигла столицы Дашкувер-падишаха.

Проносья над городом, Симург-птица заметила, что Дашкувер-падишах, выйдя из дворца, прошел прямо к бассейну, разложил свой джейнамаз, снял с пальца перстень, положил его вместо мохура и принялся совершать омовение.

Посмотрев с высоты, Симург заметила, что перстень падишаха не имеет цены и равного ему не найдется ни в одной из сокровищниц царей. «Одного этого перстня достаточно Симану»,—подумала Симург-птица.

Спустившись над бассейном, Симург подхватила перстень и поднялась в небо. Дашкувер-падишах схва-

тил лук и послал вдогонку стрелу, но стрела не долетела до птицы.

Промолчав о случившемся, падишах принялся за совершение прерванного намаза, а Симуург-птица прилетела к чобану, вручила ему перстень и говорит:

— Садись ко мне на спину.

Чобан сел на спину Симурга, и они прилетели к другому городу. Невдалеке от города Симуург спустила чобана и сказала:

— Ступай в город и дай этот перстень такому-то купцу; скажи, что этот перстень прислал Хейям-купец и просит обратить его в деньги и прислать ему.

Чобан отправился в город, разыскал купца, вручил ему перстень и передал слова Симурга.

Купец дал чобану деньги, и тот, вернувшись к Симургу, передал их ей.

Выделив четвертую часть полученной суммы, Симуург приказала:

— Отнеси эти деньги визирю Иемена и скажи: Дашкувер говорит—я плачу за содержание своего коня и беру его, и если он спросит—какой масти конь,—скажи—белой, а на лбу у него красный знак; но смотри, ни в коем случае не садись на коня, возьми его за узды и приведи сюда.

Чобан так и сделал.

Войдя в город, он разыскал Иеменского визиря, передал ему деньги и слова Симурга и, получив коня, поспешил к ней. Симуург-птица вытащила из своего крыла перо, привязала его к загривку коня и, выдернув два волоска из гривы, отпустила коня, а чобана усадила к себе на спину и поднялась в небо.

Долго ли летели, коротко ли, наконец, долетели до маленькой башни. Симуург-птица приказала чобану:

— Взломай ворота.

Чобан взломал ворота, и они вошли внутрь. Захватив полное одеяние пехлевана, меч длиной в девять аршин и булаву, весившую столько же, сколько весят восемь мельничных жерновов, они вышли из башни.

Снова усадив чобана на спину, Симург-птица схватила когтями оружие и на этот раз полетела к Симану, который в это время, положив голову на колени матери, спал. Симург разбудила Симана. Он встал, облачился с головы до ног в пехлеванское одеяние, опоясался мечом, взял в руки булаву и, вздохнув всей грудью, кликнул боевой клич.

Тогда Симург-птица взяла выдернутые из гривы коня волосы, потерла их друг о друга, и в то же мгновение, словно из-под земли, конь стал перед Симаном.

Вскочил Симан на коня и стал рубить мечом, вертеть булавой и пускать коня вскачь.

Так упражнялся он каждый день до тех пор, пока в совершенстве не овладел бранным делом. Тогда он явился к матери и говорит:

— Мать моя, я отправлюсь в семидневный путь.

— Откажись от своей затеи,—начала просить мать.

— Нет, я должен ехать,—возразил Симан.

Сев на коня, он пустился в дорогу. Ехал он два дня и две ночи и, наконец, доехал до огромной равнины.

Сильно проголодавшись, он подстрелил птицу, зажарил и съел ее. И только, растянувшись в тени огромного дерева, хотел уснуть, как видит: едут навстречу два всадника.

Всадники эти были пехлеваны Дашкувер-падишаха. Завидя их, Симан вскочил с места, дал коню пригоршню кишмиша, а сам встал, облокотившись на свой меч.

Пехлеваны подъехали к Симану.

— Кто ты и что ты здесь делаешь?

— А вы кто такие?—в свою очередь спросил Симан.

— Мы—пехлеваны Дашкувер-падишаха.

— А я—пехлеван этих мест,—ответил Симан.

Ответ этот разгневал пехлеванов. Они схватились за мечи.

Булава была у Симана под рукой. Быстро подняв ее, он с такой силой кликнул свой боевой клич, что пронесившиеся в небе птицы замерли в воздухе. Отбросив булаву, Симан протянул руку к мечу. Отправил одного

из пехлеванов в джаханнам и, схватив другого за кушак, с такой силой ударил о землю, что сломал ему бедро. Пехлеван, извиваясь от боли, пополз прочь и, с трудом добравшись до падишаха Дашкувера, пролепетал:

— Да не погибнет твой трон. Что ты медлишь? В пустыне появился один пехлеван. Он уничтожает каждого, кто попадает к нему на пути, и хвастается: «Что это за падишах Дашкувер? Я его не знаю и знать не хочу».—Мы хотели поймать его и представить тебе, но он убил младшего пехлевана, а меня с такой силой хватил о землю, что сломал мне бедро.

Услышав это, Дашкувер пришел в ярость и приказал призвать визиря.

Визирь явился:

— Прикажи, повелитель вселенной!

— В моих владениях в пустыне появился пехлеван. Он убил одного из моих пехлеванов, а другому сломал бедро. Соберем войска, отправимся навстречу и посмотрим, что это за пехлеван.

Визирь собрал войско и доложил падишаху, что все для похода готово.

Дашкувер сел на коня и поехал впереди. Выехав из столицы, они направились к Симану, а тот уже ехал по направлению к столице.

Заметив впереди на дороге пыль, Симан придержал коня, выждал, пока пыль улеглась, и видит, что надвигается огромное войско.

Симан остановил коня около одной скалы, обратив ее в укрепление.

Дашкувер подъехал ближе, в подзорную трубу осмотрелся по сторонам и у подножия горы увидел такого пехлевана, подобного которому по осанке и красоте не встречал со дня своего рождения.

— Это верно тот самый пехлеван,—сказал он визирю.—Пошли людей и излови его.

Визирь подозвал одного из пехлеванов и послал к Симану. Подъехав к Симану, пехлеван сказал:

— Эй, юноша, падишах Дашкувер зовет тебя.

Слова эти вывели Симана из себя. Схватив пехлевана за кушак, он с такой силой отшвырнул его, что тот, перевернувшись в воздухе, упал у ног Дашкувера.

Видит Дашкувер, что этот пехлеван такой могучий, что перед ним не устоят и горы. Он хотел отправиться к нему, но подумал: «лучше пошлю визиря».

Подозвав визиря, он приказал ему поехать к пехлевану, но визирь так и сяк старался увильнуть. Наконец, Дашкувер потерял терпение и поехал сам.

Подъехав к Симану, падишах приветствовал его, а сам испуганно разглядывал его исподтишка и видит: стоит перед ним юноша, равного которому нет, если даже сбойти Шам, Рум и Миср.⁴ Дашкувер, от страха лишившись чувств, упал на землю.

Схватив Дашкувера за бороду, Симан усадил его, sprыснул ему лицо водой и привел в чувство.

— Почему ты лишился чувств?—спросил он Дашкувера.

— Я падишах этой страны. Услышал, что ты появился в этих краях и приехал к тебе. У меня нет наследника, и я хотел бы усыновить тебя.

— Нет, я не хочу,—отказался Симан.—Я сам из этих мест. Мой отец чобан. Что общего между нами? Отступись ты лучше от меня. Не мне быть тебе сыном.

Долго молил падишах, но Симан не внимал ему. Наконец, видит, что падишах не отстает, и подумал: «Пойду, а там—как будет воля аллаха».

Согласился он и поехал с Дашкувером.

От радости Дашкувер потерял голову и не знал, как быть. Подъехав к войскам, он приказал устроить пышный пир. Войска пировали, а падишах вместе с Симаном въехали в столицу.

Прожил Симан у падишаха некоторое время и чувствует: скучно ему, тягостно. Он привык к простору, лесам и воле; едва раскрыв глаза, он видел себя в лесу, потом рядом с чобаном. Дворцовая жизнь казалась ему тяжелой. Как-то раз, взглянув в зеркало, он заметил, что и лицо его поблекло, и решил уехать.

А теперь послушайте о Дашкувере-падишахе.

После предсказания раммала, по приказу падишаха, наемники убивали всех новорожденных младенцев мужского пола, и в городе ежедневно исчезало несколько детей.

Наконец, собравшись, горожане решили еще раз отправить к падишаху выборных с жалобой, но опять падишах, не выслушав посланцев, приказал выгнать их. В это время Симан был у падишаха. Стоя в стороне, он наблюдал за происходящим. Видя, что совершается великая несправедливость, он выступил вперед, поклонился падишаху и говорит:

— Да будет долговечна жизнь падишаха! Ты должен разыскать похитителей, или я переверну вверх дном всю столицу.

— Хорошо, хорошо,—ответил падишах испуганно.

Между тем хищение детей не прекращалось, и недовольство населения росло. Наконец народ явился к Симану.

Тогда Симан вновь обратился к падишаху:

— Я больше не могу выносить этого. Сам пойду и разыщу злодеев.

Видит Дашкувер, что дело плохо и что стоит Симану начать розыски, как страшная тайна будет раскрыта, и говорит:

— Сын мой, я стар, не сегодня—завтра умру. Стань моим наследником, и после меня мое царство перейдет к тебе.

Симан не согласился и настойчиво твердил:

— Нет, я должен разыскать злодеев.

Оставим на время Симана в сборах. Выслушайте о визире.

Замечает визирь, что падишах до того боится Симана, что в конце концов оставит ему свое царство. Призвал он своего первенца Гавваза и говорит:

— Гавваз, сын мой, да не пойдешь тебе в прок отцовский хлеб, если ты оставишь Симана в живых.

— Прикажи, как быть?—молвил сын.

— На днях Симан выедет из города. Я отправлю тебя с ним, а там в пути воспользуюсь удобным случаем и убей его.

Гавваз согласился.

Симан выехал из города. Видит—едет навстречу сын визиря Гавваз.

— Куда держишь путь?—обратился к Гаввазу поравнявшийся с ним Симан

— Мне скучно, и я хочу попросить тебя взять меня с собой.

Симан искал себе спутника. Он согласился, и они вдвоем двинулись дальше.

Проехав несколько шагов, Гавваз хлестнул лошадь, поскакал вперед и скрылся с глаз.

Симан ехал шагом.

Отъехав вперед, Гавваз остановил коня, опустил нигаб, обнажил меч, осмотрел доспехи и, оградив и обезопасив себя с семидесяти семи сторон, взял в другую руку копье, схватил зубами поводья и поскакал прямо наперерез Симану.

Гавваз поравнялся с Симаном, и тут только Симан, подняв голову, заметил Гавваза. Протянув руку, он схватил Гавваза за кушак, поднял вверх и только хотел сбросить на землю, как Гавваз взмолился:

— О Симан! Клянусь твоей юной жизнью, я пошутил.

Медленно опустил Симан руку, и они поехали дальше.

Перевалив через горы и пройдя ущелье, они снова выехали на равнину.

И снова, ускакав вперед, Гавваз опустил нигаб, обнажил меч и, повернув коня, поскакал на Симана.

Конь Гавваза летел стрелой. Подъехав к Симану, Гавваз уже был готов опустить меч на голову Симану, но тот, протянув руку, схватил Гавваза за плечи, вырвал из рук его меч и с такой силой хватил Гавваза оземь, что от него не осталось живого куска.

Отправив Гавваза в джаханнам, Симан хлестнул коня и помчался стрелой. Долго ехал,—коротко отдыхал, коротко ехал,—долго отдыхал. Наконец, подъехал Симан

к городу и видит: стоит на окраине башня, но людей в ней не видать. Он соскочил с коня, пустил его на зеленый луг, насыпал перед ним две горсти кишмиша, а сам растянулся и заснул.

А теперь расскажу тебе о Дэв-Зивар-падишахе.

С подозрительной трубой в руках поднялся Дэв-Зивар-падишах на башню, узнать, кто осмелился ступить в его владения, так как редко кому удавалось живым выбраться из владений грозного Дэв-Зивара.

Оглядев окрестности, Дэв-Зивар увидел, что на его лугах пасется конь, а недалеко от него спит пехлеван.

Дэв-Зивар подозвал несколько дэвов и послал их узнать,—что это за человек, и привести его к нему.

Дэвы поспешили к Симану, который продолжал спать. Конь его, увидев приближающихся дэвов, громко заржал. Симан проснулся и увидел дэвов; вскочил на коня, обнажил меч и приготовился к бою.

Когда дэвы подошли к Симану, он взмахнул мечом и закричал так, что замерли птицы в небе, а дэвы растерянно поглядели друг на друга. Симан, подняв щит, завертел мечом, разрубил одного из дэвов на семь кусков и принялся за других.

Дэв-Зивар с башни наблюдал за битвой и, увидев, что этот пехлеван своей отвагой и силой совсем не походит на человека, выслал на него целое войско, но Симан одного за другим убивал их и посылал в джаханнам.

Тогда Дэв-Зивар, нанизав на копье семь мельничных жерновов, сам кинулся на Симана. Симан поднял булаву и, трижды повертев в воздухе, с такой яростью и силой опустил ее на голову Дэв-Зивара, что тот, как тесто, распластался на земле.

Обнажив меч, Симан разрубил Дэв-Зивара на куски и, войдя в город, уничтожил остальных дэвов.

Увидев маленького дэва, он хотел и его прикончить, но дэв стал молить:

— Не убивай меня, возьми к себе в услужение.

Симан согласился и, взяв маленького дэва, дал ему имя Адамзад.

Оба они сели на коней и поскакали по направлению к владениям Дашкувера.

Долго ли ехали, коротко ли, наконец, доехали до столицы.

Дошла до Дашкувера весть, что едет Симан и с ним дэв.

Визирь вышел посмотреть и увидел, что с Симаном нет его сына Гавваза. И «забрались блохи в шубу визиря». 5

Он понял, что Симан убил Гавваза, но от страха решил молчать.

Узнав о приезде Симана, падишах Дашкувер сильно испугался, выбежал ему навстречу и убедился, что прибыл Симан и с ним маленький дэв. Он послал звать Симана в гости.

Хотя лицо падишаха и выражало радость и довольство, когда Симан пришел к нему, но одному аллаху было ведомо, что творилось у него на душе.

Симан провел там несколько дней. Вдруг пришло известие, что король франков требует или отдать урожай и подати за семь лет или готовиться к войне.

Падишах спросил визиря:

— Скажи, как нам быть: начать войну или уплатить дань?

Визирь задумался. Ему хотелось раз навсегда убрать с дороги Симана, и, пользуясь подходящим случаем, он сказал:

— У тебя такой храбрый пехлеван, как Симан; вышли его на франков, и он в полчаса уничтожит все их войско.

Падишах согласился и послал за Симаном.

Симан поклонился и стал в ожидании.

— Сын мой,—сказал Дашкувер.—Падишах франков предлагает нам или уплатить дань за семь лет или воевать с ним. Я поручаю тебе десятитысячное войско, и ты выходи против франков.

Симан согласился, и падишах дал ему войско.

Целые сутки Симан отдыхал. На следующий день,

ранним утром, войско франков подошло к стенам города.

Симан вскочил, надел свои боевые доспехи, укрепив их в семидесяти семи местах, надел на голову шлем, взял в руки меч, крикнул, что есть мочи, и ринулся на противников.

Закричал Симан в первый раз—разыгрался конь его. Закричал вторично, обнажив свой девятиаршинный меч. Закричал в третий раз так, что замерли на мгновение птицы в небе, и бросился на врагов.

Врезавшись в самую гущу, он начал их рубить справа налево и слева направо: как спелую пшеницу косил врагов его меч.

Когда Симан увидел, что все войско неприятеля перебито, а часть разбежалась, но остались еще два грозных пехлевана, он тут же вступил с одним из них в бой и вмиг отправил его в джаханнам. Обернувшись, он заметил, что второй наступает на него. Оба пехлевана обнажили мечи и со всего размаху с такой силой ударили друг друга по головам, что искры разлетелись во все стороны. Видя, что мечами тут ничего не сделаешь, они отбросили их и взялись за булавы. Но и с булавами вышло не лучше, кинули они булавы на землю. Зарычал Симан, да так, что Дашкувер от страха подпрыгнул на месте, вышел из своего дворца и стал издали наблюдать за схваткой. Дашкувер видит, что глаза Симана налились кровью, и он крайне разгорячен. Симан протянул руку, схватил франкского пехлевана за кушак, с громким рычанием поднял в воздух, закружил и с такой силой отшвырнул прочь, что он покатился и упал у ног Дашкувера.

Дашкувер, видя, что Симан уничтожил все войско франков, обрадовался, спустился к нему и приказал войскам бить в честь Симана в барабаны.

Визирь услышал, что Симан цел и невредим, и овладела им лютая зависть, и сжалось от злобы его сердце.

Вернулся Симан с поля битвы, умылся, почистился и лег спать. Спал он несколько дней и ночей. Наконец, отдохнув, явился к Дашкуверу и говорит:

— Я пришел к тебе с просьбой.

— Прикажи,—ответил падишах.

— Отдай дочь визиря за моего дэва Адамзада.

Падишах опустил голову и задумался, а визирь молча стоял в стороне и наблюдал.

— Ну, что скажешь? Соглашайтесь, или я переверну небо и землю.

Делать было нечего.

— Я согласен,—прошептал Дашкувер.

Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу, и Симан принудил визиря выдать свою дочь за дэва Адамзада, да еще наказал падишаху:

— Смотри, я уезжаю, но если хоть один волосок упадет с головы моего дэва, я приеду и переверну все твоё царство вверх дном.

С этими словами Симан вскочил на коня и ускакал.

Дашкувер и визирь сидели и оплакивали свою судьбу.

Тем временем Симан мчался на своем коне. Как вихрь над ущельями, как поток с гор, с ногами в стремях, коленами на ребрах коня.

Доехал он до цветущей лужайки. Вдруг из-за кустов выскочил джейран и бросился бежать.

Симан погнался за джейраном, долго гонялся, но видит, что не может догнать. Тогда он кинул аркан раз, второй раз и на третий поймал джейрана.

Вытащив нож, он уже хотел заколоть его, как джейран обратился в старуху—гары.

Видя, что тут колдовство, а старуха—колдунья, он схватил ее за руку и хотел убить, но гары взмолилась:

— Не убивай меня, а за это я дам тебе нечто такое, что стоит целого мира.

Симан заинтересовался:

— Скажи, что это за вещь, которая стоит целого мира?

Гары полезла за пазуху, достала портрет и подала Симану, и он, посмотрев, увидел девушку, такую красивую, словно она первое творение аллаха. Чернобровая, глаза как агатовые чаши, ресницы—стрелой, с нежными,

как сливки ланитами, а уста ее словно обрызганы каплями алой крови.

Долго любовался Симан портретом красавицы и наконец обратился к гары:

— Скажи, чей это портрет?

— Это портрет дочери Хан-Ханичина — Пэри-дух-ханум, — ответила колдунья. — Ее младшая сестра сейчас в плену в царстве дэвов.

Сказав это, обратившись в ветер, гары исчезла из виду.

Когда гары исчезла, Симан пожалел, что выпустил ее. Недаром говорит пословица, что камень, брошенный вслед, попадает в пятку.

Сев на коня, Симан поскакал по направлению к городу дэвов.

Долго ехал, — мало отдыхал, мало ехал, — долго отдыхал, наконец, добрался до одной равнины и подъехал к колодцу, над которым увидел дикого петуха.

Он хотел поймать петуха, но вдруг послышался голос.

Обернувшись, Симан увидел недалеко от колодца на ветвях чинары пожилого мужчину.

Подойдя к нему, Симан спросил:

— Что ты здесь делаешь?

— Мой брат заколдован, — ответил тот.

— Кто твой брат и кем заколдован?

— Видишь вот этого петуха? Это не петух, а гары, принимающая образ любого животного. Раз, обратившись в джейрана, она вышла навстречу моему брату и когда тот погнался за ней, она заколдовала его. Вот уже несколько лет, как брат мой заколдован, а я брожу без дела, без пристанища. Я слышал от одного мудреца, что явится пехлеван, по имени Симан: он победит многих падишахов, уничтожит злых духов и освободит заколдованных. Вот почему я сижу здесь и жду прихода Симана.

Услыхав это, Симан назвал себя, а старик, спустившись с дерева, хотел обнять его и припасть к его ногам, но Симан не допустил.

Симан спросил его имя, и тот ответил, что его зовут Меликом.

Тогда Симан спросил Мелика:

— Раз ты возложил на меня все свои надежды, тогда поедem со мной. Я направляюсь во владения Хан-Ханичина.

Мелик согласился. Симан сел на коня и, усадив за собой Мелика, направил коня на восток.

Долго ли ехали, коротко ли, доехали, наконец, до огромного города. Симан заехал в каравансарай, купил барана и велел зажарить; они поели и легли спать.

Проснувшись поутру, Симан разбудил Мелика, купил ему коня и они двинулись в путь.

Как вихрь над ущельями,
Как поток с гор,
Как ветер могучий,
Как молния сквозь тучи.
Он смотрит влево, вправо,
В руках его булава.
Летит Симан-храбрец,
Могучий удалец,
С ногой, вдетой в стремя,
На ребрах коня его колени,
Одной ногою конный
И пеший другой.

Вот как описывает его нам предание. Проехав так целый год, доехали они до подножия громадной горы.

Смотрит Симан: перед ним две дороги. Вместо того, чтобы пустить коня направо, поехал левой дорогой.

Ехали они десять дней и десять ночей. Симан сильно устал. Доехав до родника, они слезли с коней, наполнили их, умылись и, усевшись у воды, закусили. После заката прилегли и спали поочередно, а ранним утром, вскочив на коней, снова пустились в дорогу.

Долго ехали—коротко отдыхали, коротко ехали—долго отдыхали, наконец, доехали до одного города.

— Кому принадлежит этот город?—спросил Симан.

— Этот город принадлежит среднему сыну той гары,
—ответил Мелик.—А его зовут Дэв-Фируз-шахом.

— Я хочу взглянуть, что это за шах, которого так боятся остальные падишахи,— сказал Симан.

Мелик долго отговаривал Симана, но напрасно. Симан настоял на своем.

Пустив коня, он подъехал к воротам и закричал так, что содрогнулись небо и земля.

Как раз в это время Дэв-Фируз пировал. Услыхав голос Симана, Дэв-Фируз вздрогнул, вскочил с места и тотчас послал людей узнать, в чем дело.

Бросились дэвы к городским воротам и видят, что стоят два всадника: один старый, другой молодой. Они подошли к ним и спросили:

— Кто вы и чем занимаетесь?

Рассердился Симан, схватил двух дэвов за шиворот, и так стукнул их головами, что оба тут же испустили дух.

Дэв-Фируз, видя, что посланные не вернулись обратно, послал других дэвов узнать—почему не возвратились посланцы, а Симан стоял и поджидал самого Дэв-Фируза. Когда вновь посланные дэвы приблизились к Симану, он и их отправил в джаханнам.

Дэв-Фируз еще немного подождал, но видит, что от гонцов нет вестей. Не дождавшись их, он сам взобрался на башню, взял подзорную трубу и видит—лежат его гонцы на земле, а у ворот стоит молодой пехлеван, равного которому не сыскать.

Тогда Дэв-Фируз собрал всех подвластных ему дэвов и выслал на Симана.

Симан видит, что наступает на него целое войско.

Заревев, он схватился за свой десятиаршинный меч и стал косить дэвов, как спелую пшеницу.

Полетели к Дэв-Фирузу гонцы и сообщают:

— Симан перебил все твоё войско.

Услыхав это, Дэв-Фируз растерялся и зарыдал, как дитя.

Тем временем Симан перебил всех дэвов и, видя, что Дэв-Фируз не идет, решил въехать в город.

Когда Дэв-Фирузу сообщили об этом, он надел бое-

вые доспехи и, заковав себя с ног до головы и с головы до ног в латы, выехал навстречу Симану.

Они встретились и схватились за мечи. Бились они на мечах два дня и две ночи и, видя, что мечами друг друга не одолеть, отбросили мечи и схватились врукопашную.

Симан повалил Дэв-Фируза и поволок по земле, словно плугом взрывая землю. Дэв-Фируз пытался схватить и повалить Симана, но сил нехватило.

Так боролись они три дня и три ночи. Симан сильно утомился. Наконец, собрав силы, он зарычал с таким бешенством, что птицы замерли в небе и задрожали вокруг горы и скалы.

Он схватил Дэв-Фируза за пояс, уперся левым коленом в землю, а правой рукой с такой силой рванул его и швырнул, что тот ударился об землю, разбившись на семьдесят семь кусков.

Умывшись и приведя себя в порядок, Симан в сопровождении Мелика вошел в замок и стал обходить комнаты.

Заметив две запертые двери, он открыл одну из них и вошел; видит—никого нет, пошел во вторую и там—сидит девушка красоты неопишуемой.

Увидев Симана, девушка сразу полюбила его и говорит:

— О юноша, мне жаль тебя. Зачем ты пришел сюда? Стоит только Дэв-Фирузу узнать об этом, как он убьет тебя. Уходи скорей прочь.

Симан сложил два пальца, а тремя дал девушке две пощечины, и рот ее наполнился кровью.

— Что за глупости болтаешь ты?—прикрикнул Симан.—Дэв-Фируз давно уже отправился в джаханнам. Лучше скажи—кто ты и что здесь делаешь?

— Я младшая дочь Хан-Ханичина. Вот уже год, как дэвы похитили и держат меня здесь. Если мой отец узнает, что ты убил Дэв-Фируза, то отдаст меня за тебя.

Симан взял девушку за руку, вывел за город и говорит:

— Ты свободна. Можешь отправиться в дом твоего отца.

— Хорошо,—обрадовалась девушка.— Ты оставайся здесь, а я пойду и объявлю отцу, что появился пехлеван, который убил Дэв-Фируза и освободил меня, и отец вышлет навстречу тебе войско.

— Не надо,—отказался Симан,—ступай.

Но девушка не послушалась его, ушла и скоро добралась до владений своего отца.

Теперь послушай о Симане.

Он направился к столице Хан-Ханичина. Как раз в это время там произошло большое происшествие. Убили старшину Хан-Ханичина, а Хан-Ханичин, поймав убийц, велел повесить их.

Палач уже готовился вздернуть убийц, как подъехал Симан, и, увидя виселицу, спрашивает:

— Что случилось?

Услышав о причинах казни, слез с коня, отстранил палача и освободил осужденных.

Палач вступил с Симаном в пререкания, и Симан вздернул на виселицу самого палача.

Хан-Ханичин выслал против Симана пехлевана, увидев которого, Симан схватил меч и одним ударом покончил с ним.

Опять сообщили Хан-Ханичину, что это не простой смертный, а такой, который не только одного, но и десятых пехлеванов не выпустит живыми.

Тогда Хан-Ханичин решил выслать на него целое войско, но тут подоспела младшая дочь падишаха. Увидев дочь, Хан-Ханичин так обрадовался, что забыл обо всем.

— Кто освободил тебя?

— Пехлеван по имени Симан,—ответила она.— Он сейчас в нашем городе. Он убил Дэв-Фируза и освободил меня.

Тут Хан-Ханичин понял, что перед Симаном не устоит войско и вышел ему навстречу.

— Кто это?—спросил Симан Мелика, указывая на подъезжавшего Хан-Ханичина.

— Это сам Хан-Ханичин.

Хан-Ханичин, подъехав к Симану, сказал:

— Раз ты избавил дочь мою из рук Дэв-Фируза, она принадлежит тебе. Пойдем ко мне во дворец.

Симан вместе с Меликом пошел за ханом, который торжественно принял их. Два дня город ликовал, а Симан продолжал гостить у Хан-Ханичина.

Теперь послушайте о младшей дочери Хан-Ханичина.

Она отправилась к своей старшей сестре, и та стала расспрашивать ее о том, как ей удалось избавиться от Дэв-Фируза, а младшая рассказала все, как было, и стала так расписывать Симана, что старшая сестра Пэри-дух-ханум, не видев его, влюбилась в него.

Симан же пока продолжал жить у Хан-Ханичина.

В течение многих лет Хан-Ханичин из страха перед Дэв-Фирузом никуда не выезжал. Раз, призвав визиря, он сказал:

— Вот уже несколько лет я из боязни перед Дэв-Фирузом никуда не выезжал. Мне хочется взять войско, поехать вместе с Симаном в двадцатидневный путь. Приготовь все, что нужно.

Визирь почтительно поклонился и вышел.

Заготовили провизию, привели войска в боевую готовность, забили в литавры, и Хан-Ханичин, пригласив Симана, сказал ему:

— Садись на коня, поедем путешествовать.

— Пусть едет с тобой мой дядя,—возразил Симан,—я не привык путешествовать в сопровождении войска.

Хан-Ханичин согласился и вместе с Меликом поехал впереди войска под звуки труб и барабанов, а Симан сел на коня и поскакал за ним на некотором расстоянии.

Хан-Ханичин ехал, окруженный пехлеванами, устраивая по пути состязания на мечах, булавах и в быстром беге. Так незаметно доехали они до берега реки и пустили коней вверх по течению, охотясь по пути за дичью. Доехав через несколько дней до леса, они решили раскинуть здесь шатры, но в это время из лесу показался огромный аждаха и, раскрыв пасть, подобную пещере, хотел поглотить Хан-Ханичина и Мелика.

Хан-Ханичин стал кричать и звать на помощь, но все его войска в испуге бросились бежать.

Симан увидел, что войско бежит, а аждаха вот-вот сожрет Мелика, бросился на чудовище, обнажил меч и рассек его пополам.

Хан-Ханичин очень обрадовался своему спасению. Оглянувшись по сторонам и увидев, что от десяти тысячного войска нет и следа, а около него стоит один Симан, хан в ярости приказал выколоть глаза своему войску.

Симан воспротивился этому. Весть о его поступке дошла до воинов. Радости и благодарности не было предела, и воины забили в честь победителя в литавры.

По приказанию Хан-Ханичина раскинули шатры, и до утра шел пир. Наконец все усталые и довольные легли спать, но Симана уж не было среди них.

На утро проснувшись, Хан-Ханичин вышел с Меликом на прогулку и, обойдя лес, вернулся к шатрам; не видя Симана, он спросил о нем, но никто ничего не мог сказать.

А Симан, сев на коня, направился в город.

Долго ехал—коротко отдыхал, коротко ехал—долго отдыхал. Наконец доехал до ущелья, а когда выезжал из этого ущелья, внезапно заметил зайца и погнался за ним. Заяц бросился бежать. Симан за ним, бросил аркан раз, другой, третий. Ничего не выходит. Заяц несется стрелой, а Симан следом. Наконец, заяц кинулся прямо к гранатовому заповеднику Хан-Ханичина. Симан, не слезая с коня, въехал в сад, растоптал все деревья падишаха, а заяц, внезапно обратившись в прах, исчез с глаз.

Тщетно обыскал Симан все вокруг: зайца и след простыл.

Утомившись, он бросил погоню и, остановившись у бассейна, сошел с коня, привязал его к дереву, насыпал пред ним кишмиш и абрикосы, поднялся на край бассейна, умылся, положил под голову щит и уснул крепким сном.

Оставим его, а я поведаю тебе тем временем о старшей дочери Хан-Ханичина.

Многие падишахи сватали Пэри-дух-ханум, но Хан-Ханичин ни за кого не хотел отдавать свою старшую дочь.

От младшей сестры Пэри-дух-ханум уже слышала о Симане и, не выдав его ни разу, влюбилась в него. Томясь о нем, она слонялась по дому и прислушивалась к малейшему разговору о нем.

В этот самый день, выйдя из дворца, Пэри-дух-ханум зашла в гранатовый заповедник. Забравшись в самую гущу, она заметила следы конских копыт и, заинтересовавшись, пошла по следам; дошла до бассейна и увидела, что там спит юноша, равного которому по осанке, сложению и красоте не сыскать в целом мире.

Припомнив описания сестры, она решила, что это сам Симан, и в сердце ее с новой силой запылала любовь к нему.

Сев у его изголовья, она осторожно вынула щит, у него из рук, положила его голову к себе на колени и, взяв ветку, стала обмахивать ему лицо.

Симан спал и, просыпаясь, он почувствовал, что голова его покоится на чем-то мягком, а лицо ласкает легкий ветерок, и сам он словно не на земле, а в раю.

Раскрыв глаза, он увидел, что в головах у него сидит девушка, такая красивая, что если обойти Миср и Рум, подобной ей не найти.

Симан спросил девушку, кто она.

— Я дочь Хан-Ханичина. А ты кто такой?

Симан назвал себя. Внезапно он вспомнил о портрете и, протянув руку, достал его из бокового кармана; бросил взгляд на девушку и сразу убедился, что перед ним та самая красавица, о которой говорила гары. Они разговорились. В сердце Пэри-дух-ханум было столько любви к Симану, что, не сдержав волнения, она хотела дважды поцеловать его, но Симан отстранил девушку, и она заплакала.

Симан, увидев глаза Пэри-дух, наполненные слезами, и сверкающие, как алмаз, капли слез на ее алых щеках,

не выдержал, стал ее утешать и, притянув к себе, дважды поцеловал ее. Взявшись за руки, они спустились с бассейна и пошли в тень вишневых деревьев.

Оставим их там наслаждаться любовью и негой. Послушайте о Хан-Ханичине.

Хан-Ханичин сильно тревожился за Симана, и его сердцем овладел страх. Видя, что Симан не возвращается, он приказал войскам сложить шатры и сняться с места.

Навьючили шатры на мулов и, вскочив на коней, все во главе с Хан-Ханичином и Меликом поскакали в город. Подъехав к гранатовому заповеднику, утомленный долгим путем Хан-Ханичин решил заехать в сад и отдохнуть.

Оставив войска, он въехал в заповедник, сорвал несколько гранатов и вдруг увидел на земле свежие конские следы. По этим следам он дошел до вишневого сада и увидел, что его дочь Пэри-дух-ханум спит сладким сном в объятиях Симана.

Рассерженный и опечаленный Хан-Ханичин повернул обратно и приказал войскам заехать в город, а сам поспешил во дворец.

Поспав ночь, он на утро послал за визирем, и когда тот явился и склонился перед ним, Хан-Ханичин сказал:

— Визирь, до сих пор я трепетал перед Дэв-Фирузом, но Симан победил Дэв-Фируза, и теперь я трепещу пред Симаном.

— Что случилось? Почему ты так удручен?—осмелился спросить визирь.

Падишах рассказал визирю о том, что пришлось ему увидеть в гранатовом заповеднике. Взяв с визиря слово, что тот сохранит эту тайну, он спросил совета.

— Устрой пир, пригласи Симана, подсыпь в его чашу снотворное, а потом избавься от него,—посоветовал визирь.

Совет визиря понравился Хан-Ханичину, и он сказал:

— Если это удастся, то я отдам свою дочь Пэри-дух-ханум за твоего сына.

На следующий день Хан-Ханичин устроил роскошный пир, собрал гостей и пригласил Симана.

В разгар пиршества в чашу Симана незаметно подсыпали снотворное, услали гостей по домам, а Симан впал в забытие. С помощью нукеров визирь связал его по рукам и ногам и перенес в один из отдаленных покоев дворца, оставив его там с тем, чтобы на утро покончить с ним и бросить труп его в реку.

Мелику также связали руки и ноги и бросили его в реку.

Теперь послушайте о птице Симург.

Из страха перед Дэв-Фирузом Симург не появлялась в эти края. Узнав о том, что Дэв-Фируз убит Симаном, а сам Симан в опасности, она прилетела к самым окнам дворца Хан-Ханичина и увидела там в комнате связанного Симана. Разбив ударом крыла стекло, она влетела к нему, движением клюва развязала веревки, освободила Симана и привела его в чувство. Очнувшись и увидев птицу Симург, Симан встал, поцеловал ее в крыло и спросил о причине ее появления.

Симург рассказала Симану о том, что произошло, и, усадив на спину, спустила его в гранатовом заповеднике, вынула из своего крыла два пера и подала их Симану, сказав:

— Симан, возьми эти перья и, когда очутишься в затруднении—потри их друг о друга, где бы я ни была, я прилечу к тебе на помощь. Но не бойся, ты бессмертен.

С этими словами она улетела.

Симан разыскал Пэри-дух-ханум, и они предались радости встречи.

Хан-Ханичину сообщили, что Симан, очнувшись, скрылся и находится с царевной Пэри-дух-ханум в гранатовом заповеднике, предаваясь там радостям любви.

Сильно разгневанный и напуганный Хан-Ханичин призвал визиря.

Визирь явился и, почтительно приветствовав хана, спросил:

— Что прикажешь, повелитель?

— Дай совет,—ответил Хан-Ханичин,—иначе я ли-

шусь дочери и буду обеспечен в глазах остальных падишахов.

— В чем дело?

— Зелье не подействовало. Симан очнулся, сбежал, нашел Пэри-дух-ханум и теперь вместе с ней предается радостям. Как быть?

— Падишах Овчибыныха—самый сильный в мире падишах. Он сватает твою дочь. Пошли Симана против него, и он живым не вернется. Падишах Овчибыныха убьет его,—ответил визирь.

Похвалив визиря за хороший совет, Хан-Ханичин послал в гранатовый сад позвать к нему Симана.

Посланные, разыскав Симана, сообщили ему, что его зовет Хан-Ханичин. Симан простился с царевной и пошел к хану.

Войдя к падишаху, Симан почтительно приветствовал его и стал в ожидании дальнейших приказаний.

— Симан,—начал Хан-Ханичин,—падишах Овчибыныха сватает дочь мою Пэри-дух-ханум. Если я откажу ему, он пойдет на нас войной. Решай сам—как быть, отдать ли царевну или начать войну.

Симан, видя, что он может лишиться девушки, ответил:

— Дай мне войско.

Падишах согласился. Взяв огромное войско, Симан направился к владениям падишаха Овчибыныха.

Пока Симан ехал во главе войска, птицей полетел туда визирь и говорит падишаху Овчибыныха:

— Пехлеван Симан просит у Хан-Ханичина руки его старшей дочери Пэри-дух-ханум. Хан-Ханичин отказал ему, сказав, что она твоя невеста. Поэтому теперь Симан идет сюда. Готовься.

Овчибыныхский падишах расставил у городских стен войска, а сам, поднявшись на башню, в подзорную трубу стал обозревать окрестности. Он заметил, как к берегу подошел корабль, с него сошел молодой пехлеван с огромным войском и направился к его столице.

Приказав бить в литавры и не давая Симану времени, падишах повелел войскам двинуться в наступление.

Симан увидел несметные силы врагов, окружавших его со всех сторон. Обнажил он меч и крикнул так, что задрожала земля, а войска овчибынских в страхе бросились бежать.

Симан кинулся на них и погрузившись в море воинов, в самую гущу их, начал рубить их и уничтожил все овчибынское войско.

Дошла об этом весть до падишаха. Прибежавшие к нему сказали:

— Да разорит аллах твой дом! О чем ты размышляешь? Не осталось в живых ни одного человека. Перед этим пехлеваном не устоит никакое войско.

У овчибынского падишаха был старый пехлеван.

Призвав его, он послал на Симана.

Схватившись на мечах, они долго бились, но видят, что мечами друг друга не одолеть,—отбросили мечи и взялись за булавы и опять долго бились, но поняли, что и это ни к чему не приведет, и схватились врукопашную. Отбросив булаву, Симан схватил пехлевана за кушак. Они вцепились друг в друга. Упершись ногой в землю, Симан, словно плугом взрывая ее, волочил старого пехлевана. В свою очередь и тот, вцепившись в Симана и упираясь в землю, тщетно старался повалить его.

Оба пехлевана устали и остановились, чтобы перевести дух.

Отдохнув, Симан прошелся по ристалищу, крикнул так, что у старого пехлевана волосы стали дыбом и чуть не прорвались сквозь его шлем, и, схватив старика за пояс, с такой силой бросил его об землю, что старик, разбившись вдребезги, разлетелся на семьдесят семь кусков.

Увидел это падишах и задрожал от страха.

Симан сел на коня, въехал в город и подъехал к падишаху. Падишах Овчибыныха был очень высокий человек, а Симан едва доставал ему до пояса.

Они бросились с обнаженными мечами друг на друга. Трижды Симан налетал на падишаха и на третий раз нанес ему такой удар, что падишах тут же отправился на тот свет.

Отрубив голову падишаху и положив ее в хурджин, Симан вошел в город, разыскал визиря Хан-Ханичина и, схватив его голову одной рукой, словно воробью, свернул ему шею, отрубил ее мечом, бросил в тот же хурджин, приехал к Хан-Ханичину и кинул к его ногам обе головы.

От страха глаза Хан-Ханичина вылезли на лоб. Не проронив ни слова, он отвел Симана в свои лучшие покои.

Оставим Симана отдыхать после долгой битвы, а я тебе расскажу о дочери хана—Пэри-дух-ханум.

Долго ждала Пэри-дух-ханум Симана и, не дождавшись его, рассердилась, сбросила свои роскошные одежды, облачилась в доспехи пехлевана, спрятала тяжелые косы под стальной шлем, вскочила на коня и поехала на поиски Симана, решив убить его.

Тем временем Симан, выспавшись и отдохнув, выехал в поле.

А Хан-Ханичин повсюду объявил, что, кто покончит с Симаном и принесет его голову, тому он даст в награду целый выюк золота.

Едет Симан и видит—несется навстречу пехлеван. Пришпорив коня, он подскочил к нему. Узнав Симана, Пэри-дух-ханум обнажила меч и с громким криком бросилась на него.

Мечи зазвенели. Из-под копыт коней посыпались искры. Долго бились противники и наконец, утомившись, отбросили мечи и взялись за арканы. Три дня и три ночи бились они. Наконец, на четвертый день Симан помоллся и внезапно почувствовал необычайный прилив сил; казалось, что, если бы перед ним стояла Гаф-гора, он одним движением сдвинул бы ее с места.

Он схватил Пэри-дух-ханум за пояс и, подняв вверх, хотел уже бросить на землю, как она заговорила:

— О Симан, пощади.

Голос показался Симану знакомым, и он опустил противника на землю.

Пэри-дух-ханум подняла забрало, сняла шлем, и ее

роскошные черные косы выползли словно змеи и распустились вдоль стройного стана до самых пят.

Только тогда понял Симан, что Пэри-дух, переодетая пехлеваном, эти три дня и три ночи воевала с ним, и он с удивлением спросил ее:

— Что случилось?

Пэри-дух-ханум рассказала все, как было, и они помирились, вновь обнялись и поцеловались, а затем, сев на коней, поехали дальше.

Долго ехали—коротко отдыхали; коротко ехали—долго отдыхали, наконец, доехали до одной башни.

Симан сильно устал. Они вошли в башню и видят, что тут, начиная от шелковых одеял и кончая запасами риса, всего вволю.

— Пэри-дух-ханум, не будем терять время. Я немного посплю, а ты приготовь обед,—сказал Симан.

Оба они умылись, почистились. Пэри-дух-ханум приготовила постель, и Симан лег и уснул, а она принялась готовить обед.

Оставим их в башне.

О ком бы теперь поведать тебе? Поведаю о падишахе Дашкувере.

Долго ждал Дашкувер падишах Симана и так как тот не возвращался, Дашкувер отобрал дочь визиря у дэва Адамзада и выгнал его.

Дэв Адамзад, обиженный, покинул город и пошел разыскивать Симана.

Шел он несколько дней и ночей и дошел до той самой башни, где отдыхал Симан.

Увидев дым над кровлей и решив, что в башне есть люди, дэв Адамзад вошел во двор, узнал, что Симан здесь, и хотел разбудить его. В это время испуганная Пэри-дух-ханум заплакала, бросилась к Симану, чтобы разбудить его, но пожалела его и, стоя у его изголовья, продолжала плакать. Две горячие слезинки упали на Симана, он проснулся и видит, что Пэри-дух-ханум плачет.

— Почему ты плачешь, Пэри-дух?

Пэри-дух указала на дэва Адамзада.

Симан, увидев своего дэва, позвал его в комнату и спросил:

— Ты как попал сюда?

— Шах Дашкувер отнял у меня жену и выгнал меня,—ответил дэв Адамзад.

— Не печалься. Через несколько дней я верну тебе твою жену. Хорошо, что ты пришел ко мне. Теперь ты пожарауль, а я немного посплю. Несколько ночей я не знаю отдыха.

Пэри-дух-ханум⁷ приготовила обед, они поели, и Пэри-дух-ханум и Симан легли спать, а дэв Адамзад стал на страже.

Теперь послушайте о Хан-Ханичине. Не имея наследника и опоры, Хан-Ханичин решил выдать Пэри-дух за старшего сына своего брата, но тут узнал, что Симан похитил Пэри-дух-ханум.

Хан-Ханичин послал гонцов к племяннику: Симан похитил твою невесту; немедленно иди на помощь.

Брат Хан-Ханичина дал своему сыну несметное войско и послал на Симана.

Соединив прибывшее войско с остатками своих войск, Хан-Ханичин послал их в погоню за Симаном.

Дэв Адамзад стоял на башне и, увидев приближающиеся полчища, разбудил Симана. Выйдя на башню, Симан узнал войска Хан-Ханичина. Быстро надев боевые доспехи и обезопасив себя с семидесяти семи сторон, он взял в руки щит, меч, копьё. Пэри-дух-ханум была готова раньше него.

Оба вскочили на коней, кликнули боевой клич, ринулись на противников и начали рубить их.

Произошло невиданное побоище, и войска Хан-Ханичина дрогнула. Кровь лилась рекой. Поваленные друг на друга людские тела образовали горы. Разбежались остатки войск, а остальные погибли.

Опередив Симана, Пэри-дух одним ударом зарубила жениха, и оба направились к владениям Хан-Ханичина. Войдя во дворец, Симан обнажил меч и послал Хан-Ханичина в джаханнам. Наладив все дела, они двинулись по направлению к владениям Дашкувера.

Много ехали—мало отдыхали, мало ехали—долго отдыхали. Наконец, доехали до одной равнины. Симана томил жажда, и он послал дэва Адамзада за водой.

А теперь послушайте о гары.

Та самая гары, которую Симан встречал в образе джейрана, решила завлечь и заколдовать Симана. Зная, что Симан приближается, она высушила воду в окрестных реках, родниках и озерах и невдалеке от места его стоянки создала заколдованный родник.

Видя, что дэв Адамзад не возвращается, Симан стал оглядывать окрестности, заметил невдалеке родник и говорит Пэри-дух-ханум:

— Ты подожди, а я пойду и принесу воды.

Дойдя до родника, над которым был построен овдан, он вошел туда, и гары мгновенно заколдовала его.

Долго ждала Пэри-дух-ханум Симана, а он все не возвращается. Она села и стала плакать.

В это время вернулся посланный за водой дэв Адамзад.

— Почему ты плачешь?—спросил он.

— Симан давно уже вошел в этот овдан и до сих пор не выходит.

Посмотрев на овдан, дэв Адамзад понял, что он заколдован, не вошел в него и говорит:

— Симана заколдовали. Пойдем, я проведу тебя в царство Дашкувера, а сам отправлюсь за птицей Симург.

Пэри-дух-ханум согласилась. Дэв Адамзад посадил ее на спину и в одно мгновение примчал в царство Дашкувера.

На расстоянии одного агача от города возвышалась башня. Остановившись в башне, Адамзад убрал комнаты, пошел в город, забрал из дворца шелка, ковры, подушки, провизию и вернулся к Пэри-дух-ханум.

Оставив там Пэри-дух-ханум, он запер ворота и отправился на поиски Симург-птицы.

Отыскав Симурга, дэв Адамзад рассказал ей о том, что Симан заколдован.

— Садись ко мне на спину,—приказала Симург.

олго
ана

азе
ная,
ест-
его

гал
и

ов-
го.
не

эв

их

а-

в

г.

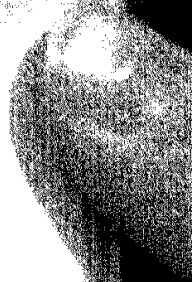
л

о

ь

-

-

Дэв Адамзад повиновался, и они полетели в царство джиннов. Опустившись у замка, Симург-птица приказала:

— Войди в замок, там прямо под самым тронном увидишь сундук, возьми его и беги обратно.

Поклонившись Симургу, дэв Адамзад вошел в замок, разнес трон вдребезги, отыскал сундук и, схватив его, прибежал обратно. Симург взломала сундук, вынула оттуда меч и полетела прямо к заколдованному овдану.

Дважды окликнув Симана, Симург-птица пролетела к нему и сказала:

— Симан, я брошу тебе меч, поймай его и руби все, что попадет тебе на пути. Когда покончишь, почувствуешь страшную жажду, но берегись—не пей.

И с этими словами Симург бросила ему меч. Симан подхватил меч и принялся уничтожать все, что ни попадало под руки. Раскрыв первую дверь, он увидел дремучий лес. Обнажив меч, он вырубил все деревья и видит: лес исчез и на его месте пустыня, а перед ним новая дверь. Сбив ударом меча замок, он распахнул дверь, вошел и видит сад, но такой, что перед ним все сады Хан-Ханичина ничто.

Вошел он в сад, навстречу ему женщина:

— О сын мой,—сказала она и протянула руку, чтоб обнять его, но Симан хватил ее мечом, и женщина, обратившись в прах, исчезла с глаз.

Симан двинулся дальше и слышит голос:

— Симан, ты увидишь дверь, ударь мечом, и она распахнется, за дверьми ты увидишь инжировые деревья. Свали первое, а под остальными пройди так, чтоб ни одна веточка не коснулась тебя; выйдя, ударь по последнему стволу, и тогда чары исчезнут.

Запомнив сказанное, Симан ударил мечом, и дверь распахнулась. Видит—здесь столько деревьев, что ни числа, ни счету. Свалил он первое дерево, и оно, обратившись в прах, развеялось по ветру, затем, осторожно двинувшись под остальными, он одним ударом срубил последнее, и оно обратилось в прах и исчезло с глаз.

Теперь послушайте, что случилось с гары. Она присела в углу над тендиром и ждет. Вдруг видит, что идет Симан. Разозлившись, она крикнула ему:

— О, ты, да заплочет твоя мать на твоих поминках, яд тебе. Да будут твоим уделом недуги. Остановись!

Симан безостановочно продолжал свой путь.

В это время раздался над его головой голос:

— Уничтожай все, что будет попадаться на твоём пути.

Гары, обратившись в змею, извиваясь, поползла ему навстречу.

Увидев гадюку, Симан изрубил ее на куски. Когда он добрался до головы, гары, скользнув в яму, исчезла и, обратившись в мышонка, хотела пробежать между его ногами, но Симан размахнулся и задел мечом хвост мыши. Тогда гары, обернувшись старухой, высушила все колодцы и реки, а сама, взяв чашу с водой, стала у дороги.

Симана мучила жажда. Видит родник, подъехал—нет воды. В это время навстречу ему выходит гары и протягивает чашу.

— О юноша, я вижу ты сгораешь от жажды. На, отпей.

Симан выхватил меч и кинулся на нее. Гары увернулась и бросилась бежать. Симан за ней. Накинув аркан ей на шею, стянул петлю, взмахнул мечом и опустил ей на голову.

Покончив с гары и отправив ее в джаханнам, он заметил, что вода в источниках забила ключом и реки заструились в своих руслах. Бросился Симан к воде, напился, искупался и лег отдохнуть.

Симург-птица пролетала по небу. Видит: у родника спит Симан; она спустилась, распростерла над ним крылья и стала охранять его сон.

Так проспал Симан два дня и две ночи. Когда проснулся и увидел птицу Симург, он обрадовался и поцеловал птицу в крыло.

— Симан! Пэри-дух-ханум ждет тебя,—сказала Симург.—Сядь мне на спину, я доставлю тебя к ней.

Симан сел на спину Симург-птицы, и она взвилась в небо.

Прилетев к хижине чобана, она спустилась, и Симан увидел свою мать. Они расцеловались и принялись рассказывать друг другу обо всем, что было.

Симург-птица сказала:

— Симан—это твоя родная мать, а твой отец, садовник Дашкувер-падишаха, скончался.

И тут она рассказала Симану всю историю его со дня рождения.

Симан встал, благоговейно поцеловал Симург-птицу в оба крыла и спросил о своем коне.

Симург-птица потерла два конских волоска друг о друга, и конь словно из под земли явился перед Симаном.

Симан сел на коня и поскакал к столице Дашкувера.

Падишах Дашкувер, призвав раммала, приказал раскинуть кости. Гадание показало, что Симан попал в большую беду.

Дашкуверу хотелось жениться на Пэри-дух-ханум, но дэв Адамзад день и ночь стоял на карауле.

Как раз в это время Симан подъехал к городу.

Завидя Симана, дэв Адамзад бросился к Пэри-дух-ханум с радостной вестью. Уже несколько дней она, одев траурные одежды, сидела вся в слезах. Услышав о приезде Симана, она быстро сбросила с себя черное и облачившись в брачные одежды, вышла навстречу любимому.

Влюбленные обнялись, поцеловались. Пэри-дух-ханум хотела провести Симана в свои покои, но он отказался, говоря:

— У меня маленькое дело с падишахом Дашкувером.

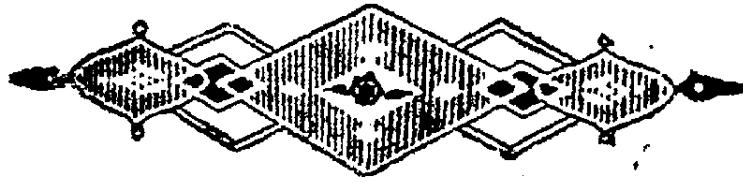
Оставив Пэри-дух-ханум на попечении дэва Адамзада, он въехал в столицу, стал рубить направо и налево приближенных Дашкувера, вошел в дом визиря, убил его и вошел во дворец.

Видя, что идет сам Симан, падишах Дашкувер готов был разыскать мышиную норку, чтоб спрятаться в нее, но не тут-то было. Симан настиг его и одним ударом покончил с ним.

Раздав владения Дашкувера измученному народу и разыскав и повесив похитителей младенцев, он взял с собой невесту Адамзада и поехал к Пэри-дух-ханум.

Вернув дэву Адамзаду дочь визиря, он справил свадьбу. Семь дней и семь ночей длился пир.

На месте скромного дома отца он построил огромный дворец, поселился там с матерью и Пэри-дух-ханум и достиг своих желаний.

VII. СКАЗКА О ДЕВУШКЕ НАРДАН¹

давние времена жил-был падишах по имени Гокуз. Рассказывают, что все падишахи на свете от Запада до Востока трепетали перед ним. Птица и та при его имени от страха замирала. Очень жестокий был падишах Гокуз.

Как-то раз Гокуз увидел во сне, что с неба спустился ангел и, ударив его по щеке, ушел. Гокуз вскочил в испуге с постели, дрожа всем телом. Собрались к нему визири, векилы и спрашивают:

— Что случилось? В чем дело?

Рассказал Гокуз свой сон и потребовал разъяснения его.

Привели они астрологов, но как те ни старались, не смогли разъяснить сон. Наконец, главный астролог сказал:

— Только один человек может разъяснить твой сон.

— Кто он, назови, и я тотчас велю разыскать его,— сказал Гокуз.

— В стране Урум² живет старый астролог; ему ровно триста лет. Только он один сумеет разъяснить этот сон, а нам это не под силу.

— Визирь,—приказал Гокуз,—это дело я поручаю тебе. Отправляйся и привези ко мне старого астролога.

От страха у визиря пересохло во рту и он подумал: «Да ведь это чуть ли не на том конце света. Где Урум, и где мы! Как я поеду в Урум?»

Но делать нечего. Пошел он домой, распрощался с женой и поехал. Мало ехал—много отдыхал, много ехал—мало отдыхал, долго ли ехал, коротко ли, сказки остановок не любят, проехал он много стран, останавливался во многих городах и, наконец, доехал до Урума.

Пошел он гулять по городу и видит, что сидит один дервиш, а перед ним стоит сундук. Дервиш кричит:

— Кто купит сундук? Кто купит сундук? Кто купит, тот выиграет, а кто откроет и посмотрит—проигрывает.

— Эй, дервиш, что просишь за свой сундук?—спросил визирь.

— Сто туманов, но только с условием: бери, не открывая,—ответил дервиш.

— Нет, дай, я сначала посмотрю,—предложил визирь.

— Нет, я продаю его закрытым,—твердил дервиш.— Хочешь бери, а нет—ступай своей дорогой.

Отсчитал визирь сто туманов, вручил дервишу, взяв сундук, понес, поставил его в своей комнате, а сам вышел и, расспрашивая встречных и поперечных, отыскал дом старого астролога.

Постучавшись в ворота, визирь вошел к нему. Смотрит: сидит закутанный в вату древний старец, голова и борода у него белые-пребелые, в руках книга, а перед ним мангал с углями. Увидев визиря, астролог сказал:

— Добро пожаловать, Ибрагим. Садись, пожалуйста.

Визирь удивленно подумал: «откуда он узнал мое имя?», но промолчав, сел рядом с астрологом и только хотел рассказать, за чем приехал, как астролог сам сказал ему:

— Даст бог, утром выедем.

Визирь замер от удивления. Они поели, попили, после чего астролог сказал:

— Ты не задерживайся—поезжай, а я сам приеду.

Визирь встал, пошел в каравансарай, захватил сундук

и поехал обратно. Долго ли ехал, коротко ли, наконец, доехал до дому.

Вышла навстречу его жена и говорит:

— Муженек, а у нас гость.

Бойдя в комнату, он увидел, что у него сидит старый астролог. У визиря пересохло во рту, он почтительно поклонился гостю и сел.

— Встань, проводи меня к падишаху,—сказал астролог.

Визирь поднялся с места и провел старого астролога к Гокуз-падишаху.

Падишах указал астрологу место рядом с собой и говорит:

— О старец, о глава астрологов! Недавно ночью видел я сон. Мне снилось, что сижу я на лужайке. Вдруг загремел гром, спустился с неба ангел, сел ко мне на колени, ударил меня по щеке и ушел.

— О Гокуз-падишах!—ответил астролог.—Знай, что в скором времени родится на свет девочка и, когда достигнет четырнадцати лет, она убьет тебя.

Опечалился Гокуз и говорит астрологу:

— Посоветуй, как быть, и я награжу тебя всем, что ты пожелаешь.

— Умиравшего нельзя исцелить,—ответил астролог.

Услышав эти слова, Гокуз разгневался и крикнул:

— Схватить и казнить этого астролога!

Рассмеялся старец и, внезапно взвившись в небо, скрылся из глаз.

Гокуз-падишах приказал своему визирю:

— Дай совет.

Визирь говорит:

— Есть только один путь избавиться от этого несчастья: вели казнить всех новорожденных девочек, но сделай это так, чтобы народ не заподозрил тебя.

Гокуз согласился. Нанял он четырех палачей, которые по его приказу стали похищать всех новорожденных девочек и убивать их.

Поведаю тебе о визире.

Купленный в Уруме сундук визирь привез к себе домой, но пока не заглядывал в него и не знал, что в нем. Как-то раз, сидя у себя дома, он вспомнил об этом сундуке и об условиях, которые ему поставил дервиш, и решил заглянуть в сундук.

— А ну-ка, принеси сюда сундук, который я привез из Урума,—предложил он жене,—посмотрим, что в нем находится.

Жена визиря встала и принесла этот сундук. Открыв сундук, визирь в нем увидел один гранат. Взяв его в руки, он хотел протянуть жене, но в этот миг гранат выскользнул у него из рук, упал, раскололся на две половины и из него показалась красивая девочка лет десяти. От испуга визирь и жена его упали без чувств. Спустя долгое время, визирь очнулся, привел в чувство жену, подошел к девочке и спросил ее:

— Девочка, чья ты, как ты очутилась в этом сундуке?

— Я дочь пастуха франкского падишаха,—ответила девочка.—У этого падишаха не было дочерей, и, когда я родилась, он приказал моему отцу: — «Дай мне ее в дочери».—Отец не мог отказать падишаху и отдал меня посланным его. До десяти лет падишах франков рости и холил меня, когда же мне исполнилось десять лет, он вздумал жениться на мне. Узнав об этом, мой отец рассердился, обратил меня в гранат, запер в сундук, понес на базар, продал, а ты купил его и привез к себе.

Выслушав это, визирь предложил своей жене:

— Жена, у нас нет ни дочерей, ни сыновей. Хорошо, что она попала к нам. Давай удочерим ее.

Жена визиря обрадовалась и согласилась. Оставив ее у себя, они назвали девочку Нардан-ханум.

Поведаю я тебе о жителях города.

Жители города в связи с похищением их младенцев собрались и пришли к падишаху. Падишах вышел к ним и спрашивает:

— Зачем вы явились?

— В городе появились похитители младенцев,—ответили пришедшие.—Стоит только нашим женам ро-

дить девочку, как в ту же ночь появляется вор и похищает новорожденную.

Падишах успокоил народ, говоря:

— Вы идите, а я разыщу похитителей.

Народ разошелся по домам и ждет, что будет дальше.

Теперь послушайте о Нардан-ханум.

Тем временем Нардан-ханум подросла и достигла двенадцати лет. Как-то раз пошла она с женой визиря в баню. А падишах в это время сидел у себя на балконе и смотрел на улицу. Видит—идет с женой визиря какая-то красавица.

— Визирь, кто это сегодня шел с твоей женой в баню?—спросил Гокуз визиря.

— Дочь моя,—ответил визирь.

Падишах удивился.

— Когда же успела у тебя родиться дочь? Что-то я ничего об этом не слышал.

Визирь ответил:

— Двенадцать лет тому назад.

Опустив голову, Гокуз-падишах промолчал.

Прошло некоторое время. Затаил падишах в душе любовь к Нардан-ханум и думает: «Во что бы то ни стало я должен увидеть ее».

Призвал он как-то визиря и говорит:

— Визирь, сегодня вечером жди меня к себе в гости.

Визирь поклонился и вышел, а придя домой, говорит жене:

— Жена, сегодня к нам придет Гокуз-падишах. Приготовь все, что надо.

Жена визиря приготовила плов и все необходимое для встречи гостя. Вечером пожаловал Гокуз. Поговорив немного о том, о сем, падишах стал беспокойно обводить глазами комнату, чтобы хоть мельком увидеть Нардан-ханум, но она не показывалась. Наконец, под предлогом того, что ему надо взять в руки кувшин, он вышел во двор.

Нардан-ханум с женой визиря хлопотали на кухне. Увидев ее в окно, падишах не мог справиться с собой, вернулся в комнату и говорит визирю:

— Визирь, мне что-то плохо, я ухожу.

Как визирь ни просил, как ни уговаривал: «останься, поужинай»,—падишах не послушался и вернулся к себе. Забросив все дела, падишах проводил дни и ночи на своем ложе. Он был без ума от любви к прелестной дочери визиря.

Как-то раз явился визирь к падишаху и говорит:

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Уже много дней ты забросил все дела, скажи—в чем причина?

— Мое горе неопишимо,—ответил Гокуз-падишах.

— Расскажи мне свое горе, быть может, я сумею помочь тебе.

— То, что не скрыто от аллаха, к чему скрывать от тебя: ты должен отдать за меня свою дочь.

Опустил визирь голову и задумался: «Так вот зачем приходил он к нам! Ему хотелось увидеть Нардан-ханум».

— Визирь,—продолжал падишах,—я больше не могу ждать. Ты должен отдать за меня Нардан-ханум.

— Да будет долговечна жизнь падишаха,—ответил визирь,—разреши, я спрошу дочь: может быть, она не будет согласна.

Падишах согласился. Визирь встал и пришел домой. Позвал к себе Нардан-ханум и спрашивает:

— Дочь моя! Согласна ли ты выйти за нашего падишаха?

— Я ни за кого не выйду,—ответила она.

Как в воду опущенный, визирь вернулся к Гокуз-падишаху и дословно передал ему ответ дочери.

После этого еще сильнее заговорили в падишахе любовь и страсть к прекрасной Нардан. Как-то раз он, прогуливаясь по саду, увидел двух мальчиков, игравших в кости на улице. Один из них стал жульничать в игре, а кечал, схватив альчики, бросился бежать. Мальчик стал кричать:

— Отдай мои альчики.

А кечал, убегая, ответил:

— Как бы не так. Я для тебя не Гокуз-падишах, ко-

торый день-ото-дня бледнеет и тает от тоски по Нардан-ханум и не знает, что делать.

Услышав эти слова, падишах схватил кечала за руку, притащил к себе и говорит:

— Эй ты, бездельник, откуда ты знаешь, что я тоскую по Нардан-ханум?

— А почему мне не знать этого?—ответил кечал.

— Ну, раз знаешь,—сказал падишах,—тогда скажи, что мне сделать, чтобы жениться на ней.

— Накорми меня сперва, тогда скажу.

Гокуз-падишах провел кечала на кухню, приказал накормить его досыта, а затем привел к себе и спрашивает:

— Ну, кечал, скажи теперь. Если ты поможешь моему горю, я награжу тебя, а если начнешь болтать глупости, прикажу отрубить тебе голову.

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Нардан-ханум хочет выйти за тебя, сам визирь не хочет отдать ее тебе. Пока не убьешь визиря, ты не сумеешь жениться на девушке.

Гокуз спрашивает кечала:

— А как сделать, чтобы убить визиря?

— Моя бабушка умеет ткать великолепные ковры. Пришли к нам визиря купить для тебя коврик. Я заберусь на крышу дома и, когда он будет входить к нам, сброшу с крыши огромный камень, он там и умрет.

Падишах согласился, дал кечалу горсть золота, отправил его домой, а сам призвал визиря и говорит:

— Визирь, там-то и там-то, в доме у такого-то кечала, есть редкий ковер. Пойди, посмотри и, если он тебе понравится, купи для меня.

Тем временем кечал забрался на крышу и стал ждать, приготовив тяжелый и острый камень. Когда визирь подошел к дверям, кечал сбросил на его голову камень, и визирь тут же испустил дух. Ночью кечал потащил труп визиря и бросил его на базарной площади. На утро сообщили Гокуз-падишаху, что визирь убит.

Похоронил падишах визиря с подобающими почестями, а сам пришел к его вдове, выразил ей свое соболез-

нование, еще раз взглянул на Нардан-ханум и вернулся во дворец.

Прошло еще некоторое время. Как-то ночью, когда Нардан-ханум сидела дома, кто-то постучал. Она открыла. Вошли двое людей и говорят:

— Падишах просит тебя к себе.

Нардан-ханум отказалась итти, выгнала пришедших и заперла двери. Когда Гокуз-падишаху доложили, что Нардан-ханум отказывается итти, он разгневался и приказал утром казнить ее.

Этой же ночью приснился Гокузу новый сон: сошел с неба ангел и нанес удар ему в грудь. Проснувшись от страха, он до утра не мог сомкнуть глаз, утром поднялся и пришел в судилище. Сев на свое место, он послал за астрологом, который выслушал падишаха и сказал:

— Твой первый сон начинает постепенно сбываться, берегись!

После ухода астролога Гокуз-падишах вспомнил предсказание старца и забыл о Нардан-ханум. Как раз в это время снова явились жители города и жалуются:

— Переполнилась чаша нашего терпения: стоит нашим женам родить дочерей, как по ночам их похищают.

Видит Гокуз-падишах, что дела плохи, задумался и сказал:

— Вижу, что вашим жалобам конца не будет, а я отыскать воров не могу. С завтрашнего дня начните за мой счет строить большой одноэтажный дом и приносите туда всех новорожденных девочек. Посмотрим, что будет дальше.

Совет падишаха пришелся всем по душе. Тут же все принялись за работу и за короткое время дом был построен. Падишах отпустил средства, наняли нянек и кормилиц, и в этот дом все стали приносить новорожденных девочек.

Теперь поведаю тебе о Нардан-ханум и о Гокуз-падишахе.

Опьяненный любовью, пошел Гокуз-падишах к Нардан-ханум. Она была у себя и увидев, что идет Гокуз-

падишах, хотела незаметно выскользнуть из комнаты, но падишах подлетел, как ястреб, схватил ее за руки и сказал:

— О, Нардан-ханум, отчего бы нам не соединить наши планеты?

Нардан-ханум, видя, что падишах от нее не отстанет, сказала ему:

— Да будет долговечна жизнь падишаха, дай мне год сроку, и тогда я стану твоей женой.

Гокуз-падишах согласился и вернулся к себе.

А теперь послушайте о Нардан-ханум.

Нардан-ханум знала, что в городе орудуют похитители детей, и что разыскать воров никак не удастся. Поднялась она ночью, надела на себя доспехи пехлевана и вышла в город. К какому бы дому она ни подходила, отовсюду доносились вопли, стенания и слезы; лишь из одного дома на окраине слышны были звуки музыки и пения. Заглянула она в окошко: сидит у стены на тюфячке старик, за спиной у него шелковая подушка, ноги укутаны в одеяло, а около него мальчик и девочка; мальчик играет на сазе, девочка бьет в бубен, а старик слушает и порой подпевает им.

Нардан-ханум постучалась. Дверь открыли. Нардан-ханум вошла. Подошел к ней мальчик и спросил:

— Что тебе надо?

Нардан-ханум ответила:

— Я странник, у меня здесь никого нет, приютите меня на одну ночь.

— Войди и будь гостем.

Нардан-ханум села. Мальчик и девочка заиграли, старик запел. Немного погодя, мальчик бросил свой саз, а девочка бубен, и они начали бороться. Девочка повалила мальчика и стала его бить. Старик вначале смеялся, а потом достал из-под тюфячка розгу, ударами ее разогнал детей, и они легли спать. Нардан-ханум задумалась, удивляясь всему виденному, а старик обратился к ней со словами:

— О гость мой, добро пожаловать.

— Спасибо.

Старик открыл стоявший рядом сундучок, достал оттуда кусок сухого чурека и блюдо меду и подал гостю. Нардан-ханум съела только один кусок и вытерла руки.

— Гость мой, отчего ты не ешь?—спросил старик.

Нардан-ханум ответила:

— Пока ты мне не раскроешь своей тайны, я не притронусь к твоему хлебу.

— О пехлеван, сиди и ешь, какое тебе дело до моих тайн?

— Знай, старик, — ответила Нардан-ханум, — что если ты не откроешь мне своей тайны, я встану, обезглавлю этих детей и уйду.

Старик задумался и говорит:

— О пехлеван, знай, мою тайну не слышал никто, даже эти двое ребят. Это мое молчание и губит меня; поэтому-то я так немощен и дряхл.

Старик откинул одеяло, и Нардан-ханум увидела, что ноги старика по самый пояс изъедены червями. Прикрыл старик колени и говорит:

— Послушай, откажись от своей затеи, не будь причиной моей гибели.

Но Нардан-ханум упорно требовала:

— Ты должен сказать мне, что знаешь.

Старик начал:

«Я был садовником Гокуза. Я был молод, мне было лет шестнадцать. Как-то раз Гокуз-падишах послал меня в Аравию за пальмами. Там влюбилась в меня одна аравитянка, я привез ее с собой. Падишах был молод. Я копил деньги на свадьбу. Вижу, что сыграть свадьбу мне не под силу, взял маленькую хончу, отправился к падишаху и рассказал ему о своей беде. Выслушал меня падишах и говорит:

— Приведи свою невесту, тогда посмотрим.

Я согласился. Ведь отцы и деды твердили нам, что падишахи—наши земные владыки. Привел я аравитянку к Гокузу и показал ему. Как взглянул Гокуз на мою

невесту, так и загорелись его глаза, но я все же ничего не заподозрил. Обратился он ко мне и говорит:

— Ну, расходы на свадьбу я беру на себя. Оставь ее пока во дворце среди моих жен. Дня через два мы сыграем твою свадьбу.

Я поддался обману, считая этого злодея добрым человеком, и сам своими руками отвел и оставил аравитянку в гареме. Прошла неделя, не выдержал я, отправился к падишаху и говорю:

— Отдай мне мою невесту!

Падишах прогнал меня. Я был молод, горяч, не сдержался и выругал его бранными словами. Разгневался падишах и приказал заточить меня в темницу. Остался я надолго в заточении. А Гокуз тем временем, как ни пытался жениться на аравитянке, та не согласилась. Ни девушка мне, ни я ей не изменяли. Как-то ночью вырвался я из темницы, похитил аравитянку и убежал. Гокуз послал за нами погоню и снова отнял у меня мою невесту, а меня опять заточил в темницу. Ровно год провел я в заточении. Каждый день являлся ко мне Гокуз, предлагая:

— Согласись, пусть аравитянка будет моей.

Я не соглашался. Наконец, Гокуз насильно овладел моей невестой. От сырости у меня отнялись ноги, и когда я выбрался из темницы, то, забравшись сюда на окраину, выстроил себе домик, взял этих детей и держу их при себе. Они играют, а я радуюсь; к борьбе же я их приучаю потому, что когда они вырастут и станут пехлеванами, они отомстят за меня Гокузу».

Старик кончил. Нардан-ханум переночевала у старика, а утром вернулась к себе.

Вечером, снова переодевшись пехлеваном и вооружившись с головы до ног, вышла она бродить по городу и, заглядывая в каждое окно, подслушивая под каждой дверью, она услышала, что в одном из домов поднялись вопли; мать кричала: «о дочь моя», а брат: «о моя сестренка». Не вытерпела Нардан-ханум, вошла в дом и спрашивает:

— Что за крики, что случилось?

Гут какая-то старуха и говорит ей:

— О пехлеван, разве ты в этом городе впервые?

— Да, я чужестранец,—ответила Нардан-ханум.

— В нашем городе,—сказала старуха,—с давних пор появились злые люди, они похищают младенцев, и стоит только родиться на свет девочке, как она ночью исчезает.

Отправилась к себе Нардан-ханум, провела ночь, утром встала, пришла к Гокуз-падишаху и говорит:

— О падишах, я слышала, что в твоём городе похищают всех новорожденных девочек. Ты должен разыскать похитителей, иначе я залью твой трон кровью.

Разгневался Гокуз и кивнул палачу:

— Задержать его.

Услышав это, Нардан выскользнула из комнаты, бросилась к себе, сняла с себя доспехи пехлевана и переоделась опять девицей.

Ночью, снова переодевшись пехлеваном, она вышла в город. Видит: в одном из домов огонек, подошла ближе, смотрит—бежит кто-то, а в руках у него сверток. Нардан-ханум внимательно пригляделась и узнала Гокуз-падишаха, который нес в свертке трехмесячного младенца. Нардан-ханум вырвала у него из рук ребенка. Выпустив из рук младенца, падишах бросился бежать, не узнав Нардан-ханум, а она пошла следом за ним. Добежал Гокуз-падишах до своих людей и кричит:

— Держите его.

Набросились люди Гокуза на Нардан-ханум. Она хотела положить ребенка и выхватить меч, но сзади накиннулись на нее двое, связали по рукам и потащили в темницу.

А Гокуз той же ночью поджег дом, куда прятали младенцев, и все они погибли в огне. Сам же созвал народ и объявил:

— Убийца и поджигатель найден. Завтра он будет казнен.

На утро воздвигли на майдане виселицу, привели Нардан-ханум и поставили на помост. Вышел падишах к народу и говорит:

— О мой добрый народ! Вы все укоряли меня, что я не могу разыскать похитителя младенцев, но вот он, наконец, найден и стоит перед вами.

Плюнул народ в лицо Нардан-ханум и осыпал ее тысячью проклятий. Хотели женщины закидать ее камнями, но палач воспротивился:

— Падишах велел вздернуть злодея на виселицу.

Палач приготовил петлю, но тут откинула Нардан-ханум с лица нигаб, Гокуз узнал Нардан-ханум, но было уже поздно. Не успели палачи накинуть петлю, как поднялся сильнейший ветер. Он закрутил тучи песку и пыли, и засыпал зрителям глаза, рот и уши. Сбросила Нардан-ханум петлю, вмещалась в толпу и скрылась. Спустя немного времени ветер утих. Оглянулись палачи, а преступника нет.

Теперь послушайте о Нардан-ханум.

Побежала Нардан-ханум прямо в соседний лес и несколько дней скрывалась там. Выбравшись из лесу, она пошла по дороге. Долго ли шла, коротко ли, наконец, дошла она до города Рум. Вошла в город, видит — огромный сад, да такой роскошный: кругом тюльпаны, розы, соловьи, а в саду каких только фруктов, каких только ягод нет. Вошла Нардан-ханум в сад, полакомилась спелыми плодами и, улегшись в густой душистой траве, уснула.

А теперь я поведаю тебе о дочери падишаха Рума — Зярнигяр-ханум.

Со всех концов света приезжали женихи сватать красавицу Зярнигяр, но она ни за кого не хотела выходить. Надоели падишаху бесконечные сватовства и приемы, и поклялся он, что больше в дела дочери вмешиваться не станет. С тех пор Зярнигяр сама принимала послов и сама отказывала женихам. Как-то раз вышла она в сад, видит — спит в тени деревьев крепким сном красавец юноша. Села она у его изголовья и принялась обвеивать ему лицо, гладить кудри, утирать чело. Нардан-ханум проснулась и видит, что сидит перед ней красавица девушка; она едва заметно улыбнулась и встала. Зярнигяр-ханум спрашивает:

— О юноша, как зовут тебя и кто ты такой?

— Зовут меня Ахмедом, и я сын падишаха Урума.

Зярнигяр подумала: «Сам аллах посылает мне то, что я ищу». Она тут же призналась Нардан-ханум в своих чувствах:

— О Ахмед, я люблю тебя и ты должен жениться на мне.

У Нардан-ханум во рту пересохло, она промолчала. Зярнигяр повторила свои слова и, как вьюнок, обвилась вокруг Нардан-ханум. Делать нечего, обняла и Нардан-ханум красавицу Зярнигяр. Сели они в густой траве и просидели так до самого вечера. Зярнигяр поднялась и говорит:

— Ахмед, встань, пойдем в мои покои.

Они пришли в комнату Зярнигяр, заперли двери и легли спать. Зярнигяр ночью предлагает Нардан-ханум:

— Ахмед, соединим наши планеты.

— Подожди пока, — отвечает Нардан-ханум. — Дня через два-три мы совершим кебин, иначе я не согласен. Это было бы бесчестно.

Долго упрашивала Зярнигяр, но Нардан-ханум оставалась тверда (ведь она была девушкой).

Чуть свет Нардан-ханум встала и вышла в сад. Давно уже она не купалась. И думает: «Пойду-ка, выкупаюсь, а там—аллах милостив».

Спустилась она к реке, осмотрелась по сторонам, видит, что никого нет, сбросила одежды и вошла в воду.

Сын садовника Муртуз был красивый юноша. Вышел он ранним утром в сад, видит—над рекой виднеется что-то молочно-белое. Подошел к реке и увидел купающуюся юную красавицу. Решил Муртуз спрятать ее одежды. Нагнулся, а на берегу—мужское одеяние. Удивленный Муртуз остановился.

Внезапно Нардан-ханум заметила Муртуза:

— О юноша, удались, я должна одеться.

Муртуз отошел в сторону, и Нардан-ханум быстро оделась. Муртуз подошел к ней и спрашивает:

— О девушка, кто ты?

Хотела Нардан-ханум промолчать, но видит, что это красивый, ласкающий взор юноша. Понравился он ей, и

полюбила она его всем сердцем. Сели они на лужайке и раскрыли друг другу свои сердца.

Теперь послушайте о Зярнигяр.

Зярнигяр, проснувшись утром, видит, что рядом с ней нет любимого Ахмеда. Она встала и вышла в сад. А Нардан-ханум в это время сидела с непокрытой головой, и густые волосы, словно листья андуза, окутывали ее. Зярнигяр видит, что сын садовника Муртуз сидит в ее саду с какой-то красавицей. Рассердилась она, вернулась домой и послала служанку привести к ней Муртуза. Тем временем Нардан-ханум опять надела доспехи пехлевана. Вызванный служанкой, Муртуз пришел к Зярнигяр.

— Ах, ты, бездельник!—закричала на него Зярнигяр.—Зачем я держу тебя у себя? Затем, чтобы работать в саду или веселиться там с девушками?

— Госпожа,—ответил Муртуз,—о какой девушке ты говоришь? Я не видел в саду никаких девиц.

Рассердилась Зярнигяр и велела заключить Муртуза в темницу.

В это время Нардан-ханум вернулась во дворец и видит, что ведут Муртуза. Бросилась она к нему и спрашивает:

— Кто задержал тебя?

— Зярнигяр-ханум,—ответил он.

Нардан-ханум прошла к Зярнигяр и спрашивает:

— О моя дорогая, любишь ли ты меня хоть немного?

Зярнигяр ответила:

— Люблю.

Нардан-ханум:

— В таком случае исполнишь ли ты мою просьбу?

Зярнигяр:

— Исполню. Только попроси.

— О моя дорогая, свет очей моих, подари мне Муртуза, я сам накажу его,—попросила Нардан-ханум.

Зярнигяр ответила:

— Дарю его тебе, мой Ахмед.

Тут же Зярнигяр приказала отпустить Муртуза, а сама села с Нардан-ханум и стала пировать.

Как только солнце зашло, Нардан-ханум отправилась к Муртузу, и двое влюбленных, слив уста, провели ночь в ласках и весельи.

Таким образом, каждый день Нардан-ханум проводила часок-другой с Зярнигяр и, кое-как отделившись от нее, спешила к Муртузу, проводя с ним ночи напролет.

А теперь поведаю об отце Зярнигяр.

Отец Зярнигяр был падишахом. Как-то ночью вышел он в сад и видит, что в саду Зярнигяр виднеется огонек. Он подошел, заглянул в окошко и увидел, что сын его садовника Муртуз лежит в объятиях такой красавицы, равной которой не сыскать в целом мире. По красоте это сама Зулейха. Не выдержал падишах и упал без чувств. Спустя некоторое время он очнулся, встал, вошел в комнату к Муртузу, связал их обоих по рукам и ногам, вернулся к себе и послал людей привести к нему Нардан-ханум и Муртуза. И когда их доставили, падишах велел заточить Муртуза в темницу, а Нардан-ханум отвести в его гарем. Как сказал он, так и сделали.

Оставим Муртуза в темнице; послушайте о Нардан-ханум и падишахе.

Прислал падишах Нардан-ханум роскошные одежды, и она переделалась. Падишах вошел к ней и говорит:

— О моя корона, мой венец, мой трон! Давай соединим нашу судьбу.

— Наши планеты никогда не сойдутся,—ответила Нардан-ханум.

Падишах решил силой добиться своего и хотел ее обнять, но тут она размахнулась и ударила его по лицу так, что падишах отлетел к порогу и, свалившись на пол, разбил себе рот и нос. Озлобленный, он поднялся и приказал бросить Нардан-ханум в темницу. Случайно темница, где она была помещена, оказалась смежной с темницей Муртуза. Ночью Нардан-ханум, решив во что бы то ни стало вырваться оттуда, поднялась с места и стала рыть в стене отверстие. Вырыв дыру, она пере-

шла в соседнюю комнату и видит, что там горит в углу свеча и на полу спит юноша. Взяв свечку, она подошла к нему и увидела, что это Муртуз.

Разбудив Муртуза, она сказала ему:

— Дай мне твою одежду, я выберусь отсюда, а потом спасу и тебя.

Муртуз согласился. Тут же они поменялись одеждой. На утро Нардан-ханум послала Зярнигяр записку. Та, узнав, что Ахмед в темнице, пришла в тюрьму и тайно от отца освободила Нардан-ханум. Выйдя из тюрьмы, Нардан-ханум вооружилась с головы до ног, опоясалась мечом, подошла к дверям темницы, пронзила мечом тюремщика и освободила Муртуза.

Побежали сообщить падишаху:

— Появился новый пехлеван; он убил тюремщика и освободил заключенных. Спешите!

Приказал падишах выступить войскам, и войска потоками ринулись на площадь.

Засучила Нардан-ханум рукава, как лев ринулась в самую гущу и начала косить врагов; разя их направо и налево, добралась она до самого падишаха и отправила его в джаханнам. Назначив падишахом визиря, явилась она к Зярнигяр и говорит:

— О Зярнигяр, знай, что я девушка.

И, рассказав Зярнигяр все, что с ней было, добавила:

— Теперь я ухожу.

— Раз ты уходишь, возьми и меня с собой — попросила та.

Нардан-ханум приказала оседлать трех лучших коней и вместе с Муртузом и Зярнигяр выехала из города. Долго ли они ехали, коротко ли, наконец, доехали до владений Гокуз-падишаха.

Остановилась Нардан на той самой площади, где хотели вздернуть ее на виселицу и прокричала свой боевой клич. Услышал ее клич Гокуз и послал людей узнать, кто там. Нардан-ханум вмиг зарубила посланцев Гокуза.

Гокуз, видя, что гонцы не вернулись, послал новых, а Нардан-ханум зарубила и этих. Разгневался тогда Го-

куз и выслал войско. Обнажила Нардан-ханум меч и бросилась в самую середину. Быстро расправилась она с войском, и вскоре площадь была полна трупов. Послал тогда Гокуз на Нардан-ханум своих лучших пехлеванов, но и они не устояли против Нардан. Рассердился Гокуз и вышел сам. Схватились они на мечах, но видя, что ничего не выходит, отбросили мечи и взялись за булавы. Побившись некоторое время на булавах, схватились они наконец врукопашную. Долго боролись они. Наконец Нардан-ханум, схватив Гокуза за пояс, приподняла и, бросив его на землю, стала ему на грудь, отсекла ему голову и надела ее на свое копье.

После этого она собрала народ и рассказала ему о злодеяниях Гокуза, о том, как он похищал и убивал их детей. Проклял народ Гокуза и избрал Нардан-ханум падишахом. Проществовала Нардан-ханум несколько дней, передала трон и власть Муртузу и говорит:

— Я уезжаю и вернусь дней через пять.

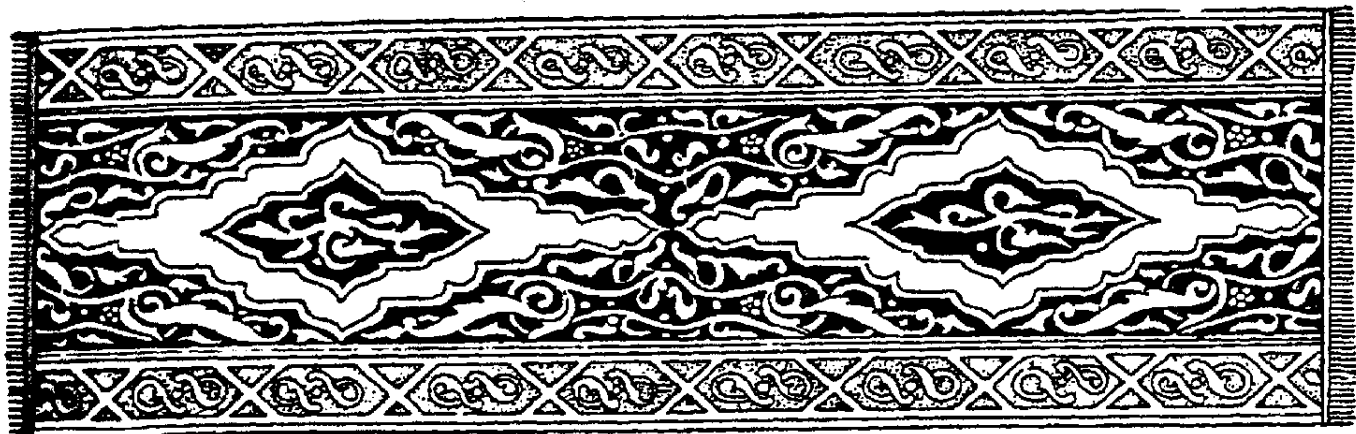
Села она на коня и поскакала к себе на родину. Приехала в родной город, разыскала своих родителей, рассказала отцу все свои приключения и добавила:

— Для того, чтобы сохранить свою честь, ты обратил меня в гранат, продал и избавил меня от падишаха, а теперь мой долг избавить тебя от него.

С этими словами она отправилась во дворец, убила падишаха, подчинила себе его войско и, назначив падишахом своего отца, вернулась к Муртузу.

Семь дней и семь ночей длился свадебный пир, и они достигли, наконец, желанного.

VIII. АНАКА

ил-был один армянин—бедняк. Имел он старшего сына по имени Кямран, младшего сына Вартана и дочь Анаку. Как-то раз старик заболел и, будучи при смерти, позвал старшего сына Кямрана и говорит:

— Кямран, сын мой, я умираю и тебе поручаю Анаку, береги ее.

Старик умер. Кямран его похоронил согласно народным обычаям.

Прошли дни, пролетели месяцы, и Кямран женился. Кямран всегда слушался советов Анаки, любил ее и покупал ей красивые платья. Не влюбила жена Кямрана Анаку. Как-то ночью она встала, подошла к постели спящего младшего брата Анаки, Вартана, выколола ему шилом глаза и убила его, а шило спрятала в сундук с платьями Анаки. Утром Кямран увидел труп брата и спросил:

— Жена, чьих это рук дело?

Она ответила:

— У кого найдешь шило, тот и сделал.

Перерыл Кямран весь дом и шило нашел в сундучке у Анаки.

В наказание Кямран отрубил Анаке правую руку, положил в левую и выгнал ее из дому. Вышла Анака и пошла куда глаза глядят. К вечеру добрела она до какой-то мельницы и рассказала мельнику свои злоключения. Сжалился мельник над Анакой, приютил ее у себя и женился на ней.

Как-то раз мельник на целый год поехал по делам в чужие края, а Анаку поручил своему отцу.

Пронеслись дни, пролетели месяцы, и у Анаки родился сын. Написал отец мельника сыну:

«Радуйся, сын мой, да озарятся твои очи, у тебя родился сын».

Письмо это отец мельника передал страннику и попросил его вручить сыну. Взял странник письмо и отправился дальше. Когда он проходил мимо дома Кямрана, жена Кямрана, увидев странника, спросила его:

— Куда ты направляешься?

Странник ответил:

— Я несу письмо мужу Анаки.

Жена Кямрана пригласила его погостить:

— Войди, отдохни, покушай, а потом пойдешь дальше.

Странник вошел, поел, попил и заснул. Жена Кямрана, дождавшись, пока странник уснул, вытащила письмо, прочла, разорвала, а сама написала другое:

«Сын мой, да озарятся твои очи. Жена твоя Анака родила щенка!»

Это письмо она положила в карман странника. Немного спустя, странник проснулся и пошел дальше. Дошел он до того самого города, где находился мельник, разыскал его и вручил ему письмо. Мельник, прочтя письмо, написал отцу в ответ:

«Отец, не твое дело—кого родила, щенка ли или кого другого; береги их и жди моего возвращения».

Мельник передал свое письмо страннику, и тот отправился обратно. Снова ему пришлось проходить мимо дома Кямрана. Опять жена Кямрана позвала его к себе, накормила, напоила его, и странник уснул. Обшарив его карманы, жена Кямрана вытащила письмо, прочла и разорвала, а сама от имени мельника написала другое:

«Отец, если даже у Анаки родился сын, у которого половина волос на голове из чистейшего золота, а другая из серебра, он мне не нужен. Выгони ее, пускай уходит, куда хочет».

Проснулся странник, поблагодарил жену Кямрана и пошел дальше. Пришел он к отцу мельника и вручил ему это письмо. Старик, прочитав письмо сына, выгнал Анаку с ребенком из дому. Вышла Анака с младенцем на руках и дошла до одной речки. Только она вошла в реку, чтобы перейти ее вброд, как течение подхватило и понесло ее и вынесло далеко вниз. Анака вышла на берег, прижала сына к груди и горько заплакала. Вдруг к ней подползла змея и сказала:

— Не плачь, Анака, лучше возьми мою слюну, помажь ею свою искалеченную руку, и она заживет.

Послушалась Анака змею, помазала ее слюной свою руку, и тотчас отрубленная рука ее зажила. Поблагодарила Анака змею и пошла дальше. Дошла до одной горы, у подножия которой была пещера. Анака поселилась с сыном в этой пещере. Перед пещерой росли три яблони, на которых были хорошие спелые яблоки. Анака часто с мальчиком сидела в тени этих яблонь.

Сыну Анаки было уже пять лет. Он резвился, как рыбка.

Пришло время, и мельник, вернувшись домой, видит, что Анаки нет. Спрашивает отца—где она. Отец рассказал ему все, что было. Мельник взял охотничье ружье и с плачем отправился искать Анаку. Тогда же Кямрану приснился сон о том, что отец упрекает его и говорит:

— Сын мой, ты забыл мое завещание и выгнал Анаку; за это я буду вечно проклипать тебя. Ступай, разыщи ее.

Проснулся Кямран и отправился разыскивать сестру. В степи он встретился с мужем Анаки. Они подружились и пошли вместе. Дошли они до подножия той самой горы, где поселилась Анака. Анака, увидев их, тотчас узнала, но они не узнали ее. Анака сказала сыну:

— Ступай и скажи одному из них «дядя», а другому—«отец».

Пошел ребенок и назвал одного из них дядей, а другого отцом. Они поднялись к Анаке, и Анака попросила их остаться отдохнуть. Анака накормила и напоила их.

Поели они, попили и легли спать. На утро, когда они собрались уходить, Анака сорвала с дерева десять яблок и положила незаметно в хурджин к брату. Когда, попрощавшись, они уходили, Анака остановила их и спросила:

— Кто из вас сорвал мои яблоки?

Они принялись клясться, божиться, что не рвали. Анака обыскала хурджин брата, нашла яблоки, вынула их и говорит:

— Почему ты украл мои яблоки?

— Разве я стану красть яблоки?—спросил Кямран.

— А разве я стану убивать своего брата?

Услышав эти слова, Кямран узнал свою сестру.

Взяли они Анаку и ее сына и привели домой.

А Кямран пошел к себе и убил свою жену. Анака женила его на доброй славной девушке. И зажили они все весело и счастливо.

IX. СКАЗКА О ДЖЕЙРАНЕ

то-то был, кого-то не было. В один из дней жил в Индостане падишах, очень жестокий, да к тому же чародей, и не было в стране человека, которого не мучил бы этот падишах.

Была у него красавица дочь, по имени Зергова. Она была так прекрасна, что из всех стран приезжали женихи сватать ее, но падишах ни за кого не хотел ее отдавать.

Теперь расскажу о сыне Румского падишаха.

Сын Румского падишаха был без ума от красавицы Зерговы. Много раз посылал он сватов, но отец Зерговы возвращал их обратно. Наконец сын Румского падишаха собрал войско и пошел войной, но и силой не удалось царевичу получить прекрасную Зергову.

Тогда царевич отказался от всего отцовского имущества и отправился изучать колдовскую науку. Изучив ее, прибыл в Индостан и послал сказать падишаху:

— Отдай за меня дочь свою Зергову; а если не дашь — вступлю с тобой в колдовскую войну. В живых должен остаться либо я, либо ты.

Падишах, видя, что тот в совершенстве изучил колдовскую науку и с ним нельзя сладить, призвал визиря и сказал:

— Визирь, дай совет: приехал сын Румского падишаха Ахмед; он владеет всеми ключами от колдовской

науки, и, если он начнет со мной войну, я с ним не слажу.

— Да будет долговечна жизнь падишаха,—сказал визирь,—изготовь железный сундук, устрой пир, пригласи в гости сына падишаха, дай ему снотворное и запи его в сундук.

Совет визиря понравился падишаху, и он послал сказать Ахмеду:

— Я готов, но раньше прошу пожаловать ко мне в гости.

Ахмед согласился и пришел к падишаху в гости.

После того, как они поговорили о том, о сем, посмеялись, им принесли суфру. Падишах встал, пошел к повару и насыпал в тарелку Ахмеда снотворное. Потом пришел и сел на свое место. Как только начали кушать плов, Ахмед моментально заснул. А падишах, переполненный ненавистью к Ахмеду, бросил его в сундук и, не довольствуясь этим, прочел заклинания, обратил его в дым и закрыл сундук. За дворцом находился большой пустырь, на восточной части которого он вырыл глубокий колодец, бросил туда сундук, засыпал землей, сравнял и ушел. В тот же день падишах велел выстроить для Зерговы новый дворец, да такой, чтоб птица и та не могла бы увидеть ее.

Оставим их пока здесь, а я поведаю об индийском городе.

Жил в Индии один бедняк по имени Ризван, который имел жену. Ризван не знал никакого ремесла и каждый день он ранним утром отправлялся в лес рубить дрова, а в сумерки возвращался домой и, заработав немного, кое-как жил на эти деньги. Как-то раз утром отправился Ризван за дровами, нарубил одну вязанку, привез на базар и стал продавать; но к нему подошел смотритель базара, отобрал у Ризвана вязанку, а самого избил и выгнал. Колотя себя в грудь и по голове, отправился Ризван прямо ко дворцу и сел на камень жалобщиков. В старину у каждого падишаха был перед дворцом камень

жалобщиков. Каждый, у кого было какое-либо горе или жалоба—приходил, садился на него, падишаху сообщали: «явился жалобщик». И тогда падишах разрешал привести жалобщика к себе.

Сел и Ризван на этот камень, а падишаху доложили:

— На камне сидит какой-то человек.

Падишах сказал:

— Пойдите и узнайте, что ему надо.

Пришли люди падишаха и спрашивают:

— Почему сидишь здесь? Что нужно тебе?

— Я хочу видеть падишаха,—ответил Ризван.

Вернулись посланные и доложили:

— Он хочет видеть тебя.

— Ступайте, приведите его,—приказал падишах.

Посланные падишаха привели Ризвана к нему. Ризван почтительно поклонился и встал в ожидании.

Падишах спрашивает:

— Зачем ты пришел, что тебе надо?

— Да будет долговечна жизнь падишаха, у меня была вязанка дров, и твой смотритель отобрал ее у меня.

Приказал падишах:

— Призвать базарного смотрителя!

Призвали смотрителя. Он явился пред очи падишаха.

— Верни этому человеку его вязанку дров,—говорит падишах.

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Я сжег дрова, но готов уплатить их стоимость.

— Не хочу я денег, я хочу свои дрова.

Сколько дров и денег ни предлагал падишах ему, Ризван наотрез отказывался, говоря:

— Мне нужны мои дрова, а не вернете, я выйду на базар и осрамлю вас.

— Ризван, лучше перестань говорить о своих дровах, скажи, какое ремесло знаешь, я тебя устрою и ты заработаешь вдвое,—предложил ему падишах.

Долго думал Ризван над этим предложением; подняв наконец голову, он взглянул на падишаха и сказал:

— Да будет долговечна жизнь падишаха, я хорошо знаю садоводство.

— Вот и прекрасно. Мне как раз нужен садовник; раз хочешь быть садовником, ступай,—за моим дворцом есть пустырь. Даю его тебе, но помни: на востоке есть небольшой участок, не трогай его.

Ризван почтительно поклонился. Падишах приказал дать ему одежду и необходимое продовольствие и отпустил его. С утра начал Ризван работать: копать, корчевать и сажать деревья. В сказках месяц, годы проносятся стрелой. Прошло немного времени, и Ризван развел такой сад, что только любуйся и дивись на него. Когда сад расцвел и зазеленел, он послал сказать падишаху:

— Сад готов, пусть падишах пожалует, полюбуется.

Падишах в сопровождении визирей, векилов и всей свиты пришел в сад и увидел, что Ризван разбил такой сад, каких мало. Каких только деревьев, каких цветов тут не было! Роза призывает соловья, цветут фиалки, деревья ломаются под тяжестью сочных плодов, словом это—один из уголков рая. Падишах обошел весь сад, похвалил Ризвана, подарил ему кошелек, набитый золотом, и удалился, а сад записал на свое имя.

Как-то раз Ризван с лопатой в руке обходил сад. Вдруг он вспомнил, что царь наказывал ему ни в коем случае не трогать восточную часть пустыря. Загорелось в Ризване любопытство. «Интересно, что кроется там; почему падишах не разрешает копать это место? Вскопаю пустырь и посмотрю, почему падишах это запрещает».

Взял Ризван лопату и принялся копать пустырь. Вдруг слышит из-под земли голос:

— О, Ризван, почему ты не даешь мне спокойно спать?

Услышав этот голос, Ризван испугался и бросился бежать. До следующего утра он не входил в сад. Утром встал и говорит жене:

— Жена, ступай в сад. Я оставил там на пустыре лопату, возьми ее и принеси мне.

Ниса, жена Ризвана, пошла в сад. Дошла до пустыря и, подняв лопату, только хотела повернуть обратно, как из-под земли раздался голос:

— Эй ты, старая Ниса, почему же не пришел твой муж, Ризван?

От страха Ниса тут же упала без чувств.

Ждет Ризван жену, ждет и видит, что та не идет. Подождал до самого заката, не возвращается жена, встал и пошел в сад, но от страха не осмелился подойти к пустырю, встал в сторонке и кричит:

— Ниса, эй Ниса!

Она не откликнулась. Нет Нисы. Задумался Ризван и набрался мужества: «Пойду в ад! будь что будет».

«Взял Ризван свое сердце в зубы»¹ и пошел на пустырь. Видит—лежит Ниса, как мертвая. Подошел Ризван к Нисе, принялся ее трясти, и опять из-под земли раздался голос. Ризван решил: «Будь, что будет: вскопаю этот пустырь и посмотрю в чем дело». Затем он привел Нису в чувство, отвел домой и спрашивает:

— Жена, что с тобой приключилось, почему ты упала без чувств?

Ниса рассказала мужу все, что с ней было. И Ризван посвятил жену в то, что случилось с ним.

— Жена, я иду на пустырь,—сказал он затем,—вскопаю его и посмотрю, что находится под землей.

В сумерки, взяв в руки лопату, Ризван двинулся к пустырю и начал копать. Вырыл и разрыхлил он землю в четыре роста и наткнулся на железный сундук. Призвал на помощь Нису; с трудом вытащили они сундук и принесли домой.

— Жена, запри-ка двери, откроем и посмотрим, что находится в сундуке.

Ниса заперла крепко-накрепко двери. Сказав: «бисмиллах!», Ризван отпер сундук, приподнял крышку, но тут же густой дым окутал комнату. Спустя некоторое время дым рассеялся, и перед Ризваном предстал дервиш.

От страха у Ризвана начались колики. Быстро поклонился он дервишу, ответив на его приветствие.

— Или будь мне братом, или я убью тебя,—сказал дервиш Ризвану.

— Зачем тебе убивать меня? Говоришь, будем братьями—давай будем братьями.

— Но у меня одно условие,—продолжал дервиш.

— Говори, в чем оно заключается.

— Первое: чтоб ты не смел спрашивать, как я попал в сундук.

— Баш уста, ?—отвечает Ризван,—не спрошу.

— Второе: что б я ни сказал, что бы ни сделал, ты не станешь меня расспрашивать.

— Согласен и с этим.

— Третье условие,—продолжал дервиш:—куда бы я ни послал, что бы я ни приказал и ни сделал с твоей женой, ты не возразишь ни слова и не станешь спрашивать, почему это так.

Тут Ризван слегка призадумался.

— Ну, Ризван, что скажешь, согласен или нет?—спросил дервиш.

Делать нечего. Ризван говорит:

— Хорошо, согласен.

В полдень дервиш протянул руку, поковырял землю, достал чашку с кислым молоком и, протянув Ризвану, спросил:

— Ризван, это молоко белое или черное?

Хотел Ризван сказать: «белое», но вспомнил условие дервиша и ответил:

— Не знаю.

— Я говорю, что молоко—черное, а ты как думаешь?

— Дай-ка, лучше посмотрю.

Вытянул Ризван шею, нагнулся над чашкой и говорит:

— Баба дервиш, молоко—черное.

После этого дервиш сказал Ризвану:

— Ризван, я отправляюсь в трехдневное путешествие, но смотри: до моего возвращения не смей выходить из дому и не подходи к своей жене.

— Баш уста!

И дервиш, сделав вид, что ушел из дома, спрятался на крыше.

Ночью он спустился с крыши и видит, что муж и

жена спят. Сошел дервиш в сад и направился к тому самому пустырю. Ризван проснулся от звуков его шагов и видит, что дервиш идет прямо на пустырь. Встал он и отправился потихонечку следом за ним. Спрятавшись среди кустов, он увидел, что дервиш лег на землю и принялся горько плакать. Поднявшись, он взял лопату и принялся рыть землю. Долго рыл, вырыл яму и, добравшись до большого камня, поднял его. Под камнем оказался колодец; дервиш вошел в него и, спустя долгое время, вышел оттуда, неся на руках джейрана. Потом вынул нож, зарезал джейрана, вскинул его себе на спину, влез на крышу и лег спать.

Ризван задумался: «Что б это могло значить?» Сначала он думал подняться на крышу, разбудить дервиша и расспросить его, но, вспомнив об условии, решил: «Не беда, подожду; посмотрим, чем все это кончится».

На утро спустился дервиш с крыши, протянул джейрана жене Ризвана Нисе и говорит:

— Разруби на куски этого джейрана, не снимая шкуры, и зажарь, но смотри: берегись, не смей пробовать.

Ниса—ему:

— Сделаю, как велишь.

Прочел дервиш заклинание, взвился в небо и начал оттуда подсматривать, что будет делать Ниса.

Засучила Ниса рукава и, не снимая шкуры, разрубила джейрана на куски, положила на сковороду, развела огонь и принялась жарить. А дервишу хотелось отыскать женщину, твердую сердцем; вот почему, поднявшись ввысь, он прочел новое заклинание, обратился в коршуна и, спустившись, ударил Нису крылом. Та не испугалась, швырнула в птицу уполовником, но не попала. Отлетев дальше, дервиш сбросил с себя облик коршуна и, обратившись вновь в человека, подошел к Нисе, которая, вернувшись, продолжала жарить джейрана.

— Ниса, пойди, принеси тарелку, разделим мясо,— сказал дервиш.

И как только она ушла в комнату за тарелкой, дервиш снял с огня сковороду, поставил перед собой, вы-

нул из-за пазухи банку и слил туда весь жир со сковороды, а мясо разбросал по земле. В это время вернулась Ниса с тарелкой в руке.

Дервиш говорит:

— Ах, как жаль, сковородка соскользнула, и мясо рассыпалось по земле.

Ниса ответила:

— Жалеть не надо, ты, дервиш, найдешь второго джейрана и принесешь.

Дервиш поднялся, вошел в комнату, подложил под голову хурджин и уснул.

Оставим его спать. Теперь вы послушайте о Ризване.

Ризван поливал сад. Покончив с поливкой, он вернулся домой. И вдруг видит, что под деревом разведен костер, а вокруг разбросано много мяса. Ризван был сильно голоден. Сел он, подложив под себя ноги, и принялся подбирать и есть мясо. Мгновенно живот его распух до того, что он, не будучи в состоянии шевельнуться, повалился и остался лежать.

А теперь послушайте о падишахе.

Как-то раз решил падишах отправиться погулять. Пришел он в сад, обошел его и удивился, что Ризван, который обычно выходил ему навстречу, на этот раз не появляется. Быстро пошел он к пустырю и увидел, что место, где он закопал заколдованного сына Румского падишаха, разрыто, а сундука нет. Ударил падишах себя обеими руками по голове и заплакал. А визирь долго ждал падишаха и, видя, что он не возвращается, пошел разыскивать его и нашел его плачущим на пустыре.

— Да будет жив падишах. Что это значит?—спросил визирь.

Падишах рассказал визирю все, что было, и приказал:

— Визирь, дай совет.

— Падишах,—ответил визирь,—тут никаких советов не дашь. Дело теперь зависит от тебя. Надо будет выдать за него твою дочь.

— Никогда этого не будет. Я поклялся, что ни за кого свою дочь не выдам.

— Ну, раз так,—говорит визирь,—воля твоя.

Вернулись они во дворец.

Оставим падишаха, проводящего бессонную ночь в раздумьи, а расскажем о Нисе.

Долго ждала Ниса своего мужа Ризвана, но видя, что тот не возвращается, вышла во двор и окликнула его; тот не отзывался. Тогда она прошла в сад и видит, что на том месте, где она развела днем костер, лежит какая-то огромная туша. Подошла ближе, и видит, что это лежит ее муж Ризван, живот его вздулся и стал подобен куполу. Ниса испугалась и побежала к дервишу, который спал. Встряхнула она дервиша и разбудила.

Дервиш очнулся и дал Нисе пощечину.

— О, чтоб аллах разрушил твой дом! Я видел сон, а ты разбудила меня и не дала досмотреть его до конца.

— А что же ты видел во сне?—спросила она.

— Молчи, глупая! Недосмотренные сны не рассказывают. Зачем ты разбудила меня?

— Дервиш, у моего мужа живот вздулся; встань, выйди к нему, может быть, сумеешь помочь.

Дервиш прикусил палец, встал, вышел в сад, подошел к костру, видит, что у Ризвана вспух живот, и понял, что тот поел джейраньего мяса и погиб. Дервиш опечалился: он берег это мясо для Нисы. Обвел он глазами вокруг; видит: валяются два больших куска, быстро поднял их и спрятал в карман.

— Помоги моему мужу,—просила Ниса дервиша.

А тот ответил:

— Ниса, твоему мужу ничем нельзя помочь. Давай, похороним его.

Делать нечего, Ниса согласилась, и дервиш вырыл могилу, обмыл Ризвана, одел на него саван, похоронил, а сам поднялся в полночь, подошел к могиле, разрыл ее, вскрыл Ризвану живот, достал джейранье сердце и, снова засыпав могилу землей, вернулся обратно.

Через несколько дней дервиш сказал Нисе:

— Ниса, выйди за меня замуж по законам божьим и нашего пророка.

Ниса согласилась, и они совершили кебин. Начал дер-

виш под именем Ризвана работать в саду. Как-то раз он сказал ей:

— Ниса, возьми это сердце и мясо и пожарь их на масле.

Взяла Ниса сердце и куски джейраньего мяса и положила на сковороду. А дервиш улучил минуту, когда Нисы не было, и подлил на сковороду джейраньего жира. Когда мясо было поджарено, Ниса расстелила суфру и подала пищу.

Ниса была сильно голодна, съела она джейранье сердце, а дервиш прочел заклинание, и Нисе казалось, что и он ест наравне с ней, но он и не думал есть, а только сидел у суфры. Когда она наелась, дервиш поднялся с места и отправился в сад.

Оставим их пока здесь и расскажем еще о падишахе.

Окружил падишах дворец своей дочери высокой стеной, чтоб ни одно живое существо не могло взглянуть на нее, и повелел страже каждого, кто войдет в город в одеянии дервиша, хватать и бросать в темницу.

Оставим стражу выполнять повеления падишаха. Расскажем о Нисе.

Не прошло и девяти месяцев, как Ниса родила мальчика. Мальчик этот был наполовину человеком, наполовину джейраном, но с такими красивыми глазами и бровями, что нельзя было бесконечно не созерцать их. Зашел дервиш к Нисе, видит, что она родила мальчика, но у него лицо человечесье, а тело джейранье, взял розгу и ударил ребенка.

— Ах ты, негодная, что ты родила?

Только прикоснулся он к ребенку, как тот обратился в прелестного мальчика.

— Ты назовешь этого ребенка Джейраном,—сказал дервиш.

Время в сказках проносится стрелой. Вырос Джейран, достиг пятнадцати лет и стал таким смелым, отважным пехлеваном, что только любуйся им!

Начал дервиш обучать Джейрана военному искусству. Сделался он пехлеваном, а Ниса смотрит на него и не на радуется.

Однажды дервиш говорит себе: «Теперь я должен добыть Зергову».

Поднялся он, поставил мангал и насыпал в него горячих углей. Потом написал на подкове имена Джейрана и Зерговы и бросил в огонь; пламя охватило их, и в сердце Зерговы запыла любовь к Джейрану.

А теперь послушайте... о ком? О Зергове-ханум.

Видит Зергова сон: явился к ней пятнадцатилетний юноша, протянул ей яблоко и ушел.

Проснулась Зергова утром и стала как сумасшедшая, но не могла найти никого, кому бы раскрыть тайну своего сердца. Начала девушка блекнуть и вянуть день ото дня. Сообщили падишаху, что дочь его Зергова заболела. Засуетился падишах, послал за лекарями, но какие снадобья и лекарства ей ни давали, как ни лечили—все напрасно.

Дервиш сказал Нисе:

— Ступай к падишаху и скажи: там-то и там-то есть врач, он сумеет излечить твою дочь. Если он согласится, приходи и скажи мне.

Отправилась Ниса к падишаху. Падишах спрашивает:

— Зачем ты пришла?

— Там-то и там-то есть врач; он говорит, что сумеет вылечить недуг царской дочери.

— Ступай, приведи его ко мне,—приказал он.

Ниса вернулась к дервишу и говорит:

— Падишах согласен.

Дервиш отправился на базар, купил для Джейрана одеяние врача, переделал его и говорит:

— Пойдешь к падишаху, он спросит у тебя: «во сколько дней берешься ты вылечить мою дочь?»,—отвечай: в три дня. Когда же падишах разрешит, войди в покои царевны, но прежде поставь падишаху условие, чтобы в комнате находились только ты и девушка. Когда царь согласится на это, войди к Зергове, а до остального тебе нет дела.

Научив Джейрана, дервиш отправил его в сопровождении Нисы к падишаху.

— Явился новый врач!—доложили падишаху.

— Приведите его.

Привели Джейрана к падишаху. Видит падишах—это красавец хоть куда! Указав ему место рядом с собой, падишах усадил его и, обратившись к Джейрану, спрашивает:

— О юноша, ты врач?

Джейран ему:

— Да, я врач.

— О юноша, вот уже целый месяц, как моя дочь больна, нет таких врачей, которых я ни призывал бы к ней. Я хочу заключить с тобой условие: если ты излечишь ее, я отдаю тебе половину своих сокровищ, а нет—велю казнить тебя.

Джейран согласился.

Падишах спрашивает:

— Во сколько дней ты вылечишь ее?

— За три дня, но с условием, чтобы в покоях царевны были только я и она.

Падишах согласился. Повели Джейрана в покои Зерговы, открыли дверь, выпустили его, заперли ворота и ушли. Раскрыла царевна очи и видит, что перед ней тот самый юноша, которого она видела во сне. Быстро поднялась она с ложа, закинула руки вокруг шеи Джейрана и обняла его,— и до утра, обнявшись, они предавались радостям любви.

Проснулась поутру Зергова и говорит Джейрану:

— Джейран, сколько дней пробудешь ты со мной?

— Завтра исполнится три дня.

— А как мне быть, чтобы отец согласился выдать меня за тебя?

— Потерпи, что-нибудь придумаем.

На третий день доложили падишаху:

— Дочь твоя, царевна Зергова, поправилась.

Обрадовался падишах:

— Привести ко мне врача.

Пришли за Джейраном. При прощании Зергова говорит Джейрану:

— Завтра в полдень жди меня в гранатовом саду.

Джейран пришел к падишаху, а падишах приказывает:

— Дать Джейрану половину моей казны.

Когда Джейран получил половину казны, он сказал падишаху:

— Если завтра ты не отпустишь свою дочь в гранатовый сад, она снова заболеет и уже больше не поправится; она должна дышать ароматом кислых плодов.

Сказав это, Джейран вышел.

Сидя в саду, дервиш поджидал Джейрана. Спустя много времени, Джейран явился, и, увидев его, дервиш спросил:

— Джейран, расскажи, что было?

Джейран ответил:

— Пошел, девушку вылечил и вернулся.

— Разве девушка тебе не сказала ни одного слова?—спросил дервиш.

— Нет, девушка мне ничего не говорила.

Смекнул дервиш, в чем дело, приложил пальцы к губам и промолчал. На утро Джейран говорит матери:

— Мама, я иду, мне надо выйти кое-куда, к вечеру вернусь.

Джейран вышел, а следом пошел дервиш. Когда пришли в гранатовый сад, Джейран спрятался в одной стороне, а дервиш, тайком от него—в другой.

Оставим их там в ожидании. Теперь о ком бы поведать вам? О Зергове-ханум.

Утром Зергова послала передать ее отцу:

— Отец, врач велел мне выйти сегодня в гранатовый сад.

Падишах согласился и приказал:

— Закрывать базар и все лавки; никому, даже птице и той не смей выйти сегодня наружу: царевна Зергова отправляется в гранатовый сад.

Заперли все в этот день свои магазины и лавки, и ни один из жителей не показывался наружу, когда Зергова вышла и отправилась в гранатовый сад.

Теперь послушайте о Зергове.

Вошла Зергова в гранатовый сад, обошла его, оглядываясь по сторонам, видит—стоит в конце сада Джейран. Сказав своим рабам и прислужницам: «я иду к реке,

если кто осмелится пойти за мной, тому велю отрубить голову», — Зергова от них удалилась, подошла к концу сада и окликнула Джейрана. Джейран бросился к ней. Зергова обняла его и села к нему на колени. Сказав ей «джан», он прижал ее к своему сердцу. Поговорив несколько часов о том, о чем и радостно смеясь, они легли и уснули.

А теперь расскажу я вам о дервише.

Дервиш, притаившись за деревом, наблюдал за ними и, когда увидел, что Джейран и Зергова уснули, подошел к ним, прочел заклинание и, обратив Зергову в воробушка, а себя в сокола, схватил Зергову клювом и взвился в небо.

Теперь расскажу о прислужницах Зерговы. Подождали они до заката, видят, что нет Зерговы, и полные раскаяния и сожаления пришли к падишаху и говорят:

— Зергова пропала.

Запылал падишах гневом, и сердце его чуть не разорвалось. Призвал он раммала:

— Раммал, погадай, открой, кто похитил мою Зергову и куда отвез.

Раммал несколько раз гадал и, наконец, покачав головой, молвил:

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Твою дочь похитил сын Румского падишаха — дервиш-чародей Ахмед, и в настоящее время она находится в одном городе, лежащем на западе от Рума.

Падишах ударил себя обеими руками по голове и зарыдал, как дитя. Наконец, успокоившись, он обратился к раммалу:

— Скажи, раммал, есть ли в моем государстве такой человек, который мог бы отобрать мою дочь у Румского царевича-дервиша Ахмеда и привезти ко мне?

Раммал раскрыл книги, заглянул в них и говорит:

— Да будет жив падишах! Есть в твоём царстве пехлеван по имени Джейран, если он поедет, он сумеет привезти царевну.

— Где этот пехлеван и в чьем доме живет?

— Он — сын твоего садовника Ризвана. Ты можешь призвать его и послать куда хочешь.

Пусть падишах посылает за Джейраном, а ты послушай о нем самом. Джейран ведь уснул в саду с Зерговой. Слустя много времени, он почувствовал холод, проснулся и видит, что Зерговы нет. Встал он, обошел весь сад и, не найдя нигде царевны, полный отчаяния, вернулся домой, лег ничком и зарыдал.

Мать его Ниса, подойдя к нему, спрашивает:

— Сын мой, о чем ты плачешь?

Не ответив ни слова, Джейран зарыдал еще сильнее. В это время явились посланные падишахом люди, отыскивали дом Нисы и спрашивают Джейрана.

— Зачем вам Джейран?—спросила Ниса.

— Его призывает к себе падишах.

Пришла Ниса к Джейрану:

Падишах требует тебя к себе.

Джейран встал с места, взглянул в зеркало, видит, что глаза его от слез покраснели, умылся, вытерся и отправился к падишаху.

Падишах, раммал и визирь сидели в ожидании юноши. Увидев Джейрана, падишах обрадовался и указал ему место рядом с собой.

— Джейран, знай, что дочь мою Зергову похитил сын Румского падишаха—дервиш Ахмед. Если ты поедешь и сумеешь вернуть мне дочь, я выдам ее за тебя. Что на это скажешь, согласен ты или нет?

Услышав имя Зерговы, Джейран встал и сказал:

— Поеду.

Дал падишах Джейрану лучшего коня и полное одеяние пехлевана и отправил. Пришел Джейран к матери, простился с ней, вскочил на коня и поскакал.

Как вихрь над ущельями, как поток с гор, могучий, как ураган; ноги в стремях, колени у ребер коня; где нужно пешим, а где и конным, летел он легче птицы, мчался быстрее гончей. Что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новая стоянка, и, наконец, доехал до города Рума. Переночевав в Руме, утром, чуть свет, сел он на коня и поехал на запад. К закату доехал до темного леса и, сбившись с пути, не знал, как быть. Увидев тропинку, Джейран поехал по ней. Ехал он целую

ночь и целый день, наконец, подъехал к склону горы, покрытому густым лесом. Какие только пожелаешь деревья были тут, какие только захочешь фрукты были тут! Крутом благоухали тюльпаны, фиалки, нарциссы. Тысяча и одна цветов, соловьи приводили человека в восторг и изумление. Приостановив коня, Джейран внимательно взгляделся в лесную чащу, видит: вдали что-то чернеется.

Подскакал Джейран и видит, что это хижина, перед ней разостлан коврик, на коврике сидит старец с белой пребелой, словно снег, бородой, перед ним мангал, а на коленях у него книга весом в батман.* При виде Джейрана старец поднял голову, взглянул на него и говорит:

— Джейран, сын мой, наконец-то ты приехал!

Джейран удивился:

— Эй дай!—спросил он.—Откуда ты знаешь мое имя?

— Сын мой, уж много лет я ожидаю тебя. Садись, поговорим.

Спешился Джейран и сел рядом с старцем, который сказал ему:

— Сын мой, мне ведомо, куда ты направляешься, и рассказывать это излишне. Ты едешь за Зергова-ханум, претерпишь много бед, убьешь многих падишахов и лишь тогда достигнешь желанного.

— А где же Зергова?—спросил Джейран.—Как мне разыскать ее?

Старец ответил:

— Сын мой, не торопись. Услышь и знай: тот самый дервиш, который был тебе вместо отца, и есть сын Румского падишаха Ахмед: он женился на твоей матери. Когда Зергова вышла в сад, он силой заклинаний похитил ее, а теперь видишь—вдали на склоне горы виднеется башня? Ахмед заточил туда Зергову, но она не позволяет ему подойти к себе. Ты отправишься туда. Увидя тебя, Румский царевич-дервиш Ахмед скажет: «Сын мой, добро пожаловать». Ты же ни в коем случае не подходи к нему, ибо он убьет тебя. Если же он не сумеет этого сделать, то заколдует тебя.

Старец поднялся, открыл какой-то старый сундук, достал меч и, подав Джейрану, сказал:

— Этим мечом ты рассеешь чары, убьешь Румского царевича Ахмеда и достигнешь цели. И еще скажу: иди прямо и ни в коем случае не задерживайся в пути.

Сказав это, старец проводил Джейрана.

А теперь о ком бы поведать вам? О сыне Румского падишаха Ахмеде и о Зергове.

Похитив Зергову, сын Румского падишаха Ахмед хотел привезти ее прямо во владения своего отца, но, заглянув в свои книги, увидел неблагоприятное предсказание и сообразил, что отец Зерговы отнимет ее у него, и он снова подвергнется несчастью. Тогда он поселил ее в стороне от Рума в башне, но как ни старался добиться от Зерговы исполнения своих желаний, она не подпускала его к себе. Днем дервиш Ахмед, уходя по своим делам, держал Зергову-ханум на цепи, а возвращаясь к вечеру, снимал цепи и проводил время в ее обществе.

Поспав некоторое время, Джейран доехал до башни. Подъехав к воротам, он увидел, что у ворот лежит аждаха, и как только Джейран приблизился к нему, аждаха, раскрыв пасть, бросился на Джейрана. Не упуская благоприятного момента, Джейран выхватил подаренный старцем меч и, пронзив им аждаха, отправил его в джаханнам. Войдя в башню, он нашел Зергову-ханум, закованную цепями. Сорвал он цепи и освободил царевну. Увидя Джейрана, Зергова-ханум спросила:

— Как случилось, что ты прибыл сюда?

Тут Джейран рассказал о своих приключениях.

— Джейран, бежим,—сказала Зергова,—а то придет Румский царевич Ахмед и, увидя нас вместе, убьет и тебя и меня.

— Не бойся,—ответил Джейран.— С сыном Румского падишаха Ахмедом я поступлю так, что он не забудет об этом до скончания мира.

Услышав эти слова, Зергова обрадовалась и обняла Джейрана. Они сплелись друг с другом, как хмель, и легли спать.

А теперь поведаю о сыне Румского падишаха Ахмеде.

День клонился к закату, когда, как обычно, Ахмед в одежде дервиша подошел к своей башне и увидел, что аждаха убит. Быстро вошел он внутрь и видит, что Джейран спит, положив голову на колени Зерговы. Увидя Джейрана, Ахмед крикнул:

— О сын мой, Джейран, добро пожаловать!

Раскрыл глаза Джейран, увидел пришедшего Ахмеда и протянул руку к мечу, чтоб разделаться с ним. А Ахмед заревел, выпустил изо рта клубы дыма и огня и окутал ими Джейрана. Пламя уже охватило Джейрана, но тут раздался голос:

— О Джейран, прикоснись к своей одежде находящимся в твоей руке окровавленным волшебным мечом.

Приложил Джейран волшебный меч к своей одежде, и пламя мгновенно погасло. Оглянулся он: нет ни Зерговы, ни сына Румского падишаха. Вскочил Джейран на коня и помчался, словно вихрь. Спустя некоторое время, он увидел, что Ахмед, держа поперек седла Зергову, скачет впереди него. Поднял Джейран руку, приложил к уху, кликнул боевой клич и говорит:

— Эй Ахмед, я привяжу твоего отца к твоей спине.

Обернулся на его голос Румский царевич Ахмед и видит, что это Джейран, прочел заклинание и влез в колодец. Доехал Джейран до колодца и видит, что колодец прикрыт камнем, равным по весу восьми мельничным жерновам. Как ни старался он отодвинуть камень, сил не хватило. Ударила кровь Джейрану в голову, призвал он аллаха, схватился за волшебный меч, изо всех сил опустил его на камень и разнес его вдребезги. Смотрит, а под ним глубокий колодец; прыгнул в него, на дне его дверь, вошел он в нее, а навстречу ему мать его Ниса. Обнажил Джейран меч и бросился на нее, а женщина заметалась, бросилась бежать, обратилась в нахэнг и стала перед ним. Понял Джейран, что это сын Румского падишаха Ахмед, выхватил меч, бросился на нахэнг, а тот шарахнулся в сторону и, превра-

тившись в невероятного дэва, стал перед Джейраном. Снова раздался голос:

— О Джейран, ни в коем случае не вступай в рукопашную борьбу.

Обнажил Джейран меч и бросился на дэва. Дэв схватил Джейрана за руку и начал давить ее со страшной силой, а Джейран в свою очередь схватил дэва за горло, задушил его и отправил в джаханнам. Как только Джейран убил дэва, чары рассеялись. Оглянулся Джейран и видит, что он в огромной пустыне, а навстречу ему идет, запыхавшись, сын Румского падишаха; и снова, обнажив меч, Джейран бросился на Ахмеда, и принялись они биться на мечах. Схватил Джейран Ахмеда за ворот, бросил его на землю, стал коленями ему на грудь и отрубил ему голову. После этого он принялся искать Зергову и видит, что она спряталась в кустах. Подхватил он ее, усадил на коня и поехал. Долго ли ехали они, коротко ли, доехали наконец до Рума. Подъехав к каравансараяу. Джейран сошел с коня, чтоб переночевать там, а утром двинуться дальше.

А теперь расскажу я вам о Румском падишахе и его даландаре.

Даландар обходил каравансарай, и увидел, что подъехал юноша с какой-то красавицей. Бросился он к падишаху и говорит:

— О ты, чей опрокинут трон и седло обагрено кровью! Чего ты спишь? В каравансарай прибыл пехлеван с такой красавицей, что глаз не отвести.

Даландар так расхвалил Зергову падишаху, что у того потекли слюнки. Поднялся он, пришел в каравансарай, смотрит—это Зергова, дочь падишаха Индии.

Потерял падишах голову.

— Даландар, дай совет!

— Да будет жив падишах! Дай мне двух надежных людей, а до прочего тебе нет дела.

Падишах согласился и дал даландару двух пехлеванов.

Взял содержатель гостиницы пехлеванов и в полночь вошел вместе с ними в комнату, где Джейран и

Зергова спали на ложе. Они похитили Зергову из объятий Джейрана и принесли ее в покои Румского падишаха. Этой же ночью падишах пришел к Зергове, желая получить плоды своих стремлений; Зергова видит, что не вырваться ей из его рук, и говорит:

— О падишах, дай мне три дня сроку, я отдохну и через трое суток я твоя.

Падишах Рума согласился.

Оставим их пока здесь. Послушай о Джейране.

Проснулся Джейран и видит, что нет рядом с ним Зерговы. Вскочил он с ложа, сел на коня, объехал весь город, но в этот день ничего не мог узнать о царевне. Так ехал он по улице, вдруг видит: какой-то кечал играет с мальчиком в кости. Кечал отнял у мальчика проигранные ему альчики.

— Отдай мои альчики!—требовал мальчик у кечала.

— Ого! ты воображаешь, что я буду проигрывать тебе, как тот юноша, что приехал в каравансарай.

Джейран услышал эти слова, схватил кечала за руку, оттащил в укромный уголок и спрашивает:

— Послушай, кечал, что это за юноша, который остановился в каравансарае и был обманут?

Кечал ему в ответ:

— Да какой-то чужеземец с женой остановился в каравансарае, падишах увидел ее, влюбился и ночью похитил.

— Кечал, а где сейчас эта девушка?—спросил Джейран.

Кечал ему:

— Даром ворона в руки человеку и яиц не кладет.

Джейран опустил руку в карман, вынул горсть золота и положил в руку кечала.

У кечала глаза вылезли на лоб.

— Она находится во дворце падишаха.

Сел Джейран на коня, подъехал ко дворцу. Сошел он с коня, написал письмо и послал Румскому падишаху. Развернул падишах письмо, прочел:

«О падишах, или верни мне мою невесту, или я

привяжу твоего отца к твоей спине и мешками поручу вывозить твое потомство». 4

Прочел падишах письмо, разгневался и приказал:

— Пусть войска готовятся.

Захлопотали визири, векилы, собрали войска и пошли на Джейрана. Обнажил Джейран меч, набросился на войско, перебил всех и вошел во дворец. А Румский падишах восседал на троне. Джейран протянул руку, схватил его за горло и говорит:

— О падишах-злодей, отдай мою невесту!

Начал падишах вырываться, а Джейран свернул ему шею, как воробью. И пошел он по дворцу. Видит: в крайней комнате сидит, съезжившись, Зергова. Взяв ее с собой, Джейран собрал народ и рассказал ему, за что он убил падишаха. Затем, поручив трон и власть народу, сказал:

— Я ухожу, изберите себе падишахом, кого хотите.

Взяв Зергову-ханум, Джейран благополучно вернулся на родину. Побежали гонцы к падишаху Индии с радостной вестью:

— Вернулись твоя дочь Зергова и Джейран.

Обрадовался падишах, созвал гостей и ровно три дня и три ночи длился веселый пир.

Как-то раз посылает Джейран сказать падишаху:

— Пусть падишах исполнит свое слово.

Не хотелось падишаху отдавать свою дочь за Джейрана, позвал он визиря и говорит:

— Моя дочь—дочь падишаха, а Джейран—сын простолюдина. Не хочу я выдавать за него свою дочь. Посоветуй, как быть!

— Да будет долговечна жизнь падишаха! Позови его в гости, насыпь в его пищу снотворное, тогда мы схватим его, бросим в отдаленное ущелье, а там его растерзают птицы и звери.

Падишах согласился с визирем и на следующий день пригласил Джейрана на обед. Когда Джейран пришел к падишаху, тот пошел на кухню, насыпал в миску Джейрана снотворное, а сам пришел и сел рядом. Как только Джейран отведал пищу, тут же потерял сознание.

Схватили Джейрана, связали ему руки и ноги, чтобы ночью бросить в колодец. Среди ночи Джейран очнулся, увидел, что он связан и лежит в темной комнате, и понял, с какой стороны была направлена в него стрела. Напряг он свои силы, порвал цепи, подошел к дверям, видит, что они заперты, толкнул раза два и наконец заревел, надавил плечом, и вылетела дверь из петель. Вышел он наружу, кликнул боевой клич. Выбежал падишах, смотрит,—а это Джейран, и приказал:

— Собраться войскам!

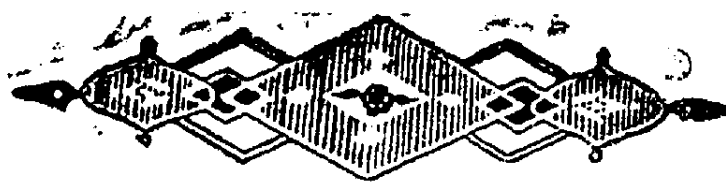
Окружили войска Джейрана, а Джейран голыми руками убивал и душил каждого, кто подходил к нему. Не выдержали войска, дрогнули и обратились в бегство. Протянул Джейран руку, взял крепкий меч, встал пред падишахом, схватил его за руку и говорит:

— О злодей, я сделал тебе столько добра, а ты так поступаешь со мной?

Убил Джейран падишаха и его визиря, подчинил себе его войска, разыскал Зергову, позвал к себе свою мать.

Семь дней и семь ночей длился свадебный пир, и они достигли желанного.

Джейран царствовал справедливо, хорошо обращался с народом и провел спокойную жизнь.

Х. ШАХ АББАС

аня в бане, решето в самане.
Верблюд цырюльничает в старой бане.
Верблюда мурашка лягнула,—
Ногу верблюду сломала.
Мы на муху сели,
Над Курой летели.
Довгу сварили,
Вилами пили.

О ком я поведаю вам? о сыне Шейха—Шах Аббасе.
В один из многих дней, окончив суд и расправу,
Шах Аббас восседал со своим визирем Аллахверди-ханом в здании судилища. До самой трапезы шла беседа о том, о сем. Когда наступило время, принесли суфру, они поели, попили, совершили омовение и сотворили намаз.

— Аллахверди-хан! — обратился Шах Аббас к визирю.—Давненько не пускались мы с тобой в путешествие, не знаем, что творится в государстве. Давай, переодевшись дервищами, пойдем по стране, посмотрим, что есть в ней и чего нет.

— О повелитель вселенной, это прекрасная мысль. Ты хорошо придумал, но лучше обойдем раньше Исфгань, а затем пойдем по стране,—предложил визирь Аллахверди-хан.

— Очень хорошо,—согласился Шах Аббас.

Оба поднялись, сняли с себя один—царское одеяние, а другой—одежды визиря и переоделись дервишами. Взяли в руки посохи, захватили сумы и, призвав на помощь имама Али, пустились в путь по Исфагани. Они шли по широким людным улицам, останавливались на площадях и пением священных псалмов собирали вокруг себя толпы восторженных слушателей, быстро наполнявших их сумы серебром и медью.

Раздавая на следующей улице все собранные ими пожертвования нищим и калекам, они собирали вокруг себя новую толпу.

Исфагань величают «Половиной мира». Исфагань не такой маленький город, чтобы его можно было обойти в один день или в несколько часов. Вот почему Шах Аббас и визирь Аллахверди-хан, переходя с улицы на площадь, лишь к закату вышли на одну из окраинных улиц. И тут, собрав толпу, они принялись славословить Али.

Рассказывают, что Шах Аббас обладал великолепным голосом.

Один портной слышит, как поют два дервиша, но голоса их до того чудесны, что и птицы, летающие в небесах, останавливаются в полете, чтобы послушать их.

Так как уже наступил вечер, портной думает: «Вот и хорошо. Это—странствующие дервиши, вероятно, им переночевать негде. Позову их к себе в гости, они отдохнут и будут рассказывать нам, и таким образом сегодняшней вечер мы проведем в приятной беседе». Придя к этому решению, он послал подмастерье, говоря ему:

— Ступай, скажи этим дервишам, что твой хозяин просит их по окончании пения притти к нему в гости.

— Баш уста,—проговорил юноша, тотчас поднялся, подошел к дервишам, отвесил почтительный поклон и сказал им:

— Дервиш баба, мой хозяин шлет вам привет, при-

глашает вас сегодня вечером к себе в гости и просит другим не давать обещаний.

— Хорошо!—ответил, улыбаясь, Шах Аббас. — Мы придем, как только кончим. Укажи ваш дом.

— Вот эта лавка принадлежит моему хозяину. Он ждет вас. Добро пожаловать.

Подмастерье вернулся в мастерскую и стал помогать хозяину готовиться к приему гостей.

Они закупили, что могли, приготовили ужин и стали ждать. Когда толпа разошлась, дервиши пришли к портному и, войдя в лавку, приветствовали его.

Портной со словами: «добро пожаловать», поднялся с места и с большим почетом принял и усадил гостей.

По окончании ужина, поблагодарив аллаха, они совершили омовение, сотворили намаз и принялись за беседу.

Старшие разговаривали, а подмастерья работали.

Случайно хозяин заметил, что подмастерье, которого звали Ахмедом, спит. Портной растолкал Ахмеда, разбудил его и сказал:

— Эй ты, сын злодея, что ты спишь? Ведь ночь длинна,—у нас гости, потерпи пока, а потом уснешь. Заканчивай скорей работу, а то завтра заказчик придет, я дал ему слово и надо закончить работу к сроку.

— Хозяин! Ты не должен был будить меня,—сказал Ахмед сокрушенно.—Зачем ты это сделал? Ведь работа не убежит, я мог бы окончить ее через час.

Портной посмотрел на дервишей, а юни на портного, и, наконец, последний спросил:

— Сын мой, ну что из того, что я сейчас разбудил тебя, какой тебе от этого убыток?

— Хозяин,—ответил Ахмед печально,—правда, я ничего не потерял, но я видел необычайный сон, и он остался неоконченным, об этом я и жалею.

— Что ж это за сон, сын мой, что ты о нем так жалеешь?—спросил мастер удивленно.

— Хозяин! Я готов исполнить все, что ты мне прикажешь, но о виденном во сне я не расскажу.

Мастер и дервиши опять переглянулись. Портной за-

метил, что гости заинтересовались сном и хотят узнать его. Поэтому, обратившись к Ахмеду, он спросил:

— Сын мой, что ж это за сон, что ты не хочешь рассказать о нем мне?

— Конечно, господин, я должен проявить к тебе уважение, как к моему учителю, но тем не менее я не могу рассказать его тебе и очень прошу не спрашивать меня.

Сколько мастер и дервиши ни просили, сколько ни умоляли, ничто не помогало; Ахмед был непреклонен и упорно твердил, что не будет рассказывать.

Пробовали они взять хитростью, но Ахмед только твердил: «не скажу».

Видит, наконец, портной, что уговоры не действуют, и принялся за угрозы:

— Ахмед,—сказал он,—или ты расскажешь мне свой сон, или я завтра выгоню тебя.

— Воля твоя, хочешь—выгони даже из самой Исфгани, но сна своего я не расскажу.

И дервиши и мастер были изумлены и не могли понять, в чем дело. Наконец Шах Аббас обратился к портному:

— Что ж, раз он молчит, не настаивай.

Ночь протекла в задушевной беседе. Когда же наступило утро, и дервиши, поднявшись с места, совершили омовение, намаз, покурили кальян и хотели встать и уйти, портной сказал своим гостям:

— Дервиш-баба, ступайте, побродите, а вечером опять будьте моими гостями.

— Спасибо!—поблагодарили те и ушли.

До самого вечера бродили они опять по Исфгани, собирая толпу и распевая псалмы. Когда же наступил вечер, Аллахверди-хан сказал Шах Аббасу:

— Может быть, сегодня удастся нам выведать сон Ахмеда.

Они вернулись к портному. Снова портной очень почтительно принял их, указал им место и усадил. Поужинали они, вознесли благодарения и, покончив с намазом, снова принялись за беседу.

— Ахмед, сын мой,—сказал Шах Аббас, обращаясь к Ахмеду,—во-первых, мы—дервиши, наши уста знакомы с молитвами, мы рабы Али,—почтение к нам обязательно; во-вторых, мы гости, а уважение к гостю—долг хозяина. Лучше ты из уважения к нам расскажи свой сон, не обидь наши сердца отказом.

— Отцы дервиши,—ответил Ахмед,—если б можно было, я бы сделал это вчера. Лучше вопроса этого не затрагивайте.

И снова, как ни старались все трое, Ахмед не проронил ни слова. Он не поддавался ни на просьбы, ни на уговоры, и ночь прошла понапрасну.

На третий день, обойдя город, дервиши снова к вечеру вернулись в дом портного в надежде, что, быть может, сегодня как-нибудь удастся уговорить Ахмеда и узнать его сон, но и эта ночь прошла безуспешно, подобно двум предшествующим: все их старания и ухищрения ни к чему не привели. Наконец, дервиши улеглись; хозяин и ученик последовали их примеру, но все четверо лежали, словно ужаленные змеей. Шах Аббас до утра не мог сомкнуть глаз, он поворачивался с боку на бок и, как только забрезжило утро, разбудил визиря Аллахверди-хана. Они поднялись, совершили омовение, сотворили намаз и пустились в дорогу.

Как портной ни упрашивал: «Отцы дервиши! оставайтесь, поешьте, попейте»,—Шах Аббас поблагодарил и сказал:

— Спасибо тебе, но путник должен быть в пути. Мы сегодня должны покинуть Исфагань, а потому нам надо двинуться в путь пораньше.

Чем больше просил портной, тем меньше внимали ему дервиши.

Наконец, попрощавшись, они ушли и, как только вышли на улицу, Шах Аббас сказал Аллахверди-хану:

— Визирь Аллахверди-хан, мы оставим мысль о путешествии. Клянусь короной отца, я должен узнать сон Ахмеда, и пока ты мне этого не разузнаешь, ты не займешься другим делом.

— Да будет долговечна жизнь повелителя вселен-

ной, воля его священна, — согласился Аллахверди-хан, — как прикажешь, так оно и будет.

Они вернулись во дворец. Совершили утреннюю трапезу. Шах Аббас облачился в пурпур, взошел на трон и сказал:

— В таком-то месте, там-то и там-то проживает портной, а у него подмастерье по имени Ахмед. Сейчас же привести его ко мне!

Тотчас двое феррашей пошли и, разыскав портного, спросили:

— Мастер! твоего ученика зовут Ахмедом?

— Да, Ахмедом, — ответил портной.

— Ахмед, тогда скорей подымайся и следуй за нами, — заявили пришедшие. — Шах Аббас требует тебя.

Портной сейчас же сообразил, что дервишами были Шах Аббас и его визирь Аллахверди-хан.

— Ахмед, сын мой, — сказал он Ахмеду, — видно, Шах Аббас призывает тебя из-за твоего сна. Сын мой, заклинаю тебя именем аллаха, не упрямясь и, в случае, если он спросит об этом, расскажи свой сон, иначе он снимет с тебя голову. Очевидно, дервиши были Шах Аббас и его визирь.

Ахмед засмеялся:

— Хозяин, пусть это будет не Шах Аббас, а его прапрадед, я своего сна не открою.

Как портной ни упрашивал: «Сын мой, не глупи, ведь это сам Шах Аббас, он казнит тебя», — Ахмед упорно твердил: «У курицы одна нога, да и только».¹

Мастер, видя, что ничего не поделаешь, сказал на прощание:

— Сын мой, да сохранит тебя сам аллах, я бессилен помочь тебе, ступай, делай, как знаешь. Я уж не буду провожать тебя до дворца. Ведь это шах, вдруг он разгневается и, не разобрав, заодно впутает и меня в эту кашу, — что я тогда буду делать?

Они обнялись и расцеловались. Сел портной, обхватив колена, и расплакался. Ахмед рассмеялся:

— Не плачь, хозяин, аллах милостив! Если мне так суждено и если так предначертано на моем лбу, что б

ты ни делал, мне смерти не избежать. Если же на моем лбу этого не написано, то пусть придет не Шах Аббас, а сто Шах Аббасов, они меня не смогут убить.

После этого ферраши забрали Ахмеда и направились к судилищу.

Оставим пока портного в лавке, посмотрим, что стало с Ахмедом.

Привели Ахмеда к Шах Аббасу. Ахмед почтительно сложил руки, опустил голову и стал перед ним.

Шах Аббас взглянул на него и, делая вид, что не узнает его, спросил:

— Ты Ахмед, ученик такого-то мастера?

Ахмед тотчас по голосу признал, что вчерашний дервиш был Шах Аббасом.

В свою очередь и Ахмед не подал вида, что узнал шаха, и подумал про себя: «Клянусь аллахом, если даже меня изрежут на куски, я не скажу ни слова».

Воздев руки, он ответил:

— Да будет вечна жизнь падишаха. Да, я тот самый Ахмед. Какие имеете приказания?

Шах Аббас засмеялся:

— Сын мой, я слышал, что ты видел сон, который не открываешь никому, расскажи его мне.

— Да будет долговечен повелитель вселенной. Я поклялся никому не рассказывать этот сон. Прошу, прикажи мне, что угодно, но не спрашивай о нем.

— Ахмед, я хочу узнать этот сон,—другого дела у меня к тебе нет,—проговорил Шах Аббас.

— Да будет вечна жизнь падишаха. Я уже позволил себе сказать, что этого не сделаю,—повторил Ахмед.

Шах Аббас понял, что угрозами делу не помочь. «Посмотрим, нельзя ли будет добиться чего-нибудь ласковой»,—подумал про себя Шах Аббас.

— Ахмед, сын мой, — сказал он, — не проявляй ненужной удачи, открой лучше свой сон. А в награду—хочешь денег, я одарю тебя деньгами, хочешь имущества или власти,—я назначу тебя правителем. Пойдешь

и до конца дней своих будешь наслаждаться жизнью. Но прежде ты должен рассказать мне свой сон.

— Да продлится жизнь повелителя вселенной. Я не могу ничего принять из предложенного тобой. Прости меня.

Визирь, векиль и вся свита поразились смелости юноши. Чем больше говорил Шах Аббас, тем менее поддавался Ахмед. Наконец, разгневавшись, Шах Аббас крикнул:

— Пусть придет палач и отсечет голову этому бездельнику.

Тотчас явился палач и, склонившись, спросил:

— Повелитель вселенной, прикажи, я здесь. Моя рука тверда, меч остер, любую голову я сниму так, что ни капли крови не капнет на землю.

Указав на Ахмеда, Шах Аббас сказал:

— Возьми этого юношу, убей, а тело повесь на воротах. Пусть все узнают, каков конец тех, кто выходит из повиновения шаху.

Палач, схватив Ахмеда за ворот, хотел увести его, но визирь поднялся с места и, низко склонившись, промолвил:

— Повелитель вселенной. Прости на этот раз Ахмеда. Он молод, быть может, он через некоторое время подумает и поумнеет.

И, нагнувшись к Шах Аббасу, он прошептал:

— Если мы убьем его, сон этот так и не будет узан. Самое лучшее—приказать избить Ахмеда и посадить в темницу. Он там одумается и поумнеет.

Шах Аббас отпустил палача и сказал Ахмеду:

— Ну, Ахмед! Я пощажу тебя. Лучше сразу открой свой сон: не мучь себя и не отказывайся от моих милостей. Такого случая тебе больше никогда в жизни не представится.

Ахмед, опустив голову, молчал.

Шах Аббас решил, что упорство Ахмеда сломлено.

— Ахмед! Почему же ты молчишь?

— Да будет долговечна жизнь повелителя вселенной, воля твоя, я же больше не скажу ни слова.

Услышав это, Шах Аббас приказал принести фалаггу² и пучок свежих розог. Повалили Ахмеда, вложили его ноги в фалаггу и били до тех пор, пока не сошла кожа с его пяток. Ахмед не шикнул. Наконец, по приказу шаха, Ахмеда развязали. Шах приказал тюремщику:

— Возьми его, посади в мою особую темницу и давай ему только ячменный хлеб и немного горячей воды. Через три дня ты снова приведешь его. Если до того времени он не одумается, я с ним расправлюсь по-сегодняшнему.

Тюремщик склонил голову, взял Ахмеда, привел и заключил его в особую темницу; поставил рядом с ним черный ячменный хлеб и чашку с горячей водой, вышел и, замкнув двери, удалился.

Особая темница Шах Аббаса находилась при дворце; она предназначалась для провинившихся наложниц, дворцовой челяди и рабов.

По уходе тюремщика Ахмед оглядел себя и свои израненные ноги и воскликнул: «творец, за какие грехи ты наказываешь меня!».

Упав ничком, он зарыдал и плакал до тех пор, пока, обессилев, не уснул мертвым сном. Только вечером тюремщик пришел, принес свечу, зажег ее и видит, что Ахмед лежит ничком и спит, а по нему бегают мыши. Сжалился он над Ахмедом и разбудил его. Он накормил его хлебом, напоил водой, замкнул двери и ушел, а Ахмед снова остался один.

Так прошло три дня. На четвертый опять привели Ахмеда к Шах Аббасу. Видит шах, что Ахмед за три дня поблек и похудел, и обратился к нему со словами:

— Ну, скажи, каков ты теперь? Одумался или нет?

Ахмед, опустив голову, молчал. Визирь, векил и сам Шах Аббас как ни старались, не могли ничего добиться: ни увещевания, ни наставления не действовали на Ахмеда.

— Ну, Ахмед,—промолвил наконец Шах Аббас,— знай, что до самой смерти ты будешь томиться в этой темнице, и каждые три дня я буду подвешивать тебя к

фалагге. Пожалей себя. Говорят: «когда вода подходит к горлу, обезьяна карабкается на своих детенышей».

Ахмед подумал про себя: «умирать так умирать, так зачем же хрипеть»,³ и сказал Шах Аббасу:

— Да будет долговечна жизнь повелителя вселенной, я уже несколько раз говорил, что если даже ты прикажешь изрубить меня на кусочки, я не расскажу свой сон. Прикажи, пусть палач покончит со мной.

Шах Аббас засмеялся:

— Ахмед! Таких шуток не бывает. Или я под ударами заставлю тебя признаться, или ты под палками умрешь.

Услышав это, Ахмед воскликнул:

— Да будет долговечна жизнь шаха. Ты поступай по-своему, а я—по-своему.

По приказу Шах Аббаса опять принесли розги и фалаггу. Ахмеда били до тех пор, пока он не потерял сознание. Тогда ферраши, по приказу Шах Аббаса, сбрызнули ему лицо и грудь водой, привели его в чувство, подняли и поволокли в темницу, поставили чашку с водой, положили перед ним ячменный хлеб и ушли.

Очувтившись в темнице, Ахмед не устоял на ногах, повалился наземь и, не будучи в силах вынести мучительной боли в ступнях и во всем теле, заплакал.

Оставим пока Ахмеда в слезах, а мне о ком бы теперь рассказать вам? О девушке.

У Шах Аббаса была дочь. Звали ее Пери-Султан. Но что это была за девушка!

Она была вполне готова к тому, чтобы убивать влюбленных.

Тонкостанная, нежноликая,—

Приди и взгляни на меня,

И умри от тоски по мне.

Луне говорит—скройся, а взойду я,

Солнцу говорит—не всходи, а взойду я.

Косы, как облака, извиваясь, падают до пят.

Брови, как тетива,—убью, убью!—неустанно твердят.

Ланиты, как чудный весенний день,

Уста, как рубины, жемчужины—зубы.

Комнаты Пери-Султан примыкали к темнице.

Как-то раз сидит она на балконе, слышит, что из темницы несется тихий жалобный плач и спрашивает находившуюся при ней служанку:

— О девушка, кого из рабов, наложниц или прислуги заключил отец в темницу, на кого разгневался он? До моего слуха из темницы доносится стон.

Служанка ответила ей:

— О госпожа, сегодня шах не изволил гневаться ни на кого. Не знаю, что бы это значило. Может быть, плачут не в темнице, а в другом месте?

— Как это в другом месте?—возразила Пери-Султан.—Ты не слышишь, или ты глуха? Плачут именно в темнице. Ступай поскорей и загляни в щелку, узнай, в чем дело и кто там плачет?

Служанка спустилась, заглянула в щель и увидела: о аллах! лежит юноша и рыдает, но он прекрасен, как молодой месяц.

Служанка до того залюбовалась им, что забыла и госпожу, и весь мир, а когда очнулась, видит: о ужас, полдень,—и подумала: «О я, несчастная, о я бедная, обрушился мой кров! Что я отвечу Пери-Султан?»

Опустив голову, вернулась она во дворец.

Пери-Султан сидела и ждала ее.

— Негодница!—закричала ее госпожа,—где ты пропадала? Ушла с утра, вот уж полдень, а тебя нет. Тут всего два шага. Ну-ка, говори правду, что ты там делала с утра?

Служанка видит, что таиться бесполезно и говорит:

— Госпожа, разреши, я расскажу всю правду.

— Разрешаю,—ответила Пери-Султан,—но только правду.

— Госпожа, клянусь аллахом,—начала рассказывать служанка,—в темницу посадили юношу; не знаю, кто он такой, но по красоте он подобен Юсифу, воскресшему из мертвых, ему едва минуло восемнадцать или девятнадцать лет. Усики словно фиалки, только распустился пушок. Я еще сильна, если, увидев его, сумею притти

хоть к полудню. Если бы на моем месте была бы другая, то не вернулась бы к утру.

Словом, служанка так расхвалила Ахмеда, что Пери-Султан, еще не видав его, влюбилась в него.

— Пойдем, я сама взгляну на него,—сказала она.— Если то, что ты рассказываешь, правда—ты спасена, но если ложь—тебе не сдобровать.

— А если юноша таков, как я говорю, ты подаришь мне одно из твоих старых платьев,—добавила служанка.

Пери-Султан согласилась.

Она встала, спустилась со служанкой во двор и подошла к дверям темницы.

Пери-Султан была зеницей ока Шах Аббаса, его единственным ребенком. Она выросла в гареме в неге и холе. А сама была умная и ученая, и не было в то время мудреца, который мог бы с нею спорить. Одним словом, ум и ученость Пери-Султан равнялись ее красоте. Отец любил ее. Многие падишахи сватали ее, но Шах Аббас всем отказывал.

Направляясь к темнице, девушка думала: «Отец не станет из-за пустяка гневаться и не всякого посадит в свою темницу. Видно, это очень интересная история, посмотрим, в чем тут дело».

Пери-Султан легкой походкой подошла к темнице, заглянула в щелку, и что же? О аллах, лежит юноша и стонет; но действительно, он прекрасен, как Юсиф, воскресший из мертвых: его усики, словно фиалки, едва пробиваются, брови как тетива, лицо как молодой месяц, ланиты поблекли, но подобны розам.

Как только Пери-Султан увидела Ахмеда, она обезумела от любви и едва не лишилась чувств. Потеряв над собой власть, она сказала служанке:

— О девушка, честь и хвала твоим очам, воистину, этот юноша не человек, а сошедший с неба ангел.

Служанка обрадованно сказала:

— Госпожа! Значит, одно из старых платьев мое?

— Почему старое? Я подарю тебе новое и столько, сколько ты захочешь. Но как мне теперь быть, как уз-

нать, кто он, откуда, за что попал сюда? Если ты это разумеешь, остальное будет уже не трудно.

— Госпожа, нет ничего легче этого. Не печалься. Я еще жива и не дам тебе грустить.

Пери-Султан, услышав эти слова, расцвела, как распутившаяся на солнце роза.

— Ну говори же скорей, каким образом? Ведь мое сердце готово разорваться.

— Госпожа, я и сама пока ничего не знаю,—ответила служанка,—но сию минуту пойду, вызову тюремщика, и он расскажет тебе правду.

— Ты правильно решила,—ответила Пери-Султан.— Но как мы можем открыть свою тайну тюремщику? Он пойдет и будет всюду болтать; это дойдет до отца. Что тогда мы будем делать?

Служанка рассмеялась:

— Не бойся, ханум, он не посмеет болтать о тебе. Во-первых, ты—единственное дитя отца, твой отец исполнит любое твоё желание; во-вторых, рано или поздно ты займешь трон; стоит тебе пригрозить тюремщику, и он не посмеет нигде и рта раскрыть. И потом, ты сделай вид, будто удивлена тем, что незнакомец заключен в особую темницу, и потому хочешь знать, в чем дело.

Советы служанки понравились Пери-Султан.

— Ну, ты не задерживайся, ступай, позови тюремщика,—заторопила она ее,—пусть он придет, посмотрим, что он нам скажет.

Служанка пошла за тюремщиком, а Пери-Султан задумалась над тем, как заговорить с ним.

Тем временем служанка разыскала тюремщика и говорит ему:

— Госпожа требует тебя к себе.

Тюремщик удивился и спрашивает:

— Куда меня зовет госпожа?

— Ну, нечего разговаривать, ступай за мной, а там увидишь, куда зовет.

Тюремщик молча последовал за служанкой; по дороге он думал о том, что, очевидно, принцесса разгневалась на какую-нибудь служанку и хочет заточить ее в

темницу, но видит—нет, служанка направляется к самой темнице. От страха у него сердце готово было разорваться. «Ох, я несчастный! Обрушился кров мой! Несомненно, Пери-Султан на кого-то разгневалась, а меня искали, не нашли, и она сама привела к темнице виновного. Ах, рухнуло мое благополучие! Разгневалась на меня госпожа. Теперь меня или накажут плетками и бросят в темницу, или же лишат места, и мои несчастные дети погибнут от голода. Ах! Хоть бы аллах сжалился надо мной и сделал так, чтобы меня не выгнали».

Вспомнив, как сердито с ним говорила служанка, он окончательно растерялся и побледнел: «верно, так оно и есть»,—думал он.

Наконец они дошли до дверей темницы. Тюремщик оглянулся по сторонам. Видит: госпожа одна, и около нее нет ни раба, ни рабыни, ни служанок, ни арестантов. Тюремщик успокоился, вздохнул свободней и говорит себе: «Слава аллаху, тут что-то другое».

Приблизившись к Пери-Султан, тюремщик низко склонился перед ней.

— Госпожа! Ты изволила вызвать меня, приказывай.

Она притворилась рассерженной.

— В чем дело? Почему ты поместил постороннего в эту темницу? Он стонет дни и ночи и нарушает мой покой. Кто он, в чем его вина? Кто заключил его сюда? Отвечай, или тебе будет плохо.

Затрепетав как лист, тюремщик пролепетал:

— Госпожа! я не знаю, кто этот юноша, чем он занимается и за какую провинность сидит здесь. Я знаю только, что его бросили в темницу по приказу твоего отца и каждые три дня его водят в судилище, избивают и снова приводят сюда. Вероятно, в последний раз его очень сильно били, и потому он своими стонами беспокоит тебя. Госпожа, кроме этого мне ничего неизвестно, а я ничего больше не могу доложить тебе.

— Сколько дней сидит он здесь?—спросила Пери-Султан задумчиво.

— Скоро будет неделя,—ответил тюремщик.

— Какой ты странный человек, что за целую неделю не разузнал, в чем его вина,—промолвила Пери-Султан.

Тюремщик растерялся:

— Госпожа! Прости, но я не знал. Если тебе угодно, прикажи, я тотчас открою дверь, и ты сама расспросишь его или, хочешь, я узнаю и доложу.

— Ну, раз мы здесь, я сама расспрошу его.

— Воля твоя!—ответил тюремщик.—Как прикажешь, так оно и будет.

Достав ключ, он открыл дверь, и Пери-Султан в сопровождении служанки вошла в темницу и притворила дверь. Тюремщик отошел в сторону.

Услышав стук растворившейся двери, Ахмед повернулся и видит: идут две красавицы, подобные четырнадцатидневной луне, выплывающей из-за туч. Идут они, словно бросая вызов земле: «о земля, радуйся, что я попираю тебя». Растерялся Ахмед и говорит себе: «Нет, это невозможно, верно я брежу, или вижу сон».—Подняв руку, он протер глаза, ущепнул себя за ногу, и, почувствовав боль, понял, что виденное не сон, не бред, а явь.—«О всевышний, это райские гурии, пэри или люди? Если это люди, где они выросли, где их холили? Они как будто никогда не видали солнца».

Пока Ахмед раздумывал над этим, девушки подошли к нему и поздоровались.

Ахмед пришел в себя и понял, что они не гурии, не пэри, а самые настоящие люди.

Почтительно ответив на приветствие, внимательно смотрел он на них, желая понять, что несет ему это посещение и чем это все кончится.

Бедняга Ахмед был всегда подмастерьем портного и из женщин до сих пор видел разных Фатьма да Тюкезбан⁴ и нигде не мог видеть таких красавиц.

Вот почему он растерянно переводил изумленные взгляды со служанки на Пери-Султан, не зная, что и думать.

Пери-Султан заметила изумление Ахмеда.

— Юноша, как зовут тебя?—спросила она, смеясь.

Когда Пери-Султан улыбнулась и заговорила, Ахмеду показалось, что душа его готова покинуть тело. Он затрепетал. Боль, раны, даже самая темница были мгновенно забыты. «О аллах! что если б эта девушка все говорила, смеялась, а я любовался да любовался бы ею», — думал он.

Наконец, взяв себя в руки, он сказал:

— Ханум, меня зовут Ахмедом, а сам я подмастерье такого-то портного. Что прикажешь?

Пери-Султан засмеялась:

— Ахмед, это вопрос второстепенный, а пока скажи правдиво, как случилось, что ты—скромный, бедный подмастерье портного—попал сюда?

— Госпожа,—ответил Ахмед,—я ничего не утаю от тебя. Это просто какое-то несчастье обрушилось на меня. я совершенно невинен.

Пери-Султан увидела, что Ахмед умен и скромен, поняла, что он не лжет и что тут очевидно какое-то недоразумение. И начала его расспрашивать.

— Ахмед, ты говоришь, что ты невинен. И я верю тебе. Я вижу собственными глазами, что ты благороден и лгать не станешь, но ведь есть же какая-то причина тому, что ты очутился здесь; если можешь, расскажи, как и почему ты попал сюда. Быть может, я сумею помочь тебе. Из своих покоев я услышала твои рыдания и пришла узнать, в чем дело.

Ахмед улыбнулся:

— Спасибо, госпожа. Да исполнит аллах все твои желания, ты взяла на себя труд протянуть руку помощи несчастному, угнетенному, а это великое и святое дело. Но мое горе велико, а враг силен: никто, кроме самого аллаха, не в силах помочь мне.

Когда Пери-Султан услышала слова Ахмеда: «да исполнит аллах все твои желания», она подумала: «аминь, мое желание заключается в тебе, и если аллах даст мне тебя, я буду счастлива». Затем, обратившись к Ахмеду, спросила:

— Ахмед, что это за всемогущий враг?

Ахмед ответил;

— Госпожа, мой враг—Шах Аббас.

Услышав эти слова, она побледнела. «О я, несчастная,—подумала она,—какое роковое совпадение. Если он враг моего отца, я не сумею выйти за него». После небольшого раздумья она решила: «Надо узнать, почему они враждуют, возможно, из-за каких-нибудь пустяков»,—и, обратившись к Ахмеду, спросила:

— Ахмед, ты всего-навсего подмастерье портного, а Шах Аббас—властитель мира, какие у него с тобой могут быть счеты? Он тебе не ровня, не приятель, что мог ты сделать ему, чтоб он стал твоим врагом?

— Госпожа! Да дело-то в том, что я сам твержу это же самое. Это какое-то несчастье. Судьба зло насмеялась надо мной, иначе, какая у меня может быть вина? Я не разбойник, не убийца, за всю жизнь я не спугнул и спящего быка.

— Тогда в чем же дело?—спросила Пери-Султан.— Почему ты попал в темницу?

— Госпожа, как-то раз пришли к нам два дервиша. Было далеко за полночь. Мой хозяин беседовал с гостями, а я шил. Устав, я уснул над работой. Не успел я сомкнуть глаз, как мне приснился чудесный сон; но едва события во сне начали развиваться, как хозяин растолкал меня со словами: «Эй, малый, что спишь?»—Я вздрогнул и проснулся и спросонья возмутился: «О, хозяин, зачем ты разбудил меня? Я видел сон, а ты помешал мне». Хозяин и дервиши пристали ко мне: «расскажи, какой сон ты видел». Я отказался. Дервиши долго просили меня, а хозяин то умолял, то угрожал, но я упорно молчал. Как они ни бились, ничего не вышло. Как видно, дервиши заинтересовались моим сном и три дня подряд приходили к нам, но как ни старались узнать мое сновиденье, добиться своего не могли. Наконец, отстав от меня, они ушли, а мы с хозяином занялись работой. Я обрадовался тому, что меня оставили в покое, но, оказывается, эти дервиши были визирь Аллахверди-хан и сам Шах Аббас. На утро являются к нам двое служителей и говорят мне: «Тебя требует Шах Аббас». Как только я вошел, сразу узнал и Шах

Аббаса и визиря Аллахверди-хана: это были те самые дервиши. Я сделал вид, что не узнаю их. Как Шах Аббас ни убеждал меня рассказать мое сновидение, я молчал. С тех пор он каждые три дня призывает меня и приказывает бить. А мне выдают в день по ячменному чуреку и чашке воды. Шах Аббас поклялся, что пока я своего сна не открою, он будет истязать меня.

Услышав эту историю Ахмеда, Пери-Султан обрадовалась, но, подумав, заметила:

— О Ахмед! Зачем же ты молчишь, расскажи свой сон и избавь себя от мучений!

— Нет, госпожа,—сказал он,—умру, но сна не расскажу. Если бы я мог, то рассказал бы с самого начала и не подвергал бы себя мукам, а Шах Аббас назначил бы меня правителем в один из вилайетов.

— Но, Ахмед,—сказала Пери-Султан,—если ты будешь и дальше упорствовать, Шах Аббас побоями доведет тебя до смерти. Раз он поклялся, он сдержит свое слово. Лучше, пока не поздно, расскажи и не подвергай себя пыткам.

— Госпожа, я очень признателен тебе, пусть аллах вознаградит тебя, но твоими советами воспользоваться не могу. Знаю, ты говоришь это, жалея меня. Я и сам прекрасно понимаю, что Шах Аббас покончит со мной: в последний раз меня избили так, что я едва остался жив. Вот почему я заплакал и невольно нарушил твой покой. Если это избиение повторится еще раз, два,—я не выдержу. Я знаю наверное, что сегодня кончается назначенный им срок, и завтра меня снова поведут на пытку, но я все-таки буду стоять на своем. Ну что ж, пусть меня убьют, лишь бы вы здравствовали. Тот, кто раз родился, когданибудь должен умереть,—какая разница, какую смертью я умру. Я мужчина, а мужчина в своих словах должен быть тверд.

Пери-Султан была удивлена мужеством Ахмеда и в душе похвалила его. И любовь ее к нему усилилась в тысячу раз больше прежнего.

— Хвала тебе, Ахмед! Воистину ты храбрый юноша,—сказала она.—Не теряй надежды, аллах милостив, а я

возможно помогу тебе. Может быть, аллах найдет путь спасти тебя. Теперь я должна уйти, но я не забуду о тебе. При случае я вернусь сюда и обеспечу тебя лекарствами, чтобы залечить твои раны.

Услышав эти слова, Ахмед был обрадован и подумал: «Пусть меня избивают по десять раз в день, лишь бы ты приходила ко мне».

Он обратился к ней со словами:

— Спасибо, госпожа, да умножит господь твои милости. Достаточно и того, что ты пришла сюда, не нужно и лекарств.

Засмеявшись, Пери-Султан распрощалась с Ахмедом и вышла из темницы, подав тюремщику еще горсть золота. Печальная вернулась она к себе. Тюремщик же подумал про себя: «Слава аллаху, что этот юноша помещен сюда, и мне в связи с этим достались деньги на харчи».

Когда Пери-Султан удалилась, Ахмеду показалось, что вместе с ней ушла и его жизнь. Он сел, охватив руками колени, и погрузился в глубокое раздумье. Вспомнив, что девушки обещали вернуться, он чуть не заплакал от счастья. Он припоминал все их слова и свои ответы, продумывал, так ли отвечал он, как подобало, и размышлял над тем, что сказать и как держаться в следующую встречу.

А теперь расскажу вам о Пери-Султан.

Войдя в свои покои, Пери-Султан долго сидела задумчива и грустна. Спустя некоторое время, она обратилась к служанке:

— Встань, возьми обед с приправами и отнеси в темницу; захвати с собой необходимые лекарства и смажь раны Ахмеда, а тюремщику можешь сказать, что госпожа сжалилась над юношей и прислала ему все это. Словом, сделай так, чтоб не вызвать его подозрений. Когда вернешься, я дам тебе обещанное платье и много драгоценностей.

От радости у служанки глаза округлились, как у досыта наевшегося козленка. Она приготовила пышный стол, не забыла захватить графин с шербетом, сладо-

стей, орехов и фисташек. Все это сложила на поднос, покрыла роскошной салфеткой и, захватив снадобья, направилась к темнице.

Придя к темнице, она позвала тюремщика; он подлетел к ней:

— Что приказывает госпожа?

— Госпожа ничего не приказала, но ей очень жаль этого беднягу, поэтому она прислала немного пищи и кое-какие мази и хочет, чтобы я натерла его раны; открой дверь, чтобы я, покончив с этим, вернулась к госпоже. Если я задержусь, она разгневется.—«Ведь я приказала,—скажет она,—отнеси ужин, смажь раны, немедленно вернись и не задерживайся долго у какого-то проходимца».

Тюремщик отпер дверь.

— Пожалуйста, войди. Видно, Пери-Султан очень милосердна. О да будет всегда над нами ее тень, да не лишит нас аллах счастья пребывать под ее властью.

— Да, брат мой,—ответила служанка.—Моя госпожа очень добра. Если б было в ее власти, она еще вчера освободила бы этого юношу, потому что он не виновен. С тех пор, как она увидела его и услышала его историю, она не перестает жалеть его и твердит: я должна как-нибудь вырвать его из рук отца. Узнав еще, что завтра его снова поведут в судилище, она совсем расстроилась, и думает, что если его еще раз подвергнут пыткам, он не вынесет и умрет.

Услышав эти слова, тюремщик также почувствовал к Ахмеду жалость и сказал служанке:

— Когда вернешься, передай привет госпоже. Если госпоже будет угодно, завтра, после того, как Ахмед будет возвращен обратно в темницу, я сам доложу ей, в каком положении дело.

— Госпожа будет очень довольна, — заверила его служанка,—и, может быть, одарит тебя, потому что я хорошо знаю ее нрав. Всех добрых и жалостливых людей она считает своими друзьями. (А про себя подумала: «Клянусь твоей смертью, я с тобой сделаю так, что ты собственными руками будешь приводить Ахмеда в

покои госпожи. Подожди только»). Затем, повернувшись к тюремщику, она продолжала:

— Ну, спасибо, время идет. Я зайду, а ты притвори дверь и стань в сторонке, чтобы никто не мог войти.

— Будь спокойна, — засмеялся тюремщик, — кроме меня, никто не имеет доступа в эту темницу.

Поблагодарив тюремщика, служанка вошла. Услышав скрип двери, Ахмед поднял голову и видит: входит одна из девушек и несет поднос, уставленный яствами. «Ну, Ахмед, — подумал он, — клянусь жизнью, кажется, твои дела налаживаются. Шах Аббас вздумал замучить тебя, но тебе повезло, и ты встретил на своем пути этих девушек».

Служанка подошла, поклонилась и поставила перед ним поднос со словами:

— Ахмед! Показывай скорей свои раны. Я смажу их, а затем ты поужинай, оставь посуду: я завтра зайду, принесу ужин и лекарства и заберу ее. Но только поторопись, я должна скорей вернуться, иначе госпожа разгневается на меня.

Ахмед понял, что первая девушка была госпожей, а эта — ее служанка. Но только он пока не знал, чьей дочерью была Пери-Султан.

— Передай госпоже мое почтение, — сказал он служанке, — и скажи ей от моего имени, что я прошу аллаха дать мне случай отблагодарить ее за все добро.

Служанка смазала его раны, приложила бальзам, попрощалась и вышла.

Ахмед поел, подкрепил свои силы, а часть отложил на утро. Усевшись затем, он задумался, но сколько ни думал, ничего не понимал. Он знал лишь одно, что Пери-Султан была дочерью могущественного и знатного лица.

«Если она и вправду дочь могущественного человека, то какое ей дело до такого бедного подмастерья, как я? Зачем ей заботиться обо мне? Видно, ей жаль меня, и она хочет хоть чем-нибудь облегчить мою участь», — думал он.

Безмерная доброта девушки радовала его. Красота

Пери-Султан была безгранична, и ее образ предстал перед несчастным Ахмедом. Забыв о всех горестях, Ахмед предался мечтам. Он переходил от отчаяния к надежде.

Оставим его и расскажем о Пери-Султан.

Увидев Ахмеда, Пери-Султан еще сильнее полюбила его и не знала, как быть, что делать, как избавить Ахмеда от этой беды и добиться своей цели. Раздумывая над этим, она ожидала возвращения служанки. Немного спустя, девушка, радостно улыбаясь, вошла в комнату. Пери-Султан поняла, что та принесла ей радостную весть.

— С добрыми ли ты вестями,—спросила она,—чему ты улыбаешься, что случилось?

— Госпожа, мои вести радостны,—ответила служанка.—И даже очень. Я устроила все, как нельзя лучше.

— Ну, говори же скорей,—сказала Пери-Султан нетерпеливо.

Служанка подробно передала Пери-Султан свой разговор с тюремщиком.

Слова тюремщика обрадовали Пери-Султан, и лицо ее расцвело, подобно распустившейся розе.

— Видно, тюремщик не плохой человек,—промолвила она,—ступай, снеси ему подарки. Во-первых, ты удержишь этим свое слово, а, во-вторых, мы привлечем его на свою сторону. Быть может, он в будущем пригодится нам.

Служанка взяла немного золота, серебра, парчи, шелков, понесла тюремщику и сказала ему:

— Видишь, брат мой, как оправдались мои слова. Госпоже понравилась твоя доброта, и она прислала тебе в подарок эти вещи.

При виде золота глаза тюремщика стали похожи на глаза буйвола, попавшего в овраг.⁵

— Ханум, передай госпоже Пери-Султан мой низкий селям и скажи: тюремщик просит передать, что он с радостью исполнит любое распоряжение госпожи относительно Ахмеда, не жалея своей жизни.

— До свидания,—ответила служанка и возвратилась к Пери-Султан.

— Ну, расскажи, как принял тюремщик подарки?—спросила Пери-Султан.

— О, госпожа, даже и не спрашивай,—ответила та.—Он дошел до такого состояния, что если ты завтра прикажешь привести Ахмеда в свои покои, он тотчас выполнит и даже сам станет у дверей на страже.

Затем, передав все слова тюремщика, добавила:

— Госпожа, ты не печалься, я устрою так, что тюремщик сам будет приводить к нам Ахмеда и поручит его нашим заботам.

— Смотри,—сказала Пери-Султан,—ты в конце концов опозоришь нас. Надо быть очень осторожной.

— О госпожа, не беспокойся, предоставь это мне, я устрою так, что даже и самому тюремщику ничего не придет в голову. А если и придет— не беда. Мы заставим его молчать. Госпожа, деньги заставят самого шайтана совершить намаз. О чем ты думаешь? Если уплатить ему за молчание, он до скончания веков не проболтается, и ты достигнешь своего. Пока он обещал, как только приведут Ахмеда, сообщить нам. Мы завтра снова отправимся к нему, и вы сумеете поговорить. А дальше—аллах милостив. Но, госпожа, надо каждый раз дарить что-нибудь тюремщику, а об остальном не беспокойся, я все улажу.

Пери-Султан понравилось предложение служанки. Поднявшись, она передала обещанные ей подарки и сказала:

— Ну, вставай, подай обед,—покушаем; а затем извести девушек, что мы выйдем сегодня на прогулку. Мне что-то грустно, может быть, рассеюсь.

Служанка накрыла суфру, принесла кушанье. Они поели, запили шербетом, поблагодарили аллаха. Затем, вызвав сорок певиц, сорок музыкантов, сорок танцовщиц и сорок наперсниц, Пери-Султан вышла в сад.

А сад! Что за сад! Нужен поэт, чтобы мог воспеть его: деревья тянутся к небесам, повсюду цветущие лужайки, аромат цветов опьяняет человека и дово-

дит его до потери разума. Журчание вод, пение птиц, трели соловья пленяют человека. Цветы, как сердца влюбленных, налились кровью. Роса на лепестках нарциссов напоминает очи разлученных друг с другом возлюбленных. Короче говоря, невозможно оторваться от них, и никакой язык не в состоянии описать сад Пери-Султан. Всякие фрукты росли в этом саду. Посреди сада — мраморный бассейн. Вода, взвиваясь струей, вздымается к небесам и затем жемчужными каскадами ниспадает в бассейн. И нет сил оторвать от него взор! Сад этот назывался «садом весны». Кроме него, у нее было еще три сада: «сад лета», сад осени» и, наконец, «сад зимы». У каждого из этих садов были свои особые прелести, и ни один из них не походил на другой.

Прогуливаясь, девушки подошли к бассейну и, разостлав ковры, сели. Сперва сорок девушек заиграли, а сорок принялись танцевать, затем другие сорок красавиц запели и начали плясать. Их веселье было так приятно и занимательно, что и творец должен был открыть свое окно и любоваться ими.

Но при мысли, что Ахмед не с ней, а томится в темнице, сердце Пери-Султан обливалось кровью. Ничто не радовало ее, и она становилась все грустней. Как наперсницы и служанки ни старались, они не могли рассеять ее грусть.

Кроме одной ее служанки, никто не знал причины ее тоски; одна говорила ей:

— Госпожа, у тебя такой всемогущий отец, как Шах Аббас, о чем тебе грустить?

Другая:

— Если б я была так прекрасна, как ты, я ни минуты бы не грустила. Почему ты так грустна?

— Разве властительница такого великолепия и роскоши может тосковать?—вопросила третья.

Словом, каждая по-своему старалась утешить ее, но все это не оказывало на нее никакого действия. Мысли Пери-Султан блуждали в ином мире. До самого заката пели и плясали девушки. А когда солнце зашло, они вернулись обратно. Чем больше сгущались сумерки, тем

сильней сжималось сердце Пери-Султан. Когда же они дошли до дворца, Пери-Султан отпустила всех и осталась со своей служанкой.

— Госпожа,—сказала служанка, видя печаль госпожи,—зачем ты так грустишь? Завтра мы снова пойдем в темницу, и ты увидишь Ахмеда.

— Я боюсь,—сказала Пери-Султан,—что отец побоями доведет Ахмеда до смерти. Не знаю, что сделать, чтоб освободить его оттуда.

— Не печалься, госпожа,—успокоила ее служанка,—аллах милостив, разреши, я принесу ужин, покушай и ложись спать. Посмотрим, что будет завтра. Грусть и горе лишают человека аппетита.

На взлелеянную во дворце Шах Аббаса Пери-Султан, не знавшую забот, печаль одного дня наложила сильный отпечаток. Она не могла ни есть, ни пить и поэтому приказала служанке:

— Приготовь мне постель, я усну, а ты покушаешь после.

Служанка поняла, что тревога лишает госпожу покоя. Не возразив ни слова, приготовила она постель, раздела и уложила Пери-Султан. Затем, засветив свечу в золотом подсвечнике, она поставила ее у изголовья, задернула полог и вышла.

Хоть Пери-Султан и улеглась, она не могла сомкнуть глаз. Стоило ей на мгновение забыться, как смутные тревожные сны заставляли ее просыпаться. То видела она, как истязают Ахмеда у фалагги; то, что его избивали до полусмерти. Так провела она ночь до утра. Но и утром ей было не легче. Говорят: «ночь, проведенная в разлуке, бесконечна». Эта ночь показалась Пери-Султан длиннее года.

Утром вошла служанка. Она отдернула полог и увидела, что ланиты Пери-Султан поблекли, как лепестки роз, глаза были красны; она поняла, что госпожа не спала этой ночью.

— Госпожа, имей терпение, возьми себя в руки. Так нельзя. Встань, я одену тебя, накормлю: ты же со вче-

рапного дня ничего не ела. Помолись, а затем я быстро спущусь и принесу тебе весть об Ахмеде.

Одев, умыв и нарядив Пери-Султан, служанка поставила перед ней чай и побежала к темнице принести весть об Ахмеде.

Оставим ее на время и скажем несколько слов об Ахмеде.

После того, как Пери-Султан прислала ему обед и лекарство, Ахмед забыл все свои невзгоды и печали и мечтал лишь о Пери-Султан.

Когда настал вечер, он закусил и снова предался грезам о ней. До самого утра не сомкнул он глаз и все думал о Пери-Султан. Когда же настало утро, он взял принесенную тюремщиком теплую воду, умылся и, придвинув мед, масло и яйца, поел так плотно, что пришлось распустить пояс.

«Ну, теперь наплевать мне и на Шах Аббаса и на визиря Аллахверди-хана. Пусть бьют сколько хотят, ведь все равно, избив, приведут сюда. За один миг беседы с Пери-Султан я готов не только на побор, но и на лютую казнь».

Ахмед снова замечтался, образ Пери-Султан непрерывно витал перед его глазами.

В это время двери распахнулись, и вошел тюремщик. Уже не сердито, как обычно, а ласково он заметил:

— Ахмед, прости, я человек маленький, выполняю волю падишаха. Шах Аббас прислал феррашей, вставай, отправимся к нему.

— Ничего, дяденька,—засмеялся Ахмед,—не печалься, я ведь понимаю, что ты тут не при чем. Пойдем.

Тюремщик взял Ахмеда под руку и почтительно вывел из темницы, а затем вместе с феррашем отвел его к шаху.

Оставим их в пути и поговорим о Пери-Султан и ее служанке.

Служанка, придя к темнице, увидела, что тюремщик и ферраш увели Ахмеда. Она проводила их почти до дверей судилища и, полная сожаления и печали, вернулась обратно. Пери-Султан, выпив чай, ждала ее. Пери-

Султан, заметив, что служанка расстроена, кинулась к ней:

— Что случилось? Почему ты грустна? |

— Ради аллаха, госпожа, не тревожься,—поспешила успокоить ее служанка,—ничего не случилось, но я пришла только тогда, когда Ахмеда вывели и повели к шаху, вот почему я печальна.

— О девушка! Этому уж не помочь. Теперь ты будь на страже. Как только Ахмед вернется, сообщи мне, иначе мое сердце не выдержит.

— Не грусти, госпожа,—ответила служанка,—ничего не случится, помучают немного и сейчас же отпустят его. Тогда сам тюремщик придет и расскажет нам обо всем. А теперь пойдём, я поведу тебя в сад весны, пройдемся, ты немного рассеешься и не заметишь, как пройдет время.

— Хорошо, но только отправимся не в сад весны, а в сад осени.

— Хорошо, как прикажешь.

Они отправились в сад осени. Хотя этот сад и носил название осеннего и во все времена года напоминал осень, но был он гораздо пышней и красивей сада весны.

Всюду били ключи, струились ручейки, чистые и прозрачные, как сок цветов. Соловьи пели, цветы распространяли нежное благоухание. Клянусь аллахом, казалось, это уголок эдема. Цветы, птицы, растения—все взывало здесь к любви, но от прелестей сада печаль Шери-Султан возросла тысячекратно, и она воскликнула:

— Вернемся поскорей. Я не могу вынести гнетущей меня печали. Даже птицы счастливее нас: каждая из них порхает, поет и воркует со своей парой. Вернемся же, вернемся обратно.

Служанка повиновалась, и они молча повернули обратно. Как только они вернулись, служанка пошла узнать что-нибудь о судьбе Ахмеда.

Видит—идет тюремщик. Подойдя к служанке, он почтительно поклонился и говорит:

— Приветствуй госпожу и передай, что мы привели Ахмеда обратно. Но на этот раз его избили сильнее, и

он лишился чувств. Если вы быстро принесете лекарство, мы приведем его в себя.

Тюремщик остался у дверей. Служанка быстро воротилась во дворец, захватила снадобья и, передав Пери-Султан все, что было, добавила:

— Ханум, я пойду к Ахмеду и приведу его в чувство, а ты приходи чуть попозже. Боюсь, что, увидав Ахмеда, ты не выдержишь, выдашь себя, и мы опозоримся.

— Хорошо,—проговорила Пери-Султан сквозь слезы.—Но, ради аллаха, спеши, я скоро приду.

— Сию минуту,—сказала служанка и, выйдя вместе с тюремщиком, направилась к темнице.

Вошла и что же видит? Ахмед был избит до потери сознания. Его окровавленные ноги вышли из своих лож, а на теле не было живого места.

— Что с ним?—спросила служанка у тюремщика.

— Подожди, дай раньше приведем его в чувство,—ответил тот,—и тогда я расскажу.

Они спрыснули лицо Ахмеда гюлабом, привели его в себя, приложили к ранам бальзам, сделали перевязку, уложили в постель и говорят ему:

— Успокойся, отдохни.

Увидя вошедшую Пери-Султан, Ахмед забыл про боль и раны и хотел подняться с места, но не выдержал и свалился. Тюремщик и служанка подхватили его. Придя в себя, Ахмед прислонился к стене и сел. Взяв себя в руки, Пери-Султан подошла к нему и поздоровалась.

Ахмед почтительно ответил на приветствие.

— Ахмед,—обратилась к нему Пери-Султан,—кажется, на этот раз тебя избили очень сильно. Как ты теперь себя чувствуешь?

Ахмед засмеялся.

— Да, госпожа, кажется, на этот раз меня избили чуть посильней, но не беда.

Пери-Султан, видя, что Ахмед хоть и разговаривает, но ему тяжело сидеть, осторожно взяла его за руки и заставила прилечь.

Когда Ахмед почувствовал прикосновение рук Пери-Султан, он едва не лишился чувств, но, овладев собой,

забыв боль и раны, не отводил от нее взора. Пери-Султан, заметив, что Ахмед любит ее, и не желая дать заметить это другим, завязала беседу с тюремщиком.

— Видно, Ахмеда на этот раз избили жестоко?

— Да, госпожа, на этот раз его избили сверх меры.

— Почему?

— Госпожа, в жизни не видел я такого мужественного, бесстрашного юноши. Из темницы он шел в судилище, словно отправлялся на пир, и ни капельки не волновало его то, что его призывает Шах Аббас, что он будет избит. И перед шахом он держался твердо, с достоинством и, как ни просили, ни увещевали его Шах Аббас и все присутствующие, сколько высоких должностей ни предлагали, говоря: «открой, поведай нам свой сон»,—не пойму, почему Ахмед упорно твердил: нет и нет. Тогда заговорил сам Шах Аббас:

«Ахмед, пожалей себя, не губи понапрасну, ты умрешь под палочными ударами. Открой свой сон, и я дам тебе любой вилайет. А нет— велю избить так, что под палочными ударами вылетит твоя душа».

Слова эти не возымели действия на Ахмеда, и он ответил:

«Да будет долговечна жизнь шаха. Ты—повелитель вселенной, одним мановением руки ты можешь лишить жизни тысячи таких, как я. Ты всемогущ, но в моей власти моя жизнь. Я дал себе слово, что даже если ты не только избьешь меня, а прикажешь бросить в пламя и я заживо сгорю, все же буду молчать. А теперь воля твоя. Прикажи, и пусть палачи как угодно терзают меня».

Госпожа, слова эти привели Шах Аббаса в неопишную ярость. Мое сердце содрогнулось от ужаса, и я подумал: «сейчас он прикажет обезглавить Ахмеда»,—но, слава аллаху, этого не случилось, а шах приказал:

«Видно, он еще не поумнел, дайте ему такой урок, чтоб он, наконец, поумнел».

После этого привязали Ахмеда к фалагге и принялись бить. Ханум, если б удары, которые сыпались на израненное, обессиленное в течение этих дней тело Ахмеда, сыпались на тело самого Рустем-Зала, то и он бы

не выдержал и стал бы молить о пощаде. Скорей можно было бы исторгнуть стон из камней, чем у Ахмеда. Он даже глазом не моргнул. Все присутствующие были удивлены его стойкостью. Наконец, Ахмед лишился чувств. Я не выдержал и заплакал. Заметя мои слезы, Шах Аббас сжалился над Ахмедом и приказал прекратить избиение. Его вынули из фалагги. Он лежал, как мертвый. У меня мелькнула мысль, что если я буду медлить—Ахмед истечет кровью. Я взвалил его на спину и принес сюда. Здесь легче перевязать ему раны и оказать помощь.

Узнав обо всем перенесенном Ахмедом и о его мужестве, Пери-Султан вспылала к нему еще большей страстью и, окинув его долгим влюбленным взглядом, обратилась к тюремщику:

— Я знаю нрав отца: он не обезглавит Ахмеда, и с этой стороны беспокойства излишни. Раз он сказал Ахмеду, что под палочными ударами заставит его рассказать свой сон, он так и сделает. Он из тех, кто умеет поставить на своем. Пусть пройдут десятки лет, он будет держать Ахмеда до тех пор, пока не добьется своего.

Когда Ахмед услышал из уст Пери-Султан слово «отец»,—он понял, что она дочь Шах Аббаса и застыл в изумлении.

Вынув из кармана пригоршню золотых, Пери-Султан высыпала их в руки тюремщика и сказала, смеясь:

— Правда, Ахмед не в ладах с моим отцом, но что поделаешь, я—друг милосердных; за то, что ты внимателен к Ахмеду, я дарю тебе это золото и окажу впредь еще больше милостей.

От радости тюремщик готов был упасть к ногам Пери-Султан.

Этот мир—мир превратностей. Что же касается денег, они и шайтана заставят совершить намаз. Поэтому, чтобы понравиться Пери-Султан и заслужить в дальнейшем ее милости, тюремщик сказал:

— Ханум, клянусь аллахом, если б я не боялся Шах Аббаса, я взял бы Ахмеда к себе, а когда наступало бы утро, приводил бы обратно. Никто бы не знал, где я

держу его. О госпожа, на этот раз Ахмед избит слишком сильно: как бы чего с ним не случилось. Надо почаще прикладывать к его ранам снадобья. А в темнице это невозможно.

Услышав это, Пери-Султан побледнела. Ахмед же не сводил глаз с ее лица. Он заметил ее бледность, но и служанка была не промах. Ухватившись за слова тюремщика: «боюсь, как бы не вышло чего»,—она обратилась к Пери-Султан:

— Госпожа, разреши мне молвить слово.

— Говори, что ты хочешь?—ответила та.

Притворившись взволнованной, служанка начала:

— Госпожа, тюремщик—бедный человек, он не смеет взять Ахмеда к себе, потому что, если проведает о том твой отец, он сотрет с лица земли весь его род. Между тем, ты—зеница ока Шах Аббаса, его единственное дитя; что б ты ни делала, отец не обидит тебя. Давай, возьмем Ахмеда, уложим его в одной из отдельных комнат дворца, будем лечить его раны и выходим его. За три дня он оправится и, когда подойдет срок, снова вернется в темницу.

— Что ты говоришь?—ответила Пери-Султан.—Не сошла ли ты с ума? Как можно мне, дочери Шах Аббаса, держать в своем дворце его узника? А вдруг кто-нибудь увидит это? Мало-ли что отец не станет корить меня, каково будет мне самой? Нет, это невозможно. Мы можем помогать ему лишь здесь.

— Госпожа, все, что ты изволила сказать, сущая правда,—возразила служанка.—Но Ахмеда нельзя оставить в таком состоянии. Как можем мы допустить, чтобы такой юноша погиб у нас на глазах? По-моему, тюремщик может уладить это так, чтоб никто не догадался. А ты свершишь святое дело.

Слова Пери-Султан поразили Ахмеда. Откуда было знать бедняге, что таила в своем сердце Пери-Султан и почему она так говорит? Он не знал, как понять ее.

Не успела служанка произнести последние слова, как тюремщик попросил разрешения:

— Госпожа,—начал он,—если ты позволишь, я улажу это дело так, что никто ничего не узнает.

— Говори, что ты хочешь этим сказать?—спросила Пери-Султан.

— Госпожа, темница прилегает к твоим покоям; я могу в стене пробить дверь в одну из твоих комнат и сделаю это так, что как бы с этой стороны ее ни рассматривали, никто не заметит, что здесь скрыта дверь. А с той стороны ты заставишь дверь, завесишь ковром и скроешь ее, а в нужный момент сможешь воспользоваться ею. Таким образом, ты через каждые три дня можешь, открыв дверь, водворить Ахмеда в темницу. А когда он, представ пред лицом шаха, вернется в темницу, можешь снова брать его к себе. И об этом, кроме нас четверых, никто знать не будет. Мы же не откроем дела рук своих кому-нибудь.

Погрузившись в раздумье, Пери-Султан сказала:

— Хорошо, сделай так.

Тюремщик тотчас принялся за работу. Ахмед не отводил от Пери-Султан восторженного взгляда. Его сердце было полно любовью. Его раны вызывали мучительную боль во всем теле, но он забыл свои переживания; ему казалось, что он только что появился на свет. Сердце его то трепетало, то замирало, голова кружилась. Не прошло и двух часов, как тюремщик пробил дверь.

— Госпожа, теперь и вы можете отсюда же пройти к себе,—проговорил он.

Поблагодарив тюремщика, Пери-Султан дала ему еще пригоршню золотых и сказала:

— Теперь ты свободен, выйди и запри дверь снаружи.

Радостно опустив золото в карман, тюремщик работлепно поклонился Пери-Султан и, выйдя, запер дверь снаружи.

Тогда, подхватив с обеих сторон Ахмеда, Пери-Султан и служанка осторожно провели его в дворцовые покои.

Служанка приготовила постель. Раздев Ахмеда, они уложили его. Снова смазали его тело и приложили бальзам.

Покончив с этим, Пери-Султан приказала служанке:

— Ну, ступай, приготовь поесть и принеси сюда; я сегодня пообедаю здесь.

Служанка была сметлива. Она сообразила, в чем дело, и пошла исполнять приказание госпожи.

Медленно приблизившись к Ахмеду, Пери-Султан обратилась к нему:

— Ахмед, я знаю, что мои возражения против твоего перехода из темницы сюда и мои слова о том, что ты не ладишь с отцом и я все это делаю из милосердия, удивили тебя. Я это поняла по твоим взглядам, но ты не должен на меня обижаться. Я говорила все это для того, чтобы обмануть бдительность тюремщика, для отвода его подозрений. Прости меня, это было необходимо. Теперь я добилась своего, не бойся, любимый, я люблю тебя, и никто не может отнять тебя у меня.

Услышав эти слова и забыв о своих ранах, Ахмед бросился к ногам Пери-Султан и принялся целовать их.

Пери-Султан подняла его, обняла и горячо прижала к сердцу. Когда они немного успокоились, она обратилась к Ахмеду и сказала:

— О свет моих очей, твое тело изранено, ложись, отдохни: у нас впереди еще столько времени, мы успеем досыта наговориться и нацеловаться.

— О госпожа, если виденное—не сон,—воскликнул Ахмед,—что может значить боль, чтобы из-за нее я расставался с тобой.

Еще раз обняв Ахмеда и покрыв поцелуями его глаза, лицо и уста, Пери-Султан осторожно уложила его в постель.

— Не бойся, Ахмед, это не сон, клянусь аллахом, это явь. Я дочь Шах Аббаса—Пери-Султан, а это один из покоев моего дворца. А ты—портной Ахмед. И жизнь после этого принадлежит нам.

Ахмед оглядел комнату и увидел, что вся она сделана из белого мрамора, повсюду расшитые золотом занавеси, дорогая парча, пол устлан редкими коврами. На стенах огромные зеркала, висят светильники, рас-

ставлены стулья на золотых ножках. Комната эта подобна покоям новобрачной и полна сияния. Словом, богатство и роскошь убранства слепят очи.

Бедный Ахмед, кроме своей грязной закоптелой каморки, портняжной мастерской и злосчастной темницы, ничего другого в жизни не видел и потому, при виде роскоши и великолепия этих покоев, он с раскрытым от удивления ртом изумленно озирался вокруг.

Заметив это, Пери-Султан поняла, что окружающая роскошь поразила Ахмеда, и говорит:

— Это—одна из сорока моих комнат и самая худшая, но так как она близка к темнице и находится в стороне, я приказала пробить дверь именно сюда, не то я ее тебе даже не показала бы. Усни сегодня, отдохни, а завтра я покажу тебе весь дворец и все его сокровища. Этот дворец принадлежит пока мне, а вскоре он будет и твоим.

С каждым словом Пери-Султан Ахмеду казалось, что душа его покидает тело.

«О, аллах, неужели все, что она говорит, правда,—твердил он,—или она смеется надо мной?»

В это время вошла служанка и внесла поднос с обедом. Расставив принесенное, она сказала:

— Ты также встань и садись кушать.

Ахмед поднялся, оделся, умылся и сел около суфры. Напротив него уселась Пери-Султан, а сбоку служанка, и все трое принялись за еду. Ахмеду казалось, что он в раю, а девушки—это гурии, и мысленно он твердил: «Хоть бы все это случилось со мной еще года два до этого!»

Когда они пообедали, возблагодарили аллаха и поднялись с места, служанка принялась убирать суфру, а Пери-Султан, обняв Ахмеда, подвела его к окну.

— Ахмед, ты болен, и сегодня мы не сумеем выйти на прогулку, а потому пока довольствуйся тем, что любишься из окна.

Взглянув в окно, Ахмед увидел, что дворец Пери-Султан с четырех сторон окружен садами. Куда ни взглянешь, фонтаны высоким столбом бьют ввысь и,

струясь, падают в мраморный бассейн, деревья простирают вершины к небесам, заливаются соловьи, кругом фиалки, розы. Аромат цветов, голоса птиц одурманивают человека. Бедный Ахмед не знал, на чем остановить свой взор: на роскошных покоех, на живописных садах или на Пери-Султан.

Ему казалось, что он умер, похоронен и находится на том свете в раю. Но, взглянув на свое тело, он увидел свежие следы сегодняшних побоев и понял, что он жив и все, происходящее с ним, происходит в этом мире.

Весь этот день Ахмед, Пери-Султан и служанка провели вместе, любуясь садами и строя планы будущего. Говорили о деле Ахмеда, стараясь разгадать, чем оно может кончиться.

Когда же наступил вечер, они поужинали, и служанка до полуночи рассказывала сказки, играла и пела. Когда же наступило время ложиться спать, служанка раздела Ахмеда, уложила его, смазала ему тело лекарствами и, пожелав спокойной ночи, вышла.

Пери-Султан, поцеловав Ахмеда в глаза, сказала:

— Мой дорогой, не тужи, отдохни, бог даст, утром увидимся. Спокойной ночи.

В сопровождении служанки она направилась к себе. Раздев, как обычно, госпожу, засветив у ее изголовья свечу и опустив полог, служанка отправилась к себе на покой.

От радости и волнения Ахмед и Пери-Султан провели большую часть ночи без сна, а если порой и смыкали глаза, то мгновенно видели друг друга во сне. Зато служанка, едва прикоснулась головой к подушке, как тотчас погрузилась в непробудный сон. Однако, едва наступило утро, она первая поднялась с ложа, вошла в комнату Ахмеда и отдернула занавеси. Ахмед уже поднялся, оделся и, сидя у окна, любовался садом и слушал соловьиные трели.

Поздоровавшись с ним, служанка сказала:

— Ахмед, зачем ты поднялся сам? Я бы смазала твои раны бальзамом и одела бы тебя.

— Большое спасибо,—засмеялся он,—но я привык одеваться сам. Мои раны больше в бальзамах не нуждаются. С тех пор, как их коснулись руки Пери-Султан, они зажили.

— Тогда, прости меня, я пойду разбужу госпожу и извещу ее о том, что ты уже встал.

— О ханум, ради аллаха, не буди Пери-Султан,—поспешил остановить ее Ахмед,—пусть она отдохнет. Она царская дочь и не знает забот и страданий. Вчера она, занимаясь мной, устала. Пусть она выспится и отдохнет.

Служанка засмеялась.

— Ахмед, видно, ты не знаешь дворцовых обычаев. Наша обязанность во-время разбудить, одеть, умыть госпожу и подать ей трапезу. Остальное нас не касается. Мы должны в свое время исполнить свои обязанности.

Распрощавшись с Ахмедом, служанка поспешила к Пери-Султан. Отдернув занавеси и задув свечи, она принесла наряды и украсила ее с тысячью и одним ухищрением и тонкостью, и Пери Султан стала подобна рожденной с зарею утренней звезде.

Затем она передала Пери-Султан свой разговор с Ахмедом, а также рассказала, что он встал и оделся без посторонней помощи.

Пери-Султан захлопала в ладоши и радостно рассмеялась.

— Видно, он очень любит меня. А ведь и вправду он очень мил, вежлив и умен. Он достоин любви. Не беда, он скоро привыкнет и освоится с нашей жизнью и обычаями, и тогда у него не будет промахов.

— Госпожа, ты изволишь говорить правду,—согласилась служанка.—Но твой отец измучит его.

— Не бойся,—возразила Пери-Султан,—я не допущу, чтобы его через каждые три дня водили к шаху, а там—аллах милостив.

— Как же ты это сделаешь?—спросила служанка.

— Чего же легче? — улыбнулась Пери-Султан. — Я подучу тюремщика, чтобы каждый раз, когда ферраши будут приходить за Ахмедом, он говорил бы им, что

Ахмед сильно болен и лежит без памяти. Тогда отец оставит его в покое, ибо будь он злейший враг,—пытки и истязания к больным неприменимы; тем более, что Ахмед не враг отцу: падишах просто хочет узнать его сон, а Ахмед упрямится, за что отец и сердится на него.

После этих слов госпожа и служанка поднялись и прошли к Ахмеду. Выпив чай и закусив сладостями, они и этот день провели радостно, в оживленной беседе.

На другой день поутру Пери-Султан послала служанку к тюремщику с наказом:

— Когда явятся ферраши, скажи, что Ахмед сильно болен и лежит в забытии.

Захватив кое-какие подарки и горсть золота, служанка поспешила к тюремщику, вручила их ему и передала приказание своей госпожи.

— Не беспокойтесь, я сделаю так, чтобы Ахмеда даже раз в месяц не водили в судилище,—успокоил ее тюремщик.

Служанка вернулась во дворец и передала Пери-Султан и Ахмеду слова тюремщика. Они обрадовались и отдались веселью.

Так проходили дни и ночи. Ахмед успел совершенно оправиться и становился еще красивее. Ежедневно влюбленные ходили на прогулку и обошли, таким образом, все владения Пери-Султан. Постепенно Ахмед освоился со всеми дворцовыми обычаями.

Пери-Султан и Ахмед так привязались друг к другу, что не могли провести и получаса в разлуке. Лишь сон разлучал влюбленных, а остальное время они проводили вместе и не замечали, как проносились дни.

Проводя время в холе и неге, Ахмед креп и хорошел с каждым часом. Вместе с тем росла и любовь Пери-Султан. Прошло ровно шесть месяцев с тех пор, как Пери-Султан и Ахмед стали проводить вместе свои дни. За эти шесть месяцев лишь шесть раз удалось Шах Аббасу взять Ахмеда в судилище и подвергнуть пыткам.

В остальное время, при каждой попытке заставить Ахмеда предстать перед лицом шаха, тюремщик отваживал являющихся за ним феррашей. Каждый раз,

приходя к Шах Аббасу, Ахмед упорно отказывался открыть свой сон. При возвращении в темницу, как только запирались за ним двери, он спешил к ожидавшей его в тревоге и слезах Пери-Султан: та прикладывала к его ранам бальзам и другие лекарства и перевязывала его. А потом, сквозь слезы, рассказывала Ахмеду, что перенесла она за это время, в ожидании возвращения Ахмеда, и тот, прижимая ее к своей груди, успокаивал свою любимую.

На исходе седьмого месяца прибыли послы короля франков просить руки царевны для наследника престола. Шах Аббас отказал и послов отослал обратно. Спустя несколько времени, жители Исфагани проснулись и увидели, что город с четырех сторон окружен войсками. Визирь короля франков окружил войсками Исфгань, подобно золотой оправе перстня, охватывающей драгоценный камень, и послал сказать Шах Аббасу:

— Я, главный визирь короля франков, пришел просить руки дочери шаха для наследника франкского престола. Выдайте царевну за него или разгадайте загадку. Я привез с собой сорок человек молодежи. Все они одинакового роста, одинакового сложения, одного возраста и похожи друг на друга, как половинки одного яблока. Двадцать из них юноши, а двадцать девушки. Не прикасаясь к ним, надо различить юношей от девушек. Если не разгадаете, мы увезем с собой даже ваши земли.

Собрал Шах Аббас визирей и векилов, и принялись они совещаться. Каждый предлагал свое.

Наконец слово взял визирь Аллахверди-хан.

— Да будет долговечна жизнь повелителя вселенной, мы не можем без боя усадить твою дочь на кеджавз⁶ и вместе с данью и урожаем за семь лет послать сыну короля франков, ибо это будет невиданным бесчестьем. Лучше погибнуть с честью в бою, чем допустить это бесчестье. Но прежде чем идти на кровопролитие, попробуем найти человека, который взялся бы разрешить эту задачу. Быть может, милостью аллаха мы сумеем мирным путем избавиться от этой напасти, а

нет—будем биться до последнего издыхания. И если суждено Пери-Султан уехать, то только через наши трупы.

Высокое собрание одобрило предложение Аллахверди-хана. Шах Аббас повелел, чтобы все жители Исфагани от мала до велика, женщины и мужчины собрались на майдане перед зданием судилища. Никто не знал, в чем дело, и все стояли в напряженном ожидании, строя различные предположения. Наконец, показался визирь Аллахверди-хан, который рассказал собравшимся о загадке франкского визиря и добавил, что всякого, кто сумеет разъяснить эту загадку и отличить юношей от девушек, Шах Аббас наградит всем, чем тот пожелает.

Всем захотелось испытать свое счастье, но успеха никто не добился.

Тем временем визирь короля франков, не переставая угрожать, требовал: коли не умеете разрешить загадку, выдайте нам царевну.

Шах Аббас вместе с визирем и векилами думали, думали: кого бы найти из подданных, который мог бы разрешить эту загадку?

Оставим их пока.

О ком поведать вам? О Пери-Султан.

Узнав о сватовстве франкского царевича, Пери-Султан загрустила. Она боялась, что ее насильно увезут и разлучат с Ахмедом, но услышав о поставленном условии и о том, что не нашлось никого, кто взялся бы отличить юношей от девушек, она обрадовалась. Вначале, чтоб его не опечалить, она хотела скрыть от Ахмеда правду. Рассказав ему все, она сказала:

— Ахмед, мы должны придумать что-нибудь такое, чтоб извлечь из этого случая для себя пользу.

— Что мы можем сделать, госпожа?—ответил Ахмед.
— Прикажи, и я все выполню, не жалея своей жизни.

Пери-Султан обняла Ахмеда и говорит:

— О мой возлюбленный, вероятно отец вспомнит и о тебе, потому что, кроме тебя, не осталось никого, к кому бы они ни обратились. Ответь отцу: «Баш уста! о повелитель вселенной, я разгадаю твою загадку при одном

условии». Когда отец спросит, каковы твои условия, ответь: «Выдай за меня свою дочь Пери-Султан, и я избавлю тебя от этой беды». Отец рассердится, но что бы ни было, не бойся и стой на своем. У них нет иного выхода, и они волей-неволей согласятся на твое предложение. Тогда собери эту молодежь в одну комнату, посади всех в ряд и вели подать воду. Сделай так, чтобы вода была горячая. Когда накроют суфру, возьми таз и кувшин и сам полей каждому на руки. Вода должна быть не такой горячей, чтобы обварить руки, но и не теплой. Когда ты начнешь поливать, юноши из самолюбия постараются не отдернуть рук, но девушки не выдержат и при первом же прикосновении горячей воды воскликнут и отскочат. Тогда ты тех, кто отвел руки, поставь в ряд с одной стороны, а тех, кто выдержал,— с другой и, указав на первых, скажи—это девушки, а на вторых—это юноши.

Пери-Султан повторила свои наставления и подробно указала Ахмеду, как быть. Влюбленные повеселели и занялись друг другом.

Оставим их в радости и скажем несколько слов о Шах Аббасе. Визирь, векилы и сам шах сколько ни думали, не могли ничего придумать и не могли найти человека, могущего разрешить эту загадку.

Все сидели задумчиво, сложив руки на груди. Вдруг визирь Аллахверди-хан вспомнил об Ахмеде, и лицо его прояснилось.

— О повелитель вселенной, не омрачайся, я нашел нужного человека!

Шах Аббас обрадовался.

— Кто же он?

— Ахмед.

Услышав имя Ахмеда, шах улыбнулся.

— Визирь Аллахверди-хан! Как могло случиться, что мы до сих пор не вспомнили об Ахмеде? Если кто сумеет разгадать эту задачу, так только он, но боюсь, что он не согласится. Ведь мы так долго мучили его. Смерти он не боится.

— Да будет долговечна жизнь повелителя вселен-

ной, об этом не тревожься. Ахмед умен и рассудителен: как бы ни были с ним строги и жестоки, он не предаст нас франкам. Прикажи привести его, и ты убедишься, что я прав.

Шах Аббас призвал тюремщика и приказал привести Ахмеда.

— Смотри, будь с ним почтителен,—приказал он.

Склонившись до самой земли, тюремщик вышел. Он дошел до темницы, открыл дверь, подошел к потайной двери и постучался. Пери-Султан и Ахмед, услышав стук тюремщика, открыли двери и перешли в темницу.

— Что случилось?— спросила Пери-Султан в волнении.—Зачем отец требует Ахмеда?

— Не пугайся, госпожа. Мне кажется, что на этот раз не для пыток. Он лично изволил приказать мне быть с Ахмедом ласковым и почтительным.

Пери-Султан поняла, в чем дело. Все обрадовались, и Ахмед в сопровождении тюремщика отправился в судилище, а Пери-Султан и служанка прошли во дворец и стали ждать возвращения Ахмеда.

Оставим их тут и посмотрим, что случилось с Ахмедом.

Вошел Ахмед в здание судилища, почтительно поклонился, скрестив руки, и стал ожидать приказаний шаха.

— Ахмед,—сказал шах,—обычно приводят тебя на пытки и истязания, но сейчас речь не об этом, выслушай, что скажет тебе визирь Аллахверди-хан.

Ахмед усмехнулся.

— Пусть повелитель вселенной прикажет, и я буду знать, в чем дело.

Визирь Аллахверди-хан рассказал о сватовстве франкского царевича и об их загадке. Ахмед притворился, что слышал об этом впервые и воскликнул:

— Повелитель вселенной, я не разгадал бы эту загадку и оставил бы все на волю случая, пусть бы совершилось то, что должно свершиться, ибо слишком долго ты истязал меня, невинного. Но моя честь противится этому. Я избавлю Исфагань от этой напасти, но при одном условии.

— Выскажись,—сказал шах милостиво.—Я дам тебе все, что ты попросишь, не пожалею и царства.

— О нет! Да сохранит сам аллах тебе твою власть и трон, но ты должен выдать за меня дочь свою, Пери-Султан. Тогда я разгадаю эту загадку.

— Ахмед!—сказал Шах Аббас.—Я не соглашаюсь выдать свою дочь даже за сыновей падишахов и вдруг отдам ее за подмастерье портного? Слыханное ли это дело? Требуй все, что хочешь, но не это.

Ахмед улыбнулся.

— Да будет долговечна жизнь повелителя. Я сказал свое и сказал обдуманно. От своих слов я не отступлю никогда. Ведь я сказал уже, что слишком долго страдал невинно и берусь за это лишь потому, что этого требует моя честь. Иначе я бы на это дело не пошел. Но я готов забыть свои мучения, если ты обручишь свою дочь со мной.

Вспомнил визирь Аллахверди-хан, как тверд и уперен был Ахмед в истории со сновидением, и, наклонившись к шаху, шепнул:

— О шах, неужели до сих пор ты не узнал его? Разве ты не понял, что он умрет, но не отступится от своих слов? Ведь так лучше. Мало ли у нас сластей и шербету, раздадим их на свадьбу, а потом запрем его в темницу и под каким-нибудь предлогом откажемся от своих слов. Пока же пусть он избавит нас от этого позора.

Долго уговаривал Шах Аббас Ахмеда и, наконец, не видя выхода, вынужден был согласиться. Он велел принести брачные одежды, созвал меджлис и обручил Пери-Султан с Ахмедом. После этого Ахмед, преклонившись пред шахом, сказал:

— Повелитель вселенной, прикажи явиться визирю франков с его юношами и девушками, а об остальном позабочусь я сам.

— Прекрасно,—ответил шах,—поступай, как знаешь.

Ахмед вернулся в темницу, а Шах Аббас послал пригласить на завтра франкского визиря с его сорока юношами и девушками.

Оставим пока Шах Аббаса и посмотрим, чем заняты Пери-Султан и Ахмед.

Войдя в темницу, Ахмед открыл потайную дверь, прошел во дворец и поклонился Пери-Султан. Увидя его в брачном одеянии, обе девушки растерялись до того, что забыли даже поздравить его.

Бросившись к Ахмеду со слезами радости, Пери-Султан сказала:

— Мой дорогой, наконец-то сбылись наши желания. Слава аллаху!

— О чем же ты плачешь, госпожа?—сказала служанка, поздравляя и успокаивая Пери-Султан.—Слава аллаху, вы теперь обручены. Да благословит вас всевышний.

— Правда, — подхватил Ахмед, — хоть мы и обручены, но Шах Аббас против нашего брака; боюсь, как бы он не отрекся от своих слов.

Пери-Султан рассмеялась.

— Дорогой мой, об этом не тревожься. Предоставь это мне. Трудно было довести дело до теперешнего состояния, а дальнейшее—пустяки.

Опьяненные счастьем этого дня, влюбленные вместе с верной служанкой целый день предавались веселью и радости.

Говорят, что опьяненные счастьем не пробуждаются. Однако, едва наступило утро, Ахмед взял себя в руки, перебрался в темницу и оттуда отправился прямо во дворец Шах Аббаса.

Сложив руки и почтительно склонившись в приветствии, он встал в ожидании.

— Ну, Ахмед, сын мой, займись теперь своим делом.

Ахмед поклонился, вышел из комнаты и приготовил все так, как наказывала ему Пери-Султан. Затем прошел в комнату, где сидели шах, визирь, векил и послы франков, и выстроил сорок человек молодежи в ряд. Усадив напротив них визиря франков, а во главе суфры визиря Аллахверди-хана, взяв в руки таз и кувшин с водой, Ахмед принялся обходить гостей, поднося каждому воду для омовения рук. Когда струя горячей воды коснулась

рук Аллахверди-хана, он сдержался и не отвел рук. Затем Ахмед перешел к молодежи. Юноши, сдерживаясь, молча переносили эту неприятность, но девушки, вскрикивая, всплескивали руками и отступали. И тогда первых Ахмед сажал рядом с Аллахверди-ханом, а вторых — с визирем франков. Таким образом, выделив двадцать девушек, Ахмед прошел в другую комнату и, охладив воду, подал им.

Покончив с этим, он обратился к визирю Аллахверди-хану и говорит:

— Хан, рядом с тобой сидят юноши,—и, повернувшись к визирю франков, сказал ему:—а рядом с тобой девушки. Теперь можете приступить к трапезе. Добро пожаловать, дорогие гости, но прошу передать падишаху франков, что загадку эту отгадал жених дочери Шах Аббаса—портной Ахмед.

Пообедав, гости удалились. По их уходе призвал Шах Аббас Ахмеда и говорит:

— Ахмед, ты жених моей дочери—это своим чередом, но ты и мой узник—это тоже своим чередом. А теперь,—расскажешь ли ты свой сон или снова будешь упрямитесь?

— Да будет долговечна жизнь падишаха,—ответил Ахмед,—в этом вопросе я остаюсь прежним Ахмедом. Поступай, как знаешь.

Шах Аббас приказал как следует избить Ахмеда и, сняв с него брачные одежды, отвести его в темницу.

Но эти побои причинили Ахмеду беспокойства не больше жужжания мухи. Если человек счастлив, телесные раны ему не страшны. Бойся ран сердечных—они обессиливают тело.

«Бедный Шах Аббас,—направляясь в темницу, думал Ахмед.—Он воображает, что посылая меня в тюрьму, наказывает меня: ему и невдомек, что я сам молю об этом аллаха».

Меж тем шах говорил себе:

«Бедный Ахмед! Он воображает, что я отдам за него зеницу своего ока, свою единственную дочь: ему и в голову не приходит, что я спною его в темнице».

Дошел Ахмед до темницы. Тюремщик впустил его, запер за ним двери, и Ахмед прошел через потайную дверь к Пери-Султан. При виде избитого, израненного жениха, Пери-Султан бросилась к нему.

— В чем дело, дорогой, что опять случилось?

Ахмед рассказал все от начала до конца. Пери-Султан, выслушав его, сказала:

— Ничего, ты не бойся! Пока, дай, я перевяжу раны и приложу к ним бальзам, а там подумаем.

Смазала она раны Ахмеда, уложила его, села у его изголовья, и они стали обсуждать создавшееся положение.

— Ахмед, безусловно, отец не хочет отдать меня тебе. Но не бойся, он будет вынужден сделать это. Нужно терпение.

— О госпожа, пусть избивают меня по десять раз в день, лишь бы не разлучили с тобой.

Послав немного и отдохнув от пережитых тревог и волнений, Ахмед почувствовал себя значительно лучше, перестали раны его ныть. Они пообедали и спустились в сад. В течение целого месяца Ахмед и Пери-Султан предавались радостям и веселью.

Оставим их на время, а я поведаю вам о визире франкского короля.

Печально поехал визирь обратно и доехал, наконец, до Франкистана. Дошла до короля франков весть, что едет посол обратно. Повелел король:

— Приготовьтесь и выезжайте навстречу: вероятно, он везет невесту.

Придворные сели на коней и во главе с королевичем выехали навстречу визирю. Когда же встретились с ним на расстоянии однодневного пути, увидели, что никакой дочери Шах Аббаса с ним нет. Понутив головы, словно с похорон, все молча вернулись обратно. Когда обо всем рассказали франкскому королю, он сказал сыну:

— Не горюй, на этот раз я задам им такую загадку, что ее никто не разгадает, и тогда Шах Аббас вынужден будет сам, собственной рукой, выслать к нам свою дочь

Пери-Султан и еще в придачу урожай за семь лет, и ты женишься на ней.

— А кто же отличил юношей от девушек?—спросил он визиря.

— Да будет жив повелитель мира,—ответил визирь,—их отличил юноша по имени Ахмед, подмастерье портного, жених дочери Шах Аббаса.

— Ну, что ж,—возразил король,—посмотрим, как этот Ахмед справится с новой задачей.

Прошло некоторое время, пока войска отдохнули. Король велел написать от своего имени послание к Шах Аббасу и, дав визирю трех прекрасных коней, послал его в Исфагань. Что ни день, то новая остановка, что ни ночь—новый привал, обращая дни в ночи, а ночи в дни, а в сказках остановок не бывает, в несколько дней достиг визирь владений Шах Аббаса и подъехал к Исфагани.

Разбив шатры у городских стен, визирь в сопровождении своей свиты, захватив с собой послание, отправился к Шах Аббасу. Спросив разрешения, он вошел во дворец. Проложив все установленные церемонии, он вручил Шах Аббасу послание короля. Шах Аббас дал знак, и визирь Аллахверди-хан прочел:

«Шах Аббас! С получением нашего послания или снаряди свою дочь Пери-Султан и со всем ее приданым и твоими доходами за семь лет пришли к нам, или ты должен отгадать, сколько лет каждому из посланных тебе трех коней. Все три одного роста, одинакового сложения, одного веса и одной масти; один годовалый, другой двухлетка, а третий трехлетка. Ты должен отгадать, который из них годовалый, который двухлетка, и который трехлетка. Если же ты одного из этих условий не исполнишь,—готовься к войне. Я двину на тебя такое войско, что скорей можно будет счесть песчинки на земле и звезды на небе, чем мои войска. И вся Иранская земля в конских мешках будет перевезена в Франгистан. Вот и все».

Помолчав немного, Шах Аббас повернулся к послам:

— Вы свободны. Через три дня я дам свой ответ.

Послы удалились.

Тогда шах обратился к собравшимся:

— Скажите, какие имеете предложения.

— Да будет жив повелитель вселенной,—ответили в один голос все присутствующие,—надо постараться, как и в прошлый раз, разгадать его загадку. Если же это не участя,—будем воевать. И над ними и над нами аллах. Говорят: конь до последнего издыхания щиплет траву. И мы будем биться до самой смерти. Лучше с честью биться и погибнуть на поле брани, чем перенести позор. Запятнанную честь ничем нельзя смыть.

Шах Аббас обрадовался и приказал через глашатаев оповестить обо всем жителей Исфагани. Собрался народ у шахского судилища. Шах вышел к собравшимся, сам объявил о решении меджлиса и добавил:

— Кто различит коней, того я награжу лучшими сокровищами моей казны.

Собравшиеся в один голос ответили:

— Да будет долговечна жизнь шаха. Коль распознаем коней—распознаем, а нет—так все, от мала до велика, будем биться до последнего издыхания.

Возликовал Шах Аббас, обрадовался и послал сказать франкам:

— Присылайте коней—разгадаем вашу загадку, а нет—будем воевать. Аллах и над вами и над нами. Будь у меня сто щенят, я и единого не отдал бы за вашего царевича. Есть поговорка: «Тот, кто не видел отца, думает, что и Шах-Гули тоже отец». Вы твердите: у нас войска, у нас рать, и не задумываетесь над тем, а что у нас? Я выставлю столько воинов, что мое послание, переходя у них из рук в руки, дойдет до вашей столицы. Трон и корону франков прикажу на руках доставить в Исфагань. Я подвергну вас таким испытаниям, что вы вспомните о свадьбе ваших матерей. Недаром меня зовут Шах Аббасом. Видно, вы еще не испытали силы моего меча, но вы это узнаете.

Выслушав послов Шах Аббаса, франки вывели коней на майдан и послали сказать Шах Аббасу:

— Высылай людей, которые разгадают загадку.

Однако, кто бы ни взглянул на коней, видит—не гут-то было: все три жеребца одного роста, одного сложения, одной масти. Как тут узнать, который из них трехлетка, какой двухлетка или годовалый? В течение трех суток все жители Исфагани побывали на площади, но никто не мог разгадать.

С одной стороны, страх перед предстоящей войной, с другой—желание получить обещанную награду заставляли всех стремиться разрешить эту загадку, однако, все было напрасно. Население Исфагани находилось в томительной тревоге.

Оставим их пока и послушайте о Пери-Султан и об Ахмеде.

Вот уже целый месяц, как они, опьяненные любовью, не знали, что творится вокруг них. Ведь влюбленные не думают ни о чем: ни о мире, ни о душе, ни об имуществе. И эти двое опьянели, отпив из чаши любви, и не имели понятия о том, что делается на свете. Как-то раз служанка царевны пошла на базар, чтобы сделать кое-какие покупки, и заметила, что народ встревожен. Подойдя к какой-то женщине, она остановила ее:

— Сестра моя, моя дочь долго болела, и я была занята ею, и не имею понятия о том, что делается на свете... Скажи, в чем дело? Почему все в такой тревоге?

Женщина удивленно посмотрела на служанку и ответила:

— Сестра моя, какая, однако, ты счастливая: все население Исфагани вот уже сколько ночей от дум не знает сна, не принимая пищи, каждый думает, как быть, как спастись, а ты ничего не ведаешь?

— Клянусь аллахом, сестра моя, ведь я же сказала тебе: дочь моя болела так сильно, что я забыла весь мир. Теперь ей чуточку легче, вот я и вышла на базар закупить рису, масла и прочее; вижу, что все взволнованы, а не понимаю, в чем дело,—сказала служанка притворно.

Видя, что женщина из болтливых, она решила: «Дайка я немножечко похвалю ее, тогда она расскажет мне подробно».

— Сестра моя,—начала она. — Я сразу по твоему лицу заметила, что ты умная, расторопная женщина, и решила обратиться к тебе.

Услышав слова служанки, женщина преисполнилась гордостью и говорит:

— Душа моя, ну, конечно, откуда ты могла знать, раз болело твое дитя: понятно, что ты забыла обо всем на свете. Бедные матери, прах и пепел им на голову! Когда у дочери болит зуб, у матери должна болеть голова, у дочери болит нога, а у матери разрывается сердце. Но я знаю все дело от начала до конца и сейчас расскажу все по порядку.

И женщина рассказала служанке от начала и до конца с преувеличениями о деле Шах Аббаса и франкского визиря.

— Ох, чтоб сгинула эта несчастная дочь Шах Аббаса!—говорила она.—Она стала несчастьем для народа. В прошлый раз, дай ему аллах здоровья, какой-то юноша различил девиц от отроков и избавил нас от беды, а теперь никто не может различить возраст этих коней.

Когда женщина начала проклинать Пери-Султан, служанка чуть не ударила ее по голове, но, с трудом сдержавшись, заметила:

— Спасибо тебе, сестра. Я спешу к дочери. Пошли тебе аллах сына!

— Сестра моя,—остановила ее та,—я очень сочувствую тебе, видно, дочь твоя сильно больна. Где ты живешь? Я бы пришла навестить ее, мы бы с тобой поболтали немного, и ты рассеялась бы. У меня такая легкая нога, что всякий больной, которого я навещаю, если он даже находится при смерти, после моего посещения непременно поправляется.

— Да сохранит тебя аллах, сестра моя, я живу очень далеко, не беспокойся,—поблагодарила служанка.

Кое-как отвязавшись от нее, бросилась она домой и рассказала Пери-Султан и Ахмеду услышанные новости.

— Ахмед, — сказала Пери-Султан, обрадовавшись вестям,—отец опять призовет тебя, чтобы ты разгадал загадку. Ты скажи: «отдай за меня свою дочь и со-

верши кебин, и я исполню твою волю и распознаю возраст коней». Как бы шах ни кричал, чем бы тебе ни угрожал, не бойся и стой на своем. В конце концов он волей-неволей примет все твои условия. Когда согласится, потребуй посуду с молоком, ячмень и охапку сена, расставь их поодаль друг от друга и приведи коней: годовалый бросится к молоку, двухлетка — к сену, а трехлетка — к ячменю. И тогда ты скажешь: этому год, этому два, а этому три. Тем самым и наш вопрос, наконец, разрешится, и народ избавится от этой беды.

— Госпожа, не бойся,—обняв Пери-Султан, сказал Ахмед,—пока над нами не свершат кебин, я не помогу им, если даже это будет стоить мне жизни.

Пока Пери-Султан и Ахмед наслаждались радостями жизни, Шах Аббас сидел грустный и озабоченный со сложенными на груди руками. Он не знал, как быть. Визири и векилы молча смотрели друг на друга. Наконец, взяв слово, Аллахверди-хан сказал:

— Светоч мира! Зачем ты так долго думаешь? Призовем Ахмеда, и он поможет нам.

— Аллахверди-хан, я подумал об этом раньше тебя, но я боюсь, как бы этот злодей на этот раз не заявил бы: выдайте за меня Пери-Султан, и тогда я помогу вам.

— Светоч мира!—заметил визирь.—Что ж, согласимся: он различит коней, избавит пород от этой беды, а тогда мы вынудим его к разводу. Теперь не время для размышлений. Мы должны сейчас любой ценой избавиться от франков.

Не видя иного выхода, Шах Аббас опять послал за тюремщиком.

— Приведи Ахмеда, но помни: веди его со всеми подобающими почестями и уважением.

Тюремщик тотчас сообщил о желании шаха служанке, та Ахмеду, и Ахмед перешел в темницу.

Отворив двери, тюремщик почтительно вывел Ахмеда и привел его к Шах Аббасу. Испросив разрешения, Ахмед вошел к шаху, поклонился и встал, почтительно сложив на груди руки. Подняв голову и ответив на при-

ветствие Ахмеда, Шах Аббас жестоким пригласил Ахмеда сесть. Ахмед сел и стал ждать, чтобы первый заговорил шах.

— Ахмед, сын мой!—начал шах, взглянув на него.— Знаешь ли, для чего я призвал тебя?

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Мне это неизвестно,—ответил Ахмед.

— Вот уже несколько дней, как войска франкского короля окружили город. Они привели с собой трех коней одного роста, одной масти: однолетку, двухлетку и трехлетку и требуют—или разгадать загадку об их возрасте или царевну Пери-Султан с приданным, в виде моих доходов за семь лет, отправить сыну франкского короля. Все население Исфагани и все знатоки коней, собравшись со всех концов государства, осмотрели коней и загадку не могли разгадать. Скажи, сумеешь ли ты избавить нас от этой беды и спасти свою невесту Пери-Султан?

Притворившись глубоко задумавшимся, Ахмед выждал и говорит:

— Да живет повелитель вселенной, я сумею разрешить эту загадку. Но у меня есть условие; вы должны выполнить его, и тогда я всей душой и телом к вашим услугам и тотчас распознаю коней.

— Говори, каковы твои условия,—молвил шах, которым овладел страх. Он боялся, что Ахмед предъявит в отношении Пери-Султан еще более тяжелые требования.

Ахмед засмеялся и говорит:

— Да будет жив светоч мира! Правда, прошлый раз я был обручен с царевной, но у нас существует такой обычай, что обрученные должны также совершить и обряд кебина. В прошлый раз мы упустили это из виду. Теперь мы должны исправить эту ошибку. Прикажи совершить обряд кебина, вручить мне брачные бумаги, и я завтра же исполню твою просьбу, распознаю коней и даже, если нужно, расправлюсь с послами.

Желая как-нибудь провести Ахмеда, Шах Аббас притворился удивленным и заметил:

— Ахмед, о чем ты говоришь? Мое слово крепко. Раз я отдал тебе Пери-Султан—кончено. К чему кебин? Как только мы найдем общий язык по вопросу о твоём сношении, тут же и сыграем свадьбу, и Пери-Султан станет твоей женой.

— Да живет светоч мира! Со свадьбой можно и повременить. В темнице я скучаю, если же кебинный акт будет при мне, это утешит и успокоит меня. Если тебе угодно, чтобы я различил коней, распорядись совершить наш кебин, и нет нужды в дальнейших спорах.

Понял Шах Аббас, что скорее гора раздвоится или камень отломится от камня, чем Ахмед откажется от своего слова, и потому велел принести брачные одежды, поставить их перед ним на золотом подносе, собрать меджлис и пригласить духовенство и придворных, чтобы совершить кебинный акт. Пригласили их, поели, попили.

Визирь Аллахверди-хан стал уполномоченным Ахмеда, а сам Шах Аббас уполномоченным своей дочери. Подписав кебинный акт, обе стороны скрепили его своими печатями и вручили Ахмеду.

Спрятав кебинный акт у себя на груди, Ахмед сел. Когда же все отведали сластей и запили его шербетом, гости поднялись и, сказав: «да благословит аллах»,— разошлись по домам.

— Да будет жив светоч мира,—обратился Ахмед к Шах Аббасу.—Завтра прикажи известить визиря французского короля, чтобы с утра привели коней на майдан. И еще прикажи приготовить посуду с молоком, посуду с ячменем и охапку свежего сена. Остальное — уже мое дело.

Шах Аббас приказал известить франков, а сам обратился к Ахмеду:

— Сын мой, хоть ты и жених, тем не менее, отправляйся пока в темницу, а там посмотрим.

Ахмеду это было и нужно. Он боялся, как бы Шах Аббас не счел нужным не помещать его в темницу. Быстро поднявшись и поклонившись сидящим, он покинул комнату. Тюремщик видит, что идет Ахмед,

разодетый в брачные наряды, и от радости не знал, как быть. Дрожащими руками он едва сумел отомкнуть дверь и, впустив Ахмеда, снова запер за ним дверь темницы. Тотчас через потайную дверь Ахмед пробрался в покои Пери-Султан. Завидя Ахмеда в брачных одеждах с перстнем на пальце, она упала на колени, возблагодарила аллаха, затем, встав, обняла Ахмеда и сказала ему:

— Ахмед, мой дорогой, я, наконец, счастлива, и больше у меня нет никаких забот. Теперь я знаю, что все будет так, как я хочу, и ты женишься на мне. Нам надо поблагодарить творца за то, что ты попал в темницу. Если бы не это, мы никогда не встретились бы с тобой.

Красота Ахмеда в новых одеждах выступила особенно ярко. И вправду, при взгляде на него, можно было подумать, что воскрес сам Юсиф Прекрасный и вновь явился на землю. Любовь Пери-Султан разгорелась еще сильнее. Словом, в этот день они, упоенные любовью, как Лейли и Меджнун, не знали, что и делать. Оба они провели эту ночь каждый в своих покоях, погруженные в сладостные мечты. Встав поутру, они вместе выпили чай. Поговорив о том, о сем, Ахмед поднялся, поцеловал Пери-Султан в глаза, подобные глазам газели, и говорит:

— Дорогая, время настало. Как мне ни тяжело расстаться с тобой, делать нечего. Я должен идти на майдан.

— Это ничего,—ответила Пери-Султан,—ступай, Ахмед, не кручинься: даст аллах, в скором времени все устроится.

После этих слов Ахмед перешел в темницу, кликнул тюремщика, и он тотчас открыл двери, говоря:

— Прикажите, я готов.

— Ты должен провести меня на майдан у мечети.

— Пожалуйста,—ответил тюремщик и провел Ахмеда на майдан. Подойдя к майдану, они увидели, что Шах Аббас только что явился со своей свитой, и заняли приготовленные заранее места. Кони были приведены и привязаны в одном из углов.

Шах Аббас заранее известил все население Исфгани. Поэтому народ от мала до велика, без различия пола и возраста, собрался на майдане. Ахмед первым долгом потребовал молоко, сено и ячмень. Тотчас ферраши подали корыто с молоком, охапку сена и ячмень и, по указанию Ахмеда, расставили их на майдане так, чтобы кони сразу могли заметить их. Увидев молоко, ячмень и сено, кони готовы были сорвать свои цепи.

Увидя горячность коней, Ахмед понял, что пора приступить к делу, и приказал отвязать коней. Сразу, не взглянув ни на сено, ни на молоко, трехлетка кинулась к ячменю, двухлетка, проскочив мимо молока, принялась за свежее сено, а годовалый, накинувшись на молоко, стал пить его.

Ахмед усмехнулся и, положив руку на гриву первого, сказал: вот это трехлетка. Потом, перейдя ко второму, добавил: а это двухлетка. И указав на третьего, сказал: а это однолетка.

Визирь франкского короля удивился:

— Правильно, ты угадал.

Услышав слова визиря, народ принялся восхвалять Ахмеда и, пожелав ему всяких благ, весело и радостно разошелся по домам.

Визирь франкского короля с войсками опять печально вернулись обратно.

А Шах Аббас в сопровождении Ахмеда и свиты пошел в судилище.

— Ахмед,—обратился шах к нему,—не думай, что Шах Аббас, став твоим тестем, забыл твою вину. Тесть, зять—все это своим чередом, а сон— своим. Пока ты не расскажешь мне его, ты будешь гнить в темнице. И твоим уделом будет кебинная бумага, но никак не Пери-Султан.

Шах Аббас не знал о том, что Пери-Султан и Ахмед встречаются ежедневно. Усмехнувшись в душе, Ахмед подумал:

«Эх ты, несчастный, вот уже шесть месяцев, как мы почти не расстаемся, а ты только теперь угрожаешь, что

мне не видать Пери! Что ж, продолжай так думать. А я буду делать свое, и мне от этого будет лучше».

Затем, обратившись к Шах Аббасу, молвил:

— Да живет светоч мира! От меня ничего не зависит. Как хочешь, так и поступай.

По приказу шаха Ахмеда вновь привязали к фалагге и, основательно избив, отослали в темницу. Войдя в темницу, Ахмед тотчас прошел к Пери-Султан. Он застал ее в большом волнении. Поздоровавшись, Ахмед весело обратился к ней:

— О, моя Пери-Султан! Не грусти, будь спокойна, я распознал коней; но дело в том, что мой тесть опять сделал мне маленькое наставление. Говоря по справедливости, на этот раз дело обошлось чуть полегче.

— Не беда,—улыбнулась Пери-Султан,—это первый цветок нашего супружества.

— Но шах порядком напугал меня,—добавил он лукаво.

Пери-Султан испуганно спросила:

— Чем напугал?

— Шах сказал: «Если ты не откроешь свой сон, то не выйти тебе из темницы и не видать лица Пери-Султан».

Пери-Султан звонко расхохоталась, поняв шутку Ахмеда. Затем, призвав служанку, велела накрыть суфру, и они посвятили конец дня радостям и удовольствиям.

Оставим их пирующими, а Шах Аббаса и его визиря занятыми обсуждением вопроса о расторжении брачного акта, а я поведаю вам несколько слов о визире франкского короля.

Долго ли ехал визирь, коротко ли, через несколько дней он добрался до своей страны.

Послав вперед гонца, он известил короля о своем возвращении. Решив, что уж на этот раз с визирем приехала и Пери-Султан, король приказал готовиться к торжественной встрече. Послав навстречу визирю людей, он с большими почестями встретил его. Каково же было его удивление, когда он увидел, что визирь снова вернулся ни с чем, и «его руки длиннее его кафтана».⁹

— Визирь! Скажи, как дела?—спросил король.

Визирь рассказал все, что было. На вопрос короля: «А кто же и на этот раз распознал коней?»—он ответил: «Ваше величество,—тот же Ахмед. Шах отдал за него свою дочь».

Услышав это, король франков разгневался, чуть не сгорел от злости.

— Визирь! Отдохни несколько дней и вновь поедешь в Исфагань; посмотрим, что скажет Шах Аббас,—приказал он.

— Воля ваша,—ответил визирь,—что король скажет, тому и быть.

Дав войскам десятидневный отдых, визирь сам шировал в обществе короля. После этого, приготовив войска, визирь собрался в поход на Исфагань.

При прощании король вручил визирю три яблока и грамоту и сказал:

— Передашь все это Шах Аббасу.

Простившись с родными и королем, визирь поехал. Находясь дни и ночи в пути, наконец, приехал он в Исфагань. В окрестностях города визирь приказал остановиться и разбить палатки. Едва жители города увидели войска короля франков, тотчас поняли, в чем дело, и принялись готовиться к обороне. Посол франкского короля в сопровождении приближенных отправился к Шах-Аббасу. Когда они подошли к дверям судилища, привратник вошел к Шах Аббасу, отвесил поклон и доложил:

— О повелитель мира! Опять прибыл посол короля франков и просит разрешения предстать перед твои очи.

— Пусть войдет,—приказал шах.

Привратник ввел посла. Отвесив семикратный поклон, посол вручил грамоту Шах Аббасу. Передав грамоту своему визирю Аллахверди-хану, шах приказал:

— Читай!

Визирь прочел послание, в котором было следующее:

«О Шах Аббас! С получением этой грамоты ты должен или прислать моему сыну свою дочь Пери-Султан с доходом твоего государства за семь лет, в виде приданого, подобающего ее высокому сану, или воевать с

нами; или же ты должен разгадать, какое из присылаемых трех яблок урожая: нынешнего, прошлого и позапрошлого года».

Обратившись к визирю и советникам, шах спросил:
— Что скажете и что посоветуете?

Все в один голос заявили:

— Светоч мира! Воля твоя. Как отвечали прежде, так ответим и теперь.

— Ступай, объяви своему визирю, — сказал шах послу, — что я решил оставить свою дочь при себе и постараюсь разгадать загадку с яблоками. Разгадаем — хорошо, нет — и вы и мы умеем владеть мечом, — тогда увидим, на чьей стороне будет победа.

Откланявшись, посол вышел и, явившись к визирю, передал ответ Шах Аббаса. По уходе посла, шах разослал во все концы своей земли гонцов с извещением о новой загадке, предупредив, что угадавший будет одарен всеми богатствами мира. Затем шах потребовал у визиря франкского короля доставить ему привезенные яблоки. Все подданные от мала до велика, без различия пола и возраста, пришли взглянуть на яблоки, но никто не мог разгадать загадки.

Оставим их пока и посмотрим, что делают Ахмед и Пери-Султан.

Влюбленные были далеки от мира. Однажды служанка Пери-Султан услышала на базаре о загадке с яблоками и поспешила сообщить о ней госпоже.

Пери-Султан поделилась новостью с Ахмедом и радостно добавила:

— Мой дорогой! Не бойся, вот теперь-то наша судьба и разрешится.

— Жизнь моя, — сказал Ахмед, обняв колени Пери-Султан, — как же мне распознать эти яблоки? А если я не сумею? Ведь это не жеребцы, чтоб поставить перед ними ячмень и сено; не юноши и не девицы, чтобы поднести им воду для омовения, — а мертвые яблоки. Боюсь, что я не отгадаю.

Бросившись в объятия Ахмеда, Пери-Султан поцеловала его в глаза и говорит:

— Любимый, не бойся, потому-то я и утверждаю, что наша судьба разрешится. Эту загадку отгадаешь только ты, и никто другой; пусть хоть отец самого Шах Аббаса, Шейх Сафи, явится вместе с пророком Ноем—не разгадают. Теперь же послушай, что я тебе скажу. Ведь возлюбленная твоя еще не умерла. Разве она позволит тебе испытывать затруднения?

— Бога ради, не томи меня, говори скорей, мое сердце не выдержит.

— Ахмед! Отец мой в конце концов обратится к тебе и предложит различить яблоки. Тогда ты скажи: «я это сделаю при условии, если сегодня же вы сыграете мою свадьбу с Пери-Султан». Сколько бы он ни уговаривал, чтобы ты раньше отгадал эту загадку, а затем сыграть свадьбу,—ни за что не соглашайся, иначе тебе меня не видать,—сказала она.

— О Пери-Султан! Будь покойна. Или сегодня же ночью Шах Аббас самолично вложит твою руку в мою, или же я откажусь разгадать,—ответил Ахмед.

Оставим их тут и вернемся в судилище к Шах Аббасу, посмотрим, что творится там. Уже три дня, как никто больше не заявлял о желании отгадать загадку. Обратившись к визирю Аллахверди-хану, шах молвил:

— Визирь! На моей земле не осталось ни одной души, кто мог бы спасти нас от этой беды.

— О нет, мой шах,—ответил визирь,—остается еще один человек, он сумеет помочь нам.

— Кто же он?—спросил шах.

— Ахмед,—ответил визирь.

При этом имени шах опустил голову.

— Визирь! Я это знал и сам. Я говорю о других.

Аллахверди-хан усмехнулся.

— Светоч мира! Кроме него, никого больше не осталось; делать нечего, придется обратиться к нему.

Подумав немного, шах сказал:

— Боюсь, что на этот раз Ахмед потребует невозможного.

Визирь удивился.

— Светоч мира! Что невозможно для шаха?

— Если мы и на этот раз обратимся к нему, он скажет: «сыграйте мою свадьбу, тогда я помогу вам». Не могу же я отдать свою дочь какому-то подмастерью и унижить этим себя среди царей?!

— Да живет светоч мира! Я бы на твоём месте с радостью отдал свою дочь за Ахмеда, если он захочет этого. Родство с таким умным юношей не унижение, а гордость. Что из того, что он портной? Вот взгляни: сколько перед нами сыновей сановников и вельмож, которые ни в первый, ни во второй раз ничего не угадали. Теперь рассуди сам, кто лучше—они или Ахмед?

Шах Аббас, задумавшись, опустил голову.

— Хвала твоим словам, мой визирь! — сказал он, смеясь.—Ты прав. Прикажи привести Ахмеда. Если даже он этого и не скажет, я отдам за него свою дочь. Я совершенно напрасно мучил его. Надо загладить свою вину и расположить его к себе.

Визирь тотчас приказал тюремщику с почестями доставить Ахмеда в судилище. Тюремщик сейчас же, заикаясь от радости, передал через служанку приказ шаха Ахмеду.

Подарив на радостях тюремщику туго набитый золотом кошелек, Пери-Султан проводила Ахмеда, а тюремщик с подобающими церемониями привел его к шаху.

Когда Ахмед вошел в комнату, все, за исключением Шах Аббаса, поднявшись с места, торжественно приветствовали его; указав ему место рядом с собой, шах сказал:

— Король франков требует твою супругу Пери-Султан. Он прислал нам три яблока: одно—урожая нынешнего года, другое—прошлого и третье—позапрошлого, и требует распознать их, иначе нам грозит война. Сумеешь ли ты разгадать эту загадку?

— Да, светоч мира, сумею,—смело заявил Ахмед.— Но раньше ты сыграй мою свадьбу,—тогда я выполню свое обещание.

Шах Аббас улыбнулся.

— Пусть будет по-твоему!

Тотчас же он отправил гонцов к визирю франкского короля с вестью:

— Мы заняты свадьбой дочери Пери-Султан-ханум. Через сорок дней мой зять разгадает вашу загадку, а пока просим вас пожаловать со свитой на торжество.

Узнав об этой вести, войска франкского короля обрадовались:

— О боже, хоть бы эта весть оказалась правдивой: мы, несчастные, тогда освободимся от войны.

По приказу шаха, Ахмеда снова облачили в брачные одеяния. В покоях Пери-Султан выделили для него особую комнату и затем созвали все население Исфагани. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир. На сорок первый день шах, взяв за руки Пери-Султан и Ахмеда и поцеловав их в чело, поручил обоих влюбленных друг другу.

Поздравив новобрачных, гости разошлись по домам.

Этой ночью Ахмед и Пери-Султан достигли своих желаний. На утро, Ахмед, облаченный в брачные наряды, с золотыми запястьями на руках, явился на майдан. Видит: восседает Шах Аббас, по правую руку от него— Аллахверди-хан, по левую—визирь франкского короля и советники.

Сойдя с коня, Ахмед подошел к Шах Аббасу, поцеловал ему руку и встал в почтительном ожидании. Поцеловав Ахмеда в лоб, шах молвил:

— Сын мой, мы сдержали свое слово, и ты сдержи свое, чтоб и мы могли гордо держать свою голову перед другими падишахами.

Пери-Султан еще накануне научила Ахмеда, как надо различить яблоки. Поклонившись шаху, он смело заметил:

— Дорогой отец, прикажите подать три чаши с водой, и тогда все убедятся, что твой зять Ахмед не осрамит тебя.

По приказу шаха принесли три чаши с водой. Ахмед поставил эти чаши рядом и бросил в каждую по яблоку. Тут все увидели, что одно из яблок пошло ко дну, дру-

гое то выплывало на поверхность, то погружалось в воду, а третье плавало по поверхности.

По приказу Ахмеда рабы взяли чаши, обошли присутствующих. Тогда, обратясь к шаху, Ахмед сказал:

— Как видите, одно из яблок пошло ко дну, другое то всплывает на поверхность воды, то идет ко дну, а третье плавает по воде.

— Да, да,—подтвердили все.

И снова обратившись к шаху, Ахмед сказал:

— Дорогой отец, первое яблоко—урожая нынешнего года, второе—прошлого, а третье—позапрошлого. Оно до того высохло, что стало легким, и потому держится на поверхности.

— Так ли это?—обратился шах к визирю франкского короля.

Взглянув на чаши, тот ответил:

— Светоч мира! Да будут счастливы твои дети. Он прав.

— Афэрин!—крикнул народ и, поблагодарив Ахмеда, разошелся по домам.

Шах Аббас приказал одарить посла и, написав дружеское послание королю франков, с богатыми дарами отправил его. Затем, обняв и поцеловав Ахмеда в голову, он отпустил его.

Склонившись перед ним, Ахмед запечатлел поцелуй на руке шаха и отправился к своей жене.

Услышав рассказ Ахмеда, Пери-Султан обрадовалась и, призвав служанку, приказала:

— Ступай, скажи рабыням, чтобы разостлали ковры, я выйду с Ахмедом в сад весны.

Влюбленные провели день в прогулке.

Как-то раз, окончив суд, шах обратился к визирю:

— Визирь Аллахверди-хан! Мне хочется отправиться сегодня в гарем и навестить свою дочь Пери-Султан. Ведь у меня всего-навсего одна дочь, зеница моего ока. Отправлюсь-ка я к ним и наслажусь их счастьем.

— Да пошлет всевышний счастье твоему потомству, воля твоя,—ответил визирь.

В этот день, не наказывая никого и освободив остальных, шах пошел во дворец Пери-Султан. Пройдя

ряд комнат, он вошел в личные покои дочери. Открыв дверь и войдя внутрь, он увидел, что Ахмед лежит на ложе, а Пери-Султан сидит у его изголовья. Увидя отца, Пери-Султан, вскочив, спряталась за портьеру. Ахмед, не выдержав, звонко расхохотался. Вскочив с места и поклонившись шаху, он усадил его.

— Дорогой отец, почему вы не известили нас о своем прибытии, тогда мы могли бы подобающим образом встретить вас.

Вытащив из-за портьеры смущенную дочь, шах расцеловал обоих.

— Дети мои, не смущайтесь! Я нарочно явился без свиты и даже не предложил сопутствовать мне Аллахверди-хану. Я хочу, чтоб мы сели за суфру втроем. Я, наконец, достиг своего желания, но Ахмед, сын мой, ты должен сказать, почему, когда Пери-Султан, увидев меня, спряталась за занавесь, ты расхохотался.

— Дорогой отец!—сказал, улыбаясь, Ахмед.—Потому что исполнился сон, о котором я так упорно молчал. Теперь я могу рассказать его. Ведь в ожидании этой минуты я вынес столько страданий. Теперь время настало. поэтому я и рассмеялся.

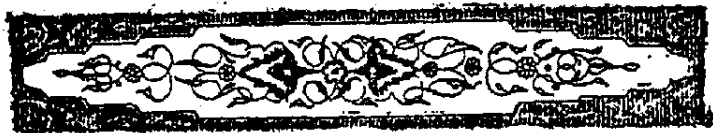
Обрадованные шах и царевна не сводили глаз с лица Ахмеда.

— Повелитель вселенной. Я видел во сне, что над моим изголовьем показалась луна, но появилась туча, и луна скрылась. Вот сейчас при твоём появлении мой сон исполнился. Пери-Султан—луна, а ты—туча.

— Молодец,—сказал шах, рассмеявшись.

Призвав служанку, Пери-Султан приказала накрыть суфру. И отец, дочь и зять сели за одну суфру. Каждый по-своему достиг своих желаний.

Да исполнятся и все ваши желания, и наши в том числе.

ХІ. ЖЕНА МЕЛЬНИКА

Жил-был бедный мельник. У него, кроме жены по имени Нуша-пэри, никого не было. Нуша-пэри была очень красива, и весь мир любовался ею.

Как-то раз хан поехал путешествовать и невдалеке от мельницы раскинул шатры, сделал привал.

Теперь послушайте о жене мельника.

В то время, когда она шла, ее встретил хан с соколом на руке и, как только увидел Нуша-пэри, влюбился в нее. Вернувшись к себе в шатер, хан послал людей узнать, кто она.

Люди хана пришли на мельницу. Нуша-пэри стояла у мельницы и на их вопрос:

— Чья это мельница?

Она ответила:

— Наша.

Слуги поняли, что она жена мельника, о чем и сообщили хану. Хан приказал собраться и ехать обратно, сославшись на болезнь. И в тот же день они вернулись обратно. С каждым днем росла любовь хана к прекрасной жене мельника.

Оставим пока хана, послушаем о мельнике.

Мельник так любил Нуша-пэри, что не мог прожить и полчаса, не видя ее.

Как-то раз Нуша-пэри говорит мужу:

— Ах, как мне хочется погулять, почему бы нам не собраться куда-нибудь на прогулку?

Мельник ей:

— Через два дня на третий пойдем куда-нибудь.

Оставим Нуша-пэри в сборах, а вы послушайте о хане.

Хан потерял голову, обезумел от любви к прекрасной Нуша-пэри. Нашел он одну гары-колдунью и говорит ей:

— Там-то и там-то живет жена мельника. Ты должна сделать так, чтобы она стала моей.

— Что ты затеял?—ответила гары.—Вот уже два года, как один человек хочет добиться Нуша-пэри. Сколько раз я ходила к ней, но она слышать ничего не хочет, бьет и выгоняет меня.

— Ты—гары, придумай что-нибудь, иначе не быть тебе в живых,—приказал хан.

Безжалостная гары посоветовала:

— Объяви, что земля под мельницей твоя. Пусть отберут у мельника землю и дом, может быть, тогда тебе удастся таким путем овладеть Нуша-пэри, а тем временем и я что-нибудь придумаю.

Хан согласился, и старуха ушла.

На утро хан приказал:

— Там-то и там-то стоит мельница. Земля под ней принадлежит моему отцу, ступайте, огородите эту землю.

Люди хана пошли исполнять его приказ.

А теперь послушайте о мельнике.

Мельник собрался с Нуша-пэри на прогулку. В это время к мельнице подъехали пять всадников. Выйдя им навстречу, мельник увидел, что это слуги хана, которые ему сказали:

— По приказу хана!

— Моя жизнь принадлежит хану и его посланцам,— ответил мельник.

Тогда один из всадников сказал:

— Эта земля принадлежит хану, ты должен съехать отсюда, хан здесь создаст эйлаг.

— Эта земля испокон веков принадлежала моим предкам,—возразил мельник.

— Хан повелел,—сказали посланцы хана,—и ты должен переселиться. Даем тебе срок до утра. Если не переселишься, хан велит снять тебе голову.

С этими словами они уехали. Вернулся мельник к жене и говорит:

— Хан приказал нам переселиться отсюда.

Мельник до утра не сомкнул глаз. Все опустылело ему.

Теперь послушайте о слугах хана.

Вернулись они к хану, а тот и спрашивает:

— Что сказал мельник?

Слуги говорят:

— Мельник не хочет переселяться. Он уверяет, что эта земля ему досталась от его предков.

Рассердился хан и приказал привести мельника.

На утро отправились слуги, связали мельника и приволокли к хану.

Когда доложили хану, что мельника привели, он приказал бросить его в темницу.

Послушайте о Нуша-пэри.

Нуша-пэри, видя, что муж не возвращается, поняла, что хан заточил его в темницу. Она собрала на утро весь свой скарб и, чувствуя себя совершенно беспомощной, переехала в другое место. А хан тем временем послал людей похитить Нуша-пэри и привести к нему. Люди хана, приехав на мельницу, увидели, что Нуша-пэри и след простыл. Быстро возвратившись, доложили они об этом хану, который изменился в лице и разослал людей искать ее по всем селам.

Оставим их в поисках, а вы послушайте о Нуша-пэри.

Нуша-пэри, видя, что муж задержан и хан разыскивает ее, решила принять свои меры. Распродала она все,

что можно было, купила себе мужское одеяние, натянула на голову бараний пузырь и стала похожа на «кечала». Взяв в руку дубину, вышла она из деревни и пошла по направлению к городу.

Тем временем пришли люди хана в ту самую деревню, где пряталась Нуша-пэри, но кого они ни расспрашивали о ней, ничего не узнали. И, вернувшись обратно, доложили хану, что Нуша-пэри не найдена.

Рассердился хан и избил их.

Послушайте теперь о Нуша-пэри.

Пришла Нуша-пэри в город, разыскала ханский дворец, вошла и видит, что это прохладный двор, а хан сидит в открытой беседке на крыше и пьет чай. В это время садовник срывал в саду для хана плоды. Садовник, оглянувшись, увидел постороннего человека в саду, подошел к нему, чтобы выгнать из сада, но увидев, что это юноша, спросил его:

— Кого тебе надо? Зачем ты пришел?

— Я беден и ищу работу.

— Вот и хорошо,—сказал садовник обрадованно,— мне как раз нужен человек, оставайся у меня.

Нуша-пэри согласилась и осталась у садовника. А вы теперь послушайте о мельнике.

С того дня, как хан бросил его в темницу, мельник, не переставая, думал о своей возлюбленной Нуша-пэри. «До каких пор буду я томиться здесь, надо мне как-нибудь вырваться отсюда».—Он хотел бежать, но не мог найти удобного случая.

Послушайте о Нуша-пэри.

Как-то раз Нуша-пэри, прогуливаясь в ханском саду, подошла к небольшому строению, на дверях которого висел замок, и изнутри которого было слышно пение. Она стала прислушиваться и узнала голос мужа. Обошла она темницу в надежде отыскать какую-нибудь лазейку, но ничего не нашла. Тогда забралась она на крышу, нагнулась над дымоходом и дважды окликнула мужа. Слышит мельник: зовет его кто-то, оглянулся по сторонам, видит—нет никого, но в дымоходе чернеет что-то.

— Кто там?—спросил он.

— Я, Нуша-пэри.

Услышал мельник голос жены и едва не выломал дверь. Кое-как спрыгнула Нуша-пэри к мужу и рассказала ему все, что с ней приключилось. Так провели они вместе целую ночь, а на утро Нуша-пэри выбралась и отправилась к садовнику.

— Где ты пропадал?—спросил садовник.

— Я уснул в саду,—ответила она.

Давно уже не была Нуша-пэри в бане. Поднявшись как-то с зарей, она вышла в сад, пошла к речке, оглянувшись по сторонам, разделась и вошла в речку, чтобы выкупаться. В это же время проснулся хан и вышел, чтобы совершить утренний намаз. Совершив омовение, хан случайно бросил взгляд на реку и увидел, что сияют два солнца: одно на востоке, а другое в реке. Забыл хан о молитве, бросился в сад, спрятался за кустами, чтобы увидеть купающегося.

А Нуша-пэри выкупалась, вышла из воды, оделась и уже хотела надеть свою «папаху», как хан бросился к ней и схватил ее за руку. Увидев хана, Нуша-пэри замерла, но затем хотела вырваться из его рук и бежать. Хан крикнул. На его крик прибежали со всех сторон слуги и увидели, что хан с кем-то борется. Они хотели избить «кечала», но хан остановил их и приказал привести ее в свой покой.

Нукеры повели Нуша-пэри в покой хана. Дойдя до темницы, где содержался ее муж, Нуша-пэри, невзирая на то, что нукеры гнали ее, сложила руки на груди и запела:

«На вершинах гор пашни
Отняли у меня из рук:
Ни тяуру, ни мусульманину
Не быть в моем положении».

Мельник, услышав голос жены, понял, что она в беде, и запел в ответ:

«Из рук моих выскользнуло стекло.
Выскользнув, на землю упало.
Что сделал я небесам,
Что нам такое ниспослало?»

Слев это, он горестно заплакал.

Нуша-пэри привели во дворец. Хан, подойдя к ней, сорвал с ее головы пузырь, и тяжелые косы Нуша-пэри спустились до пят. Хан хотел соединить свою голову с Нуша-пэри на одной подушке, но она оттолкнула его, забилась в угол и говорит:

— Не подходи ко мне; лучше я умру, но того, что ты хочешь, не будет.

Разгневался хан и хотел настоять на своем; но Нуша-пэри не допустила его к себе, и хан, видя, что не справиться ему с ней, приказал схватить Нуша-пэри и запереть в одну из комнат дворца. Схватили нукеры Нуша-пэри и заперли в одной из отдаленных темных комнат. Бедная Нуша-пэри знала, что хан из-за нее заточил мужа в темницу и разлучил с ней. Она задумалась. Между тем, хан ежедневно по нескольку раз приходил к ней и настаивал на своем, но Нуша-пэри не допускала его к себе.

Оставим их пока, а вы послушайте о садовнике.

Несколько дней ждал садовник и, видя, что кечала все нет, забеспокоился и пошел искать его. Подойдя к реке, увидел на траве папаху и палку кечала. Садовник решил, что кечал бросился в воду. Он был очень добр. Сел он на берегу и заплакал.

Послушайте теперь о Нуша-пэри.

С того самого дня, как Нуша-пэри заперли во дворце, она сидела голодная. А комната была темная, но в одном месте через щелочку просвечивала узенькая полоска света. Нуша-пэри руками расковыряла щель и расширила до таких размеров, что могла высунуть голову.

Выглянув в эту щель, она увидела садовника у реки и окликнула его.

Садовник, услышав, что кто-то зовет его, испугался и спрашивает:

— Кто зовет меня?

Голос, не умолкая, продолжал звать его. Оглянувшись он по сторонам и, наконец, увидел девушку неописуемой красоты.

Кинула Нуша-пэри ему веревку и говорит:

— Обвяжи вокруг пояса.

Садовник обвязал вокруг себя веревку. Нуша-пэри подтянула его наверх. Садовник с удивлением спросил:

— Кто ты, расскажи, в чем дело?

Нуша-пэри—ему:

— Я твой помощник, кечал.

Садовник не поверил. Тогда Нуша-пэри рассказала:

— Я жена мельника. Как-то раз приехал хан на мельницу, влюбился в меня и, послав своих людей, схватил моего мужа и заточил в темницу, а меня хотел похитить для себя, но я, переодевшись мальчиком, пришла сюда, разыскала мужа и осталась здесь. Как-то раз я купалась в реке, а хан застал меня и хотел овладеть мной, но я воспротивилась, тогда он рассердился и запер меня в эту комнату.

Выслушав ее, садовник сказал:

— Эх, бедняжка! Он точно так же поступил и с моей дочкой, а под конец убил ее. Спасайся, пока не поздно. Мне жаль тебя, беги.

Спустился садовник по веревке, разыскал лестницу, приставил ее к стене, окликнул Нуша-пэри, и она спустилась вниз. Садовник повел Нуша-пэри к себе.

Послушайте о хане.

На утро хан пришел в комнату Нуша-пэри, открыл дверь, заглянул внутрь и заметил, что ее нет, она убежала. Ударил он себя обеими руками по голове и крикнул так, что сбежались люди. Хан велел немедленно разыскать Нуша-пэри. Бросились люди хана на поиски красавицы, но не нашли ее. Хан тем временем расставил повсюду караульных. Садовник предупредил Нуша-пэри:

— Смотри, никуда не выходи, повсюду стоят караульные хана.

До наступления темноты сидела Нуша-пэри в доме садовника, но к вечеру не выдержала, захотелось ей повидать мужа, и когда садовник уснул крепким сном, она выскользнула на двор, чтобы пройти к мужу, но тут заметили ее часовые, схватили и повели к хану. Ви-

дит хан, что идет Нуша-пэри, схватил ее за руки, потащил к ложу и говорит:

— Будь моей!

Нуша-пэри ему:

— Никогда.

Много говорил хан, но Нуша-пэри его мало слушала. Тогда хан сказал:

— Раз ты не хочешь добром, тогда я прикажу на твоих глазах изрезать твоего мужа на куски, а затем убить и тебя.

Видит Нуша-пэри, что хан не шутит и смерть близка, и говорит:

— Дай мне один день на размышление.

Хан согласился.

Оставим Нуша-пэри, послушайте о садовнике.

Встал утром садовник, видит, что Нуша-пэри исчезла, и принялся искать ее, но не нашел. Печально вернулся он домой.

Пришло время, и хан говорит Нуша-пэри:

— Ну, срок истек! Что скажешь?

— Мое слово неизменно, не буду я твоей,—отвечает Нуша-пэри.

Рассердился хан, обнажил кинжал и хотел броситься на Нуша-пэри, но любовь и желание связывают мужчину по рукам и лишают его силы. Оглянулась Нуша-пэри по сторонам, увидела стул, схватила его и с такой силой ударила им хана по голове, что тот повалился наземь, а кинжал выпал из его рук. Нуша-пэри подняла кинжал, вонзила его прямо в сердце хана, и он тут же отправился в ад. Бросилась Нуша-пэри во двор, видит, что никого нет, и побежала к садовнику. Смотрит садовник: идет Нуша-пэри вся в крови, и спрашивает ее:

— Нуша-пэри, что это значит?

Рассказала ему Нуша-пэри все, что было.

Ночью повел садовник Нуша-пэри к мужу. Забрали они из дворца все, что было поценнее, и скрылись. Только спустя некоторое время узнали люди хана, что хан умер. Бросились они за Нуша-пэри, но не нашли ее.

Они жили, достигли желанного и в землю отошли, а вы живите и жизнью наслаждайтесь.

XII. ПИНАЧИ МАММЕД

то-то был, кого-то не было; жил один бедняк по имени Маммед. Как Маммед ни бился, как он ни старался, больше одного аббасы в день не мог заработать. Детей у него не было, только жена да сам. Вечером, возвращаясь домой, он покупал на заработанный аббасы лук и чурек и приносил домой; они с женой ели, тем и жили.

В том же городе проживал один лоту. У этого лоту была пара башмаков. Как-то раз он приносит их к Маммеду и говорит:

— Залатай их. Сколько возьмешь?

— Сколько бы я ни работал, мой дневной заработок — один аббасы, — ответил Маммед.

— Я заплачу два, — сказал ему лоту. — Почини, но скажи мне, Маммед, как же ты живешь на один аббасы?

— Да как сказать! Вечером, возвращаясь с работы, я на этот аббасы покупаю лук и чурек, приношу домой, и этим питаемся. Так и живем.

Лоту подумал: «Надо пойти посмотреть, какая у него жена!».

Вечером он уплатил деньги, получил башмаки, одел-

ся, пришел к Маммеду. Увидел, что жена его красивая, статная женщина, и вступил с ней в беседу:

— Где Маммед?

— Башмаки латает.

— Я его названный брат,—сказал лоту.—Мои товары идут следом, я не могу задерживаться. Как вы живете?

— Как мы можем жить?—ответила она.—За день муж зарабатывает только один аббасы и на эти деньги покупает лук и чурек и приносит домой; так и живем.

— Я должен был с ним повидаться, да тороплюсь, мне некогда,—сказал лоту,— мои товары идут. Разве можно жить одним луком да чуреком? Когда придет Маммед, скажи ему, что если он не принесет тебе фунт масла, фунт меду и другие сласти, то ты с ним больше жить не будешь.

В этот день Маммед получил два аббасы. Купив немного больше хлеба и луку, он вернулся домой. Обычно жена выбегала ему навстречу; на этот раз Маммед видит, что она даже с места не двинулась. Молча положил он перед ней лук и чурек.

— Вот мое слово, вот моя клятва,—заговорила жена,—если завтра вечером ты не принесешь мне фунт масла, фунт меду и прочие сласти, я с тобой больше жить не буду!

— Кушай жена, аллах милостив, может, он пошлет столько, что я все куплю.

Утром Маммед встал, оделся, умылся и пошел на базар. Поработав немного и, залатав две-три пары башмаков, он собрал иглу, шило, шпагат, нож и, направившись в ближайшую бакалейную лавку, разложил их перед хозяином.

— Оцени эту мелочь и возьми,—сказал Маммед,—а взамен взвесь и отпусти мне фунт меду и фунт масла с прочими мелочами.

— На что тебе все это?—спросил лавочник.

— Да жена заявила: «ты должен принести мне масла, меду со всякими полагающимися сладостями».

— Маммед, собери-ка свои инструменты. Мне тебя

жаль, ступай работай. А вечером зайдешь, я все приготавлию. Деньги отдашь, когда будут у тебя.

Лавочник взвесил и приготовил просимые Маммедом продукты и, вручив ему, сказал:

— Маммед, жену твою подучили. Ведь она и есть-то толком не умеет, не знает, что к чему. Дай-ка, смешаем мед с маслом.

— Что ж, я не возражаю,—согласился Маммед.

Придя домой, он разложил покупки перед женой. Жена видит, что масло и мед перемешаны.

— А, копэк оглы! Я говорила тебе: принеси все отдельно, а ты перемешал!—И с этими словами, схватив покупки, она выкинула их за дверь.

— Эх жена! Незачем было выбрасывать. Дала бы лучше мне, я бы поел.

— Нет,—оборвала жена.

До утра Маммед не мог уснуть, все думал. С наступлением утра Маммед поднялся, захватил свои инструменты, снова принес их к лавочнику и говорит:

— Оцени и возьми их себе, а мне отпусти опять вчерашний товар. Если останется кое-что на хлеб—хорошо, а нет—не надо.

— В чем дело опять?—спросил лавочник.

— Да так, ничего; жена не приняла вчерашние покупки, выкинула их за дверь и говорит: «ведь я велела принести все отдельно, а ты взял да смешал». Дай мне все, что она просит, отнесу ей, а сам уйду куда-нибудь.

Как лавочник ни увещевал, как ни уговаривал, все напрасно. Маммед твердил свое:

— Уйду, уйду! Верно, и меня аллах так не оставит и мне как-нибудь придет на помощь.

Делать нечего, подсчитал лавочник и говорит Маммеду:

— Сын мой, тебе причитается еще около шести шахи.

— Дай мне на них чурек, я заверну в платок и возьму с собой.

Завернул лавочник покупки и дал Маммеду. Тот зашел домой, положил пред женой покупки и, не го-

вора ни слова, вышел из дому, повернулся лицом к пустынной равнине и пустился в дорогу.

Долго ли шел, коротко ли, дошел он до одной зеленой лужайки; тут он остановился у родника, опустился на колени, совершил омовение и намаз, закусил и уснул.

А теперь поведаем тебе о Самеде-купце.

Самед-купец был старшиной каравана сорока купцов. Как-то ехали они по торговым делам и доехали до того самого родника, у которого спал Маммед. Раскинув шатры, они расположились там на отдых.

Самед-купец был добрый, умный человек. Он решил немного пройтись, взял зонт, пошел по лужайке и видит: спит человек, и по всему видать, что человек этот удручен заботой и горем. Опустился Самед-купец у его изголовья, раскрыл свой зонт так, чтобы солнце не падало в лицо спящему. Когда потянуло вечерней прохладой, Маммед проснулся, открыл глаза и видит, что у его изголовья сидит незнакомый человек и держит над ним зонт.

— Как тебя зовут?—спросил Самед-купец.

— Зовут меня Маммедом.

Самед-купец вскочил с места, обнял, прижал его к груди и говорит:

— О брат мой! Ведь тебя-то я и ищу. Да обернусь я вокруг твоей головы и да буду тебе искупительной жертвой!

Купцы видят, что Самед-купец обнял кого-то и ведет к ним.

Удивленные, они окружили их и спрашивают:

— Самед-купец, кто это?

— Это мой брат. Из края в край, из страны в страну, изо дня в день я ездил и искал его. И вот нашел теперь здесь.

Самед-купец дал одному из нукеров денег и приказал ему:

— Поезжай скорей вперед, купи в ближайшем городе полное купеческое одеяние и скачи обратно.

Нукер выполнил поручение, вскоре привез все необ-

ходимое, и Маммеда нарядили, дали ему коня. Самед-купец послал второго нукера с письмом к своей жене:

«Устели дорогу коврами, расшитыми шелками, убери комнаты, приготовь парчевые подушки, поставь на огонь сорок котлов для плова, привяжи у ворот жертвенных баранов. Разыскал я, наконец, брата своего Маммеда и везу с собой».

Жена его, получив письмо, подумала: «Значит, у него был брат, а он мне ни разу и словом не обмолвился».

Тем временем купцы вернулись к себе домой, и всякий, услышавший о приезде Маммеда, спешил повидать его. По приказу Маммеда-купца, у ног Маммеда зарезали баранов, сварили сорок котлов плова, и все, кто бы ни пожелал—богатый и бедный—с одинаковым почетом были приняты в этот день Самедом-купцом.

— Брат, я дам тебе сорок кошельков золота,—сказал Самед-купец Маммеду.—Сюда придут купцы, и мы будем говорить о делах. После них войдут сорок человек. Все мы дадим каждому из них по золотому. И ты из каждого мешка вынимай по одному золотому и давай каждому из них.

— Хорошо,—ответил Маммед.

Вскоре пришли купцы, уселись, начали подводить счета и делить прибыль. Когда они покончили с расчетами, двери отворились, и вошли сорок нищих. Каждый купец вынул и дал им по золотому, а когда дошла очередь до Маммеда, он дал каждому нищему по мешочку с золотом.

«Что это?—подумал Самед-купец,—или он владеет сокровищницей, или не понял меня?... Но раз дал, конечно... Что поделаешь? Подождем, посмотрим, что дальше будет».

Весть о том, что брат Самеда-купца, Маммед, подарил каждому нищему мешочек с золотом, дошла до падишаха.

Пригласил падишах всех купцов, в том числе и Маммеда, к себе в гости. Самед-купец опять вручил ему сорок мешочков с золотом, говоря:

— Брат, не обидь отказом, прими это. Там также после ужина войдут сорок нищих, и ты снова вручи каждому из них по мешочку.

— Хорошо,—согласился Маммед.

Собрались гости во дворец, поели, попили, а после ужина отворяются двери, и входят сорок нищих. Тут купцы достали по золотому и дали каждому нищему. И когда очередь дошла до Маммеда, снова подарил он каждому нищему по полному мешочку с золотом.

Изумился падишах и думает:

«Будь у этого человека полное море сокровищ, перед такой щедротой не устоит, иссякнет. В чем дело? Пышной торжества не бывает. Отдам-ка я за него свою дочь».

И он тут же обручил свою единственную дочь с Маммедом.

— Ну, Самед-купец,—сказал падишах,—созови ашугов,¹ сазандаров² и готовься к свадьбе: отдаю дочь свою за Маммеда.

Созвали сазандаров и ашугов. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир и отдали дочь падишаха за Маммеда.

Мало ли, много ли времени прошло, говорит однажды Маммед падишаху:

— Скоро из Шеки,³ Гянджи и из других породюв должны прибыть мои товары. Вышли навстречу им всадников.

Выслал падишах во все стороны всадников. Проходит месяц, а о товарах ни слуху, ни духу, и посланные шлют жалобы падишаху.

Однажды, когда Маммед сидел с молодой женой за обедом, она схватила его за руку:

— Эй, лоту, что ты все время обманываешь моего отца?

— Отпусти руку, ханум,—ответил Маммед и обнажил кинжал,—что от аллаха не скрыто, от человека скрывать не к чему; выбирай—или вот это, или я? Клянусь аллахом, я так гол, что мне нечем даже за бритье платить.

— Кушай, Маммед, аллах милостив,—успокоила его жена.

Поели, попили и легли спать. На утро жена вручила Маммеду пригоршню ла'лов⁴ и говорит:

— Ступай к отцу и скажи ему: «Извести всадников, чтобы вернулись обратно. Я сам поеду за товаром». А сам поезжай, купи на эти ла'лы товаров и возвращайся обратно.

Согласился Маммед; явился он к падишаху, склонился перед ним и говорит:

— О светоч мира, извести своих всадников, чтобы возвращались обратно: я сам поеду за своими товарами. Чужой чужое добро ищет с песней и припевом.

Маммед сел на коня и поехал, а падишах известил всадников, и они вернулись обратно.

Скачет Маммед, скачет долго, без устали, наконец чувствует, что голод его одолевает. К вечеру подъехал к пахарю на одном поле:

— Аллах в помощь!

— Хош гэлдин,—ответил пахарь.

— Эй пахарь, я голоден.

— Подожди немного, я живу недалеко, пойду, принесу тебе поесть. А ты присмотри за быками, но не трогай их: они у меня норовистые,—ответил пахарь и пошел.

А Маммед постоял, постоял, да и говорит сам себе: «Пиначи Маммед, разбогател ты, что ли? Стал благородным?»

Схватился он за плуг и стал пахать. Рванулись быки и понеслись по полю. Для того, чтобы удержать их, Маммед ногою сильно надавил на плуг и вдруг видит, что плуг зацепился за какую-то цепь. Подняв конец цепи, он пошел по направлению ее и заметил, что другим концом она прикреплена к камню. Подняв камень, видит дверь. Дернул дверь, а за ней—казна небывалых сокровищ.

Маммед притворил дверь, задвинул камень, отвел быков на прежнее место, сел и ждет пахаря.

Пахарь принес чурек и айран. Маммед поел, попил, поднялся с места, поблагодарил пахаря и пошел к сокровищнице; отодвинул камень, открыл дверь и вошел внутрь. Он увидел кувшин, а в кувшине завернутый в вату перстень. Взяв этот перстень, Маммед надел его на палец и моментально, словно из-под земли, перед ним появился старец.

— Эй Маммед!—сказал старец,—осторожней, в перстне заключены наши души.

— Так значит твоя душа в этом перстне?

— Да.

— А ну-ка, приготовь мне сейчас же шатер!

Моментально появился шатер.

— Приготовь двадцать мулов, верблюдов и лошадей!

Тотчас у шатра появились верблюды, мулы и лошади. Маммед вынес сокровища, навьючил на животных и, как говорил падишаху, направил часть по Батумской дороге, часть по Шекинской, часть по Гянджинской, а сам написал письмо падишаху:

«О великий падишах! Мои товары прибыли, прими и сохрани их».

По приказу Маммеда, шатер исчез. После этого он дал пахарю пригоршню ла'лов, жемчугов и золота, сел на коня и поскакал следом за своими товарами.

Падишаху сообщили, что пришло письмо от Маммеда. Читает падишах, что по таким-то и по таким-то дорогам следуют товары. Прошло немного времени, и вправду стали прибывать товары. Как говорил Маммед, так и вышло. Все тут убедились, что богатству Маммеда нет ни конца, ни края.

Следом приехал и сам Маммед. Сошел с коня и отправился к жене.

Вечером, когда они сели ужинать, жена сказала ему:— Маммед! Столько добра невозможно закупить на те ла'лы, которые я тебе дала.

Маммед вытащил из кармана горсть ла'лов и вернул жене. И тут она увидела на его пальце дивный перстень.

— Маммед, что это за перстень?

— Все эти сокровища я приобрел при помощи этого перстня,—ответил Маммед.

— Ну, смотри, береги его.

Как-то визирь, векил и Маммед сидели в гостях у падишаха. Визирь был ученым, умным и сведущим человеком. Заметил он перстень на руке Маммеда и сразу смекнул, что это не простой перстень, а что скрыты в нем тайные чары. И решил во что бы то ни стало овладеть им.

— Падишах,—обратился он, преклонившись, к нему, —а ведь я ни разу еще не приглашал к себе твоего зятя.

— Дело твое,—ответил падишах,—можешь позвать.

— Маммед-купец, ты мой гость на завтра,—сказал визирь, обращаясь к Маммеду.

Маммед поблагодарил его за приглашение.

На другой день Маммед пошел в гости к визирю. Накрыли суфру, подали обед. Гость и хозяин поели досыта, а когда с едой было покончено, визирь приказал подать чай и незаметно всыпал в стакан Маммеда снотворное. Отпив два-три глотка, Маммед тут же потерял сознание. Визирь снял перстень с его пальца и надел его себе на палец. Тотчас перед ним предстал старец:

— Эй визирь, потише, ведь в перстне заключена моя душа!

— Ага, старик, значит, твоя душа в этом перстне?

— Да.

— Сейчас же возьми Маммеда и запрячь его в такое место, чтобы от него и следа не осталось.

Старец взял и унес Маммеда и упрятал его так далеко, что найти его было невозможно.

Подумал визирь и решил таким же путем покончить с падишахом. «Тогда и на дочери его женюсь, и сам стану падишахом, и все сокровища его перейдут ко мне».

Решив так, визирь поднялся и пошел к дочери падишаха. Как только он переступил порог, она заметила перстень Маммеда на его пальце и начала стонать:

— Ой, умираю, ой, мне дурно! Ой, голова лопается!

— В чем дело, что случилось?—спросил визирь.

— Ах! На руке Маммеда был перстень. Всегда, когда он входил ко мне, он снимал его, давал мне, а я клала на полку, и только тогда мы садились беседовать. Иначе мне становилось дурно, у меня болела голова, и я падала без чувств. А у тебя на пальце такой же перстень, мне плохо.

— Что ж, я сниму его,—согласился визирь.

Снял перстень и подал ей, а она принялась суетиться, делая вид, что готовит обед. И незаметно, взяв перстень, надела его на палец. Тотчас перед ней предстал старец.

— Эй, ханум, потише, в перстне заключена моя душа!—закричал он.

— Старик, сейчас же возьми этого визиря, повесь его за уши!

Старик, схватив визиря, пригвоздил его к стене.

— Старик! Принеси сюда Маммеда.

Старик привел Маммеда. Увидев визиря, Маммед обнажил кинжал и изрубил его на куски.

Так прошло некоторое время. Падишах умер. Собрались агсаккалы, ⁵ карасаккалы и думают—решают: «кого бы выбрать падишахом? Выберем-ка зятя его Маммеда».

Позвали Маммеда. Надели на него корону и посадили на трон. Стал Маммед царствовать и увидел народ, что такого хорошего падишаха еще не было.

Однажды Маммед-падишах приказал:

— В таком-то городе, там-то, проживают один юноша и женщина. Привести их ко мне.

Отправились гонцы и привели того самого лоту и бывшую жену Маммеда. По приказу Маммеда, палач отрубил лоту голову, а затем к хвосту необъезженной кобылицы подвязали охапку сухих колючек, раздели бывшую жену Маммеда донага, привязали сверх колючек и погнали кобылицу; она пустилась по рытвинам и ухабам, с камня на камень, с кочки на кочку; впились острые колючки в тело женщины и изранили ее, не оставив живого места. Обессилела женщина и сделалась

бездыханной. По приказу Маммеда, привели жену и детей визиря и лишили их жизни.

Прослышав, что Маммед стал падишахом, Самед-купец, взяв богатые дары, отправился к нему.

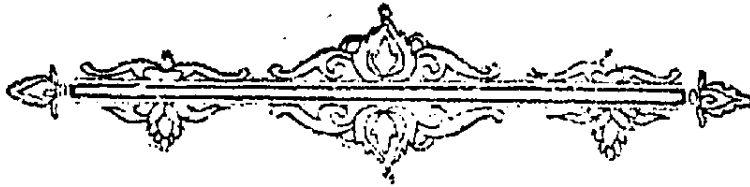
Маммед взял Самеда-купца за руку и говорит:

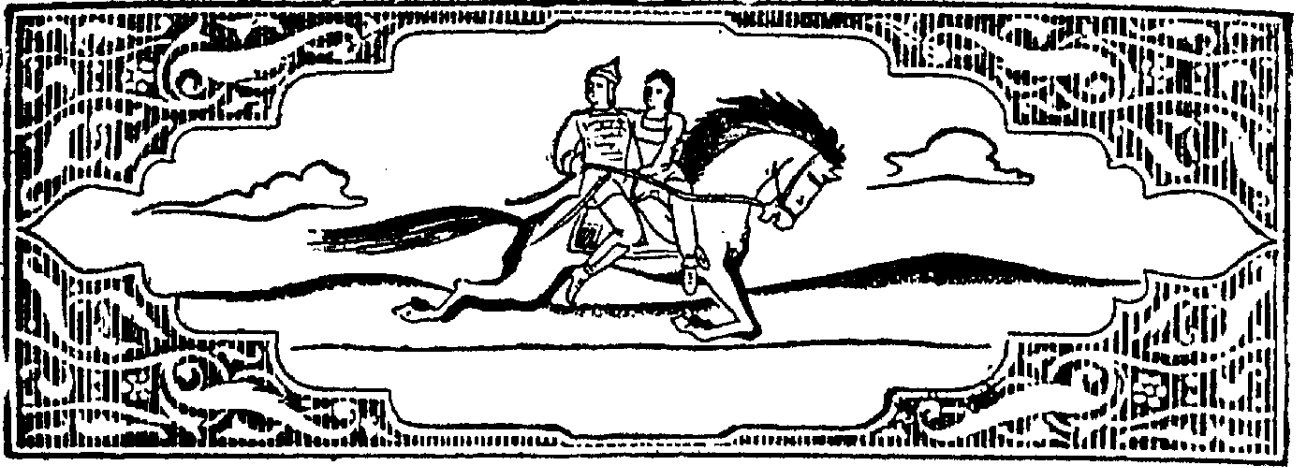
— Брат! Это богатство, эта слава—твои, ты дал мне их. Теперь иди, будь падишахом, а я буду твоим визирем.

— Нет, брат,—сказал Самед.—Все это послал тебе аллах.

— Раз так,—ответил Маммед,—оставайся здесь, ешь, пей и живи у меня.

Они ели, в землю отошли, а вы ешьте, век живите. С неба три яблока упали: одно тебе, другое мне, а третье тому, кто сказку рассказал.

ХІІІ. СКАЗКА О БЕЙКЕСЕ

то-то был, кого-то не было; рассказывают, что в Туркменистане жил какой-то бедняк, и у него была дочь по имени Пэри. Пэри была так мила, так прекрасна, что другой такой красавицы не сыскать в целом мире. У этой стройной, как тополь, девушки косы были до пят, брови, как дуга, глаза черные, как агат, ротик, как фисташка, щечки, как лепестки.

Каждый, кто видел ее, терял разум и падал без чувств.

Как-то раз отец Пэри отправился в лес за дровами. В полдень, захватив с собой завтрак для отца, Пэри пошла в лес и, увлекшись спелыми сочными фруктами, не заметила, как ступила на узбекистанскую землю. Когда же Пэри-ханум очнулась, то увидела, что она заблудилась, а солнце клонится к закату. Как Пэри ни старалась, как ни металась, найти дорогу не смогла и осталась в лесу. Ей стало жутко, страх овладел ее сердцем. Забравшись на чинару, она спряталась в ее густой листве. До самого утра просидела Пэри на дереве, но как только взошло солнце, спустилась и пошла по лесу.

А теперь о ком бы рассказать тебе? Расскажу о пехлеване Тумаре.

Были в Узбекистане пехлеван по имени Тумар. Выстроил Тумар себе на равнине крепость и засел в ней. Случилось так, что Пэри проходила мимо этой крепости; внезапно в воротах показалась чья-то рука и, схватив девушку, втащила в крепость.

Оглянувшись, Пэри увидела, что в комнате сидит чудовищной величины пехлеван, по сравнению с которым Гаф-гора кажется маленькой; нос его рассечен пополам, и стоит взглянуть на него, как страх леденит душу.

Схватив Пэри за руку, Тумар-пехлеван усадил ее к себе на колени. Пэри хотела вырваться и убежать.

— О девушка! Кто бы ты ни была, не старайся вырваться. Меня зовут Тумар-пехлеваном. При моем имени надишахи всех стран трепещут, как листья. Страшись, как бы не вздумалось мне убить тебя. Ты должна родить мне сына.

И с этими словами Тумар-пехлеван втолкнул Пэри в какую-то комнату.

Наступила полночь. Очнувшись ночью Пэри и видит, что рядом с ней нет Тумар-пехлевана, а у изголовья ее стоит медведь. Испугавшись, Пэри хотела убежать, но медведь схватил ее, подмял под себя и лег с ней. От страха Пэри лишилась чувств. Снова придя в себя, она увидела рядом с собой Тумар-пехлевана и, вскочив с ложа, бросилась было к дверям, но двери оказались закрытыми. Тумар-пехлеван тем временем оделся и отправился по своим делам.

Делать было нечего; осталась Пэри у Тумар-пехлевана и постепенно стала привыкать к нему. Ежедневно Тумар-пехлеван вставал и уезжал куда-то. А Пэри поднималась, подметала, убирала дом, резала барана и готовила ужин. Вечером Тумар возвращался домой, съедал одного барана и ложился спать. Стала Пэри замечать, что каждый раз Тумар приезжает, забрызганный кровью. Не вытерпела она и спросила:

— Не пойму, в чем дело, на охоту ты не ходишь, добычи не приносишь, а лицо и руки твои каждый раз в крови.

Тумар рассердился и ударил ее по лицу.

— Ты, негодная! Не смей больше произносить таких слов, или тебе не сдобровать.

После этого случая Пэри обычно сидела молча и больше ни о чем не смела спрашивать Тумара.

Как-то раз Пэри, оставшейся одной в доме, стало скучно, и она спустилась в сад. Обойдя сад, она заметила колодец и, заглянув в него, увидела, что он неглубокий. Неожиданно она из колодца услышала стоны и собиралась уже спуститься в колодец, чтобы узнать, в чем дело, как вдруг кто-то постучал в ворота крепости. Она побежала и открыла ворота. Вошел Тумар-пехлеван, который под мышками нес два предмета, напоминавшие арбуз. Пэри поспешила на башню, выглянула из окна и увидела, что Тумар-пехлеван прошел в сад, подошел к колодцу, крикнул, что есть мочи, и, вынув из хурджина две головы, швырнул их в колодец. Вернувшись домой, он умылся, поужинал и лег спать.

Утром, уходя, Тумар сказал Пэри:

— Я уйду и вернусь ровно через три дня.

После его ухода Пэри поспешила к колодцу. Нагнувшись над ним, она подала голос, надеясь, что оттуда откликнутся, но не было слышно даже стопа. Потеряв надежду услышать ответ, Пэри кое-как спустилась в колодец и увидела на дне его выемку с человеческий рост. Войдя внутрь, она увидела там девушку лет семнадцати, скованную цепями по рукам и ногам, а перед ней лежала груда человеческих черепов.

Девушка, увидев Пэри, воскликнула:

— О девушка, пожалей себя! Ах! Зачем ты пришла сюда?

Пэри испугалась. Девушка хотела подняться с места, но не смогла.

— О девушка, почему ты здесь, и что все это значит?—спросила Пэри.

— Лучше не спрашивай меня ни о чем,—возразила та.

— Нет, ты должна рассказать мне правду.

— Так знай, что я Айпара-ханум—дочь падишаха Самарканда. Вот уже семь лет, как я в плену у Тумара. Лучше уйди поскорее, иначе и тебя постигнет та же участь.

— Я жена Тумар-пехлевана,—ответила Пэри.—Открой мне свое сердце.

При этих словах Айпара зарделась и говорит:

— Ну что-ж. Раз ты хочешь узнать мою судьбу, я расскажу ее тебе. Я поклялась унести свою тайну в могилу, но не пришлось. Так слушай:

«Как-то раз падишах Афганистана прислал раба в подарок моему отцу—падишаху Самарканда. Отец давал этому рабу самые разнообразные поручения. Однажды, когда на отца напал падишах Исфагани, этот раб пришел к отцу и стал просить:

— Разреши и мне отправиться на войну.

Отец не согласился. Тогда, вопреки приказу падишаха, раб напал на исфаганцев, убил одного из них, оделся пехлеваном, ринулся на противника и уничтожил его войска. Полетели к отцу гонцы с вестью, что неизвестный пехлеван одержал над исфаганцами победу и разгромил их войска. Отец велел привести к нему этого пехлевана. Вскоре служители привели к нему раба. Отец, желавший щедро наградить победителя, подняв голову, увидел, что этим победителем был его раб.

— О раб, что это за выдумки?—воскликнул он.

Раб ответил:

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Хотя ты запретил мне идти на войну, но я ослушался тебя, теперь твоя воля—суди меня.

Отец простил раба и оставил его при себе пехлеваном. Как-то раз отец мой серьезно занемог. Он созвал всех врачей, какие есть на белом свете, но никто не мог исцелить его. Был в нашем городе один абид. Призвали его. Отец говорит:

— Загляни в свои книги и скажи, в чем моя болезнь.

Раскрыл мудрец свои книги и говорит:

— Да продлится жизнь падишаха! Болезнь твоя тяжка, ты больше не встанешь.

Услышав эти слова, отец закричал:

— О мудрый старец! Если ты не вернешь мне жизнь, я прикажу казнить тебя.

При этих словах ученый вновь раскрыл свои книги, взглянул в них и говорит:

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Есть в реке Нил рыба, а в чреве у нее щенок. Кто выпьет кровь этого щенка, тот навсегда исцелится от всех недугов.

Отец мой спрашивает визирей:

— Кто из вас отправится на розыски этой рыбы?

Все опустили головы, в междиссе воцарилось глубокое молчание. Поднялся тогда раб с своего места, поклонился отцу и говорит:

— Я пойду и доставлю.

Приказал отец снарядить раба в дорогу и выдать ему лучшего скакуна и доспехи пехлеванца. Закончил раб на коня и выехал из города. Долго ли ехал, коротко ли, доехал, наконец, до берегов Нила и в двух шагах от Нила увидел маленькую хижину, а в хижине какую-то старуху. Он сошел с коня и вошел в хижину. Поздоровавшись со старухой и поговорив о том, о сем, он решил у нее переночевать. Вечером спрашивает его старуха:

— Откуда ты, пехлеван, идешь и куда направляешься?

— Бабушка,—ответил ей раб,—вот уже много месяцев болен наш падишах, и никто не может вылечить его. Но мудрецы говорят, что в реке Нил есть рыба, в чреве у которой имеется щенок, и если наш падишах выпьет кровь этого щенка—он исцелится. Вот я и иду разыскивать эту рыбу, извлечь из нее щенка и отнести падишаху.

— О пехлеван, это очень трудно,—сказала старуха.

— Почему?

— Видишь этот пород?—спрашивает старуха.

— Вижу.

— В этом городе живут странные люди. Падишахом у них девушка неопиcуемой красоты, и поклоняются они этому щенку. Ты нигде не сумеешь разыскать эту рыбу, а тем более извлечь из нее щенка.

Услышав эти слова, раб пристал к старухе.

— Бабушка! Научи меня всем обычаям этого города.

— Хорошо,—согласилась та,—во-первых, они не едят ничего рыбного, во-вторых, не держат щенят и, в-третьих, совершают намаз, стоя на одной ноге.

— Почему?—удивился раб.

— Потому, что у щенка, который находится в чреве рыбы, нехватает одной лапы; поэтому они и молятся, стоя на одной ноге.

— А где же находится рыба?

— Рыба? В пальмовом саду их царицы есть бассейн. Эта рыба плавает в нем. Утром ты увидишь, как все жители выйдут из дому и, прежде чем приняться за работу, соберутся вокруг бассейна и, стоя на одной ноге, будут совершать намаз. Отправься к ним. Больше мне ничего неизвестно.

Раб лег и уснул. Наступило утро, и он увидел, что все жители идут к пальмовому саду. Присоединившись к ним, он пришел в сад, где народу было так много, что палке негде было упасть. Как и все, раб, став на одну ногу, принялся молиться, но с непривычки, когда все качнулись, он не удержался и упал. Его схватили и убедились, что он не из здешних мест. Побежали к царице Дюния-гозэли,¹ которая приказала:

—Приведите его ко мне.

Схватили раба и привели к Дюния-гозэли. Посмотрела она и увидела, что это красивый, прелестный юноша.

— Откуда ты идешь и куда держишь путь?—спросила она.

—Я пришел из Франгистана и ищу работу.

Она сжалилась над ним и, сменив гнев на милость, сказала:

—Оставайся при мне и будь моим нукером.

А рабу только это и было нужно. Он согласился и

остался во дворце. Прошло несколько дней. Раб исподволь присматривался к жизни и обычаям населения, заводил знакомства и разузнал все, что ему было нужно. Как-то ночью он, встав, взял ружье, разыскал дом местного моллы и, пользуясь его сном, обезглавил его и вышел. Поутру собрался народ на молитву, а моллы нет. Ждали его целое утро, наступил уже полдень, а молла все не приходил. Послали за ним человека, который, вернувшись, сообщил:

—Этой ночью моллу убили.

Тотчас побежали к Дюния-гозэли. Опечалилась она и приказала разыскать убийцу. Но как ни искали по всему городу, обшарили все закоулки, никого не нашли; раба же никто не заподозрил.

Так в тот день все обошлось без молитвы. На следующее утро поднялась Дюния-гозэли и пошла на молитву. Взглянул на нее раб, видит, что такой красавицы не найти в целом мире и думает: «Вот и хорошо. Щенок будет лекарством надшаху, а красавица будет моя».

Все стали молиться; во время молитвы раб моего отца опять упал, не удержавшись на одной ноге. Все набросились на него, но Дюния-гозэли сказала:

—Оставьте его, он человек новый, пусть станет в сторонке.

Раба отвели в сторону, а народ продолжал прерванный намаз. Не успели все сосредоточиться, как раб подмигнул Дюния-гозэли. Она смутилась, покраснела и опустила голову. Когда намаз закончился, и народ разошелся по домам, Дюния-гозэли вернулась во дворец, села на трон и приказала:

— Разыскать и привести ко мне раба-чужестранца.

Нужеры разыскали раба и привели к ней. Она встала с места, заперла все двери и взяла в руки плетку.

—Бездельник,—сказала она,—как ты осмелился подмигнуть мне? Разве ты не знаешь, что вся эта страна подвластна мне?

—Прости, госпожа,—ответил он.

—Знай, что если ты тут же не скажешь мне правды,

ты из этой комнаты не выйдешь. Говори правду и этим спасай свою жизнь.

Раб, видя, что Дюния-гозэли сдержит свое слово, сказал ей:

— Госпожа, клянусь щенком, находящимся в утробе рыбы, что я люблю тебя. Или выйди за меня замуж, или же я разнесу этот город до основания.

Взглянула Дюния-гозэли на раба и почувствовала в своем сердце ответную любовь.

— О юноша, знай, и я люблю тебя, но тебе не удастся увезти меня отсюда.

— Дай мне три дня сроку, и тогда, даст аллах, я умчу тебя отсюда.

Дюния-гозэли согласилась.

Раб дождался ночи и пошел к бассейну, в котором находилась рыба; у бассейна стояли три сторожа, вооруженные луком и стрелами. Выхватив свой меч, он уложил всех трех, поймал рыбу, рассек ей чрево и вынул щенка. После этого он достал пузырек, обезглавил щенка, собрал кровь в склянку и выпил сам часть крови. Покончив с этим, раб явился к Дюния-гозэли, разбудил ее, усадил на своего коня и ускакал. Ночью же население узнало о происшествии, и все, кто только владел оружием, схватив луки, стрелы, мечи, копья, бросились в погоню. Оглянувшись раб и увидел преследующие его войска. Выхватив из ножен меч, он бросился на преследователей и разгромил их; кто пал от его руки, а кто успел скрыться. Вернулся раб с Дюния-гозэли в Самарканд, вручил моему отцу пузырек с кровью, и он, выпив кровь, тотчас поправился, а раб и Дюния-гозэли наняли дом и зажили вдвоем.

Как-то раз мой отец прогуливался по саду, и случилось так, что в это самое время Дюния-гозэли в реке мыла голову; при купании оборвался один волос из ее косы и течением отнесло его вниз по реке. Сидя на берегу, отец мой любовался виднеющимся за рекой лесом. Смотрит вдруг: на реке что-то сверкнуло. Отец протянул руку и схватил; видит, что это волос, отливающий

тридцатью тремя красками. Отец обезумел от восторга и решил во что бы то ни стало разыскать женщину, которой принадлежал этот волос.

Он встал и пошел вверх по течению реки. Смотрит, на берегу реки сидит такая красавица, что ею стоит только бесконечно любоваться. Отец не удержался, бросился к ней, чтобы обнять ее, но она вскочила и побежала; а отец мой следом. Дюния-гозэли добралась до своего дома и скрылась в нем. Тут отец и увидел, что она вошла в жилище его раба.

Вернулся отец во дворец, сел на трон, призвал визиря и рассказал ему все события.

—Ты должен женить меня на этой красавице. Если не сделаешь этого, я казню тебя.

Визирь усмехнулся.

—Да будет долговечна жизнь падишаха! Что же может быть легче: пригласи к себе в гости раба, дай ему снотворное и брось в темницу, а самого его оскопи. Вот и все.

Отцу понравился совет визиря. Послал он слугу пригласить раба на ужин, а сам подсыпал в кушанье снотворное. С наступлением вечера раб явился, сел по приглашению падишаха, и они принялись за еду; и как только раб отведал кушанье, он повалился без чувств. Его тут же бросили в темницу, и, вызвав врача, отец приказал оскопить раба. Вслед за тем, отец мой послал людей за Дюния-гозэли; но она, поняв, в чем дело, обнажила меч, напала на посланцев и истребила их. Отцу моему сообщили, что Дюния-гозэли перебила его посланцев и не сдается. Послал отец большое войско, но она перебила и его. Вызвал отец опять визиря:

—Визирь, посоветуй, как быть?

Визирь в ответ:

—Дай мне два дня сроку.

Отец согласился и дал визирю два дня на размышление. Визирь отправился к себе. Вскоре он встал и пошел на базар, но, пробродив до самого вечера, не придумал ничего и печально вернулся обратно. Подходит к своему

дому и видит,—у ворот сидит старуха, которая закрыла глаза, раскрыла рот и подняла голову вверх. Вынул визирь золотой и положил ей в руку. Старуха открыла глаза и воскликнула:

— Да продлит аллах твою жизнь!

И начала молиться за визиря.

Визирь привел ее к себе и говорит:

—Мать моя, я хочу попросить тебя об одной вещи, скажи—исполнишь ли ты ее или нет?

—Почему же нет, исполню.

— Наш падишах влюбился в Дюния-гозэли, но как мы ни бьемся, взять ее не можем: она одного за другим уничтожает наших воинов.

—О, это в моих руках пустяки,—воскликнула старуха,—дай мне только два дня сроку.

Визирь согласился, отпустил старуху, а сам пошел к моему отцу и говорит:

—Пройдут два дня, а на третий ты можешь потребовать от меня Дюния-гозэли.

Отец обрадовался и принялся считать дни и часы. А старуха взяла палку, направилась к дому Дюния-гозэли, постучала в дверь и стала звать:

— Хозяйка, хозяйка!

Дюния-гозэли вышла к дверям и видит старуху.

—Что тебе нужно?

Та в ответ:

—О дорогая, мне негде переночевать, дай мне приют на эту ночь.

«Вот и хорошо. Я была одна, а теперь будет у меня собеседница»,—подумала Дюния-гозэли и, обратившись к старухе, сказала: «войди, бабушка».

Старуха вошла, и они провели ночь. На другой день старуха принялась помогать Дюния-гозэли; она приготовила ужин и незаметно подсыпала в пищу снотворное, а когда все было готово, поставила перед Дюния-гозэли. Как только та отведала пищу, так тут же лишилась чувств, а старуха побежала известить визиря, чтоб пришли и взяли Дюния-гозэли. Услышал визирь, что Дю-

ния-гозэли лежит без сознания, и с радостной вестью побежал к падишаху. Отец мой послал своих людей за Дюния-гозэли, и когда ее принесли, он запер ее в одной из сорока комнат дворца. Спустя много времени Дюния-гозэли очнулась и увидела, что она не у себя; а тем временем вошел мой отец. Как он ни пытался овладеть красавицей, не смог: она, не подпустив его к себе, выгнала. Дважды посылал отец визиря к Дюния-гозэли с просьбой согласиться на брак с ним, но она отказывалась и твердила:

—Я невеста другого.

Услышав это, отец рассердился и приказал ввести к ней раба. Воля отца была исполнена, и раба ввели в комнату Дюния-гозэли. Она кинулась ему на шею. Они принялись рассказывать друг другу свои горести»...

Прервав на этом свой рассказ, Айпара, видя, что наступает вечер, сказала:

—Госпожа, разреши, остальное я доскажу завтра утром.

Пэри-ханум согласилась, кое-как выбралась из колодца, пошла домой, приготовила еду, отнесла Айпаре и вернулась к себе. До самого утра Пэри не могла заснуть, а утром взяла чай, хлеб и прочее и спустилась в колодец. Поела Айпара, и щеки ее порозовели.

—Ну, начинай,—предложила Пэри, когда девушка утолила голод.

...«Поместил мой отец Дюния-гозэли и раба вместе в одной комнате. Дюния-гозэли узнала, что мой отец лишил раба мужских способностей, и опечалилась. Ровно месяц прожили они вместе, и их любовь несколько не остыла.

Отец мой увидел, что Дюния-гозэли и раб друг от друга не отказываются, и приказал ночью, связав рабу руки и ноги, отрезать у него нижнюю губу и рассечь нос. А сам явился к Дюния-гозэли и пытался снова овладеть ею, но ничего не вышло: она, сильно избив моего отца, выгнала его. Приказал тогда отец заковать ее в цепи и бросить в темницу, где она томится и посейчас.

Тот раб — Тумар-пехлеван, который обосновался здесь. Чтоб отомстить моему отцу, он ежедневно отправляется в его владения, воюет с ним, убивает и грабит, а отец мой не в силах справиться с ним. Как-то ночью он ворвался ко мне и, похитив меня сонную, принес сюда. Два дня держал он меня около себя и заставил разделить с ним ложе. Через некоторое время я почувствовала себя матерью.

Прошло девять месяцев, и у меня родился сын. Тумар-пехлеван, придя вечером домой, обезглавил дитя, разрезал на мелкие куски его тельце, поставил на жаровню, поджарил, а меня заковал цепями в этом колодце; продержав меня голодной, накормил мясом моего собственного ребенка. А теперь, отправляясь ежедневно в бой, он приносит головы убитых им людей и бросает их мне, вынуждая меня питаться ими».

Айпара кончила. Пэри поднялась с своего места, разорвала сковывавшие девушку цепи и сказала:

— Вставай, пойдём.

Айпара встала, но не могла двинуться с места; поэтому Пэри взяла ее на руки, вынесла на дно колодца, обвязала вокруг ее бедер веревку, выбралась сама, вытащила ее, привела и спрятала в одной из отдельных комнат. Ночью пришел Тумар-пехлеван, лег спать, а на утро, как обычно, встал и уехал. По уходе Тумара Пэри встала, накормила Айпару, выкупала ее и сказала:

— Айпара, бежим!

— Куда? — спрашивает та.

— Бог милостив, пойдём, куда глаза глядят.

Девушки вышли и пустились в дорогу. Долго ли шли, коротко ли, наконец, дошли они до берега моря и видят, что стоит небольшая крепость, а в ней никого нет. Оглянулась Пэри и говорит:

— Бог послал то, что нам нужно, останемся здесь.

Айпара согласилась. Пэри провела детство в деревне и знала жизнь лучше Айпары, вот почему та всегда во всем соглашалась со своей подругой. Вошли они в крепость и видят, что она убрана так, что глаз не отвесть.

Чего, чего тут нет: и пища, и питье, и все необходимое из одежды. Засучила Пэри рукава, развела огонь, засыпала в казан рис и приготовила плов. С наступлением темноты Айпара и Пэри заперли двери, поужинали и легли спать.

Оставим их здесь.

До самого вечера бился Тумар-пехлеван с падишахом Самарканда, а когда зашло солнце, оставил поле битвы и вернулся к себе. Обычно, при возвращении, Тумар-пехлеван заставлял двери крепости запертыми, а на этот раз видит: ворота раскрыты настежь, и никого не видать. Бросился он в комнаты—нет Пэри; он—к колодезю, спустился внутрь, смотрит—и Айпара исчезла. Рассердился Тумар, кровь бросилась ему в голову, обшарил он все комнаты и их не нашел. Кинулся он к медведю, думая, что Пэри, ища ласки и не находя ее у него, отправилась к медведю; видит, что и там их нет. Тумар бросился на медведя и стал избивать его. Успокоившись, собрал он кое-какие вещи и покинул крепость. Направившись к Самарканду, он построил себе невдалеке от города новое жилище.

Как-то раз он ворвался в город, похитил и старшую дочь падишаха, привел ее к себе и стал мучить так же, как мучил и истязал Айпару.

Падишах Самарканда, узнав, что и старшая дочь его похищена Тумаром, призвал визиря и говорит:

—Визирь, я больше не в силах бороться с Тумаром. Посоветуй, как мне быть.

—О, падишах,—отвечает визирь.—Какие же тут могут быть советы? Пошли войско, быть может, оно одолеет Тумара.

Падишах согласился и, собрав свои войска, выслал на Тумара.

А теперь послушайте о Дюния-гозэли.

Дюния-гозэли томилась в темнице. Каждое утро и каждый вечер приходил к ней падишах и предлагал ей выйти за него; и каждый раз Дюния-гозэли отвечала отказом, а падишах повелевал подвергать ее неслыханным

мучениям. И на этот раз, как обычно, явился падишах к Дюния-гозэли и говорит:

— О девушка, давай примирим наши планеты. Довольно тебе томиться в заключении.

Дюния-гозэли схватила камни и начала бить падишаха. Испугавшись за свою жизнь, он выбежал из темницы и приказал не давать ей пищи.

Так и стала она жить на одной воде.

А теперь послушай о Тумар-пехлеване.

Тумар-пехлеван только что вернулся с битвы. Как раз в это время вернулся и медведь, пригнавший с поля стадо баранов. Тумар загнал баранов в помещение, зарезал одного из них для себя, другого для медведя, поджарил и только успели они поесть, как с востока показались войска. Опясался Тумар мечом, взял свой щит, поручил дом медведю и, кликнув свой боевой клич, ринулся на врагов. Полтора дня он бился с ними и к полудню следующего дня уничтожил все войско. Усталый вернулся он домой и лег спать, а медведя оставил караулить дом.

А теперь о ком бы мне поведать вам? О Пэри-ханум.

Ровно через девять месяцев после похищения родила Пэри сына. Айпара приняла мальчика и назвала его Бейкесом.

Теперь послушайте о Бейкесе.

Когда Бейкесу исполнилось ровно двенадцать лет, он обратился в такого пехлевана, какого не сыскать в целом мире. Ежедневно отправлялся Бейкес на охоту, а вечером приносил добычу, отдавал Пэри и Айпаре, и они весело и радостно садились за ужин. Как-то раз спрашивает Бейкес у женщин:

— Кто из вас моя мать?

— Я,—ответила Пэри.

— А кто же мне она?—спросил Бейкес, указывая на Айпару.

Тогда Пэри рассказала мальчику все, что знала.

Встал Бейкес и говорит:

— Мать моя, разреши, я пойду и расправлюсь с обоими злодеями.

— О сын мой, лучше не делай этого,—начала просить Пэри.

— Ах, не все ли равно, разрешишь ты или нет, я все равно уйду.

Айпара сняла с шеи дорогое ожерелье, подала мальчику и говорит:

— Это ожерелье продай, а на вырученные деньги купи всё, что нужно тебе.

Бейкес распрощался и вышел. Расспрашивая встречаемых, добрался он до Самарканда. Смотрит: невдалеке от города пахарь, но соха его, конь и одежда—черные.

— Аллах в помощь!

— Добро пожаловать,—ответил пахарь.

— Дядя, почему ты одет в траурную черную одежду?

— Сын мой, враг падишаха этого города, исхлеван по имени Тумар, похитил обеих дочерей его, а сам каждую ночь нападает на город и предаст его огню.

Бейкес спросил:

— А из-за чего же они враждуют?

Пахарь рассказал Бейкесу всю историю падишаха и Тумара. Достал Бейкес ожерелье Айпары, протянул пахарю и говорит:

— Возьми это ожерелье, обрати в деньги и принеси мне.

Пахарь взял ожерелье, побежал в город, продал какому-то купцу и, вернувшись к Бейкесу, вручил ему деньги. Бейкес протянул двести туманов пахарю и просит:

— Купи мне на эти деньги хорошего коня.

Пахарь взял деньги и отправился в город за конем, а Бейкес пошел в город купить себе меч. Вошел он в оружейную лавку и увидел столько мечей, что глаза разбегаются.

— Дай мне меч,—сказал Бейкес лавочнику.

— Выбирай и возьми любой, какой понравится,—ответил лавочник.

Взял Бейкес со стены меч и, схватив одной рукой за эфес, а другой за кончик клинка, согнул: меч переломился. Он за второй,—то же самое. И так, за какой бы из них он ни брался, меч ломался. Уплатив стоимость сломанных им мечей, Бейкес направился к выходу. Вдруг видит: висит на стене прекрасный меч.

— А ну-ка, подай мне его!—предложил он лавочнику.

— Я не могу этого сделать, это меч Бебир-пехлевана.

Рассердился Бейкес, сорвал меч со стены и вышел. Встретил он пахаря, который купил уже коня и давно ждал его. Конь понравился Бейкесу. Он надел доспехи пехлевана, сел на коня и спросил пахаря:

— Дядя, а где живет Тумар-пехлеван?

— Сын мой, мы не знаем, где живет он, но насколько я слышал, живет он недалеко отсюда.

Бейкес расстался с пахарем и пустился в дорогу. Долго ли ехал, коротко ли, доехал, наконец, до голой равнины.

А теперь послушай о Тумар-пехлеване.

Поехал Тумар-пехлеван на дорогу грабить караваны, смотрит—едет какой-то пехлеван. Обнажил Тумар-пехлеван меч, подъехал к нему и кричит:

— Эй, пехлеван, кто ты и как смеешь показываться в этих краях?

— Уйди с дороги, я еду по своим делам.

— Бездельник, сойди с коня, уплати мне дань, и тогда продолжай свой путь.

— Кто ты такой, чтоб я платил тебе дань?—возмутился Бейкес.

Заспорили Тумар и Бейкес, схватились на мечах. Ровно три дня и три ночи длилась битва, но ни один из них не мог победить другого. Тогда взялся Тумар за палицу, но и это не помогло. И схватились Тумар и Бейкес врукопашную. Ухватился Тумар за кушак Бейкеса,

хотел поднять его, но не смог, а Бейкес схватил Тумара и, словно плуг, поволок по земле. Наконец, рассердился Бейкес, крикнул так, что задрожали леса и горы, и с такой силой хватил Тумара оземь, что тот на целый вершок углубился в землю. Уселся Бейкес Тумару на грудь, обнажил меч, обезглавил Тумара, положил его голову в хурджин, вскочил на коня и поехал дальше.

Оставим его в пути. А теперь послушай о падишахе Самарканда.

Долго бился падишах, но так и не удалось ему ни жениться на Дюния-гозелю, ни победить Тумар-пехлевана, а Тумар перебил всех его воинов. Как-то раз призывал он визиря и говорит:

— Визирь, скажи, как быть, я гибну.

Визирь ответил:

— Да будет долговечна жизнь шаха. В арабистанском городе есть пехлеван по имени Бебир. Пойди за ним, быть может, ему удастся победить Тумар-пехлевана.

Совет визиря понравился падишаху.

— Визирь,—сказал он,—я поручаю это дело тебе. Ты должен разыскать и привести ко мне Бебир-пехлевана.

Визирь и не рад был своему совету. Попросив себе месяц сроку, сел на коня и поехал в Арабистан.

Оставим его в пути и послушайте об арабистанском пехлевани.

Был в Аравии пехлеван по имени Бебир, такой отважный, что все только дивились на него. Сидит как-то раз Бебир у себя на балконе и видит—идет визирь падишаха Самарканда. Визирь подошел к воротам и постучался. Слуга отворил ворота и спрашивает:

— Кого тебе надо?

— Я визирь падишаха Самарканда и хочу видеть Бебир-пехлевана.

Слуга вернулся и говорит:

— Пришел визирь падишаха Самарканда и хочет видеть тебя.

— Впусти его,—приказал Бебир.

Визиря впустили; он вошел, поклонился и протянул Бебир-пехлевану письмо самаркандского падишаха. Прочтя письмо и узнав, в чем дело, Бебир вскочил на коня и, в сопровождении визиря, поехал в Самарканд. Дошла до падишаха Самарканда весть, что едет Бебир-пехлеван. Обрадовался падишах, выехал навстречу и с музыкой ввел его во дворец. Ровно три дня и три ночи длился пир, а на четвертый сел Бебир на коня и поехал по направлению к жилищу Тумара.

А теперь послушайте о Бейкесе.

Бейкес убил Тумар-пехлевана и положил его голову к себе в хурджин. Только он повернул по направлению к Самарканду, как видит, едет навстречу ему во главе огромного войска какой-то пехлеван. Крикнул пехлеван боевой клич и приказал Бейкесу:

— А ну-ка, сойди с дороги.

— Кто ты такой, чтоб я сошел с дороги?—ответил Бейкес.

Разгневался Бебир, выхватил свой меч, и Бейкес в свою очередь схватился за свой. Долго бились они, видят, что ничего не выходит, отбросили мечи и схватились врукопашную. Увидел Бебир, что этот юноша одолевает его, и только хотел просить передышки, как Бейкес заревел так, что задрожали горы и камни, и с такой силой хватил его оземь, что Бебир-пехлеван разлетелся на куски. Войска в страхе бросились к Самарканду и сообщили падишаху, что Бебир-пехлеван убит.

Услышав это, падишах разгневался и немедленно приказал призвать к себе этого пехлевана. Выступили войска навстречу Бейкесу. А тот, уложив во вторую половину хурджина голову Бебира, поскакал к Самарканду. Прегравив воинам падишаха путь, он стал их рубить и гнал их до самого города. И снова поскакали понцы к падишаху:

— О падишах, Тумар-пехлеван перед новым пехлеваном—ничто!

Выслал тогда падишах навстречу Бейкесу своего визиря. Подъехал к нему визирь и говорит:

— О пехлеван, добро пожаловать в наши края. Наш падишах просит тебя к себе.

Бейкес последовал за визирем, и они подъехали ко дворцу. Бейкес тотчас запустил руку в хурджин и бросил к ногам падишаха головы Тумара и Бебира. Взглянул падишах на голову своего врага, обрадовался, но виду не подал. Поговорив немного с Бейкесом, падишах обратился к нему:

— Юноша, оставайся и будь несколько дней моим гостем.

Бейкес согласился (он хотел разыскать Дюния-гозэли).

Отвел падишах Бейкесу особые покои. Прожив несколько дней, Бейкес пошел по комнатам дворца под предлогом осмотра их. Неожиданно услышав за собой чьи-то шаги, Бейкес оглянулся. Когда увидел, что идет падишах, то, не желая показываться ему, он притаялся. Не заметив Бейкеса, падишах прошел в одну из комнат, неся в руках голову Тумар-пехлевана. Войдя в комнату, где томилась Дюния-гозэли, падишах бросил перед ней голову Тумара.

— О девушка,—сказал он,—вот голова Тумара; забудь его, и пусть наши планеты примирятся.

Но Дюния-гозэли закидала падишаха камнями и выгнала из комнаты, а сама схватила голову Тумара и горько заплакала. Вошел тогда Бейкес к Дюния-гозэли и видит, что она плачет. Посмотрела она на незнакомца и опустила голову.

— О красавица,—обратился к ней Бейкес,—что это за тюрьма?

Зарыдала Дюния-гозэли и рассказала Бейкесу все свои злоключения. Разбил Бейкес цепи, сковывавшие руки Дюния-гозэли, и видя, что она не может двинуться с места, взял ее на руки, принес к себе. Призвав врача, он принялся заботливо ухаживать за ней и лечить ее. Не прошло и пяти дней, как Дюния-гозэли поправилась, пошла в баню, выкупалась, надела парчевые одежды и стала прежней Дюния-гозэли.

Оставим ее пока радостно беседующей с Бейкесом.

Как-то раз поутру падишах снова отправился к Дюния-гозэли в надежде, что на этот раз ему удастся склонить ее к браку. Смотрит—комната пуста. Бросился он к визирю.

— Визирь, Дюния-гозэли исчезла!

— Дюния-гозэли у пехлевана Бейкеса,—ответил визирь.

Падишах подошел к комнате Бейкеса, заглянул в окно и видит, что Дюния-гозэли положила голову на колени к Бейкесу и спит. В ярости выдрал падишах себе полбороды, вернувшись, сел на трон, призвал визиря и говорит:

— Визирь, совет!

— Светлейший падишах, устрой сегодня пир и созови гостей. Насыпь в пищу Бейкеса снотворное и, как только он уснет, прикажи взять его и бросить в ущелье.

Совет визиря понравился падишаху. Повелел он приготовить плов и пригласил Бейкеса. Бейкес явился, и после оживленной, веселой беседы разостлали суфру и подали ужин. Как только Бейкес поел плов, тут же повалился наземь. Связали Бейкеса по рукам и ногам и бросили в ущелье за семь гор.

А теперь послушайте о медведе Тумар-пехлевана.

Видит медведь, что не возвращается Тумар, и понял, что стряслась с ним беда. Загнал он овец в крепость, запер ворота и пошел искать Тумара. Прошло несколько дней, напрасно исходил медведь все окрестности. Усталый, потеряв надежду, поплелся он обратно. Видит: вдали, в ущелье, что-то чернеет. «Быть может, это Тумар»,—подумал медведь и спустился в ущелье. Смотрит: лежит пехлеван, а руки и ноги его связаны. Развязал медведь веревки, и Бейкес, очнувшись, увидел, что он в пустыне, а в головах у него медведь. Медведь двинулся вперед, а Бейкес следом, и дошли они до крепости. Бейкес был очень голоден, зарезал барана, зажарил и поел вместе с медведем. Поднявшись поутру, Бейкес зарезал двух баранов, развел огонь и, поручив медведю зажа-

рить их, сам отправился осматривать комнаты. Видит: висит на стене полное одеяние пехлевана. Облачился он с ног до головы в эти доспехи и опоясался мечом. После этого Бейкес спустился в сад, увидел колодец, заглянул в него, а там столько человеческих черепов, что не счесть; в углу же сидит скованная цепями девушка и еле дышит. Бейкес живо снял с нее цепи и спрашивает:

— Кто ты, о девушка?

Девушка рассказала Бейкесу все свои злоключения и умерла. Понял тут Бейкес, что он попал во владения Тумар-пехлевана, и что эта девушка—сестра Айпары, вторая дочь падишаха Самарканда, а медведь не кто иной, как его собственный отец. Он выбрался из колодца, взял с собой медведя и вышел из крепости.

А теперь послушай о падишахе Самарканда.

Убрав с дороги Бейкеса, снова явился падишах к Дюния-гозэли и говорит:

— Дюния-гозэли, помирись со мною.

— Нет и нет,—ответила та.

Рассердился падишах, обнажил меч, бросился на нее, желая зарубить ее, но в это время распахнулись двери, и вошел Бейкес со своим отцом-медведем.

Схватились тут падишах и Бейкес, и загорелась такая битва, каких не видывал свет. Семь дней и семь ночей продолжалась схватка, но ни один из них не мог одолеть другого. Отшвырнул тогда Бейкес меч, схватил падишаха за пояс, поднял вверх и с такой силой бросил оземь, что падишах разлетелся на куски. Разделавшись затем и с визирем, обратился он к Дюния-гозэли и говорит:

— Оставайся здесь, а я отправлюсь за матерью.

Оставим его пока. А вы послушайте о Пэри.

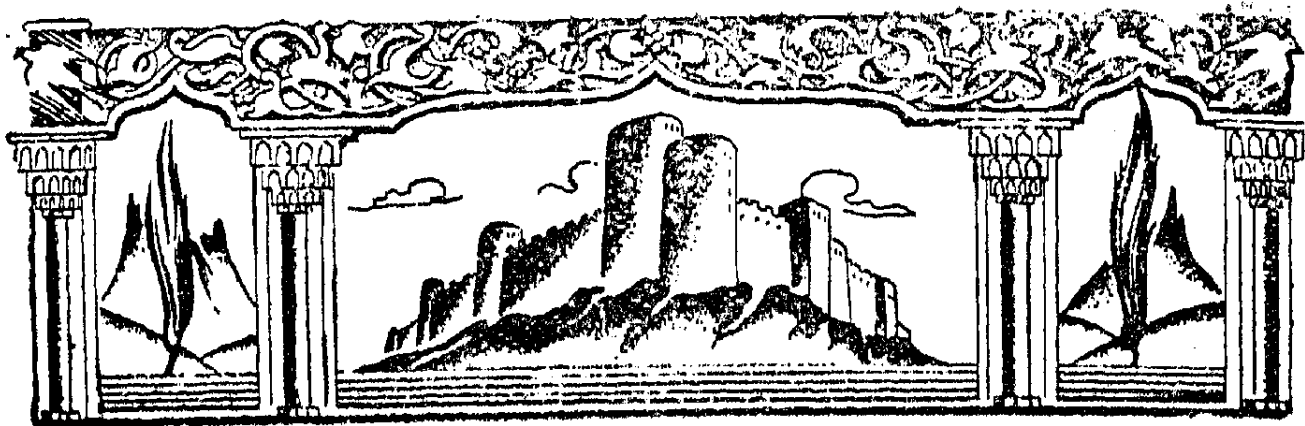
Пэри и Айпара, сидя дома, ожидали возвращения Бейкеса. Проезжает раз мимо крепости Мушк-пехлеван. Вошел он в замок, увидел, что живут тут две женщины, и решил взять их себе. Пэри поняла намерения пехлевана и бросилась бежать, а Айпару пехлеван поймал. Тем временем добежала Пэри до леса и спряталась там.

Бейкес ехал тем же лесом. Смотрит—в лесу женщина, закинул он аркан, поймал ее и увидел, что это его родная мать. Упали они друг другу в объятия.

—А где же Айпара?—спросил Бейкес.

Пэри рассказала сыну о нападении на крепость какого-то пехлевана и о своем бегстве. Усадил Бейкес Пэри к себе на седло и поскакал к крепости. Мушк-пехлеван только что вернулся с охоты, положил голову на колени Айпары и уснул. Вошел в комнату Бейкес, разбудил Мушка, и схватились тут они. Недолго бились они, и Бейкес живо отправил Мушка в джаханнам. Взяв мать и Айпару, он поехал в Самарканд. Увидела Дюния-гозэли, что едет Бейкес, и очень обрадовалась. Семь дней и семь ночей длился свадебный пир, и Бейкес женился на Дюния-гозэли.

XIV. СКАЗКА О ГАРА-ВИЗИРЕ

то-то был, кого-то не было. Жил в Исфаганском вилайете известный пехлеван по имени Гара-визирь. У Гара-визиря, кроме дочери Мелек-ханум, во всем мире никого не было. Мелек была до того мила, до того прелестна, что другой такой красавицы нигде не сыскать: чернобровая, черноглазая, ресницы стрелой, щеки, как полная чаша крови, носик, как фисташка, губы нежно-алые, стан тонкий, а сама стройная, как кипарис.

Все падишахи и царевичи были без ума от этой красавицы, но Гара-визирь ни за кого не хотел отдавать свою дочь. Он выстроил для нее дом высотой в десять ханских аршин, с толстыми стенами и высокими заборами, а перед домом был разбит сад, и в том саду росли всевозможные цветы и фруктовые деревья. Гара-визирь не допускал к дочери ни служанок, ни рабов. Был у него раб-евнух, который ежедневно доставлял Мелек-ханум мясо без костей и хлеб без корочек. У Гара-визиря было три комнаты, ключи от которых он давал Мелек-ханум, и когда ей становилось скучно и хотелось развлечься и погулять, открывала она эти комнаты и гуляла в них.

Как-то раз, попросив у отца ключи от комнат, Ме-

лек-ханум пошла гулять. Обойдя две комнаты и войдя в третью, она заметила, что комната эта убрана так, словно то покои самого падишаха. Мелек-ханум стала с восхищением любоваться всеми предметами, имевшимися тут. Взгляд ее упал на висевший на стене коврик. Внимательно взглядевшись, она заметила, что он разукрашен такими необычайно красивыми узорами, что трудно оторвать взор: чем больше любишься, тем труднее оторваться. Подняв руку, Мелек-ханум нечаянно прикоснулась к ковру, от ее движения коврик сорвался и упал на пол. Мелек-ханум испуганно отступила. Спустя некоторое время, она отвела от побледневшего лица руки и увидела за ковром нишу, а в нише новенький сундучок. Она взяла этот сундучок, поставила его на пол и, раскрыв, увидела в нем портрет девушки. Мелек-ханум спрятала портрет в карман, заперла сундучок, поставила его на место и повесила коврик. После этого вышла из комнаты, заперла все три двери и отправилась к себе.

Войдя в свою комнату, она вынула из кармана портрет, внимательно рассмотрела его и увидела, что девушка эта, как две капли воды, похожа на нее, как будто это она сама. Мелек-ханум изумилась.

«В чем тут дело?—подумала она.—Ведь никто никогда не рисовал меня. А если это и было, то как очутился мой портрет в сундучке?»

До самого утра не могла она уснуть. Поднявшись поутру, она встала перед большим зеркалом и, держа в правой руке портрет, принялась сравнивать себя с ним и убедилась, что это она сама, но хранение портрета в сундучке показалось ей подозрительным.

«Тут кроется какая-то тайна!—сказала она.—Я должна раскрыть ее».

Оставим Мелек-ханум в раздумье, а я вам поведаю о рабе Гара-визиря.

Был полдень. Двери в покои Мелек-ханум распахнулись, и на пороге появился раб. В руках у него был золотой поднос с уставленным на нем блюдом плова со всеми приправами. Поставив перед девушкой золотое

блюдо и, поклонившись, раб собрался выйти. Тут Мелек-ханум схватила его за руку и говорит:

— О нечестивец, почему ты так смотришь на меня?

Испуганный раб онемел и задрожал, как лист. Поднявшись с места, Мелек-ханум замкнула двери, положила ключ в карман, уселась и говорит:

— О изменник! Скажи, почему ты бросаешь на меня такие взгляды?

— Что ты, госпожа, к лицу ли мне бросать нехорошие взгляды на тебя? Прошу, не подвергай меня гневу Гара-визиря.

Но Мелек-ханум заупрямилась, уперлась обеими ногами в землю и говорит:

— Нет, ты смотришь на меня не так, как надо! Не бойся, я ни слова не скажу Гара-визирю. Я прощаю тебя, но ты скажи мне, с каких пор ты служишь у Гара-визиря?

— Я начал служить за год до твоего появления на свет, госпожа!— ответил раб.

— Скажи мне, при каких обстоятельствах ты встретился с Гара-визирем?

— Госпожа, лучше не спрашивай меня об этом. Пустика, лучше я отправлюсь по своим делам.

Мелек-ханум призадумалась: «этот негодяй знает тайну, но молчит, надо выпытать ее у него». Обнажив кинжал, она толкнула раба и, приставив клинок к его груди, приказала:

— Негодяй! Я спрошу тебя об одной вещи, но если ты солжешь, я тут же покончу с тобой и выброшу твой труп, а если скажешь правду—награжу тебя на всю жизнь.

— Госпожа, прошу, не мучь меня!—взмолился раб.

— Не медли, обманщик, а не то я разделаюсь с тобой.

— Госпожа, о чем ты хочешь спросить меня?

— Поклянись, негодный, что ты скажешь мне всю правду.

Раб поклялся молоком своей матери. Тогда Мелек-ханум достала портрет и говорит:

— Я нашла этот портрет в той комнате, в сундуке. Девушка эта похожа на меня. Что это значит?

Как взглянул раб на портрет, так и лишился чувств.

Спрыснув ему лицо водой, Мелек-ханум привела раба в чувство.

— Я спрашиваю, почему при виде портрета ты лишился чувств?

— О, госпожа, об этой тайне меня не расспрашивай,—взмолился раб.

Тогда снова приставила Мелек-ханум кинжал к груди раба.

— Ну, раз ты решил молчать, я убью тебя.

Раб, видя, что ему пришел конец, сказал:

— Госпожа, пощади меня, я скажу правду.

Мелек-ханум разрешила рабу сесть. Раб осмотрел двери, сел около Мелек-ханум и, когда она кончила есть, начал свой рассказ.

«Госпожа, я был рабом при дворе китайского падишаха. У него была дочь по имени Сенубер. Сенубер была такая красавица, что равной ей не сыскать во всем мире, даже в Египте. Падишахи всех стран посылали к падишаху Китая послов и сватов, но отец не соглашался, да и девушка сама не хотела выходить замуж. Как-то раз я сопровождал Сенубер в баню, неся за ней белье и ведро. Когда мы проходили через сад, у Сенубер-ханум ветром сорвало ее покрывало. Нагнувшись, я быстро поднял рубенд и подал госпоже. При этом движении рука моя случайно коснулась ее руки. И тогда Сенубер-ханум улыбнулась, вернулась домой и в этот день она в баню не ходила. Я вернулся к своим обязанностям. Как-то раз, через своих служанок, Сенубер-ханум приказала мне доставить ей виноград. Испросив разрешения у падишаха, я нарвал из его сада полное блюдо спелого винограда и, положив сверху чудесное душистое яблоко, понес Сенубер-ханум. И снова, когда я передавал блюдо, рука моя случайно задела руку Сенубер-ханум, яблоко скатилось и упало на ее колени. Она подняла его и поднесла к лицу. Я хотел уйти. Она встала, заперла двери и говорит:

— О, юноша, ты нравишься мне.

— Госпожа,—ответил я,—брось испытывать меня. Подумай, какое расстояние отделяет нас. Не подвергай же меня гневу падишаха. Если он узнает, что я наедине говорил с тобой, он сдерет с меня живьем шкуру.

— Кто такой отец!—возразила она.—Я сама себе госпожа.

Как я ни отнекивался, не помогло. Она усадила меня рядом. Мы разделили яблоко и съели. На прощание она дала мне полную горсть золота и говорит:

— Ступай, купи себе одежду.

Я вышел на базар, купил себе одежду, выкупался в бане, переоделся и явился к Сенубер-ханум.

Некоторое время я встречался с Сенубер-ханум. Прости меня за вольность, госпожа (да будет мое лицо попрано твоими ногами!), насколько сильно любила меня Сенубер-ханум, настолько же сильно отвечал я ей тем же. И если мы не виделись хотя бы один или два часа, сердца наши готовы были разорваться. Как-то раз сын немецкого падишаха явился с огромной армией к падишаху Китая.

— Если ты не отдашь за меня свою дочь, я пойду на тебя войной,—заявил он.

Отец Сенубер был могущественным падишахом. Он не отдал дочери и решил принять бой. Собрав всех пехлеванов, он заявил:

— За того, кто сумеет победить войско немецкого царевича, я выдам свою дочь Сенубер.

У падишаха Китая был пехлеван по имени Бэбир. Он встал и говорит:

— Я сумею победить войско немецкого царевича!

Заклучив с падишахом условие, Бэбир-пехлеван выступил с войском и ровно месяц воевал с сыном падишаха немцев. Немец был тоже сильным пехлеваном. Наконец Бэбир-пехлевану удалось уничтожить войско противника, и падишах Китая обручил свою дочь с Бэбир-пехлеваном.

Однажды Сенубер-ханум мне говорит:

— Нам надо бежать.

Я согласился.

Захватив, что могли, мы назначили день бегства. Много дней и ночей были мы в пути и прибыли, наконец, в это самое государство. Деньги у меня были, я выстроил дом, и мы зажили. Однажды я пригласил цырюльника, чтоб он постриг меня, собираясь заключить кебинный акт и сыграть свадьбу, так как мой брак с Сенубер-ханум не был оформлен. К несчастью, каким-то образом цырюльник увидел Сенубер. Торопясь и не закончив стрижку, он побежал к Гара-визирю и говорит:

— В город приехал какой-то иностранец, и у него жена такая красавица, каких не видывал свет!

Он до того расхвалил Сенубер-ханум Гара-визирю, что тот не вытерпел, встал, переделся дервишем и явился к нам. Увидев Сенубер, он потерял над собой всякую власть. Посидел немного, встал и вышел. А я ничего не подозревал о том, что творилось за моей спиной. Я был занят на базаре и, готовясь к свадьбе, делал различные покупки. Вечером пришли стражники, взломали наши ворота, вошли и, связав по рукам меня и Сенубер, повели нас к Гара-визирю. Разлучив нас друг с другом, они заключили нас по разным комнатам. На утро Гара-визирь призвал меня к себе и говорит:

— Ты должен сам, добровольно, отказаться от своей невесты.

Я не согласился. Тогда Гара-визирь бросил меня в темницу. На следующее утро он снова призвал меня.

— Откажешься ли ты добровольно от своей невесты?

Я снова не согласился. Рассердился тогда Гара-визирь, вызвал того самого цырюльника, и тот посоветовал ему лишить меня мужской силы, после чего оставить наедине с Сенубер, чтоб девушка, узнав об этом, сама отказалась от меня. Отыскал Гара-визирь одну гары, занимающуюся колдовством и заклинаниями. дал ей очень много денег, и та, заколдовав, лишила меня земных радостей. После этого Гара-визирь оставил меня и Сенубер в одной комнате. Ровно месяц провели мы вместе, но я не смел даже поцеловать ее, ибо я

был бессилен. Стала Сенубер постепенно охладевать ко мне, и тогда без всякого кебина и свадьбы Гара-визирь овладел ею. Это сильно опечалило и разгневало меня. Ровно через девять месяцев у Сенубер родилась дочь. Когда девочке исполнился год, я не выдержал и, чтоб потушить свое сердечное пламя, нарисовал портрет Сенубер и спрятал его у себя. Ночью я убил Сенубер и труп ее выбросил в реку. Гара-визирь услышал, что Сенубер исчезла, долго ее разыскивал, но не нашел. С тех пор прошло пятнадцать лет, и Гара-визирь держит меня в этом доме и никуда не выпускает.

А теперь, госпожа, знай, что ты дочь Сенубер-ханум от Гара-визиря. А это—портрет твоей матери, который Гара-визирь, отняв у меня, хранил в нише за ковром».

Раб окончил свой рассказ. Мелек-ханум отпустила его, а сама уселась и принялась разглядывать портрет.

Оставим ее за этим занятием, а вы послушайте о Гара-визире.

Все, что рассказывал раб Мелек-ханум, так и было.

Однажды Гара-визирь, просмотрев в свою книгу, увидел, что с тех самых пор прошло ровно пятнадцать лет, и подумал: «Уже самая подходящая пора выйти Мелек-ханум замуж. Я женюсь на ней».

Решив так, Гара-визирь поднялся и отправился к Мелек-ханум; а та увидела его входящим к себе и не поверила глазам, потому что Гара-визирь никогда не входил в ее покои.

Гара-визирь, войдя, сел рядом с Мелек-ханум и говорит:

— Дочь моя! Многие падишахи сватают тебя, но я до сих пор не соглашался на твой брак. Я берег тебя для себя. Ты должна стать моей женой.

— Разве отец может жениться на своей дочери?— возразила та.

— Глупости не болтай, вставай, пойдем!

Смотрит Мелек-ханум, загорелись глаза отца страстью, видит, что тут мольбами делу не помочь, и говорит:

— Отец, раз ты берег меня для себя, что же делать, —я согласна, но ты должен дать мне срок.

Гара-визирь согласился. До самой полуночи просидел он в беседе с дочерью и, наконец, поднялся и вышел.

До утра Мелек-ханум не могла уснуть, а утром она призвала раба и говорит:

— Возьми это золото, ступай на базар и приведи ко мне ученого, знающего колдовство старца, но так, чтоб Гара-визирь не заметил.

Вышел раб на базар, отыскал известного в Исфагани мудреца и привел его к Мелек-ханум. Мелек-ханум спряталась за портьерой и говорит:

— О старец, сумеешь ли ты в течение месяца обучить меня всем волшебствам и заклинаниям?

— Если у тебя есть ум и память, я обучу тебя не в месяц, а в двадцать дней,—ответил тот.

— Сколько ты спросишь за труд?

— Двести туманов.

Поднялась Мелек-ханум, достала из шкатулки двести туманов, отсчитала и дает старику. Взял старик, спрятал деньги под тюфячек и принялся обучать Мелек-ханум своему искусству. Мелек-ханум была до того умна и понятлива, что в двадцать дней овладела всеми познаниями. Когда старец убедился, что она в совершенстве овладела всеми тайнами, он сказал:

— Госпожа, теперь мне больше нечему учить тебя.

Мелек-ханум отпустила старца. После его ухода она призвала раба и, когда тот явился, приказала:

— Ступай и купи мне мужское одеяние.

Раб выполнил поручение Мелек-ханум и принес ей все необходимое. Мелек-ханум оделась с ног до головы, подпоясалась под одеждой мечом, взяла в руки палку, вышла в сопровождении раба и говорит:

— Пойдем, покажи мне, где живет та злая гары.

Привел раб Мелек-ханум к ее дому и постучал. Вышла гары к воротам и спрашивает:

— Кто там?

— Я—божий гость.

— Моя жизнь принадлежит богу и посланному им гостю. Войди!

Мелек-ханум вошла. Они поели, попили, пришло время ложиться спать. Гары постелила Мелек-ханум постель, а сама прикурнула в углу. Спустя некоторое время Мелек-ханум поднялась с постели, вынула меч из ножен, села на грудь гары и говорит:

— Гары, пора проснуться.

Раскрыла гары глаза и видит, что в руках у гостя меч.

— О гость, пощади, не убивай меня, я сделаю все, что ты хочешь. Пожалей, не губи меня.

— О бессовестная,—сказала Мелек-ханум,—ты должна вернуть прежнюю мужскую силу рабу Гара-визиря и снять с него колдовские чары.

— Отпусти меня, и я с радостью исполню все,—согласилась та.

Мелек-ханум выпустила ее, а гары, прочтя заклинание, обратилась в мышь и забила в щель. Поняла Мелек-ханум, что проявила излишнюю доверчивость и промолчала.

Тогда она пошла к цырюльнику, перепрыгнув через забор, вошла к нему и застала его спящим; убила его, вонзила в его сердце меч и вернулась к себе. Послала она на утро за старцем, и Мелек-ханум рассказала ему события прошлой ночи. Ученый старец повторил ей все приемы и пути заклинаний и волшебства. Запомнив слова старика, Мелек-ханум снова вручила ему золото и отпустила.

Прошел месяц. Гара-визирь явился к дочери. Увидев его, Мелек-ханум начала плакать.

— Дитя мое, о чем ты?—спросил Гара-визирь.

Мелек-ханум в ответ:

— Отец, сегодня ночью приснилась мне мать. Она сказала: «Раз отец хочет жениться на тебе, мой первый завет—пусть он совершит сначала обряд кебина; второй—пусть он купит тебе юдеяние пехлевана и коня, и ты в полдень, облекшись в доспехи, должна принять участие в состязаниях». Отец мой, если я не выполню завета матери, я за тебя не выйду.

Гара-визирь согласился и на это и, призвав кази, приказал совершить кебин. Затем он купил Мелек-ханум одеяние пехлевана и коня. Мелек-ханум облачилась в доспехи, вскочила на коня и выехала. Покружившись немного, она с такой силойхватила коня, что тот, поднявшись на дыбы, взвился вверх и в один-два прыжка вынес Мелек-ханум за город. Как Гара-визирь ни кричал вдогонку, ничего не вышло. Полный отчаяния он принялся плакать.

Оставим его здесь, а вы послушайте о Мелек-ханум.

Выехав из города, Мелек-ханум направилась, куда глаза глядят. Долго ехала она и, наконец, доехала до одного города. Подъехав к каравансараяу, она сошла с коня, пошла бродить по городу и зашла в чайханэ, где в это время находилось много разных пехлеванов. Не проронив ни слова, она сидела, опустила голову, выпила чай и, посидев немного, поднялась и отправилась в каравансарай отдохнуть.

Оставим ее там, а вы послушайте о падишахе той страны, где очутилась Мелек-ханум.

У падишаха этой страны сыновей не было, жена его рожала только дочерей. Вот почему падишах только и думал о сыне. Был у падишаха садовник, а у садовника прекрасный мальчик по имени Рустам. Падишах взял к себе Рустама и воспитывал его, как собственного сына. Однажды Рустам с разрешения падишаха вышел в город. Случайно он зашел в ту же чайханэ. Видит, что сидит какой-то молодой пехлеван, но ни с кем не разговаривает и глубоко задумался. Рустама заинтересовало, о чем может грустить такой молодой красавец. Размышляя так и не говоря ни слова, он сел рядом с Мелек-ханум. Некоторое время он разглядывал Мелек-ханум и видит, что это такой красавец, что все любят им и не могут отвести взора.

— О, юноша,—обратился к ней Рустам,—«дай-ка, станем обтесывать камни и построим дом».¹

— Я чужестранец, здесь не задержусь и не могу стать тебе братом.

— О юноша, скажи, как зовут тебя?—спросил Рустам.

— Зовут меня Маммедом,—ответила та.

— О Маммед! Я сын падишаха этого города и зовут меня Рустамом. Хоть тебе и надо ехать, но ты чужестранец, одиночек, вставай, пойдём со мной, ты мой гость.

Мелек-ханум смутилась и подумала:—Попала я впропуск, «в каком скверном месте застиг меня вечер!»²

Она долго отнекивалась.

— Я путник, не задерживай меня, дай-ка лучше я отправлюсь по своим делам.

Но Рустам не отставал.

— Нет и нет,—твердил он.—Ты должен пойти со мной.

Делать нечего, Мелек-ханум вынуждена была пойти за Рустамом. Они пришли во дворец, и Рустам ввел ее в свою комнату. Они сели кушать.

— Маммед,—обратился Рустам к Мелек-ханум,—из какой страны идешь и куда направляешься?

— Я спешу в Стамбул, отец мой сильно тревожится обо мне,—ответила Мелек-ханум.

— Маммед, я сын садовника. Но у нашего падишаха нет сыновей, и он усыновил меня. А теперь мое сердце тоскует по брате. Будь мне братом,—предложил Рустам.

— Я не могу быть тебе братом,—ответила Мелек-ханум.

Однако, Рустам был так прекрасен, что Мелек-ханум не могла оторвать от него взора. К вечеру Мелек-ханум хотела подняться и уйти, но Рустам обнажил меч, протянул его Мелек-ханум и воскликнул:

— О, Маммед, раз ты уходишь, возьми меч и пронзи сначала мне грудь, а потом уходи.

Мелик-ханум ответила:

— Я прохожий и сюда пришел не для того, чтобы убивать людей.

— Раз не хочешь убивать, то оставайся.

Рассердилась Мелек-ханум, выхватила меч, ранила

Рустама и вышла, а Рустам с окровавленной головой бросился за ней. Мелек-ханум видит, что Рустам весь в крови идет следом за ней, подошла к нему, достала свой платок, перевязала ему рану, привела домой и говорит:

— Рустам, раз ты хочешь, чтобы мы стали братьями, выслушай мои условия: куда бы я ни пошел, ты ни о чем не станешь расспрашивать меня.

— О, с полной готовностью я принимаю любое твое условие,—ответил Рустам.

Мелек-ханум продолжала:

— Мое второе условие: у нас должны быть разные комнаты.

Рустам согласился и на это.

Вечером он отвел в распоряжение Мелек-ханум отдельную комнату. Они сели, поболтали о том, о сем, а когда наступило время отойти ко сну, каждый отправился к себе. На утро Рустам явился к падишаху и говорит:

— Отец, я нашел себе брата.

Падишах—ему:

— Сын мой, приведи его, посмотрим, что он из себя представляет.

Поклонившись, Рустам вышел.

Мелек-ханум была на балконе. Видит, что идет Рустам, пошла к нему навстречу и спрашивает:

— Почему ты так запыхался?

— О Маммед, отец хочет видеть тебя. Пойдем к нему.

Мелек-ханум не могла отказать Рустаму и пошла с ним к падишаху.

Видит падишах, что этот названный брат Рустама такой красавец, равного которому не сыскать во всем свете. Усадил падишах Мелек-ханум рядом с собой и спрашивает:

— Как зовут тебя?

— Зовут меня Маммедом,—ответила она.

— Есть ли у тебя родители и родные?

— Отец у меня есть, но матери нет.

— Маммед,—предложил падишах,—оставайся у меня и будь моим сыном.

Мелек-ханум согласилась. Падишах обрадовался, и она осталась жить во дворце. Прошло несколько месяцев. Была весна. Мелек-ханум сидела на балконе. В полдень пришел к ней Рустам, они провели несколько часов в самой приятной и оживленной беседе.

— Брат мой,—сказал, уходя, Рустам,—постарайся вечером быть дома. Я зайду к тебе, побеседуем.

Мелек-ханум перешла в комнату, села и говорит себе: «Что же я сделала! Зачем я оставила отца в живых? Я должна показать ему свою силу.»

Так просидела она до вечера. Когда же потемнели вершины гор, она встала, оделась с головы до ног в доспехи, вскочила на коня и выехала за город. Мелек-ханум с такой силой подхлестнула коня, что конь взвился на дыбы и помчался, как вихрь из ущелий, как поток с гор, как ветер могучий, все сокрушающий. Мелек-ханум пригнулась к шее коня, с ногами в стремях, коленями на ребрах коня, помчалась и добралась, наконец, до своего города. Став у городских стен, она постучалась в ворота. Привратник отказался впустить ее. Мелек-ханум вытащила болты и скрепы, сняла ворота из рамы и вошла в город. Она зарубила привратника и нескольких пехлеванов Гара-визиря и быстро повернула обратно.

Гара-визирю сообщили, что на город напал какой-то пехлеван и перебил находившихся на страже воинов. Он отправил в погоню войска. До самого утра рыскали, но не нашли никого.

Теперь послушайте о Рустаме.

Вечером Рустам пришел к Мелек-ханум, но увидев, что в комнате темно, не постучавшись, повернул обратно.

Мелек-ханум под утро вернулась в город, привязала коня в конюшне, умылась и легла спать. Утром рано Рустам зашел в Мелек-ханум, а та только что проснулась и видя, что, Рустам идет к ней, быстро вскочила, умылась, оделась и села. Вошел Рустам, поклонился и спрашивает:

— Братец, кажется, ты сегодня лег спозаранку? |

Мелек-ханум в ответ:

— Да, я лег очень рано. |

Не вдаваясь в дальнейшие расспросы, они расстались. Уходя, Рустам заметил:

— Помни, брат, что в полдень мы приглашены к падишаху.

Мелек-ханум поблагодарила. К полудню Рустам зашел за Мелек-ханум, и они отправились к падишаху.

В это время падишах Индии прислал падишаху этой страны арбуз и нож со словами: «Отгадайте, что это значит».

Посол с арбузом и ножом, прибыв, сел на посольский камень. Доложили падишаху, что явился посол индийского падишаха, и он велел привести его к себе. Посол вошел, поклонился падишаху, положил к его ногам арбуз и нож и говорит:

— Мой падишах приказал передать тебе, что, если ты не сумеешь разгадать этой загадки, мы пойдем на вас войной.

Обратился падишах к советникам и спрашивает:

— Скажите, что это означает?

— Падишах, я вижу, что это арбуз,—ответил визирь,—но говоря по правде, я не знаю, что он означает.

Рассердился падишах и говорит:

— Визирь, если ты не сумеешь решить этой задачи, я прикажу снять тебе голову.

Визирь начал плакать, как дитя. Мелек-ханум протянула руку к арбузу, придвинула его к себе и говорит:

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Разыщите мне большой старый арбуз, и я разгадаю вам эту загадку.

Услышав это, визирь бросился к дверям, отправился на базар, выбрал полупудовый арбуз с толстой коркой, принес и подал Мелек-ханум.

Взяв присланный падишахом Индии арбуз, Мелек-ханум заметила, что на одной стороне его сделана крошечная отметинка, а сверху проведена черная черта.

Тогда Мелек-ханум взяла арбуз, положила на поднос и разбила его на мелкие куски. Затем взяла принесенный визирем арбуз, сделала сбоку такую же отметинку, воткнула нож, положила его на поднос и вручила послу.

Падишах обратился к Мелек-ханум и спрашивает:

— Маммед, почему раскрошил ты тот арбуз и посылаешь обратно?

— Да будет долговечна жизнь падишаха. Падишах Индии своим арбузом хотел сказать нам: Я падишах Индии и мне подвластен весь мир. А на одной стороне арбуза он сделал маленькую отметинку, и это означает, что ты для него ничто, и, когда ему захочется, он сумеет стереть тебя с лица земли. Я же раздавил арбуз, чтоб показать ему, что он не сможет даже, как ветер, прошептеть мимо тебя, и, если мы начнем войну, то ты сотрешь его в порошок.

Падишах остался доволен объяснениями Мелек-ханум и приказал окружающим:

— Все, кто любит меня, пусть одарят этого юношу.

Открыл визирь сокровищницу и наградил Мелек-ханум, чем только мог.

Когда наступила полночь, вскочила Мелек-ханум на своего коня и выехала за город. Долго ли ехала, коротко ли, доехала она, наконец, до города, где жил Гара-визирь, въехала в город, убила многих приближенных Гара-визиря и снова повернула обратно.

Побежали гонцы к Гара-визирю:

— Снова появился тот самый пехлеван, убил твоих пехлеванов и скрылся.

Гара-визирь разослал глашатаев и объявил, что тому, кто живым или мертвым доставит к нему этого пехлевана, он отдаст половину своей сокровищницы, но никто не осмеливался выступить против Мелек-ханум.

А теперь послушайте о Рустаме.

Как-то ночью Рустам пошел к Мелек-ханум и видит, что ее дома нет.

— Куда это он исчезает каждую ночь?—подумал он, сел и стал ожидать ее возвращения.

Прошло много времени, и Мелек-ханум вернулась. Вся обрызганная кровью, она сошла с коня, умылась и, как была, не раздеваясь, легла и уснула. Опечалился Рустам и решил про себя:

— Во что бы то ни стало я разузнаю тайну Маммеда.

Проведя кое-как ночь, утром он послал к Мелек-ханум слугу со словами:

— Пусть брат простит меня, мне что-то нездоровится, и я сегодня не сумею притти к нему.

А Мелек-ханум только это и было нужно. Ей хотелось ночью снова отправиться во владения Гара-визиря. Как только надвинулась ночь, она вскочила на коня и помчалась. А Рустам следом. Подъехала Мелек-ханум к владениям Гара-визиря, и тотчас Гара-визирю доложили:

— Снова явился тот самый пехлеван.

Гара-визирь выслал против нее войска, а Мелек-ханум ринулась на них и многих перебила. Не сдержался тут Рустам, тоже кинулся в битву и стал разить врагов. Как сокрушительный огонь пронеслись «братья» над войсками Гара-визиря. Когда же Рустам оглянулся, видит, что Мелек-ханум исчезла. Выбрался он из города и направил коня к владениям своего названного отца.

Тем временем Мелек-ханум приехала, отвела в конюшню своего коня, дала ему корму, умылась, переоделась и легла спать. Когда же Рустам вернулся, он увидел, что Мелек-ханум давно уже спит. Рустам пошел к себе и тоже лег спать. Утром, как обычно, он явился к Мелек-ханум. Они уселись вместе и принялись беседовать. Как только стемнело, Мелек-ханум заявила:

— Я ложусь спать.

Рустам понял, что Маммед и сегодня хочет отправиться в ночной поход и, не говоря ни слова, ушел. Проводив Рустама, Мелек-ханум вывела из конюшни своего коня. Рустам, опоясавшись мечом, спустил нигаб, сел на коня, проехал вперед и преградил путь. Спустя некоторое время на дороге показалась Мелек-

ханум. Увидев стоявшего посреди дороги неподвижного пехлевана, она крикнула:

— Эй, пехлеван, отойди и дай мне дорогу.

Рустам, увидев, что это Маммед, не назвал себя, не желая подать голос, опустил голову и стоит.

Рассердилась Мелек-ханум, подъехала ближе, обнажила меч и крикнула:

— О ты, кому я говорю, сойди с дороги?

Видя, что Маммед схватился за меч, Рустам тоже обнажил свой, и они бросились друг на друга. Рустам дрался шутя, а Мелек-ханум билась со всем пылом и со всего размаху обрушивала удары на голову Рустама.

Рустам видит, что противник силен и бьется не на шутку, отшвырнул меч и ухватил Мелек-ханум за пояс. До самого утра бились они, но ни один не мог победить другого. Не мог перенести Рустам такого позора. Крикнул, что есть мочи, ухватил Мелек-ханум за пояс, поднял и бросил оземь. При падении длинные косы девушки змеями рассыпались по земле, и тогда Рустам увидел, что перед ним не юноша, а девушка. Поднял он с лица нигаб, заглянул ему в очи и шепнул:

— Маммед!

Маммед (Мелек-ханум) покраснел, как медь, и, вернувшись с полпути, направился к себе, а Рустам поспешил следом. Сойдя с коня, вошел он к Мелек-ханум.

— Я считал, что ты Маммед, но оказывается, ты девушка. Открой мне, что это значит.

— Поклянись, что ты никому не откроешь мою тайну, и я ее расскажу.

Рустам совершил омовение, сотворил намаз и дал ей эту клятву. Тогда Мелек-ханум поведала ему свою историю.

— О красавица!—воскликнул Рустам.—Я с первого же дня полюбил тебя. Иного выхода нет, ты должна быть моей.

— И я люблю тебя, но дело в том, что стоит твоему отцу увидеть меня, как он тотчас отнимет меня у тебя.

— Не бойся, он этого сделать не сумеет,—возразил Рустам.

И двое влюбленных, обнявшись, как лианы, распростерлись на ложе.

Оставим их, а я поведаю вам об отчине Рустама.

Как-то падишах увидел во сне, что с неба сыплются камни, поднялся поутру и говорит:

— Пойду-ка я к Маммеду, пусть он разъяснит мне мое сновидение.

Встал он и направился в покои Мелек-ханум. Поднявшись по лестнице, он заметил, что дверь заперта. Заглянув в окно, он увидел, что лежит Рустам, а рядом с ним девица, но такая, что равной ей не сыскать в целом мире. Ему захотелось еще раз взглянуть на нее, но от волнения чувств он упал без памяти.

Спустя некоторое время, падишах очнулся, поднялся на трон и приказал:

— В такой-то комнате находятся двое молодых людей. Забрать их и привести ко мне.

Служители падишаха пошли, взломали двери, вошли в комнату и видят: лежат на ложе Рустам и какая-то девушка. Схватив обоих, они повели их к падишаху. Падишах тотчас бросил Рустама в темницу, а Мелек-ханум запер в одну из комнат. Ночью он вошел к ней и говорит:

— О прекрасная пэри, ты должна стать моей.

— О падишах, лучше откажись от меня.

— Берегись, о девица, если ты не согласишься, я прикажу казнить тебя.

Долго упрашивала его Мелек-ханум, но падишах был неумолим. Наконец Мелек-ханум, видя, что падишах обнаглел и готов тут же привести в исполнение свой замысел, прочла заклинание и обратила его в камень, а сама бросилась в сад, разыскала темницу, убила обоих тюремщиков, растворила двери, вошла и бросилась на шею Рустаму.

— Бежим,—предложил Рустам.

Они направились во дворец, сделали с ног до головы в боевые доспехи. Мелек-ханум прошла в комнату, где

была заключена падишахом, прочла заклинание, вернула ему жизнь, обнажила меч и отправила его в джаханнам. После этого она провозгласила садовника—отца Рустама—падишахом и на утро, созвав весь народ, объявила ему обо всем случившемся. Народ с радостью узнал о происшедшем и признал садовника падишахом. Садовник, став падишахом, начал править мудро и справедливо.

После этого Мелек-ханум сказала Рустаму:

— Разреши, я пойду и убью своего отца.

— Как? — возмутился Рустам. — Разве я мертвый, чтоб отпустить тебя одну? Если итти, так вместе.

Сели они на коней и помчались во владения Гара-визиря. А Гара-визирь тем временем, боясь нападений, расставил вокруг города усиленный караул. Смотрят караульные и видят: едут два пехлевана. Бросились к Гара-визирю. Собрал Гара-визирь войско и выехал за город.

— Ну, Рустам,—говорит Мелек-ханум,—не время медлить.

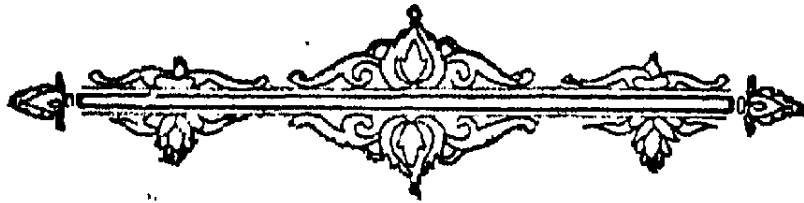
Налетел Рустам на воинов справа, а Мелек-ханум слева, и, как огонь, начали косить войска. Помчались гонцы к Гара-визирю.

— Да обогрится твой трон кровью! Твои войска разгромлены,—крикнули они ему в смятении.

Страх овладел Гара-визирем. Послал он свой последний оплот—самых отборных пехлеванов, но «братья» быстро отправили их в ад и въехали в город. Вошла Мелек-ханум в покои отца, подняла нигаб, и увидел тут Гара-визирь, что перед ним его родная дочь Мелек-ханум. Поднял он меч, чтоб пронзить ее, но, опередив его, Мелек-ханум одним ударом рассекла его пополам. Затем, разыскав раба, она привела войско к покорности ему и тогда уже приказала привести к себе ту подлую гары.

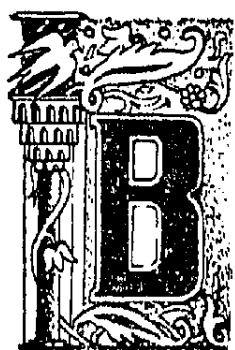
— О ты, негодная, сейчас же верни этому человеку его мужскую силу,—воскликнула Мелек, указывая на раба.

Видит старуха, что смерть близка, прочла заклинание, и раб стал попрежнему здоров, а Мелек-ханум тут же отправила гары в джаханнам. Тогда созвала Мелек-ханум всех жителей и рассказала им о проделках Гара-визиря. Население возликовало и, послав тысячу проклятий Гара-визирю, горячо приветствовало Мелек-ханум. Мелек-ханум объявила Рустама падишахом. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир, и Мелек и Рустам до глубокой старости прожили в любви и согласии.

XV. АМИР АСЛАН

В один из многих дней купец по имени Ахмед решил поехать по торговым делам. Выйдя на базар, он на все свои деньги закупил атласу, шелка, бархата, парчи, ситца и кумачу, вернулся домой и стал ждать наступления субботы, чтобы двинуться в путь, потому что путешествие, начатое в субботу, бывает благополучно. Отцы наши еще говорили, что во-время вернется домой тот, кто выедет в субботу.

Он дождался субботы, послал своего нукера призвать раммала, чтобы погадать и выяснить, что сулит ему задуманное путешествие. Пошел нукер и привел раммала. Взяв свою доску и кости, раммал явился в дом Ахмеда-купца. Ахмед-купец приказал накормить, напоить раммала, подать ему кальян, а затем, обратившись к нему, сказал:

— Раскинь-ка кости и скажи, каково будет мое путешествие?

Достав из хурджина доску, раммал разложил ее и, вынув кости, кинул их. Взглянув внимательно, он взял их и кинул вновь. И снова, на мгновение задумавшись, кинул их в третий раз.

— Раммал, скажи, о чем ты задумался?—спросил купец.—Или тут кроется нечто неладное?

Раммал, улыбаясь, ответил:

— Да буду я твоей жертвой. Я сознательно трижды бросаю кости, говоря себе: быть может, в первый раз произошла ошибка, а может, и во второй раз произошло то же, но и в третий кости падают на то же самое место.

Ахмед-купец, рассердившись, вышел из себя и говорит:

— О, чтоб рухнул твой дом! Да говори же скорее, в чем тут дело, почему ты трижды бросаешь кости? Что сулят мне твои кости?

— О господин, башува-донум, предсказание чудесно. Это путешествие твое будет таким жирным, таким жирным, что и не описать. На этот раз ты или найдешь большой клад, или достигнешь власти и станешь падишахом.

Сразу повеселел Ахмед-купец. Опустив руку в карман, он достал горсть золота, вручил раммалу, и тот ушел.

Собравшись в тот же день, Ахмед погрузил товары на корабль и пустился в путь. Несется корабль по морю, сменяются дни ночами и ночи днями. Продолав в один день десятидневный путь, прибыл он, наконец, к берегу одного большого острова. По приказу Ахмеда-купца, корабль пристал к берегу.

— Выйду, осмотрю остров, узнаю, что это за место, — сказал Ахмед-купец.

Вышел Ахмед-купец в сопровождении нукера, и, прогуляв немного, подошли они к лесу. Быстро скинув ружье с плеча, Ахмед сделал знак нукеру последовать его примеру. Место незнакомое, не ровен час, может выскочить какой-нибудь зверь или птица, — лучше быть наготове.

Они углубились в лес и начали гулять по лесу и видят: тут такие деревья, словно со времен праотца Адама сюда не ступала нога человека. Так шли они лесом,

и вдруг Ахмед-купец увидел, что какая-то женщина, заметив их, выскочила из-за одного дерева, перебежала и спряталась дальше за другое дерево. Ахмед-купец решил, что это ему почудилось, так как неоткуда здесь быть человеческому существу, да еще женщине. Он еще думал об этом, как нукер вдруг спросил:

—Господин мой, видел ты эту женщину?

Ахмед-купец убедился тут, что ничего ему не почудилось, оказывается, и нукер заметил ее, и ответил ему:

—Видать-то видал, да только решил, что мне это почудилось.

Нукер и говорит:

—Нет, господин, это действительно была женщина.

—Ну, тогда давай посмотрим, в чем тут дело,—сказал Ахмед-купец.

Оба они, осмотрев ружья (а вдруг это какая-либо колдунья или чародейка!), стали приближаться к дереву, за которым пряталась женщина. Осторожно, шаг за шагом, приблизились они к нему, но женщина, видя, что они подходят, выбежала и скрылась за другим деревом. Ахмед-купец видит, что женщина увлекает их в самую чащу, и крикнул ей:

— О человеческое создание! Посмотри, в руках у нас ружья: будь у тебя и тысяча жизней, ты не увернешься от нас. Лучше выйди и скажи, кто ты и что ты в лесу делаешь?

При этих словах женщина вышла из-за деревьев, и увидел Ахмед-купец, что она так красива, что, когда выходит на свет—затемняет солнце, луну и звезды. Она словно четырнадцатидневная луна, выглядывающая из-за туч! Волосы, словно тучи, рассыпались по плечам, напоминая змей, сползающих на мраморную грудь.

Ахмед-купец сам тоже был и юн и прекрасен. И решил в душе:

«Клянусь! Слова раммала оправдываются. Она и есть тот клад, о котором он говорил».

Он сделал шаг по направлению к ней, но женщина вынула маленький кинжал и, приставив его к груди, сказала:

—Если ты хоть на один шаг приблизишься ко мне, я заколю себя этим кинжалом. И тогда кровь моя падет на твою голову.¹

Ахмед-купец остановился и издали обратился к женщине:

—Сестра моя, к чему это? Что делаешь ты в этом лесу, куда не ступала нога человеческая? Лучше вынь камни из-за пазухи и скажи, что приключилось с тобой? Быть может, мы поможем тебе. Ведь аллах, послав горести, послал и средства для их исцеления.

—Мое горе такое, что ты ничем помочь не можешь. Лучше ступай своей дорогой.

Ахмед-купец говорил много, женщина мало внимала ему. Сколько он ни упрасивал, женщина никак не соглашалась. Наконец, потеряв всякую надежду, Ахмед-купец уже решил вернуться, как вдруг, оглянувшись, увидел, что кусты у ног ее зашевелились, из них выскочил его собственный нукер и, схватив женщину за обе руки, вырвал из ее рук кинжал.

Увидя это, Ахмед-купец, сказав «афэрин!» своему слуге, бросился к женщине. Они схватили ее. Как женщина ни вырывалась, как ни металась, ничего не вышло. Видит она, что ее не выпустят, и говорит:

—О человек, ты меня не уводи, от меня вам проку не будет. Я сейчас потеряла человеческий облик и подобна черному камню. Между мной и им нет никакой разницы.

Ахмед-купец засмеялся и говорит:

—Ну что ж, я и сам торгую драгоценными камнями. Мы или пойдем вместе, или останемся и вместе погибнем.

Женщина видит, что делать нечего, что «нож дошел до костей»,² и выхода все равно нет, что они уведут ее, и говорит им:

—Раз вы уводите меня, поклянитесь создателем этих сумерок, что вы меня не тронете. Я расскажу вам все свои злключения, и вы согласитесь со мной.

Ахмед-купец дал слово. Все вместе вернулись на корабль, и корабль тронулся.

Пусть они находятся в пути. О ком бы теперь рассказать вам? Посмотрим, кто же была эта женщина.

Предание говорит, что она была главной женой багдадского падишаха. У падишаха не было детей. И не было на свете средств, заклинаний и молитв, к каким бы он ни прибегал, не было предсказателей, которых бы ни призывал, врачей, к помощи которых ни обращался бы, лекарств, которых бы ни принимал, святых, куда бы ни отправлялся на поклонение, жертв, каких бы ни приносил, молитв, колдовства, которых бы ни испробовал бы, женщин, на которых бы женился,—но детей у него не было и не было.

Как-то раз падишах увидел сон. Явился к нему святой старец и говорит:

—О падишах! У тебя детей не будет, если только ты в течение сорока дней и сорока ночей не будешь кормить бедняков. А на сорок первый торжественно выезжай на окраину города, увидишь хижину, там ты найдешь одного шорника и его дочь. Сейчас он голодает с своей дочерью, засел дома и живет без питья и пищи. Ступай, женись на ней, привези ее и сделай ее главной женой в своем гареме. Она родит тебе сына.

Сказав это, старец исчез. Внезапно проснувшись, падишах оглянулся по сторонам и видит—никого нет, а по комнате носится легкий аромат мускуса и амбры. Он тотчас понял, что то был вещий сон. Поднявшись на утро, падишах приказал развести очаги, поставить на них котлы для плова, настрелять турачей и фазанов и разослал по городу глашатаев сообщить всем беднякам, что падишах согласно обету кормит всех.

И как наказывал вещий старец, ровно сорок дней и сорок ночей падишах кормил бедных, а на сорок первый сел на коня и во главе войска торжественно двинулся по направлению к окраине города. Падишах видит, что и вправду, как говорил старец, тут стоит хижина. Сойдя с коня, он постучался в дверь. Дверь открыла и

выглянула из них нежнейшая красавица. При виде ее падишах был готов лишиться чувств. Взглянув на падишаха, девушка испугалась и хотела убежать в дом, но тот, очнувшись, схватил ее за руку и говорит ей:

—Куда бежишь?

Падишах поднял девушку, усадил к себе на седло и приказал войскам повернуть обратно. Подъехав ко дворцу, падишах сошел с коня и привел девушку в свои покои. По его повелению собрались муллы, шейхи и совершили обряд кебина. Сорок дней и сорок ночей длился свадебный пир, и падишах женился на дочери шорника.

Прошли день, пять дней, пятнадцать дней, прошел месяц, два, и девушка забеременела. Узнав об этом, падишах объявил ее главной женой в своем гареме. По всей стране разнеслась весть, что жена падишаха беременна.

Теперь о ком бы мне поведать? О прежней жене шаха—дочери визиря.

Видит визирь, что у жены падишаха родится ребенок, а он зарился на царство и ожидал смерти падишаха, чтобы занять его место, потому что другого, более подходящего человека не было, и трон и корона непременно перешли бы к нему. И весть о том, что жена падишаха забеременела, словно пуля, вонзилась в его завистливое сердце. Чувствует он, что трон, власть и корона уплывают из его рук, и задумался, как тут быть, что делать.

Призвал он однажды к себе дочь, бывшую главную жену шаха, и говорит:

—Давай отравим его.

А дочь и сама была зла на падишаха. С того дня, как падишах отнял у нее первенство и передал его дочери шорника, дочь визиря очутилась словно в заточении. От стыда она не смела выйти на-люди, не посещала ни свадеб, ни бань, ни похорон.

Визирь подучил дочь отравить падишаха. Чтоб не томить вас, скажу, что дочь визиря была коварнейшей женщиной. Принялась она всячески ластиться и прель-

щать падишаха и довела до того, что падишах как-то зашел к ней. Поболтали они о том, о сем, посмеялись, и дочь визиря встала и принесла на блюде виноград. А виноград был отравлен, и бедный падишах не знал этого. Как только он проглотил несколько зерен винограда, его стало мутить и рвать. Дочь визиря бросилась якобы за тазом и, схватив заранее отравленный шербет, поднесла падишаху.

— Выпей поскорей этот шербет, и тебе сразу станет легче!

Падишах взял поданную чашу и сразу осушил ее. Шербет совсем доконал его. Глаза падишаха вылезли из орбит. Дочь визиря поднялась, принесла таз, поставила его перед падишахом, и только падишах нагнулся над тазом, как она начала затыкать ему рот ватой, посыпанной ядом. Между ними началась борьба, но падишаху становилось все хуже и хуже. Повалила она его, уселась к нему на грудь и заткнула ему рот отравленной ватой.

Оставим их пока здесь, а я расскажу о главной жене шаха, то есть о дочери шорника.

Ждет она, ждет,—а падишах не идет. А надо вам сказать, что с того дня, как девушка вступила во дворец, падишах ни на минуту не разлучался с ней. Подождала она еще немного, думая, что его задержали дела, но видит, что уже полночь, а падишаха все нет. Наконец она не выдержала, поднялась и принялась обходить гарем. У падишаха было ровно сорок жен. Крадучись, пробиралась она и осторожно заглядывала в окна к каждой из жен, чтобы узнать, где он, и добралась, наконец, до спальни дочери визиря. Смотрит в комнате горит свеча, а на стене видно какое-то отражение. Внимательно вглядевшись, она заметила, что тень на стене шевелится. Сердце ее, словно сделав скачок, оборвалось и покатилося к ногам. Она опустилась на пол и, ползком добравшись до окна, осторожно подняла голову и заглянула внутрь. Видит: дочь визиря повалила падишаха и изо всех сил затыкает ему чем-то рот.

Сперва она хотела крикнуть и разбудить весь гарем, но она была девушка умная и осторожная. Она взглянула внимательней, чтоб убедиться, в каком положении падишах, и заметила, что его дело плохо: падишах лежал без чувств и бился в агонии. Тут обвела она взглядом комнату, заметила блюдо с виноградом, ковш с шербе-том, прикусила палец и поняла, что падишаха отравили. Увидев, что тут дело не обошлось без визиря, что это его проделки, и что криком не поможешь, раз дело сделано, и падишаха не вернуть, она тихонечко, ползком, добралась до своих покоев.

Захватив легкие по весу и значительные по ценности вещи, сменив роскошные одеяния на прежние лохмотья, она вышла из комнаты и ушла из дворца. Сначала она решила направиться прямо к себе домой, но ей пришло в голову, что ее и там не оставят в покое, так как было ясно, что все эти события касаются несчастного дитяти, которое она носила в своем чреве. Молча направилась она к берегу моря, где стоял под парусами огромный корабль, совершенно готовый к отходу. Дав хозяину корабля горсть золота, она поднялась на корабль. Корабль тронулся и через некоторое время остановился у берегов этого острова. Купец сошел на остров погулять. Женщина выждала и, когда купец скрылся с глаз, сошла с корабля и дошла до того леса, где ее нашел Ахмед-купец. Это и была дочь шорника, главная жена в гареме багдадского падишаха.

Чтоб спасти свое несчастное дитя, бедная женщина скрывалась от визиря на этом острове.

Ахмед-купец и нукер привели женщину на корабль и тронулись в путь. Женщина рассказала Ахмеду все свои злоключения так, как я рассказал их вам.

— Не бойся, — сказал ей Ахмед, — пока я жив, ни один волос не упадет с твоей головы.

— Да, но у меня одно условие, — заявила она.

— Какое? — спросил Ахмед.

— Пока не родится мое дитя, ты должен найти для меня дом, в который никто не мог бы проникнуть.

—Ах ты, безжалостная!—заметил Ахмед,—как же я вынесу этот долгий срок?

—Я от своего слова не отступлю,—заметила женщина.—Если ты меня любишь, сделай так, как я говорю. А не то, клянусь аллахом, я покончу с собой и с ребенком.

Подумал Ахмед-купец и видит, что эта женщина сумеет исполнить принятое решение. Раз она такая смелая, такая решительная, то ни перед чем не остановится. Волей-неволей он согласился с ее предложением. Они вернулись в родной город Ахмеда. Выделив в своем доме для нее помещение, Ахмед сам в два-три дня раз приходил проведать ее. Так начали они жить да поживать.

Пронеслись дни, прошли месяцы, наступило время родов. Позвали бабок, врачей, и родила она мальчика. Дали мальчику имя Амир Аслан.³

Амир Аслан, Амир Аслан, но что это был за Амир Аслан...

Он был и впрямь настоящий Амир Аслан—повелитель львов! В красоте не уступал он матери, как будто выпал из ее ноздрей,⁴ и был такой здоровый, крепкий, словно рожден для того, чтоб воздать возмездие убийцам своего отца. После того, как родился младенец, роженица, пролежав положенное время, встала на ноги, отправилась в баню, совершила установленные омовения, вернулась домой и отметила день субботний. Ровно на пятнадцатый день, выбрав заранее благой, отмеченный судьбою час, Ахмед-купец вошел в ее покои. Взяв на руки дитя, он немного позабавился с ним, поговорил о том, о сем и, наконец, перед самым уходом заметил:

— Ну, время настало: ребенок уже родился. Что ты теперь скажешь?

— Теперь я не возражаю,—ответила она.

Ахмед-купец хотел затеять пышную свадьбу, но женщина запротестовала. Скромно отметив этот день, они поженились и зажили тихой спокойной жизнью.

Амир Аслан рос и в скором времени ему исполни-

лось десять лет. Ахмед-купец нанял для него лучших учителей, и мальчик стал обучаться всем премудростям науки своего времени. Амир Аслан изучил семь языков. Однажды написал он Ахмеду-купцу послание:

«Отец, больше заниматься науками я не хочу. Разреши, я займусь теперь чем-нибудь другим».

Тогда вновь выждав и выбрав добрый час, Ахмед-купец повел Амир Аслана в свою лавку. Как только Амир Аслан пришел на базар, то приковал к себе всеобщее внимание. Обратившись к Амир Аслану, Ахмед-купец спросил:

— Сын мой, проси у меня все, что хочешь.

— Отец, я прошу у тебя коня, меч и доспехи,—ответил юноша.

Ахмед-купец купил все, что просил Амир Аслан, и тот принялся изучать ратное дело. Прошли дни, пронеслись годы, и стал Амир Аслан пехлеваном, подобным Рустему. И не было во всей стране пехлевана, который мог бы противустоять ему.

Как-то раз в один из многих дней, захватив меч и лук, Амир Аслан поехал гулять. Долго ли ехал, коротко ли, проезжая около одного леса, он увидел, как из-за кустов выскочил чудесный джейран и скачками пустился бежать. Поднявшись на стременах, Амир Аслан вложил стрелу, натянул тетиву и выпустил стрелу, но джейран, прикинув к земле, подскочил так, что стрела, пролетев меж его ног, вонзилась в землю. Забежав в лес, джейран исчез. Случай этот произвел на Амир Аслана большое впечатление.

«Как это так, чтоб я, умея на лету подстреливать птиц, оказался бессильным убить это слабое животное. Нет, я этого позора не снесу. Во что бы то ни стало я поймаю его»,—подумал он.

Сказав так, он опустил поводья, и лошадь взвилась и понеслась. Сколько времени скакал он так, не знаю, только смотрит, наступает мрак, и решил, что возвращаться обратно поздно, поехал вперед, в надежде най-

ли, где остановиться. Так ехал он до тех пор, пока мрак не сгустился, и он не остался среди пустыни. Тогда он спешился и, перевязав коню ноги, пустил его на луг, а сам, подложив под голову камень, заснул крепким сном. Сколько спал он, не знаю; проснулся, услышав конское ржание. Раскрыл глаза, видит, что уже утро, солнце светит ему прямо в лицо, а у его изголовья стоит конь и громко ржет. Он поднялся, снял с ног коня путы, вскочил на него, оглянулся и видит вблизи небольшой холм.

«Поднимусь-ка на холм и посмотрю, где я, что это за место и где дорога»,—подумал Амир Аслан.

Пришпорив коня, он подъехал к холму. Взобравшись на холм, он увидел обширную равнину. Посреди нее виднеется родник, а у родника растет огромная чинара, и до ста человек, вооруженных мечами и щитами, окружили эту чинару. Внимательно взглядевшись, он заметил забравшегося на дерево человека. Несчастный от страха карабкался все выше и выше, а противники настигали его. Амир Аслана возмутило, что столько человек преследуют одного. Обнажив меч и пришпорив коня, он крикнул так, что задрожали земля и небо, и направил коня в самую гущу. Пока преследователи успели оправиться от неожиданности и притти в себя, Амир Аслан был уже среди них и, размахивая мечом, он одного за другим косил неприятелей. Те, видя, что тут надо держать ухо востро и «эта хна не из тех»,⁶ враг их до того страшен и стремителен, что сейчас всех перебьет,—повскакали на коней и пустились бежать. А Амир Аслан, уложив часть из них и прогнав остальных, вернулся к чинаре и смотрит: сидит там какой-то человек в богатых одеяниях. Сойдя с дерева, человек этот бросился в ноги Амиру Аслану.

— Эти злодеи уложили всех моих людей, и если б не ты, они убили бы меня.

— А кто ты такой?—спросил Амир Аслан.

— Это ты узнаешь после,—ответил тот.—Скажи, как зовут тебя?

Амир Аслан назвал себя и подумал, что это почтенный человек и стесняется сейчас назвать себя. Поймав одного из неприятельских коней, он подвел его к нему, помог тому взобраться на коня, отправил его, а сам прищпорив коня, помчался дальше.

Пусть он едет, а мне о ком бы поведать? О человеке, который был на дереве.

Хотите ли знать, кто был человек, которого Амир Аслан спас и который, не назвав себя, поехал дальше, а Амир Аслан думал о нем, что он постеснялся назвать себя? Дело было иначе, он просто не доверился Амиру Аслану и потому умолчал о своем имени. Этот человек был визирь, заставивший убить отца Амира Аслана, захвативший его трон, это был отец бывшей жены шаха, отравившей своего мужа.

Как только он узнал, что дочь убила падишаха, он тотчас приказал схватить супругу падишаха, дочь шорника. Явились посланцы и докладывают:

— Супруга падишаха скрылась.

Тогда, поднявшись с места, визирь сам отправился на розыски. Он обшарил каждый уголок, перевернул вверх дном весь дворец, но ее не нашел, она словно обратилась в кусок хлеба и поднялась в небо. Визирь отдал приказ и разослал по всей стране гонцов, везде ее искали, но не нашли.

Визирь захватил трон и стал падишахом. Однако, на сердце у него было тревожно, беспокойно. Он никак не мог себе простить, что не сумел во-время захватить эту женщину, дал ей скрыться. Он боялся, что когда у нее родится ребенок, он отомстит ему.

Как-то раз думы одолели падишаха. Чтобы рассеяться, он приказал пятидесяти всадникам собраться на охоту. Собрались охотники, вскочили на коней, а падишах взобрался на своего коня и тронулись в путь. Подъехав к роднику (а был это тот самый родник, у которого росла чинара), охотники сошли с коней, пустили их на траву, а сами решили отдохнуть, и потом двинуться дальше. Оказывается, невдалеке за холмом скрывались из-

вестные в стране разбойники. Увидев людей у родника, они решили, что тут остановился богатый караван, и, вскочив на коней, бросились на них. Эти конные, а те пешие. В полчаса перебили разбойники всех охотников. Видя это, падишах убежал и, взобравшись на дерево, решил спрятаться в густой листве. Заметив падишаха, один из разбойников погнался за ним и полез на чинару. Как раз в это время Амир Аслан увидел с холма их и прискакал на выручку.

Внимательно приглядевшись к Амир Аслану, падишах заметил большое сходство между ним и дочерью шорника и решил, что Амир Аслан является сыном убитого падишаха. А надо сказать, что визирь сопровождал падишаха в его первой поездке и видел дочь шорника, вышедшую на стук падишаха. Еще раз внимательно оглядев юного пехлевана, бывший визирь заметил, что он похож отчасти и на покойного падишаха. «Очевидно, так оно и есть»,—решил визирь и предпочел умолчать о своем имени. Вернувшись в столицу, он сел на трон и приказал созвать всех старых чародеек-гары, какие только были в его владениях. Когда повеление падишаха было исполнено и все они были собраны, он обратился к ним:

— Кто из вас сумеет достать и принести мне портрет юноши по имени Амир Аслан, живущего в такой-то и такой-то стране?

Одна из них, нижняя губа которой подметала землю, а верхняя—небо, была до того ловкая, что птицы и те не знали, куда скрыться от нее. Подойдя ближе и склонившись, она сказала:

— Повелитель вселенной! Я сумею добыть портрет Амир Аслана.

— Ну, живее,—повелел падишах.

Гары влезла в свой кувшин и взвилась в небо.

Сколько она там прочла молитв, сколько сотворила заклинаний—не знаю, ибо только один Соломон-премудрый мог разобраться в этом, но на третий день, когда

падишах восседал на троне, погруженный в печальные думы, в комнату вошла гары.

Падишах спрашивает:

— Ну, говори, принесла ли ты мне портрет или нет? Если нет, то я сейчас же призову палача.

Гары рассмеялась и говорит:

— Повелитель вселенной! Как же это не принесла? Вот, пожалуйста.

И с этими словами положила на колени падишаху изображение Амир Аслана. Падишах вызвал визиря и других своих советников и приближенных, и те подтвердили, что действительно изображенный на портрете есть сын покойного падишаха. Собрав пехлеванов, падишах обратился к ним:

— Кто из вас докажет, что юн достойный сын своего отца и представит мне этого юношу со связанными руками?

Трое пехлеванов поцеловали землю перед падишахом и сказали:

— Да будет долговечна жизнь шаха, мы беремся.

Показав им портрет Амир Аслана, падишах отправил пехлеванов, они собрались в дорогу и выехали.

Оставим их пока в пути, а мне о ком бы рассказать вам?..

Как-то раз падишах той страны, где жил Амир Аслан, устроил пышный пир, пригласил на него Ахмеда-купца и Амир Аслана. При взгляде на Амир Аслана, всякий выражал свой восторг и удивление, и похвалы по его адресу раздавались со всех концов. Когда пир был в разгаре, появился нукер и доложил, что пришли три чудовища и хотят видеть падишаха. Падишах приказал ввести их, и вошли три человека и, вправду, каждый из них ростом с громадного зверя. Склонившись перед падишахом, вошедшие протянули ему письмо. Просмотрев письмо и видя, что оно написано на непонятном языке, он протянул визирю, чтоб тот прочел и доложил. Визирь взглянул на бумагу, но ничего не разобрал. Тогда он протянул бумагу векилу, тот другому, и так письмо обошло

всех присутствующих. Наконец очередь дошла до Амир Аслана. Амир Аслан сразу разобрал написанное. Писал падишах этих прищельцев падишаху той страны, где жил Амир Аслан:

«Как только получишь это послание, немедленно представь пред наше лицо юношу по имени Амир Аслан, иначе я со всей армией вступлю в твои владения и не оставлю камня на камне».

Прочитав письмо, Амир Аслан изумился и не мог понять, что же это за падишах и на что он ему. Все сидели молча, не отрывая глаз от лица Амир Аслана.

— Ну, дитя мое, о чем там написано?—спросил падишах.

Сначала Амир Аслан хотел промолчать, но решил сказать всю правду и посмотреть, как отнесется к этому падишах.

— Повелитель вселенной! Письмо это пишет падишах такой-то страны. Он требует от тебя Амир Аслана со связанными руками. Что ты на это скажешь?

— Скажи им, что у нас нет человека, которого мы могли бы выдать.

Однако, произнеся эти слова, падишах побледнел и краска схлынула с его лица. Он видел, что пред ним стоят три огромных чудовища, и стоит им захотеть,—в одно мгновение они могут уничтожить всех сидящих.

Обратившись к ним, Амир Аслан сказал:

— Падишах заявляет, что мы не можем поймать и связать Амир Аслана. А если вы можете, сделайте это сами.

— Укажите нам его, и мы это сделаем,—заявили те.

— Амир Аслан, которого вы ищете—я. Пожалуйста, вот майдан, вот и шайтан.

Тогда один из пехлеванов заметил:

— Отойди в сторону.

— Подойди-ка поближе, — сказал на это Амир Аслан,—я что-то плохо слышу!

Как только пехлеван подошел к нему, Амир Аслан нагнулся и схватил его за ухо. Кликнув клич, он с та-

кой силой стукнул его в голову его товарища, что оба тут же, повалившись наземь, отправились в ад. Видя это, третий собрался бежать. Амир Аслан встал, схватил его за ухо, дернул и, оторвав ухо, вложил ему в руку и говорит:

— Ступай, скажи своему падишаху, что я сам явлюсь к нему.

Сказав это, Амир Аслан вышел, вернулся домой и спросил свою мать:

— О мама, скажи, зачем требует меня к себе этот падишах?

Мать долго противилась, но Амир Аслан стоял на своем:

— Нет, ты скажешь, ты должна сказать.

Мать видит, что сын не отстанет, рассказала ему все, что было. Амир Аслан вышел от матери, пошел к Ахмед-купцу. Поздоровавшись с ним и поцеловав ему руку, он сказал:

— Разрешите мне отправиться и отомстить убийцам моего отца.

Как ни уговаривал его Ахмед-купец бросить свою затею, ничего не вышло. Падишах предложил ему свои войска, но Амир Аслан упорно твердил:

— Я поеду один.

Наконец, распрощавшись со всеми, он вскочил на коня и направился в Багдад. Пусть он находится в пути, а мне о ком бы поведать вам?..

Поведаю я вам о падишахе, то-есть о том самом визире, который занял трон отца Амира Аслана. Была у этого падишаха красавица дочь, но не та, которая была женой шаха, так как та давно уже отправилась в джаханнам. Эта была самой младшей его дочерью. Младшие бывают всегда хитры и лукавы. А эта была такая вострушка, что всех вострушек вострей. Как-то раз вошла она в покои отца, нашла портрет Амира Аслана и сразу всем сердцем влюбилась в него.

На утро собрала она всех колдуний. Они заколдовали Амира Аслана на синих бусах и аждаха. Затем, выстроив

маленькую башню, заключили туда аждаха, а голубые бусы повесили царевне на шею, и она стала ждать Амир Аслана.

Амир Аслан долго ли ехал, коротко ли, что ни день, то новый привал, много ехал, мало отдыхал, мало ехал, много отдыхал и прибыл, наконец, в Багдад. Была ночь. Он сошел с коня, написал маленькое письмо и вложил под седло:

«Дорогая мать! Я жив и здоров и благополучно добрался до Багдада».

Хлестнул коня, конь поднялся на дыбы, повернул и помчался в тот город, где жила мать Амир Аслана. Амир Аслан приблизился к порогу и, войдя в городские ворота, увидел, что на всех дверях красуется его портрет. Не обратив на это внимания, он вошел в город. Базарный дарга остановил его:

— Кто ты?

— Я путник,—ответил он.

Внимательно взглянув, дарга сказал:

— Ты Амир Аслан. Я не пущу тебя. Сейчас тебя повсеместно ищут. Падишах жаждет твоей крови.

— Эй, убирайся в ад, уйди с дороги!—крикнул Амир Аслан.—Кто такой Амир Аслан?

— Дорогой мой Амир Аслан,—ответил тот,—я один из людей твоего отца. Я пользовался его хлебом-солью. В этом городе, кроме меня, не осталось ни одного из сторонников покойного твоего отца. Новый падишах изгнал и уничтожил их всех. Я знаю, зачем ты прибыл сюда. Послушайся-ка лучше меня, пойдем к нам. Я помогу тебе.

Амир Аслан немного подумал, согласился с разумными словами дарги, и они отправились в дом к дарге. Рано утром дарга отправился на базар и, купив старую одежду, вернулся обратно.

— Если ты в таком виде отправишься на базар,—сказал он Амиру Аслану,—то тебя все узнают.

Когда Амир Аслан переоделся, дарга повел его с собой и определил учеником в кофейню. И стал

Амир Аслан работать в кофейне и выжидать удобного случая, чтобы покончить с падишахом.

Оставим их пока здесь, а я расскажу о дочери падишаха.

Дочь падишаха знала, что Амир Аслан непременно явится в Багдад. Поэтому она приказала своей служанке немедленно докладывать ей о каждом новом красивом юноше, который появится в городе.

Как-то раз одна из служанок прибежала, запыхавшись, и сказала:

—Госпожа моя, клянусь аллахом, в кофейне, что около бани, появился такой красавец, что Амир Аслан недостойн даже подавать ему воду для умывания.

Служанка до того расхвалила юношу, что госпожа не утерпела, встала и говорит:

—Я иду в баню.

Не взяв с собой никого, кроме этой служанки, она пошла в баню. Проходя мимо кофейни, она замедлила шаг и увидела, что там сам Амир Аслан. Шлепнула служанку обеими руками по голове и сказала:

—Глупая! Да ведь это сам Амир Аслан.

Они вошли в баню, но дочь падишаха была до того взволнована, что забыла обо всем на свете. Она не знала как сесть, как встать и куда лить воду, на голову ли себе или в рот... Искупавшись кое-как, она оделась и отправилась домой. Притворившись больной, она сказала:

—Ступай, прикажи принести мне кофе.

А сама заранее подучила служанку, и та направилась прямо в ту самую кофейню, где работал Амир Аслан. Работа в кофейне была в самом разгаре, когда Амир Аслан заметил, что его подзывает какая-то девушка. Он вышел к служанке, и та, протянув ему деньги, сказала:

—Принеси во дворец для дочери падишаха кофейник крепкого кофе. Но войди в восточные двери, где лестница в сорок ступеней.

Сказав это, она ушла. А Амир Аслан задумался, не

зная, как быть. Наконец, он решил исполнить поручение. Захватив кофейник, он пошел во дворец. Поднявшись по лестнице, указанной служанкой, Амир Аслан очутился в гареме и прошел в комнату царевны. Увидев девушку, Амир Аслан полюбил ее так же крепко, как она его. Оба влюбленные бросились друг другу в объятия. Только под утро Амир Аслан ушел из дворца и вернулся домой.

— Скажи, где ты пропадал до сих пор?—пристал к нему дарга.

Амир Аслан рассказал ему всю правду. С этого дня Амир Аслан стал каждый вечер ходить к девушке и, возвращаясь, ежедневно приносил оттуда подарки для дарги.

Оставим их пока в веселье и радости. О ком бы поведать вам? Поведаю о визире.

У нового падишаха был визирь по имени Гамер-визирь. Он был всей душой влюблен в дочь падишаха. Но как он ни добивался, девушка и слышать не хотела о нем. Тогда Гамер-визирь решил взять ее колдовством и хитростью. Собрав лучших заклинательниц и чары, он хотел при помощи их чар овладеть сердцем девушки. Но они ему заявили, что дочь падишаха хитростью и колдовством не взять.

—Почему же?—спросил Гамер-визирь.

—Потому что девушка сама связала себя с Амир Асланом при посредстве бусинки и аждаха. Пока бусинка не будет сорвана с ее шеи и аждаха не будет убит, чары не развеются.

—А как можно убить аждаха?—спросил визирь.

—Надо вонзить ему в глаз стрелу. Сумеешь попасть—хорошо, а нет —ты обратишься в камень.

Отпустив заклинательниц, Гамер-визирь поднялся во дворец и проник в гарем. Подозвав одну из служанок, он решил с ее помощью достичь своей цели. А это была та самая служанка, которая привела Амир Аслана. Служанка сначала не хотела ничего говорить, но увидав золото, поддалась соблазну шайтана и рассказала

визирю все, что знала, сообщив ему, что Амир Аслан у царевны, а работает в кофейне.

Дав ей еще немного денег, Гамер-визирь ушел к себе и погрузился в глубокую думу:

«Как быть, что делать? Если я убью Амир Аслана, чары не рассеются. Рассею чары—Амир Аслан отнимет у меня девушку».

После долгих размышлений, он решил:

—Я должен сделать и то и другое. Надо, чтоб и Амир Аслан погиб, и чары рассеялись.

Решив это, он встал и направился в ту самую кофейню, которую указала служанка. Смотрит, и впрямь Амир Аслан в тысячу раз лучше всех описаний. Вошел он, сел и потребовал себе кофе и кальян. Амир Аслан подал ему и то и другое. Задержав его и поговорив о том, о сем, он выпил кофе, выкурил кальян, встал и вышел. С этого дня Гамер-визирь стал ежедневно заходить в кофейню, пил кофе, выкуривал кальян и беседовал с Амир Асланом.

Амир Аслан думал, что это дервиш, так как тот являлся переодетым.

Ну, оставим их пока здесь, а я поведаю о падишахе.

Падишах, узнав, что двое из его посланцев-пехлеванов были убиты и отправлены в ад, а третий вернулся с оторванным ухом, стал готовиться к войне.

Прежде чем выступить в поход, падишах решил сыграть свадьбу дочери. За кого же он решил выдать свою дочь? За сына своего брата. Свадьба в разгаре, шум, веселье, угощение, а Амир Аслан и девушка заняты собою, своей любовью. Гамер-визирь знал, что девушка заколдована и двоюродный брат жениться на ней не сможет; поэтому он спокойно выжидал конца этих событий.

Семь дней и семь ночей длился пир, а на восьмой привели жениха в покои дочери падишаха. Амир Аслан был у нее. К девушке же была приставлена та старая гары, у которой нижняя губа мела землю, а верхняя небо, и которая доставила падишаху портрет Амира Асла-

на. Тогда девушка спрятала Амир Аслана в смежной комнате и говорит:

— Подожди меня здесь!

Как только жених вошел в комнату, девушка говорит старухе:

— Ты уходи.

Та вышла.

— Мой двоюродный брат,—обратилась тогда девушка к жениху,—лучше ты добром откажись от меня. Все равно я твоей женой не буду. Иди и найди себе другую и женись на ней. Но сделай это так, чтоб отец ничего не знал.

Юноша и слышать не хотел:

—Что за шутки? Ты моя законная жена. Я дни и ночи изнемогаю от любви к тебе, я потерял сон и покой. Я, наконец, дождался счастья и ни за что не соглашусь на твоё предложение.

Много девушка говорила, он мало слушал, много он говорил, она мало слушала, и он пристал к ней, как веревочный пояс.⁷ Девушка знала, что пока она заколдована, юноша все равно не сумеет добиться своего. Но Амир Аслану об этом ничего не было известно, и он, видя, что она медлит, не вытерпел, обнажил меч, ворвался в комнату, бросился на юношу, схватил его за вихры и отрезал ему голову.

—Ах, Амир Аслан, что ты наделал?— воскликнула она.

Но горевать⁸ было поздно... Амир Аслан взял труп юноши, вынес его и бросил в один из отдаленных колодцев.

На следующий день падишах долго ждал племянника и, видя, что тот не идет, послал за ним человека, а тот, придя к дочери царя, видит, что она сидит одна-одинешенька. На вопрос, где ее муж, он получил ответ:

— Я сама не знаю. Когда все удалились, он вышел, сказав, что сейчас вернется, и с тех пор его нет. Я также жду его.

Посланец, взволнованный, прибежал к падишаху.

—Да будет долговечна жизнь падишаха; дело обстоит так-то и так-то: жених с вечера ушел и до сих пор не вернулся.

Не поверив его словам, шах сам пошел к дочери и убедился в том, что жениха нет. Он разослал во все стороны людей для поисков. Повсюду разнеслась весть:

—Пропал зять падишаха.

Обшарили все государство, искали повсюду, но юноши нет, как нет.

Гамер-визирь прикусил палец. Он понял, что это дело рук Амир Аслана, но решил падишаху ничего не говорить. Падишах не знал, что и думать. Призвал он ту самую гары и говорит:

—Ты должна открыть мне эту тайну, а не то я ве-лю отделить твою голову от туловища.

Гары поцеловала перед ним землю и попросила одну ночь сроку.

Ночью, как обычно, Амир Аслан пришел к девушке. Плотню прикрыв двери, они остались одни. А гары влезла в свой кувшин и взвилась в небо. «Это дело рук девушки»,—решила она, подлетела к ее окнам, заглянула в комнату и убедилась в своей правоте. Она увидела, что уста к устам, обнявшись с тем самым юношей, лежит на ложе дочь падишаха. Гары тут же пошла к падишаху.

— Да провалился б твой трон, да обагрилось бы кровью твое седло, чего ты медлишь? Дело обстоит так: голова твоей дочери в этот самый час покоится на одной подушке с головой Амир Аслана.

Падишах моментально созвал визирей и векилов, и они принялись советовать, да обсуждать—как быть, что делать, и, наконец, решили расставить у ворот войска и при выходе из дворца убить Амир Аслана. Гамер-визирь был тут же. Услышав это решение, он отправился к себе, сел на балконе и просидел в ожидании событий до самого утра. Под утро девушка проснулась, видит, что Амир Аслан еще спит, а уже рассветает, и начала будить его.

— Вставай, мой дорогой, пора расставаться.

Амир Аслан встал, оделся, выглянул в окно и... что он увидал? Он увидел, что дворец оцеплен и воины стоят в ожидании его появления. Не желая пугать девушку, Амир Аслан взял за правило, отправляясь к девушке, надевать свои доспехи, а сверху простую одежду. На лестнице он обнажил меч, вышел и с криком: «о Али, помоги!», бросился на войско. Прислонившись к стене, он начал рубить направо и налево и, как мух, уничтожать противников.

Гамер-визирь сидел, как уже рассказывали, на своем балконе. Как только он услышал голос Амира Аслана, он понял, что битва началась, быстро поднялся, надел свои доспехи, схватил меч, вскочил на коня, взял с собой еще запасного коня, прикрыл лицо и ударил в тыл войскам, которые сильно теснили Амира Аслана. Гамер-визирь крикнул:

— Не бойся, Амир Аслан. Я еду. Держись крепче!

А сам стал рубить воинов. Амир Аслан почувствовал в руках прилив новой силы. Так, разя каждого, кто попадался ему на пути, визирь добрался до Амира Аслана и передал ему запасного коня. Тот вскочил на коня.

— Надо поскорее выбраться отсюда, — шепнул ему Гамер-визирь.

Продолжая рубить, они выбрались из боя и подъехали к дому Гамер-визиря. Гамер-визирь помог Амиру Аслану сойти с коня, снял шлем, покрывало и ввел его в дом. Амир Аслан узнал в нем дервиша, приходившего в кофейню.

— Мне давно уже известно, что ты Амир Аслан, — сказал Гамер-визирь. — Я визирь твоего отца. Я разделял с ним хлеб-соль. Теперь ты должен остаться у меня, иначе тебя разыщут.

На утро, оставив у себя Амира Аслана, Гамер-визирь отправился во дворец.

Видит: падишах облачился в одежду гнева, сел на трон, а вокруг, молча и трепеща от страха, сидят визири, векилы.

Гамер-визирь вошел, поцеловал руку падишаха и занял свое место. Падишах велел призвать серкерда.⁸

—Ответь, почему вы с ним не разделались и дали ему скрыться?

Склонившись ниц, серкерда сказал:

— О повелитель вселенной! Мы уже чуть было не заставили его мать оплакивать его кончину, как внезапно появился какой-то человек с прикрытым лицом и вывел его из толпы.

Гамер-визирь, испросив разрешения, заметил:

—Повелитель вселенной! Разреши сказать: твои войны не виновны. Я видел собственными глазами, как появился какой-то лучезарный воин в синем покрывале и вывел Амир Аслана. Я хотел наброситься на него, но этот воин, обернувшись, окинул меня таким пронизывающим взглядом, что я упал, лишившись чувств. А что было дальше, не знаю.

Все присутствующие подтвердили слова Гамер-визиря о том, что какой-то лучезарный воин в синем покрывале вывел из боя Амир Аслана. И даже один из визирей, дом которого был на самой окраине, и который даже и не слышал битвы, уверял:

—И я сам видел, как он появился с востока и ушел на запад. Я решил, что это был Хизыр-пророк, да будет моя жизнь ему курбаном.

Падишах, повернувшись к серкерда, спросил:

—А вы не видели лица юноши и не узнали, кто он такой?

—Нет, видел,—ответил он.—Это был тот самый юноша, который подавал кофе в кофейне у бани. Зовут его Гасаном.

Падишах приказал вызвать владельца кофейни.

Гамер-визирь, видя, что дело плохо, поднялся и говорит:

—Да будет долговечен повелитель вселенной! Они не могли разглядеть его. Юноша, о котором идет речь —безобидный человек. Он нукер твоего покорного слу-

ги и сейчас крепким сном спит у меня дома. Если не веришь, пошли человека и убедись сам.

Падишах послал серкерда. Тот вернулся и говорит:

— Да, повелитель, так оно и есть, тот юноша спит в доме Гамер-визиря.

Амир Аслана не нашли. Он исчез.

Падишах приказал снести лестницы, ведущие к гарему, и взамен их построил высокий забор.

Гамер-визирь вернулся домой, разбудил Амира Аслана, рассказал ему все, что было, и добавил:

— Не бойся, я найду для тебя выход. А ты потерпи немного.

Амир Аслан опять начал работать в кофейне. Гамер-визирь призвал землекопов и прорыл подземный ход из своего жилища в покои царевны. Как только ход был готов, Гамер-визирь сообщил о нем Амиру Аслану, и они вместе по подземному ходу прошли во дворец. Гамер-визирь вернулся обратно, а Амир Аслан поднял каменную плиту и очутился в покоях девушки.

Тут пошли такие объятия, такие поцелуи, что им не было ни числа, ни счету. Упав друг другу на грудь, они улеглись спать.

На утро Амир Аслан заметил в нише золотую статую падишаха. Протянув руку, он оторвал у статуи нос и оба уха, и спрятал в карман, а придя домой, вручил дарга.

Как-то раз Амир Аслан зашел в комнату визиря, чтобы идти к царевне.

— Амир Аслан, — сказал ему Гамер-визирь. — Я сделал тебе немало хорошего, и ты должен оказать мне маленькую услугу.

— О Гамер-визирь, если ты даже захочешь взамен мою голову, я и той не пожалею, — ответил Амир Аслан. — Говори, в чем дело?

— Ты видишь, что мои годы проходят, а я до сих пор не женат. На то есть особая причина, и в твоих руках устранить ее.

— Скажи же, о Гамер-визирь, скажи, и я сделаю все, что ты попросишь. В чьих бы руках, у каких бы дэвов

ни находилась нравящаяся тебе девушка, я пойду и приведу ее к тебе.

—Нет, дело в том, что я люблю одну девушку, а она просит у меня голубенькие бусы, а таких в этой стране не найти. Может быть, только одна единственная найдется у дочери падишаха. Ты должен постараться как-нибудь принести ее мне. Но тебе придется выкрасть ее, потому что дочь падишаха добровольно не расстанется с ней: она не любит мою невесту.

—Только это?—спросил Амир Аслан.—Какие пустяки! Если здесь это редкость, то наша страна полна ими. Я сегодня же ночью принесу ее тебе.

Амир Аслан отправился к девушке. Смотрит, вправду, на груди ее висят такие бусы, о которых говорил визирь. Он выждал и, когда девушка уснула, снял их с ее шеи и поднялся. Он решил уйти, пока девушка не обнаружила пропажу, с тем, чтобы завтра самому рассказать ей. Амир Аслан вернулся и вручил бусы Гамер-визирю. По его уходе Гамер-визирь завязал бусы в тряпицу и спрятал ее меж копытом и подковой коня.

На утро по всему городу разнеслась весть, что дочь падишаха обезглавили и она исходит кровью, но пока жива и дышит. Собрал падишах всех знахарей, гары, заклинателей, и все они в один голос заявили:

—Повелитель вселенной, твоя дочь связала себя любовными чарами с Амиром Асланом, и связь эта держалась на бусах. А теперь кто-то похитил их. В этом все дело.

Услышав об этой новости, Амир Аслан прибежал к Гамер-визирю.

—Гамер-визирь, скажи, что это за история, как мне быть?

—Сейчас,—ответил Гамер-визирь и вышел.

Отыскав одну гары-колдунью и подучив ее, как ответить Амиру Аслану, Гамер-визирь ввел ее в комнату.

—Вот что,—сказала та,—в башне у дочери падишаха спрятан аждаха. Он должен умереть. Если он умрет, девушка поправится, а нет, так не встанет вовек.

Захватив лук и стрелы, Амир Аслан пришел к башне. А Гамер-визирь надеялся, что Амир Аслан не сумеет убить аждаха и обратится в камень. После этого он хотел отнести бусы, вернуть девушку к жизни и жениться на ней. Амир Аслан вошел в сад. Слышит какое-то сопенье, осмотрелся и увидел страшного аждаха. Волосы на голове его поднялись дыбом. При каждом дыхании аждаха камни отлетали в сторону, а когда он начинал втягивать воздух в себя, Амир Аслан почувствовал, что тянет и его. И видя, что дело плохо, он прислонился к дереву, но это тоже не спасало его, аждаха все сильнее притягивал его к себе. Бросился он на землю и пополз. Заметив ров, Амир Аслан бросился в него и почувствовал, что дыхание аждаха больше не касается его. Взяв себя в руки, он вложил в лук стрелу и пустил. Стрела вонзилась аждаха в шею, а у Амира Аслана ноги окаменели по самые колена. Он выпустил вторую—та вонзилась чудовищу в голову, и Амир Аслан окаменел по пояс. Тогда он сообразил, что надо целиться в глаз. Вложив третью, он, вспомнив в молитве свою мать, пустил стрелу.

Стрела вонзилась прямо в глаз чудовищу. И чары развеялись. Смотрит Амир Аслан—нет ни башни, ни аждаха, а он очутился на дороге. Амир Аслан прямо пошел к дарге и рассказал ему все, что произошло с ним.

— Эх ты, Гамер-визирь обманул тебя,—сказал дарга.

И открыв ему все, что было, сообщил, что сегодня по всему базару глашатаи кричали, что если человек, снявший с шеи девушки бусы, явится и прикоснется к ней рукой, она оживет, а падишах обещает выдать ее за него.

Амир Аслан понял, в чем тут дело и говорит:

— Ступай и скажи, что у тебя есть сын и он сумеет вернуть девушке жизнь. А я пойду и рассчитаюсь с Гамер-визирем.

С этими словами Амир Аслан пошел к Гамер-визирю, но узнал, что Гамер-визирь, прослышав, что Амир Аслан убил аждаха, испугался, убежал во дворец и спрятался там.

Тогда Амир Аслан отправился прямо во дворец и у ворот видит, что даргу бьют и приказывают скорее доставить своего сына.

— Отпустите его,—сказал Амир Аслан, подойдя к ним,—это мой отец. Я сейчас верну больной жизнью.

Слуги побежали известить падишаха.

— Пусть войдет,—приказал он.

Войдя в покои падишаха, Амир Аслан тотчас узнал его. И тот узнал Амира Аслана. Сделав приветливое лицо, падишах сказал:

— Сын мой, я не знал, что это ты. Ведь ты спас меня от разбойников. Я должен принять тебя с честью. Но раньше верни жизнь моей дочери.

Амир Аслан увидел, что он собственной рукой спас своему врагу жизнь, но раздумывать не было времени. Он бросился к девушке и видит: она лежит без сознания, распростертая на ложе. Как только он прикоснулся к ее шее, она, чихнув два раза, поднялась на ноги.

Побежали придворные известить шаха:

— Да озарятся твои ючи, дочь твоя жива и здорова.

Падишах тотчас приказал войскам оцепить дворец. Амир Аслан и девушка, увидев войска, поняли, что падишах решил покончить с ними, заперлись и, обнажив мечи, встали у дверей. Загорелась жаркая битва. Каждому, кто проникал в дверь, Амир Аслан и девушка сносили головы с плеч.

Оставим их пока здесь, а вы послушайте о дарге.

Видя, что дела приняли такой оборот, дарга поспешил домой. Вынув из кармана данное ему Амиром Асланом золотое ухо со статуи падишаха, он купил коня и поскакал прямо к Ахмеду-купцу.

Как вихрь над полями, как молния над горами, могучий, как поток, прискакал он к Ахмеду-купцу и рассказал все с начала до конца. Ахмед-купец бросился к падишаху и рассказал ему все, что услышал. Падишах моментально снарядил войско, а мать Амира Аслана, сев на его коня, подвязав меч, с войском поскакала на выручку сына. Уже два дня девушка и Амир Аслан отра-

жали натиск врагов. Порой, когда битва утихала, Амир Аслан ложился и засыпал, а девушка караулила его сон, затем отдыхала девушка, и Амир Аслан становился у дверей.

Падишах, видя, что с ними не сладить, приказал поджечь дворец. Бросились воины исполнять веление шаха. Видит Амир Аслан, что дело плохо и говорит девушке:

— Готовься, надо попытаться вырваться наружу.

Только успел он это вымолвить, слышит:

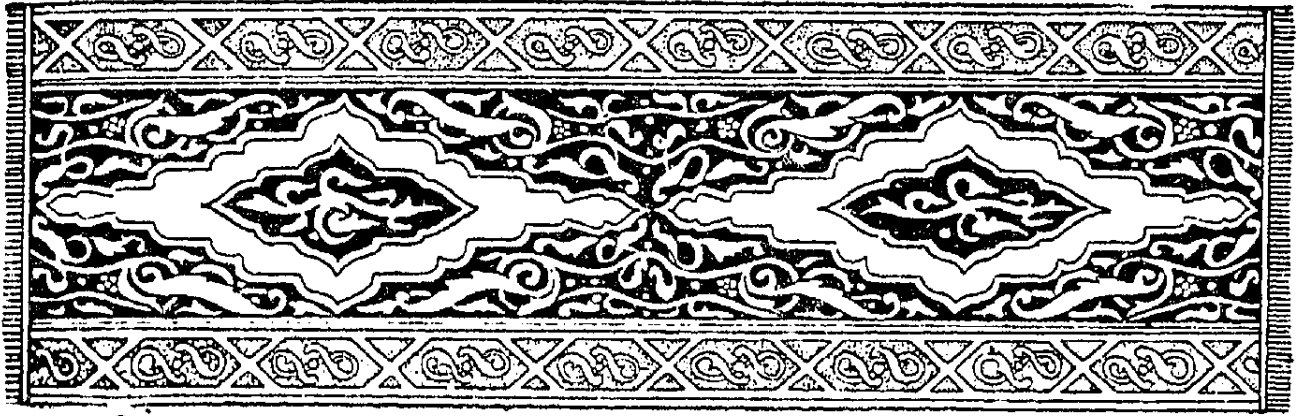
— Держись, Амир Аслан, сын мой, иду.

Выглянул он в окно и видит: движется целое море воинов, а впереди всех скачут его мать, Ахмед-купец и дарга.

Увидев их, Амир Аслан бросился к дверям, распахнул их и ринулся в самую гущу. Тут загорелась такая битва, какой с сотворения мира не видел никто. Когда все были побеждены, Амир Аслан увидел, что мать схватила падишаха за бороду и волочит по земле. Оглянулся, а дарга тащит Гамер-визиря. А Ахмед-купец отвел девицу в сторону, чтоб кто-нибудь не обидел ее печально в этой суматохе. Тут же возвели на площади виселицы и вздернули падишаха и его визиря. Возликовал народ, что явился подлинный наследник, и выбрал Амир Аслана падишахом. Сорок дней и сорок ночей справляли свадьбу, и Амир Аслан женился на любимой девушке.

Они ели, пили и достигли желанного, а вы ешьте, пейте и обретите счастье.

XVI. КЕЧАЛ

то-то был, кого-то не было, жила-была одна старуха. У старухи был сын кечал. Было у них четыре курицы, один ослик и одна сломанная прялка.

Как-то раз говорит кечал:

— Матушка, тут нам живется плохо, давай-ка переедем в Исфагань.

— Эх, кечал, в Исфагани столько лоту и пройдох, что они моментально обчистят тебя,—ответила старуха.

Кечал не унимался.

— Ты только согласишься. Мы переедем, а там я натворю таких дел, что обо мне заговорит весь мир.

Старуха согласилась. Нагрузили они на осла кур и сломанную прялку и переехали в Исфагань. Наняли там домик и зажили, но денег у них не было, и перебивались они с большим трудом.

Как-то раз старуха говорит кечалу:

— Ох, сын мой, на родине нас хоть знали, и соседи, и знакомые, чем могли—помогали нам. А тут кто протянет нам руку? Возьми кур, отнеси на базар и продай, а на вырученные деньги купи хлеба, а там посмотрим, как быть дальше.

Послушался кечал матери, забрал кур и понес на базар.

Покупатели спрашивают кечала:

— Сколько стоят курицы?

— Каждая по пятидесяти туманов.

Староста базара подошел к кечалу и, ничего не спрашивая, отобрал у него насильно кур. Кечал начал просить деньги, но староста ударил кечала кнутом по лицу, взял кур и пошел к себе домой.

Кечал последовал за ним. Староста вошел в дом, а кечал притаился за дверью и стал подсматривать. Староста отдал кур жене, а она обрадовалась покупке и говорит:

— Муженек, какие славные, жирные куры,—почем ты их купил?

— За одну пощечину,—ответил староста.—Приготовь-ка их повкусней. Я буду в саду, ко мне придут гости. Пришло слугу-кечала, передашь ему, что он попросит, а он принесет мне.

Сказав это, староста ушел. А кечал все слышал. Подождав немного, он подошел к воротам, постучался и сказал жене старосты:

— Ханум, меня прислал хозяин. Он просил два ковра, два коврика и два паласа,—надо поскорее разостлать их в саду, скоро придут гости.

Жена старосты достала просимое, отдала кечалу и кечал ушел. Полученные ковры и паласы кечал принес к себе и передал матери, которая была удивлена и спросила:

— Сын мой, на какие деньги ты купил их?

— На деньги, вырученные за кур.

Подождав немного, кечал снова отправился к жене старосты. На ее вопрос:

— Кечал, зачем ты опять пришел?

Он ответил:

— Хозяин просит прислать кур.

Положила ханум кур на посуду, накрыла красивой салфеткой и отдала кечалу.

Кечал, взяв кур, также принес домой.

— Сын мой, на какие деньги ты купил это?—спросила мать.

Кечал ответил:

— Матушка, я купил их на деньги, вырученные от продажи кур. Садись, покушаем.

Мать и сын сели и поели досыта.

А тем временем староста послал своего слугу (тоже кечала) принести ковры и разостлать их, в ожидании скорого прихода гостей. Слуга-кечал пришел к жене старосты и говорит ей:

— Ханум, меня прислал хозяин. Дай ковры и кур, а то скоро должны притти гости.

Жена старосты рассердилась:

— Что за шутки, кечал? Разве ты только что не унес и то и другое?

Кечал ей:

— Ханум! Клянусь аллахом, я ничего не брал.

Ханум присмотрелась и увидела, что перед ней стоит кечал совершенно без волос на голове, а другой кечал имел немного растительности на голове. Поняв, что ее обманули, она сказала:

— Беги скорей к хозяину и скажи, что приходил какой-то кечал и от его имени попросил ковры и обед, и я их ему вручила.

Нукер вернулся к старосте.

— Ханум просила передать, что приходил недавно какой-то кечал, попросил от твоего имени дать ему ковры и кур и унес их куда-то.

Староста сообразил, что это был тот самый кечал, у которого он отнял кур. Он вышел на базар, расспрашивал каждого встречного и так, шаг за шагом, дошел до того самого дома, где жил кечал. Еще издали увидев старосту, кечал бросился домой, переделся в платье своей покойной сестры, взял в руки метлу и вышел во двор. Войдя во двор, староста видит, что какая-то девушка метет двор, и обратился к ней:

— Девушка! Кто твои родители?

— Я дочь старухи,—ответил кечал.

— А пойдешь ты за меня?

Кечал ему:

— Пойду, если возьмешь.

Староста повел кечала к себе домой. Наступил вечер. Они поели, попили и стали беседовать. Заметив в доме мэнгянэ, кечал спросил старосту:

— Что это?

— Это мэнгянэ. Когда ловлю вора, я его этим оружием наказываю.

Поднялся кечал на мэнгянэ и говорит:

— Покрути, посмотрю—как это делается.

Староста стал уговаривать:

— Послушай, не глупи, ты переломал себе ребра. Кечал не отставал и твердил свое.

Староста подкрутил слегка мэнгянэ. Кечал начал вопить:

— Ой, все ребра переломал, освободи скорее.

Староста выпустил его; после этого кечал начал просить:

— Теперь залезай ты, и я покручу, посмотрю, как это делают?

Староста неохотно согласился, предупреждая:

— Смотри же, будь осторожней, не переломай мне ребра.

— Не бойся,—успокоил кечал.—Я не буду крутить сильно.

Староста влез, а кечал так подвернул, что у того захрустели кости, и он взмолился:

— Дорогая, я умираю, освободи скорей.

— Какой я тебе «дорогая»? Ты мог отнять моих кур, мог бить меня по щекам? Теперь терпи.

Тут только староста понял, какую добыл жену. Он стал умолять кечала:

— О кечал, не убивай, я дам тебе все, что ты попросишь.

Кечал не послушался и стал вертеть сильнее. Староста умолк. Оставив старосту, кечал собрал все, что было поценнее и вышел. На утро он переоделся врачом и

отправился в город. Тем временем родные и близкие освободили старосту и искали врача. Идут, а навстречу им кечал в одеянии врача. Они к нему.

— У нас больной, пойдем, осмотри его.

Кечал, осмотрев старосту, лежавшего в постели, предложил родным:

— Отведите его в баню. Видно, его сильно помяли. Надо его распарить.

Повели старосту в баню. Кечал приказывает:

— Ступайте, принесите бритву, иглу, немного соли и немного ниток.

Пошли и принесли кечалу все, что он требовал. После этого кечал говорит:

— А теперь не стойте здесь, идите домой, а когда вернетесь, все будет кончено.

Когда родственники ушли, кечал начал точить бритву. Открыв глаза и увидев его за этим занятием, староста спросил:

— Доктор, зачем ты это делаешь?

— Какой я тебе доктор?—ответил кечал.—Я хозяин тех самых кур и пришел убить тебя.

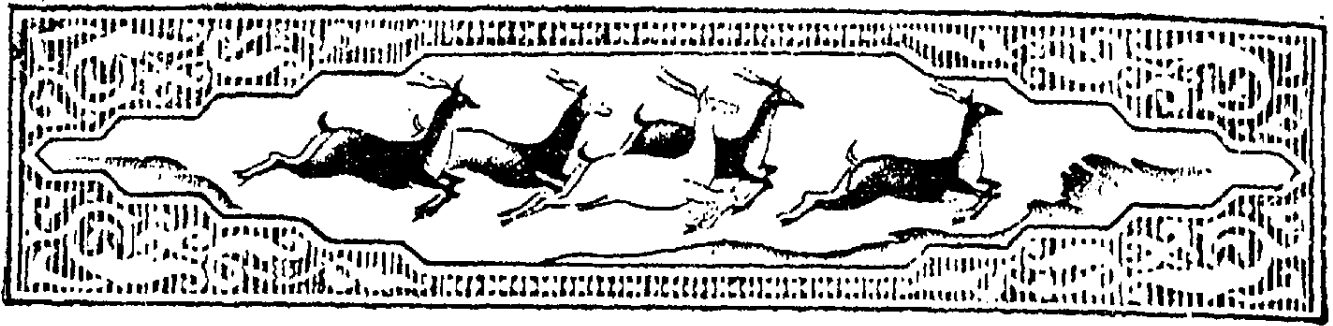
Как староста ни просил, ничего не вышло. Кечал разрезал старосте грудь, насыпал в рану соли и зашил рану. Не выдержал староста и тут же умер.

Вышел кечал и отправился домой.

Пришли родственники старосты и видят: лежит староста в крови, сам весь изрезан, а доктора нет. Стали разыскивать его, но не нашли и вернулись домой, полные раскаяния и сожаления.

А кечал и мать весело и припеваючи зажили на деньги старосты.

XVII. ИБРАГИМ

то-то был, кого-то не было. Жили-были два брата по имени Ахмед и Маммед. Оба они были купцами. И не было в том городе, где они жили, никого, кто мог бы соперничать с ними в торговых делах. Они захватили в свои руки всю торговлю города. Дела братьев процветали с каждым днем, и богатства их были неисчислимы. Поэтому горе, печаль и заботы были им чужды. Однако, оба они были бездетны и для того, чтобы оставить после себя наследников, они ежедневно брали себе новых жен и из-за этого братьев прозвали «човдарами¹ женщин», но что поделать, если детей ни у одного из них не было.

Раз Маммед под влиянием горя, давившего его сердце, пошел к брату. Ахмед, видя, что Маммед очень скупен, спросил:

— Брат, что случилось, почему ты снова погрузился в море скорби? Или ты потерпел в торговле убытки?

Тяжко вздохнув, Маммед ответил:

— Брат, разве, кроме торговли, у меня нет никаких дум?

Понял Ахмед, в чем дело. Он был охвачен тем же горем. Оба они оседлали коней и решили поехать покатайся немного, в надежде рассеяться. Вскочив на коней, они пустились в путь. Проехав небольшое расстояние и выехав за город, они остановились у родника.

«Умоемся, отдохнем и вернемся обратно»,—решили они.

Как только братья, нагнувшись к источнику, зачерпнули воду, неожиданно из родника выскочило румяное яблоко. Ахмед быстро подхватил яблоко. Они оглянулись, желая узнать, откуда оно упало и где здесь поблизости растут яблоки, но вокруг—ни куста, ни деревца.

«Странно, как оно попало сюда»,—задумались братья. После долгих размышлений Ахмед сказал:

— Брат, говори, что хочешь, но в этом яблоке наше счастье. Наша судьба разрешится. Давай-ка разделим его пополам, половину съешь ты, а половину дай мне, посмотрим, чем это кончится.

Братья вскочили на коней и направились в город. Вернувшись домой, они разделили яблоко на четыре равные части. Две части съели Маммед с женой, а две Ахмед со своей женой. Затем, совершив намаз и возложив все свои упования на съеденное яблоко, они легли спать.

Прошли дни, пронеслись месяцы, подошло время, и через девять месяцев у Ахмеда родился сын, а у Маммеда дочь. Оба брата устроили торжественное пиршество и пригласили на него весь город. Тут же обручили обоих младенцев. Когда дети подросли, наняли учителей и стали обучать их всяким наукам. Так провели дети вместе ровно пять лет.

Однажды Ахмед заболел. Лекарши, знахари, лекарства,—ничего не помогло. И подарил Ахмед свою жизнь сыну своему Ибрагиму.

После смерти Ахмеда Маммед переехал в другой город.

— Больше я здесь оставаться не могу, не могу смотреть на лавки брата,—сказал он.

Распродав все, что можно, и собрав, что нельзя было распродать, Маммед взял семью и, переехав в отдаленный город, открыл там торговлю.

Пусть он там торгует, а я расскажу тебе о ком? О жене Ахмеда.

Когда Ахмед умер, все богатство и состояние мужа перешло к ней. И тогда, не давая ей возможности опомниться, стали осаждать ее со всех сторон. И ежедневно свахи и женихи стучались к ней в двери. Но она была женщиной благородной и, отвергнув все домогательства, осталась вдовой, посвятив себя воспитанию сына.

Так прошло много времени и Ибрагиму исполнилось восемнадцать лет. Вырос он таким красавцем, что не ешь, не пей, а не отрываясь, любуйся им. Был он подобен Юсуфу Прекрасному, по силе и мощи—Рустему, а сам умный, да мудрый, как Локман. Когда же достиг он восемнадцати лет, мать дала ему большую сумму денег, открыла лавку и поставила его во главе дела. Так прошли дни, месяцы и годы. Дела Ибрагима процветали, он стал крупным купцом и постепенно пошел по проторенной отцом дороге. Никто не мог соперничать с ним. Увидя это, мать передала ему наследство, оставленное отцом.

Однажды мать говорит ему:

— Сын мой, в таком-то городе у тебя есть двоюродная сестра: она твоя невеста. Ты теперь взрослый мужчина. Поезжай к дяде, возьми свою нареченную и возвращайся обратно.

Взял Ибрагим богатые дары, навьючил на верблюдов товары и двинулся в путь. Так они долго ехали, мало отдыхали, мало ехали, долго отдыхали, что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новый город. Наконец, прибыл караван в тот самый город, где жил дядя Ибрагима. Стал Ибрагим расспрашивать, где лавка купца Маммеда. Разыскав его, вручил письмо матери, а сам вежливо стал в сторонке. Маммед прочел письмо, взглянул на него, и глаза его увлажнились. Обнялись тут дядя и племянник, поцеловались. Затем Ибрагим заявил, что приехал повидаться да привез с собою товары. А другого письма, касательно девушки, не показал. Дядя

тотчас поднялся, отправились они на площадь, осмотрели товары и начали торговать. В несколько часов распродав все, они к вечеру пошли домой.

Жена Маммеда вышла им навстречу и, обняв Ибрагима, прижала его к груди. Поужинали они, выпили чай, когда же наступило время спать, Ибрагим вынул второе письмо и подал дяде. Маммед прочел письмо, задумался и, взглянув на Ибрагима, сказал:

— Сын мой, правда, вы нареченные, и с той минуты, как я увидел тебя, я не перестаю думать об этом. Но не знаю, как быть? В этом отношении я несчастней своего покойного брата. Моя дочь не подходит тебе.

Ибрагим подумал, что дядя не хочет отдавать за него свою дочь.

— Почему же, дядя?

— Потому, дитя мое, — ответил тот, — что моя дочь на один глаз крива, на одну ногу хрома и с паршою на голове, и вдобавок ко всему она ряба. Она не пара такому умному и красивому юноше, как ты. В городе много прекрасных девушек, посмотри, выбери: какая понравится, я ту и сосватаю тебе.

Подумав немного, Ибрагим ответил:

— Нет, дядя, твоя дочь — моя нареченная. Я от своей судьбы не откажусь, и другие девушки мне не нужны.

Долго отговаривал его дядя, но Ибрагим не хотел и слушать. Наконец, волей-неволей, дядя согласился и стал готовиться к свадьбе. Ибрагим заявил, что повезет невесту к своей матери и сыграет свадьбу там: пусть и мать на старости лет утешится и достигнет своего желания.

Семь дней и семь ночей гремела музыка, и, наконец, Ибрагима привели в брачные покои и оставили наедине с девушкой.

Ибрагим вошел в комнату, смотрит, о аллах! Сидит девушка, подобная молодой пятнадцатидневной луне.²

Увидав это, он повернулся и вышел из покоя.

Сообщили дяде, что Ибрагим покинул новобрачную и ушел к себе. Вошел к нему дядя и спрашивает:

— Сын мой, что случилось?

— Дядя, что же это такое, что ты сделал? Ведь я же говорил тебе, что мне другой девушки не надобно. Рябая, кривая, но дочь моего дяди для меня дороже царских дочерей и всех красавиц мира.

Дядя засмеялся.

— Сын мой, я хотел испытать тебя. Это моя дочь. Я нарочно обманул тебя, чтоб узнать—тверд ли ты.

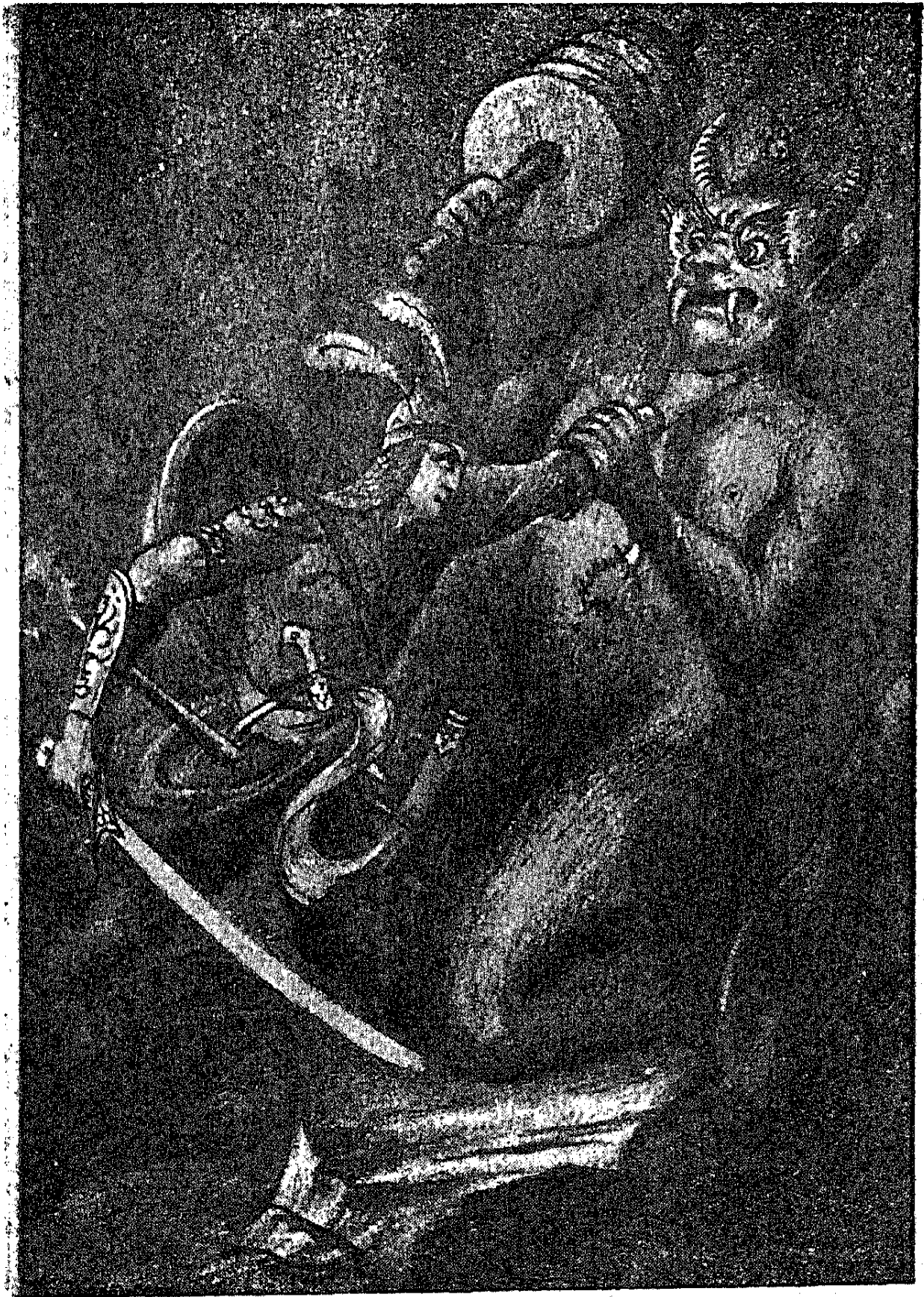
Оказывается, дядя и впрямь испытывал Ибрагима. Ибрагим обрадовался, он чувствовал себя так, словно только сегодня появился на свет. Он отправился к девушке. Обнявшись, обратили они ночь в день. На утро Ибрагим отправился на базар, купил шелков, кумачей и всякой всячины, навьючил на верблюдов, а на одном из верблюдов устроил паланкин, поместил в нем свою жену и, распрощавшись с дядей и теткой, пустился в дорогу.

Обняв Ибрагима и распрощавшись с ним, Маммед снял с себя пояс, вручил его Ибрагиму и говорит:

— Сын мой, носи этот пояс и не снимай его с себя никогда.

Ибрагим взял пояс, опоясался, еще раз поцеловался с дядей и двинулся в путь. Долго ехали они. Наконец, в сумерки подъехали к роднику. Пришлось разгрузить верблюдов и провести здесь ночь. Все заснуло, лишь Ибрагим не мог заснуть. Наконец, он поднялся с места, встал и начал обходить свою стоянку.

Луна зашла за тучи, но Ибрагим заметил, что всюду, куда бы он ни ступал, было светло. Изумился он, не понимая, что за тайна кроется здесь. После долгих раздумий он увидел, что свет этот исходил от его пояса. Тогда он проник в его тайну. Он слегка распахнул полу одежды, и стало светло, как днем. И как раз в это мгновение задрожала земля, загремел гром, и раздался такой рев, что у Ибрагима волосы стали дыбом. Посмотрел он, видит—надвигается дэв, но такой, что не описать... Ибрагим быстро подскочил к стволу югрома-

ной чинары, обнажил меч и ждет. Подошел к нему дэв и говорит:

— Ибрагим, пусть твоя мать оплачет тебя! Зачем ты похитил мой пояс? Вот уже несколько лет я ищу его.

И с этими словами он схватил Ибрагима за плечи. Завертелся Ибрагим в его руках и, наконец, с большим трудом вырвавшись из рук дэва, бросился в сторону, поднял меч и опустил на дэва. С ревом повалилось чудовище на землю и отправилось в джаханнам.

Тогда Ибрагим подошел к нему, отделил его голову от туловища, вырыл глубокую яму, поволок туда тело дэва, свалил в яму и засыпал. После этого он все подмел, почистил, не оставив никаких следов. Покончив с этим, он умылся, переоделся и направился к своей жене, а она не спала и ожидала его. Двое возлюбленных просидели так до утра, проведя время в сладкой беседе. Когда же настало утро, Ибрагим вышел из палатки, приказал нукерам навьючить товары, и караван двинулся дальше.

Ехали они, ехали и, наконец, через двадцать дней подъехали к роднику. Ибрагим, видя, что кони, верблюды и люди совершенно измучены, приказал разгрузиться и остановиться здесь для ночлега.

Как и в прошлый раз, все уснули, и лишь один Ибрагим, не смыкая очей, обходил стоянку, опасаясь появления злодеев, которые похитят его любимую. И в тот же самый час и ту же самую минуту, как в прошлый раз, он услышал, что дрожит земля, гремит гром и надвигается огромное чудовище о трех головах. Пока Ибрагим опомнился и стал наступать на него, дэв налетел на Ибрагима, схватил его за плечи, вырвал из его рук меч, бросил наземь и зарычал:

— О чтоб твоя мать оплакала твою гибель! Видно, что кубок шербета твоей смерти в моих руках; за смерть моего брата я должен обнажить твои кости и выпить твою кровь.

Завязалась борьба, и только в полночь удалось Ибрагиму повалить дэва. Протянув руку, он поднял с зем-

ли меч и одним ударом отсек все три головы чудовища. Быстро скрыв следы, он умылся и отправился к своей жене. И снова обратил с ней ночь в день, а поутру двинулся в путь. Так добрались они до роши и опять сделали привал у источника.

«Если и эта ночь пройдет удачно,—подумал Ибрагим,—дальше не страшно». Снова все уснули, а Ибрагим принялся расхаживать по стоянке, и так бодрствовал он почти до самого рассвета.

Видит он, что как будто на этот раз ничего не угрожает, и ночь на исходе, подождал немного и, решив, что опасность миновала и никто не идет, успокоился, направился к роднику, чтоб умыться и пойти к своей невесте. Подошел он к роднику, разделся, снял с себя пояс, положил в сторонке, чтоб было светлей, и вошел в воду. Вдруг до его слуха долетел подозрительный шорох. Быстро подняв голову, он увидел, что какая-то птица подхватила пояс и взвилась в небо. Выскочив из воды, Ибрагим торопливо натянул одежду и побежал вслед за птицей.

Летит птица, бежит Ибрагим, летит птица, бежит Ибрагим. Наконец, птица сильно махнула крылом раз, другой и, взвившись выше и выше в небо, скрылась из глаз.

Смотрит Ибрагим—утро, солнце постепенно поднимается. Упал ничком на землю и думает:

«Эх, горе, горе! Вот и бейся по ночам с невиданными дэвами и сохрани свой пояс, чтобы потом какая-то птица утащила его из твоих рук?! С каким лицом предстану я перед своей женой?»

Поднял он голову и видит, что лежит недалеко от какого-то города. Встал и направился туда, чтоб посмотреть, что делать, как быть?

Оставим его пока, а я тебе расскажу, а ты послушай хорошенько, о жене его.

Сидит она и ждет: вот придет Ибрагим, вот сейчас придет, вот, кажется, пришел, но видит—нет... Ибрагима все нет и нет... Наконец, страх и беспокойство овладели

ее сердцем. Не выдержав, она встала и принялась разыскивать его. Прежде всего она направилась к его шатру и убедилась, что он пуст. Тогда она обошла всю стоянку, видит, что нет Ибрагима.

«Что с ним случилось?»—тревожно думала она.

Размышляя так, подошла она к роднику и что же? Папаха и обувь Ибрагима здесь, а его нет. Подхватив одежду Ибрагима, она отправилась по следам, смотрит—ведут они в пустыню. Поняла бедняжка, что с ним приключилось что-то недоброе, и думает:

«Если все проводники и нукеры узнают, что Ибрагим исчез и я осталась здесь одна, кто знает, что может со мной случиться?»

После долгого раздумья она вернулась в шатер Ибрагима, подошла к его вещам, достала его одежду, переделалась, посмотрела в зеркало, видит: стоит перед ней сам Ибрагим. Словно юни были половинками юдного яблока. Но только у Ибрагима глаза были черные, а у нее голубые. И, не меняя одежды, она прошла к своему паланкину, подожгла кусочек ваты и вымазала себе веки и ресницы.

«Нет, кажется, заметно»,—сказала она. И, подумав немного, решила:

«Лучше всего я завяжу себе глаза!»

Быстро перевязав глаза белым платочком, она вернулась в шатер Ибрагима, легла и стала ждать. Ждала она до тех пор, пока все не проснулись. На утро вошел один из нукеров в палатку Ибрагима, видит, что Ибрагим лежит, и принялся будить его.

— Вставай, господин мой, солнце взошло, пора двигаться.

Она поднялась на ноги, вышла из палатки, вскочила на коня Ибрагима, и они поехали.

Видят нукеры, что глаза Ибрагима перевязаны, и спрашивают:

— Господин, что с твоими глазами?

— Да ночью, когда я шел к роднику, мне в глаз попала колючка,—ответила она.

Словом, едут они, и что ни день, то новый привал, что ни ночь, то новая стоянка, так, наконец, добрались до города, где жил Ибрагим. Тут она обратилась к слугам и говорит:

— Я не могу раскрыть глаз. Направьте караван прямо к дому.

Караван подъехал к дому Ибрагима. Сообщили матери Ибрагима радостную весть:

— Приехал твой сын.

Выбежала мать навстречу сыну и видит, что глаза у него перевязаны, обняла его, прижала к груди и спрашивает:

— Дитя мое, что с твоими глазами?

— Мама, колючка попала мне в глаз, — ответила она и вошла в дом.

Нукеры стали разгружать караван, а мать Ибрагима подошла к паланкину, видит, что там пусто. Вернулась мать в комнату и спрашивает:

— Сын мой, а где же твоя невеста?

Сердито взглянув на мать Ибрагима, она крикнула:

— Какая невеста, ты послала меня к хромой, косо́й, паршивой индюшке, женись, мол. Словно на свете уже других девиц и нет!

— Говори толком, что ты этим хочешь сказать, — прервала его мать. — Что за хромая, косая, кривая?

— У дядюшки единственная дочь на одну ногу хрома, на один глаз крива, ряба, да так, что лицо ее походит на выщипанную курицей арбузную корку и если осыпать лицо ее целым решетом проса, ни одно зернышко не упадет на землю! А на голове у нее парша, издающая такое отвратительное зловоние, что стоять рядом с ней невозможно.

Глубоко задумавшись, сидела мать Ибрагима и, наконец, приложив ко лбу палец, словно говоря этим сама себе: нашла! — промолвила:

— Дитя мое, твой дядя не захотел выдать за тебя свою дочь. Твоя двоюродная сестра не слепая и не рябая. Она одна из самых красивых девушек в мире. Она

соперничает с луной и солнцем! Как могло статься, чтобы она обратилась в такого уroda? Нет, это выдумки. Тебя обманули.

—Ну, что б там ни было,—обманули или нет, я не взял ее и вернулся обратно. Я сам найду себе невесту.

Сели они ужинать, поели, попили. Мать Ибрагима и говорит:

—Ну, сын мой, ступай в свою комнату и ложись спать, ты устал с дороги, выспись и отдохни.

Бедная девушка! Как ей быть? Куда ей идти? Разве знала она, где ее комната?

—Мама, я не могу раскрыть глаза,—говорит она,—возьми меня за руки и пойдем.

Мать взяла ее под руки и провела в комнату Ибрагима. Когда мать вышла, она заперла двери, разделась и легла спать. На утро снова перевязала глаза, выпила чай, позвала нукеров и говорит:

—Проведите меня в магазин.

Взяв ее под руки, нукеры повели ее в магазин. Войдя в лавку, она рассмотрела все товары и, слегка приподняв повязку, принялась торговать. В полдень, заперев лавку, она вышла, прошлась по базару, купила немного сурьмы и вернулась в лавку. Прикрыв дверь, она взяла зеркальце и принялась сурьмить себе глаза. Видит—глаза ее чуть потемнели и стали точь-в-точь как глаза Ибрагима. Девушке не хотелось открывать свою тайну матери Ибрагима. «Если я расскажу ей,—думает она,—бедняжка не выдержит, умрет с горя, и тогда все состояние их пропадет».

Вечером, сняв повязку, она вернулась домой.

Утром из-под повязки она успела рассмотреть дорогу. Когда она вошла во двор, мать выбежала ей на встречу. Зашли они в комнату, сели. Взглянула мать на сына: что это, глаза ее мальчика как будто слегка поголубели! Но заметив, что сын чем-то разгневан, она промолчала, решив, что видно торговля у него не ладится. Одним словом, девушка осталась здесь, приня-

лась торговать и заслужила уважение всего купечества. Никто никогда ни в чем не перечил ей.

Оставим ее пока, а я расскажу об Ибрагиме.

Мы оставили Ибрагима по дороге в город. Раздумывая, шел бедняга, погруженный в море грусти и печали, и добрался, наконец, до окраины города. Смотрит, совсем в стороне, у колодца, стоит маленькая мазанка. Он вошел в нее, а там сидит над тендиром старуха и печет хлеб, а внутри столько дыму, словно наступило светопреставление.

Старуха была кроткая, добрая. Схватив палас, она застлала его на другом конце комнаты и сказала:

—Садись.

Ибрагим сел. Старуха заметила, что он очень печален, и спросила:

—Дитя мое! Что случилось, чем ты так озабочен? Скажи, быть может, я сумею помочь тебе.

Ибрагим рассказал старухе все свои злоключения.

—Сын мой, твой пояс похитил семикрылый ифрит; это не птица, а ифрит.

—Что же я сейчас должен делать?—спросил Ибрагим.

—Сын мой, похититель твоего пояса живет на горе Энбэри Кюхе. Не каждый смельчак сумеет пробраться туда. Идущий туда должен быть готов к смерти. Все, кто до сих пор направлялись к этой горе, живыми не возвращались. Но я открою тебе ее чары.

— Скажи, бабушка,—заторопил ее Ибрагим.

—Сын мой, я раскрою тебе тайны, но знай, что преодолеть их дело нелегкое,—ответила старуха.

—Ты только научи, а до прочего тебе нет дела!—говорил с нетерпением Ибрагим.

—Дитя мое, у этого ифрита есть огромный чан. Под этим чаном горит адское пламя. И он варит в этом чане всех попавших в его лапы людей. Для того, чтобы преодолеть колдовство, ты прежде всего должен потушить огонь. А теперь выслушай, как надо будет тушить огонь. Чан этот находится на расстоянии семи-

месячного пути отсюда. Когда ты будешь находиться от него на расстоянии десятидневного пути, от жару и пламени ты не сумеешь сделать и шагу. Жар, исходящий от огня, разведенного под чаном, будет нестерпим, но ты иди безостановочно. Когда же доберешься до чана и увидишь его, то уже больше не бойся, ничего с тобой не случится. Невдалеке от чана, направо, на склоне крутой скалы, ты увидишь зеленую яблоню. На этой яблоне растет одно единственное яблочко. Ты должен сбить его. Если собьешь, огонь под чаном потухнет; если огонь не потушишь, ифрит схватит и бросит тебя в этот самый чан. Знай также, что, когда яблоко упадет на землю, на тебя станут наступать со всех сторон. Ты не должен теряться.

Запомнив все сказанное, Ибрагим встал, дал старухе немного денег и, расспросив о дороге, двинулся в путь.

Оставим его пока в поисках его чудесного пояса, а я расскажу вам о девушке или, вернее, о нашем лже-Ибрагиме.

В конце концов, все окружающие принимали ее за Ибрагима: она сумела ввести всех в заблуждение и вела его торговые дела. И так как она была очень обходительной, то вскоре перетянула к себе всех покупателей и заслужила небывалую славу и уважение. Слава об Ибрагиме дошла до падишаха. Раз, призвав к себе своего визиря, падишах сказал:

— Визирь, знаешь ли, в чем дело?

Низко поклонившись, визирь ответил:

— Нет, да буду я твоим жертвенным даром, прикажи, что угодно.

— Говорят, — начал падишах, — что у нас в городе появился купец и зовут его Ибрагимом. Слава о нем обошла весь мир. Ты должен разузнать мне всю истину и рассказать о его происхождении, о его делах и нраве.

— Повинуюсь, — ответил визирь и попросил день сроку. Переодевшись дервищем, визирь вышел на базар и подошел к лавке Ибрагима. Смотрит, сидит юноша, но такой, что как ни хвали, как ни описывай, а он лучше

всех этих похвал. Словом, не хочу утомлять вас, визирь разузнал все, что требовал падишах, и, явившись к нему, рассказал все, что знал. Падишах устроил торжественный пир и пригласил Ибрагима.

Ибрагим очень понравился падишаху. Он был от него без ума и говорит Ибрагиму:

—Я отдаю за тебя свою дочь.

Как бедняга ни ютвертывался, сколько ни оттягивал, ничего не вышло. Наконец, волей-неволей согласился. Знал Ибрагим, что, откажись он, падишах сделает с ним все, что ему угодно.

Мать Ибрагима земли под собой не чуяла и не знала отдыха. Шутка ли, сын ее женится на дочери самого падишаха!

Одним словом, стали они готовиться к свадьбе, закупили всякой всячины, назвали гостей видимо-невидимо и начали свадьбу. Ровно сорок дней и сорок ночей длилось веселье. Задали пир, каких не бывало у самого Шах Аббаса. На сорок первый день отвезли девицу в дом Ибрагима.

А теперь расскажу-ка я вам об Ибрагиме, то-есть о нашей девице—лже-Ибрагиме. От волнения у бедной девушки начались колики. «Ну каким пеплом посылать мне голову, что мне, бедняжке, делать, как быть?!»—вопросала она.

После долгих размышлений, она вошла в комнату к царевне, и во дворе в это мгновение раздался залп тысячи выстрелов, в честь того, что молодой пошел в покой своей жены. Вошла бедняга и видит: сидит девушка, не уступающая в красоте ей самой, такая красавица, что даже сама Зюлейха не посмеет соперничать с ней. Она села около девушки, поболтали они немного, посмеялись; когда же наступило время ложиться спать, лже-Ибрагим вышел из комнаты и разогнал гостей, сам пришел, разделся, лег, повернулся лицом к стене и уснул. Наступила следующая ночь. Снова, повернувшись к стене, она заснула... День, другой, третий... Наконец, девушка не выдержала и говорит:

— Что это значит? Что за выдумки? Если я тебе не нравлюсь, скажи прямо.

Жена Ибрагима видит, что девушка одевается, чтоб уйти, и спрашивает:

— Куда ты идешь?

— Я иду к отцу узнать, зачем он выдал меня за тебя? Раз я тебе противна, зачем мне оставаться здесь? Видно, ты влюблен в другую.

— Подожди-ка немного, придет время, и я раскрою тебе эту тайну.

Девушка не послушалась. Тогда, наконец, уже Ибрагим, вернее, его жена, вынужден был рассказать царевне всю правду. Окончив рассказ, она сняла с головы папаху, и длинные косы, извиваясь змеей, опустились вдоль ее стройного стана. Видит дочь падишаха, что ее муж—девица, да такая, что не ешь, не пей, а сиди и любуйся ее прекрасными чертами, ее нежным, как цветок, обликом, словно это гурья, ангел, только что сошедший с небес...

— Я открыла тебе тайну, которая, кроме тебя и аллаха, никому неизвестна, и ты не должна никому говорить о ней. Как я терпеливо ожидаю, так жди и ты. Даст аллах, наступит день, Ибрагим вернется, и тогда мы обе выйдем за него замуж, станем двумя сестрами и заживем все вместе.

Девушки расцеловались и от чистого сердца поклялись жить, как одна душа в двух телах, и решили подобно верным возлюбленным ждать приезда Ибрагима.

Оставим их в ожидании, а мне о ком бы рассказать тебе? О бедняге Ибрагиме.

Мы остановились на том, как, разузнав у старухи дорогу, он пошел по направлению к горе Энбэри Кюхэ, чтоб рассеять чары колдовства ифрита и забрать обратно свой пояс. Оделся Ибрагим с головы до ног и с ног до головы и, сказав: «О Али, на тебя уповаю!»—пустился в путь.

Как ветер через ущелья, как поток с гор, как вихрь могучий, как молния среди туч—с иголку путь прошел он.

А на исходе седьмого месяца дошел до одного места. Видит—кругом все пышет жаром, дышать становится все трудней и трудней, кровь в жилах густеет, сердце готово лопнуть. Тут понял, что дошел он до того самого места, о котором говорила ему старуха. Он подошел ближе, видит—нет, двигаться дальше невозможно. Разорвал одежду, сбросил с себя все лишнее, зажмурился и, сказав себе: «будь, что будет», двинулся дальше. Очнулся только тогда, когда почувствовал, что весь он в кровавом поту. Не обращая ни на что внимания, Ибрагим шел дальше. Пройдя еще немного, он почувствовал, что дышать стало легче. Еще немного, еще немного, еще, еще... и стало прохладно. Тогда он вспомнил слова старухи и понял, что он преодолел первые чары. Смотрит, впереди виднеется огромный костер. И пылает он с таким шумом и треском, что языки пламени поднимаются к небесам, а на нем огромный чан кипит и клокочет. Взяв себя в руки, Ибрагим двинулся дальше и, наконец, дошел до чана. Пройдя вправо, он заметил, что на вершине отвесной скалы, у обрыва, на бесплодном голом камне, по воле аллаха, зеленеет яблоня, так и манит под свою сень. Смотрит он, а на дереве всего-навсего одно единственное яблоко, красное и румяное, как кровь. Подошел он, обнажил меч, прыгнул вверх и ударил по яблоку. Из под чана высунулись огромные, всепожирающие языки пламени, и на мгновение Ибрагиму показалось, что начинается светопреставление. Смотрит: со всех сторон наступают на него чудовищные дэвы, аждаха, ползут, извиваясь, змеи и скорпионы. Он прислонился к скале, обнажил меч и, заревев, бросился на наступающих.

Уложил он тут одного, там другого, третьего, вдруг смотрит—подбирается к нему аждаха с раскрытой пастью и вот-вот поглотит его. Вонзил он ему в левый бок свой меч по самую рукоятку, и кровь фонтаном забила к небу. Раздался такой шум, что у Ибрагима волосы на голове стали дыбом. Раскрыв глаза, он увидел, что нет ни дэвов, ни аждаха, ни змей, ни чана,—все

исчезло. Зато бьет из-под земли холодный родник. И в нем вода такая чистая, прозрачная, как слезинка. А у родника—камень и на нем его пояс. Подбежав к камню, он протянул руку и хотел взять пояс, но в этот момент его, схватив сзади за шею, кто-то поднял в небо. Обернувшись, Ибрагим увидел пред собой чудовищного ифрита, нижняя губа которого метет землю, а верхняя—небо. Ифрит поднял его ввысь.

«Ну, видно, тут мне конец!»—подумал Ибрагим.

Зажмурился он и стал ждать, когда ифрит сбросит его на землю.

Подняв его высоко в небо, ифрит сказал:

— Ибрагим, пусть твоя мать оплачет твою гибель. Мало того, что ты похитил пояс моего сына и убил его самого, ты убил и моего второго сына. Не довольствуясь этим, ты осмелился явиться сюда и потушить мой костер. Я искал тебя на небесах, но ты попался мне в руки на земле. Или я тебя сейчас сброшу на землю или, если только у тебя хватит храбрости, ты должен помочь моему горю.

— Что у тебя за горе?—спросил Ибрагим.

— У меня есть враг—белый дэв. Мне нет от него житья. Сколько я ни бьюсь с ним, он каждый раз побеждает меня. Наконец, заглянув в книгу судеб, я узнал, что он умрет от руки человека. И это будет тот самый человек, который потушит пламя под моим чаном, огромным, как мир. Ну, теперь, если ты пойдешь и убьешь его, я верну тебе твой пояс, спущу тебя прямо на твоей родине, а нет, если даже ты обратишься в рыбу или в вольную птицу и скроешься на дне морском,—все равно отыщу, клянусь тебе в том.

Ибрагим, видя, что дело плохо, и что это чудовище способно на всякое зло, волей-неволей дал свое согласие. Ифрит подхватил Ибрагима под крылья и полетел прямо на запад. Сколько времени летели они так, Ибрагим не знал. Наконец, ифрит сказал:

— Взгляни, Ибрагим, вот мой враг.

Взглянул Ибрагим и видит: движется по земле нечто,

похожее на огромную гору. А ифрит спустил Ибрагима на землю у окраины одного города и говорит:

— Смотри, дэв этот живет в пещере, расположенной по ту сторону горы. Отправься туда и покоянчи с ним.

Сказав это, ифрит поднялся в небо и исчез. Опустив голову и кляня свою судьбу, Ибрагим пошел по направлению к городу. Войдя в город, он увидел, что все жители в трауре. Он зашел в маленькую кофейню, чтобы передохнуть, а хозяин поставил перед ним стакан чаю и кальян. Взяв в руки трубку из слоновой кости, Ибрагим закурил. Он обратил внимание на сидевшего рядом с ним юношу, который беспрестанно вздыхал. Понаблюдав за ним некоторое время, Ибрагим заметил, что тот положил голову себе на колени и плачет так жалостно, как будто с него спрашивают всю дань и все тяготы мира. Не выдержав, Ибрагим обратился к нему:

— Брат мой, что с тобой, какое у тебя горе? Может, я могу как-нибудь помочь тебе.

— Ах, как можешь ты помочь мне!—ответил юноша.

Однако, Ибрагим не отставал от него, и юноша, усадив Ибрагима в отдаленном уголке, рассказал ему следующую историю:

«Я сын богатого купца. После смерти отца, брат его—мой дядя, желая овладеть всем его достоянием, решил убить меня. У моего дяди была дочь, мы были обручены. Дядя, видя, что если он отдаст за меня свою дочь, все мое богатство уплывет мимо его рук, оклеветал меня, обвинил в воровстве и добился моего изгнания из родного города. Взяв из всего отцовского богатства и из всех его сокровищ одну единственную палку, я вышел из дому. Так шел я день за днем и, наконец, добрался до опушки леса. Ступни мои покрылись волдырями и зудили нестерпимо. Я сел немного отдохнуть и увидел, что во всю прыть скачет какой-то юноша на белом коне. Он подъехал ко мне. Смотрю—а это дочь моего дяди. Увидев меня, она заплакала, сошла с коня, бросилась ко мне, обняла меня и принялась целовать.

— Знай, что я верна тебе!

Оказывается, моя двоюродная сестра, узнав обо всем, собрала маленькие по весу, но крупные по ценности вещи, набила ими сумку и поехала следом за мной. Сели мы на коня и доехали до этого города. Здесь я открыл лавку, женился на своей невесте, и начали мы жить, и жизнь наша была счастлива. Неподалеку от моей лавочки была лавка красавца-юноши. Мы побратались с ним. Раз, вернувшись домой, я увидел, что жены моей нет дома. Я и туда, и сюда, а она, словно обратившись в кусок хлеба, поднялась в небо. Я сбился с ног. Тогда я открылся своему названному брату. Ударил он себя обеими руками по коленям и говорит:

— О, бедный брат мой, лучше бы твои печали стряслись над моей головой, нежели тебе так страдать. Наверное ее похитили харамийцы. 3

— Какие?

— Здесь свили себе гнездо харамийцы, они похищают всех красивых женщин и девушек. Видно, теперь они утащили и ее,—объяснил он.

— Где они живут?—спросил я.

— Видишь, там вдали гору,—указал мне брат,—за этой горой находится родник, а у родника их лагерь.

На следующий день, не поев, не попив, я отправился прямо к указанному месту. Сел я у истока родника и жду. Вдруг вижу—идет моя жена, а в руке у нее чаша, и идет она прямо к роднику. Радостно вскочил я с места, намереваясь схватить ее и бежать, но она не обратила на меня никакого внимания. Подойдя к роднику, она, наполнив чашу, повернула обратно.

— Куда ты?—окликнул я ее.

Моя жена оглянулась, засмеялась, пошла своей дорогой и вошла в пещеру. Словно в воду опущенный, воротился я домой.

— Ну, как?—спрашивает меня названный брат.

Так и так, рассказал я ему. Подумав немного, брат мой говорит:

— Ее сбили с пути харамийцы, и она привязалась к

ним. Теперь берегись, она может причинить тебе большие неприятности.

По правде сказать, я не мог совладать с собой и на другое утро снова отправился к роднику. И опять, спустя некоторое время, вижу: она идет за водой, гордая, надменная. Подождав, пока она подошла, я встал.

— Брат мой, уйди! Если ты еще раз явишься сюда, я поговорю с тобой иначе,—сказала она.

Ухватившись за чашу, я начал:

— Как это так, как это так? Ведь ты же моя жена!

Жена оттолкнула меня, я упал на землю, а она ушла. Поднялся я и воротился домой. Брату об этом случае я не сказал ни слова. На утро я снова отправился на то же самое место, вижу—подходит моя жена. И только хотел я подняться на ноги и сказать ей несколько слов, в надежде, что, быть может, она одумается, как вижу, она хочет созвать харамийцев, чтобы те убили меня. Выхватил я нож, убил ее и вернулся домой. Явился названный брат и спрашивает:

— Где ты пропадал?

Я рассказал ему все, как было. После этого брат мой не появлялся ко мне, словно он отступился от меня. Мне было очень тяжело. Я день ото дня становился все слабей и слабей. Наконец, однажды явился ко мне брат и сказал:

— Брат мой, давай-ка мы тебя женим, быть может, это рассеет тебя.

Я согласился.

— Ты поищи невесту, а я тебя женю,—предложил он.

Стал я искать себе невесту. Как-то под вечер, не помню, откуда, я возвращался домой, вижу: идет по улице девушка и ступает так красиво, словно перепелка. Я пошел следом. Идет девушка, а я за ней, она дальше, я за ней, наконец, подошла она к белым воротам. Как следует приметив ворота, я вернулся к себе домой. Вечером явился мой названный брат, и я открылся ему: так, мол, и так.

— Какая дверь, говоришь ты?—переспросил брат.

Я объяснил ему. Выслушав меня, он опечалился и, подумав немного, сказал:

— Брат мой, откажись ты от нее. Добра от этого не будет.

Но сколько он ни говорил, как ни уговаривал, толку мало. «Нет, да и только,—твердил я.—Если женюсь, так на ней, а нет—то и вовсе ни на ком. Если ты и впрямь любишь меня, жени меня на ней»,—добавил я.

Волей-неволей пришлось ему согласиться. Встал он и отправился, как принято, сватом.

Вскоре он вернулся и говорит:

— Дело слажено.

Стал я готовиться к свадьбе. Все было готово. Три дня и три ночи гремела музыка, сыграли свадьбу, и я женился на этой девушке. В ночь, когда должны были привезти молодую, мой названный брат исчез. Когда я увидал свою молодую жену, я убедился, что покупал я бекмез, а получил мед. * И впрямь она стояла моей двоюродной сестры.

Встали мы на утро, а брата названного нет и нет. Я отправился к нему в лавку, обошел весь базар, искал, но нигде не нашел.

«Эх, ты, неверный друг, где ты пропадаешь?»—подумал я.

Прошло еще немного времени, и ко мне зашел мой названный брат. Мы поздоровались, и я спросил, где он пропадал. Он начал мне рассказывать тысячу небылиц, убеждая меня в том, что он был сильно болен.

Обернулся я к жене, чтоб попросить чаю, смотрю—ее нет. Я подумал, что она вышла во двор. Посидев немного, брат мой встал:

— Прости меня, я должен уйти.

Как я ни уговаривал, все напрасно. Он ушел. Только он вышел, как явилась жена. Я даже немного рассердился:

— Зачем же ты приходишь после ухода гостя?

Она промолчала.

После этого она взяла себе за обыкновение исчезать при появлении моего названного брата. В конце концов, меня одолели сомнения. Раз, заперев дверь, я обнажил меч и обратился к жене:

— Или открой мне, в чем тут дело, или я тут же изрублю тебя в мелкие куски.

Жена рассказала мне всю правду. Оказывается, она и мой брат были одно и то же лицо. Мы снова обнялись. Так прошло ровно три года, но теперь вот уже два месяца, как ее тоже похитил белый дэв, и с тех пор моим уделом стали стоны и слезы».

— А как попасть к дэву?—спросил Ибрагим.

— Откуда мне знать?—вздыхнул юноша.—Вот уже месяц, как он похитил единственную дочь падишаха, и потому весь город в трауре, а она была невестой сына визиря. Сын визиря собрал войско в пятьсот человек и каждый день бьется там, но безуспешно.

Взяв с собой юношу, Ибрагим отправился в дорогу.

— Не бойся,—сказал он.—С твоей помощью я покончу с белым дэвом. Его жизнь в моих руках. Я и явился сюда за этим.

Они подошли к подножию горы, отыскиали колодец. На этот колодец указал Ибрагиму доставивший его сюда ифрит. Оставив юношу у колодца, Ибрагим спустился в него. Смотрит—на дне колодца идет дорога влево. Пойдя по ней, он дошел до одной комнаты. Смотрит: в ней дочь падишаха висит, привязанная за косы, а у ног ее золотая чаша. В пятку правой ноги ее воткнута игла, и кровь, капля за каплей стекая с иглы, падает в чашу.

Увидя юношу, девушка взмолилась:

— О юноша, пожалей себя, беги отсюда. Сейчас появится дэв и, обнажив твои кости, выпьет твою кровь.

Не проронив ни слова, Ибрагим сел и стал ждать дэва. Спустя немного, задрожала земля, загремел гром, и вошел белый дэв. При виде его, Ибрагим бросился на него и, как наказывал ему ифрит, выхватив из-под ног девушки золотую чашу, плеснул кровью в глаза дэва. Дэв ослеп, упал наземь и забился в судорогах. Ибрагим

обнажил меч, обезглавил дэва и отправил его в джаханнам. Затем освободил девушку и поворит:

— Оставайся здесь!

После того он прошел во вторую комнату. Видит: сидит там жена юноши, поджидавшего его у колодца, а на коленях у нее покоится голова ужасного дэва. Когда Ибрагим вошел, дэв проснулся, и загорелась жаркая схватка. Ровно семь дней и семь ночей бились они, и счастье попеременно улыбалось то Ибрагиму, то дэву, но никто из них не мог одолеть другого. Наконец, на восьмые сутки, во второй половине дня, Ибрагим схватил дэва и со всего размаха бросил оземь. И пока тот успел притти в себя, кинулся в третью комнату и плеснул остатки крови из золотой чаши в глаза чудовища. Когда тот ослеп и упал, он сел ему на грудь и, обнажив меч, только хотел обезглавить его, как видит, что это его жена, и опустил было меч, но в этот момент ифрит, появившись из-за туч, крикнул:

— Убей скорей! Это навождение. Сейчас он покончит с тобой.

Зажмурился Ибрагим, вонзил меч в сердце и обезглавил ее. Смотрит, а это вовсе не дочь его дяди, а дэв.

Ифрит, нагнувшись, спустил с неба огромную чашу и стал собирать в нее кровь дэва. Когда чаша наполнилась, он протянул ее Ибрагиму:

— На, возьми! Что бы ты ни обрызгал этой кровью, все обратится в золото. Это тот самый белый дэв. Он хотел провести тебя и потому принял образ твоей жены.

После этого ифрит передал Ибрагиму его заколдованный пояс. Ибрагим с обеими девушками вышел, а юноша спустил веревку и по очереди вытащил всех трех. Ибрагим вернул ему его жену, дочь падишаха отдал сыну визиря, а сам сел на крылья ифрита и отправился на родину.

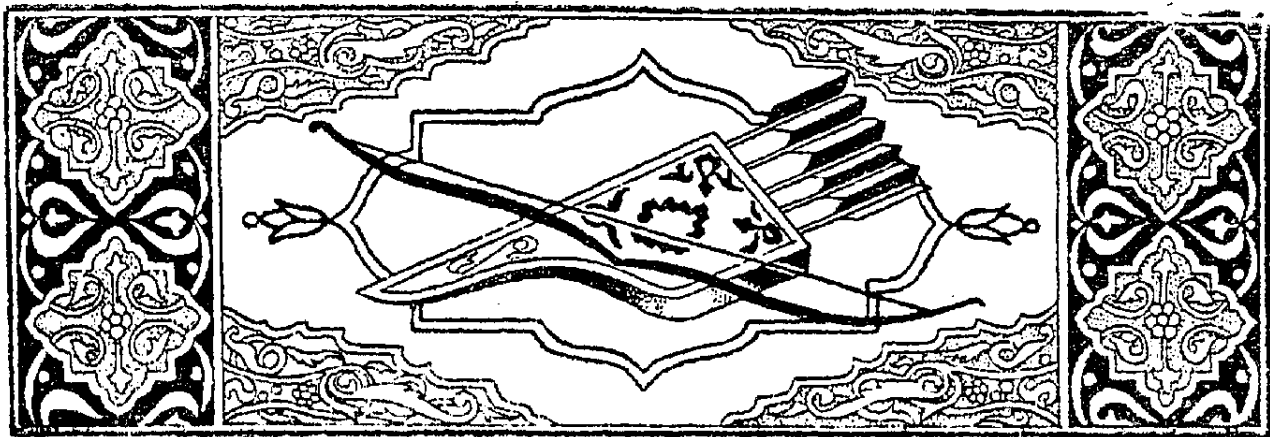
Тут раскрылись все тайны. Настоящий Ибрагим появился, лже-Ибрагим сдал ему все дела. Рассказала тут она ему об обещаниях и клятвах, принесенных ею вме-

сте с дочерью падишаха. Снова сорок дней и сорок ночей играли свадьбу, и женился Ибрагим на обеих подругах, и все трое достигли желанного.

И я там был, плов ел, шербет пил, по усам текло, а в рот не попало, в животе не бывало. Прожить бы вам сто лет, а мне дважды пятьдесят. Что больше, то вам, что меньше, то мне.

Вы живы, и я здоров.

XVIII. ШАХЗАДЕ МУТАЛИБ

кто-то был, кого-то не было, жил-был один падишах. У этого падишаха детей не было. Падишах решил жениться на всех женщинах своей страны в надежде получить наследника. У него уже было до сорока жен, но детей все не было и не было.

Однажды к дворцовым воротам подошел дервиш. Узнав о горе падишаха, он сказал:

— Ты должен развестись со всеми своими женами. Они сковывают твою судьбу, и потому у тебя нет потомства. Ты должен жениться лишь на одной девушке и, чтобы очиститься от всех нечистей и заклинаний прежних жен, в течение семи лет должен трижды в день омываться холодной водой. На исходе седьмого года у тебя родится сын.

Падишах дал развод всем своим женам. Долго искал, долго выбирал и, наконец, женился на молоденькой девушке, подобной едва распустившемуся бутону.

Ровно семь лет, как указывал дервиш, трижды в день он погружался в холодную воду. Прошла зима, пронеслись весна и лето, и со дня предсказания дервиша протекло ровно семь лет, а счастье все не улыбалось падишаху.

Однажды падишах сидел в беседке на крыше дворца и думал о своем горе. Внезапно загремел гром, сверкнула молния, в воздухе потемнело, и с неба стала спускаться черная туча, и поднялся такой ураган, такая буря, словно наступило столпотворение. Туча, снизившись до беседки, в которой был падишах, разорвалась, а из середины ее выскочило красное яблоко и упало прямо на колени падишаху.

Некоторое время падишах лежал в глубоком обмороке. Придя в себя, он увидел, что туча исчезла, непогоды как не бывало, небо чисто. Бросив взгляд на колени, он увидел яблоко, и, подняв это яблоко, падишах приказал созвать всех мудрецов и старцев страны, но ни один из них не мог разъяснить ему смысла этой тайны. Только один из старцев посоветовал падишаху съесть половинку яблока, а другую половинку отдать жене.

— Без сомнения, в этом яблоке таится исцеление от бесплодия!—сказал он.

Согласно совету старца, падишах разделил яблоко пополам, дал половину жене, а другую съел сам. Ровно через девять месяцев, девять дней и девять часов у жены падишаха начались родовые схватки.

Прошел день, прошел второй, а дитя не появлялось. Собрал падишах всех мудрецов и врачей. Посмотрели они и говорят: младенец очень крупный и потому идет с трудом. Сколько они ни бились, как ни старались, а помочь не могли. Все решили, что жена падишаха умрет. И снова, сидя в беседке и горестно обняв колени, падишах погрузился в море скорби, и вдруг, как и в прошлый раз, поднялась страшная буря, с неба опустилась черная туча, и из нее вылезла старая-престарая гары. В руках у старухи были золотой таз и золотой кувшин. Молча она прошла в покои роженицы, омыла ее руки и лицо принесенной в кувшине водой, провела рукой по ее телу, и словно в этом прикосновении заключалось исцеление жены падишаха: в ту же минуту она разрешилась.

— Без меня имени ребенку не давайте,—сказала гары падишаху и тут же исчезла.

Начали растить и холить младенца, но жена падишаха никак не могла оправиться после родов и спустя несколько времени скончалась.

Зато мальчик был просто чудо... Когда ему исполнился год, он был похож на десятилетнего мальчика.

Но имени ему так и не нарекли, и каждый называл его по своему. Прошли месяцы и годы, а старуха все не появлялась.

Собрались приближенные и стали укорять царя:

— Так не пойдет, дай ребенку имя!

Наконец видя, что делать нечего, падишах стал готовиться, разослал приглашения, собрались гости, ели, пили и, когда наступило время, вынесли мальчика к моллам, чтобы те дали ему имя.

В ту же минуту загремел гром, задрожали земля и небо, и опустилась на двор черная туча. Из тучи вылезла та самая гары, взяла мальчика на руки, поцеловала и трижды громко крикнула ему в ухо: «Шахзаде Муталиб».

Сказав это, она исчезла.

И стали после этого мальчика звать Шахзаде Муталиб.

Царевич рос и креп. Оставим его пока, а я расскажу тебе о падишахе.

Падишах твердо решил жениться.

Собрались визири и векилы и стали уговаривать его:

— У тебя взрослый сын. Нехорошо брать жену после смерти матери такого молодца, как Муталиб.

Но падишах не хотел слушать и настоял на своем. И стоя, как говорится, одной ногой на том свете, а другой на этом, он затеял свадьбу с музыкой, зурной и плясками. Ровно семь дней и семь ночей играли свадьбу — он женился на молоденькой девушке, став посмешищем для окружающих.

Подумай, ты—юное создание, твой муж—дряхлый старик, а в доме такой красавец, как Шахзаде Муталиб!

Ясно, что шайтан не оставит тебя в покое. А раз ты еще вдобавок женщина, то-есть в ловкости не уступишь никому, «самому шайтану сошьешь папаху»,¹—то беда тогда такому молодцу, как Шахзаде Муталиб!

Начала царица и так и сяк ластиться к царевичу, но увидела, что на него ничто не действует. Как она из себя ни выходила, как ни старалась, Шахзаде Муталиб не обращал на нее никакого внимания. Наконец, уловив момент, когда Шахзаде Муталиб входил в комнату, она, притаившись за дверью, шепнула:

— Нам надо положить головы на одну подушку.

Шахзаде Муталиб не согласился. Когда дело приняло такой оборот, молодая женщина разодрала на себе одежды и бросилась с громким криком к падишаху:

— О стыд, о позор, для того ль ты женился на мне, чтобы твой сын посягнул на мою честь и опозорил меня!

— Постой, о женщина, ты прежде расскажи мне, что случилось?—спросил падишах.

— Твой сын покушался на мою честь, я воспротивилась этому, при моем сопротивлении он разодрал мои одежды,—вымолвила она с притворными слезами.

Падишах приказал призвать визиря и рассказал ему о случившемся.

— Ты должен собственноручно убить его, а мне принести его окровавленную сорочку,—приказал падишах.

Визирь понял, в чем дело. Как он ни уговаривал, видит, нет—разум падишаха померк; приказав связать Шахзаде Муталиба, он повел его в дремучий лес. Дойдя до самой чащи, они остановились. Визирь свистнул, из-за кустов показался всадник, подъехал, спешился, передал коня визирю, а сам скрылся.

Визирь повернулся к царевичу и говорит:

— Дитя мое, твоя мачеха оклеветала тебя, а у отца твоего очи и разум помутились: он не видит правды. Он приказал мне убить тебя, но я знаю, что ты невинен. На, вот золото, а вот и конь, уезжай и создай себе новую жизнь.

Сказав это, визирь привязал к седлу коня мешок с деньгами и передал его Шахзаде Муталибу.

Когда конь и всадник скрылись из глаз, визирь подстрелил птицу и, вымазав в ее крови одну из сорочек Шахзаде Муталиба, принес и подал ее падишаху. Взяв в руки сорочку, падишах прижал ее к сердцу:

— Наконец, наконец, остыло мое пылающее гневом сердце!

Оставим их пока, а я поведаю тебе о Шахзаде Муталибе.

Проехав некоторое время, он посмотрел в мешки, оставленные ему визирем, и убедился в том, что у него много золота. Ехал он долго и, наконец, выбравшись из леса, увидел впереди огромный город. Уже надвигались сумерки. Он решил провести ночь у леса, а рано поутру пойти в город и поискать себе работу.

Подложив мешок под голову, он вытянулся и уснул.

Проснувшись поутру, когда солнце было уже высоко, он оглянулся и увидел, что нет ни коня, ни мешка. Оказывается, ночью их утащили воры.

Голодный, без гроша в кармане и не зная никакого ремесла, Шахзаде Муталиб задумался. Поразмыслив, он скинул с себя дорогие одежды, придав своей наружности простой вид и вошел в город. До вечера бродил он по городу и, наконец, дошел до майдана, оказавшегося базаром. Смотрит: стоит на возвышении голубоглазый мужчина со скудной растительностью на лице, с редкими желтыми зубами и громко кричит:

— Кто хочет поступить ко мне в нукеры?

Никто не обращал на него внимания. Шахзаде Муталиб решил поступить к нему, но его смущала мысль: «Странно. Если он не плохой человек, почему никто из тысячи таких, как я, не поступит к нему?»

И он пошел снова по майдану, но голод одолевал его. Видя, что иного выхода нет, он, подойдя к незнакомцу, молвил:

— Я поступаю к тебе нукером.

Внимательно осмотрев его с ног до головы, незнакомец спросил:

— Что ж, племянничек, можно, но как тебя зовут?

— Муталиб.

Старик достал из кармана какую-то бумажку, заглянул в нее и сказал:

— Пойдем!

— Хорошо, а в чем будет заключаться моя работа?—спросил Муталиб.

— Сын мой! Ты проживешь у меня ровно тридцать девять дней и лишь на сороковой у нас будет всего-навсего на один день работы. Затем снова тридцать девять дней ты будешь отдыхать.

Шахзаде Муталиб последовал за стариком. Они подошли к дому, расположенному на окраине города, вошли во двор, и Муталиб увидел, что роскошь и богатство этого старика не уступят царским. Они поднялись во второй этаж. Старик открыл дверь одной из комнат и говорит:

— Вот твоя комната, войди и отдохни.

Муталиб вошел в комнату. Прошло немного времени, дверь раскрылась, и вошла красивая девушка с подносом на голове, уселась около него, поставила поднос на ковер; на подносе в блюде был великолепный плов с курицей и всякими приправами и вдобавок двести туманов золотом. Девушка промолвила:

— И это золото и я принадлежим тебе.

Муталиб поел плов, взял деньги и вместе с девушкой обратил ночь в день.

Назавтра, в сумерки, снова распахнулась дверь, и вошла другая девушка, еще краше вчерашней, с подносом на голове. Словом, не стану тебя утомлять: так все тридцать девять дней, каждую ночь—новых двести туманов и новая юная красавица.

Царевич говорил сам себе: «Да, не плохо быть таким слугой! Пошли аллах побольше таких служб!»

На сороковой день, рано утром Муталиб проснулся и слышит, что со двора доносятся шум и крики.

Высунув голову в окно, он увидел, что двор полон верблюдами. Раздался голос хозяина:

— Муталиб, сын мой, подымайся, настало время работы.

Спрятав все заработанные за тридцать девять дней деньги под ковер, Муталиб спустился вниз. Передав ему поводья от каравана и сев на коня, хозяин приказал:

— Следуй за мной.

Долго ли ехали, коротко ли, наконец, подъехали они к подножью одной горы. Гора эта была чрезвычайно высокой, такой высокой, что, когда человек смотрел на ее вершину, папаха спадала с его головы. А у подножья горы шумело море.

Старик сошел с коня, снял вьюк с одного верблюда, там оказалось пол-барана и большая плетеная корзина. Обратившись к Муталибу, он сказал:

— Дитя мое! Ровно тридцать девять дней ты ел, шел и веселился. Теперь взамен всего этого мы с тобой поработаем всего-навсего один часок, а работа будет заключаться в том, что ты должен будешь сейчас влезть в эту корзину, на которую я привяжу мясо. Держи этот нож наготове. Прилетит птица и подымет тебя на вершину этой горы, а что там надо делать, я скажу после и укажу тебе дорогу, ты спустишься, и мы отправимся домой и начнем снова отдыхать и веселиться.

Муталиб залез в корзину, старик прикрыл ее сверху мясом, а сам спрятался.

Муталиб почувствовал, как его в корзине подхватили. Через несколько времени он почувствовал, что его как будто спустили на землю, и понял, что птица подняла его на вершину горы. Быстро разрезав ножом корзину, он вылез, а птица, испугавшись, улетела.

Посмотрел он на птицу, а она величиной с верблюда.

В этот момент хозяин стал звать его и приказал:

— Кидай вниз, что там есть.

Оглянувшись Муталиб и видит—кругом золото. Понял он, что это за служба, и принялся собирать золото и сбрасывать вниз. Накидал столько, что все верблюды были нагружены до отказа. Нагрузив верблюдов, хозяин вскочил на коня.

— Как мне сойти?—спросил Муталиб.

Старик в ответ разразился хохотом.

— Глупец, сын глупца! Разве оттуда можно спуститься?

— А как же я здесь останусь?

— Останешься так же, как остались те, которые побывали там до тебя. Оглянись крупом и увидишь,—ответил хозяин и двинулся домой. Оглянулся Муталиб и видит: всюду разбросаны человеческие кости.

Старик уехал. Оказывается, он таким способом набирал слуг, тридцать девять дней кормил, поил их, а на сорсковой день выкидывал с ними такую недобрую шутку. Понял тут Муталиб, что он жестоко обманут. Но уже поздно, дело сделано. Как теперь ему быть? Оглядевшись по сторонам, он увидел, что нигде нет тропинки, и подумал про себя:

«Как видно, тут мой конец».

Бедный Муталиб сидел, прислонившись к камню, и оплакивал свою судьбу. Вдруг слышит какой-то шорох. Стал он прислушиваться и видит, что шорох этот доносится из расположенной недалеко маленькой темной пещеры. Вначале он решил, что это ему померещилось, но шорох опять повторился. Встал он и подошел к пещере, прислушался, и опять явственно послышались ему шорох и урчание.

Сказав себе: «будь, что будет», он вошел в пещеру в надежде найти путь к избавлению. И только успел он сделать несколько шагов, спотыкаясь и ударяясь то головой, то лицом о камни, как увидел впереди какое-то существо.

Сперва он испугался, от ужаса волосы на голове у него стали дыбом. Внимательно взглянув, он увидел, что это лиса гложет кость. Успокоившись и взяв себя в руки, он начал раздумывать. Ясно, что лиса каким-то путем пробралась сюда,—значит, отсюда есть выход.

Осторожно подполз он к зверю и схватил его за задние лапы. Как лиса ни билась, как ни вырывалась—Муталиб не выпускал ее. Да и как тут выпустить, когда в ней заключалась его единственная надежда! Наконец,

он слегка разжал руку, и лиса стала двигаться вперед, а он за ней. Так шаг за шагом ползли они—впереди лиса, а он следом,—видит, наконец, в конце пещеры свет.

Увидя это, Шахзаде Муталиб обрадовался, отпустил лису, а сам дополз до расщелины, смотрит—расстиляется впереди огромная пустыня. Но расщелина в скале очень небольшая. До самого вечера бился он и, наконец, слегка расширив ее, вышел наружу.

Впереди расстилалась бесконечная пустыня. Надвигалась ночь. Проклиная в душе отца и радуясь избавлению, он подложил под голову камень и уснул.

Проснувшись, он увидел, что уже утро, солнце взошло и падает прямо на него.

При свете Муталиб осмотрелся по сторонам. Как внимательно он ни глядел вокруг, не увидел ни одного живого существа. Поднялся он и, чтобы преодолеть голод, еще туже затянул пояс и двинулся в путь.

Сколько он прошел, сказать не могу, но только, когда стало смеркаться, он заметил невдалеке дымок. Смотрит, дым этот подымается из какой-то башни.

Подойдя к башне, он постучался в ворота. Дверь открыла какая-то старуха. Муталиб не узнал ее, но она, завидя его, тяжело вздохнула и говорит:

— Дитя мое, Шахзаде Муталиб, твоя мать умерла?

— Да, умерла,—ответил он.

— А отец снова женился?

— Да, снова женился.

— А мачеха оклеветала тебя?

— Да, оклеветала.

— Войди же, дитя мое. Ведь твоя мать была моей внучкой.

Это была та самая старуха гары, которая, выйдя из туч, помогла матери Муталиба при родах, а затем, явившись вновь, нарекла ему имя Шахзаде Муталиб. Оказывается, она была его прабабушкой.

Гары повела Муталиба в башню, накормила, напоила и уложила спать.

В полночь, разбудив его, гары сказала:

— Проснись, дитя мое. Сейчас время моим сыновьям возвратиться. Я спрячу тебя. Но, пока они не поклянутся моим молоком, ты не выходи.

И только лишь успела она это вымолвить, как загремел гром, и что-то, спустившись с неба, вошло в окно. Схватив Муталиба, старуха запрятала его в сундук. У старухи было трое сыновей. Все трое вошли в комнату и сразу зашумели:

— Человечьим духом пахнет здесь, бородатый человек спрятан здесь.

— Убирайтесь в джаханнам,—прикрикнула старуха,— сами-то вы наверное плотно закусили где-нибудь, а на меня налетели: «Человечьим духом пахнет здесь!» Откуда тут взяться человеку? Я сама сижу тут от полудня потираю свой живот.

Но сыновья ее продолжали прищохиваться и заявили:

— Не хитри с нами, мать, тут спрятан человек.

Тогда старуха сказала:

— Дети мои, раз так, то дайте я расскажу вам всю правду. В этом доме есть человек, но он внук вашей родной сестры. Поклянитесь, что вы не тронете его, и я покажу его вам.

Сыновья сказали:

— Не съедим же мы нашего родного внучатого племянника!

Когда сыновья поклялись в этом материнском молоком, старуха, открыв сундук, выпустила Муталиба. Дядюшки прильнули к Муталибу и долго целовали его.

Узнав его злключения, они сказали:

— Раз отец причинил тебе столько зла, оставайся тут с нами. Ешь, пей, наслаждайся. Ничто не вечно в мире: наступят иные дни, и мы отомстим за тебя.

Остался тут Шахзаде Муталиб и предался радостям жизни. И вправду, он и в отцовском доме не видел столько удовольствий. И бабушка и дядюшки очень полюбили его. Ни одно его желание не оставалось неисполненным.

Однажды гары сказала ему:

— Дитя мое, для того, чтобы сделать запасы на зиму, мы должны отправиться в сорокадневный путь. Ты ехать с нами не сможешь. Ты должен все сорок дней оставаться здесь и ждать нас. На, вот сорок ключей. Тут сорок садов. Чтобы не скучать, ты каждый день осматривай по одному саду, но в сороковой не входи.

Вручив ему ключи, они исчезли. Муталиб ежедневно осматривал по одному саду. Но, как говорится: если соберется весь народ, не сумеет сделать человеку того зла, которое он сам делает себе. Прошли дни, пронесся месяц, наступил сороковой день. Муталиб подумал: «А сегодня я обойду все сады и скоротаю так день, а к концу дня придут бабушка и дядюшки». Зашел он в первый сад, но куда бы он ни заглядывал, все ему не нравилось. Он зашел во второй, то же самое. В какой-нибудь час обошел он все тридцать девять садов. Словно какой-то червь точил его сердце и шептал: открой двери сорокового сада!

Наконец, не сдержавшись, он отомкнул калитку сорокового сада. Прежде всего ему бросилось в глаза высокое дерево. И вдруг послышался голос. Подняв голову, он увидел, что на макушке дерева висит клетка, а в ней сидит человек и что-то говорит. Стал он прислушиваться к его словам.

— О человеческое существо, видно сам аллах сжалился надо мной и послал тебя сюда. Вот уже много лет, как я не вижу человеческого лица. Подымись сюда, чтобы я мог взглянуть на тебя вблизи.

Шахзаде Муталиб полез на дерево и увидел, что это создание подобно статуе. Оно обратилось к Муталибу:

— Брат мой! Ради самого аллаха, приоткрой чуточку дверцу клетки, чтобы я мог хоть раз свободно вздохнуть.

Шахзаде Муталиб сперва остерегался: «а вдруг он убежит?», но потом решил: «ведь все ворота заперты, а ключи от них у меня, куда он сбежит, жалко его, дай-ка открою клетку».

Решив так, он приоткрыл дверцу клетки и только успел это сделать, как услышал, что что-то засвистело и зашуршало; подняв голову, он увидел, что человек этот обратился в птицу и сел на дерево.

«Эх ты, беда какая! Что же мне делать, как поймать его?» — подумал он.

Птица сказала:

— Шахзаде Муталиб, понапрасну не трудись, тебе меня не поймать! Вот уже ровно семь лет, как твои дядюшки держали меня здесь в плену. Но раз ты мне сделал добро, я этого никогда не забуду и в свое время отплачу тебе тем же.

Сказав это, птица взмахнула крылами и улетела.

А Шахзаде Муталиб обхватил голову руками и думает: «Ну что теперь отвечу я бабушке и дядям?»

С этими мыслями он пришел к бассейну и лег на свежую траву и только уснул, как внезапно что-то зашуршало. Открыв глаза, он увидел, что над головой его сидят три голубки.

— Очень жарко, — говорит одна, — раздевайтесь, выкупаемся.

Другая, оглянувшись по сторонам, сказала:

— Сестрички, сестрички, мне страшно! Кажется, сегодня здесь чувствуется человеческий дух.

Два других голубя стали стыдить ее:

— Глушенькая! Это сад трех братьев. Птица и та не смеет сесть здесь, где тут быть человеческому существу!?

Долго спорили они, наконец голубь успокоился и уступил.

Они встрепелулись, перья с них спали. Посмотрел Шахзаде Муталиб, и что же? — Это были три девицы, такие красавицы, что хотелось крикнуть: коли с глаз уйдешь, мою жизнь унесешь!

Ангелы, гурии рая были ничто в сравнении с ними. О творец, а эта боявшаяся обнажиться юная красавица!

Шахзаде Муталиб лишился разума и очнулся только тогда, когда увидел, что девушек и след простыл.

Солнце клонилось к закату. Поднялся он на ноги, голова ходит ходуном. Кое-как дотащился он до дому и заснул мертвецким сном, да так, что спал ровно целый месяц.

Смотрит гары и видит, что от прежнего Муталиба остается только имя. Тает он день-ото-дня, осталась одна тень. Но как она к нему ни приставала, он своего сердца ей не открыл. Тает да и только. Однажды, улучив минуту, гары потребовала:

— Или откройся мне, или я тебе больше не бабушка. Тогда Муталиб рассказал ей все и добавил:

— В сороковом саду я видел девушку, и мое сердце тысячами нитей привязалось к ней.

Тогда гары ударила себя по голове и груди.

— О несчастный, ты погубил и себя и меня.

Прошло еще несколько дней, и гары видит, что гибнет Шахзаде Муталиб, сохнет он день-ото-дня, и, видя это, она говорит:

— Делать нечего. Возьми себя в руки и постарайся поправиться, а я пособлю тебе.

И словно все страдания Муталиба и все его исцеление заключались в этих словах. Юноша сразу ожил, повеселел, щеки его порозовели, так, день за днем, постепенно он стал поправляться и стал на ноги. И когда окончательно выздоровел, пристал к гары:

— Обещание требует выполнения!

— Муталиб, дитя мое,—сказала гары,—эти девушки —дочери падишаха райских гурий. Это дело не кончится добром. Лучше брось о них думать, а я тебе приведу дочь любого падишаха.

Услышав эти слова, Шахзаде Муталиб медленно разделся и лег в постель.

— Что ты делаешь?—спрашивает гары.

— У меня снова жар.

Видя, что ничего не выйдет, гары вынуждена была согласиться и сказала ему:

— По пятницам они прилетают сюда купаться. Пойди и опять ложись там. Когда они придут и разде-

нутя, улучи минуту, укради сорочку понравившейся тебе девушки и беги. Она долго будет уговаривать тебя: «Муталиб, верни мне сорочку. Я твоя, а ты мой»,—ни в коем случае не верь ей и не возвращай сорочки, беги без оглядки сюда и дай сорочку мне.

До пятницы оставалось два дня, но для Шахзаде Муталиба эти два дня тянулись, как два года. Наконец, наступила пятница. Еще не успело забрезжить утро, как царевич отправился к бассейну и стал ждать. Был уже полдень, как вдруг он видит, что девушки прилетели, но как старшие сестры ни уговаривали, младшая ни за что не хотела раздеться.

— Нет, нет. Я слышу человеческое дыхание.

Сердце царевича громко стучало. «Что я буду делать, если она не разденется?»

Однако, обе сестры снова принялись увещевать ее.

— Ты и в прошлый раз говорила то же самое. Ну как сюда забраться человеку?

Одним словом, что долго тянуть, девушки, наконец, уговорили ее. Спустившись над бассейном, они сбросили свои перья, обратились в трех девиц, скинули сорочки и погрузились в воду. Едва сдерживая себя, Шахзаде Муталиб притаился, сказал в душе: «о Али, от тебя жду помощи», улучив минуту, подхватил сорочку младшей девушки, спрятал у себя на груди и бросился бежать. Увидя это, девушки выскочили из воды. Две старшие оделись и улетели, а младшая осталась нагой и поняла, что ее одежда похищена.

— Шахзаде Муталиб, остановись,—крикнула она:— у нас такой обычай, что какую из нас увидит мужчина обнаженной, та принадлежит ему. Теперь ты мой, а я твоя.

Обрадовался он и говорит:

— Ну тогда пойдем вместе.

— Нет,—возразила девушка,—стыдно, дай я одену сорочку, и мы отправимся.

— Нет, милая,—ответил Муталиб,—меня не прове-

дешь. Что хочешь проси, но сорочку не дам. Бабушка разгневается.

Долго молила девушка, но он был неумолим. Наконец, девушка предложила:

— Хочешь, я поклянусь?

Царевич говорит:

— Клянись сколько хочешь. Пусть все твои клятвы образуют горы, достигающие до небес, я сорочку не верну. Бабушка рассердится.

И, сказав это, он умчался. Добежав до гары, он передал ей сорочку. Быстро спрятав сорочку в сундук, она замкнула его семью замками. Затем, взяв богатые одежды, отправилась к девушке и увидела, что сестры ее улетели, а она, бедняжка, распустила волосы, прикрылась ими и сидит в траве.

Завидев гары, девушка сказала:

— Бабушка! Ведь ты хорошо знаешь наши обычаи. Теперь я его законная жена, верни же мне мою сорочку.

Внимательно взглянув на нее, старуха молвила:

— Да, я хорошо знаю ваши хитрости. Я знаю, что у вас язык один, а ключей к нему сорок. Брось меня дурачить. Вот я принесла тебе одежду, одевайся и пойдём.

Делать было нечего. Девушку разодели, нарядили, привели домой и, сыграв на утро свадьбу, оставили молодых вместе.

Так ровно четыре года они склоняли головы на одну подушку, и у них родилось два сына.

Однажды жена говорит Муталибу:

— Ведь ты царский сын, а я царская дочь, справедливо ли, чтобы всякие проходимцы жили во владениях наших родителей в свое удовольствие, а мы оставались здесь в этой огромной пустыне одни-одинешеньки? Давай и мы поедём, погостим у твоего и моего отца. До каких пор будем мы оставаться здесь?

Подумав немного, Муталиб видит, совет недурен. И как-то раз открыл свое решение бабушке.

— Дитя мое,—ответила гары,—эта хитрушка тебя обманывает. Не слушайся ее.

Но ночные птицы бывают очень сильны. Начала девушка дни и ночи донимать царевича, так и сяк подходит к нему, спать не дает, ласкается, шепчет, уговаривает и, наконец, уговорила Муталиба. Гары, видя, что она уговорила Муталиба, стала собирать их в дорогу. Наварила, напекла, наготовила. Пришила к подкладке одежды Муталиба карман, зашила туда сорочку девушки, а сама наказывает:

— Дитя мое, гурья никогда не будет женой сыну человека. В конце концов, найдя удобный случай, она убежит от тебя, но, пока эта сорочка будет храниться у тебя, она бессильна что-либо сделать. Смотри, ни в коем случае не давай ей сорочки.

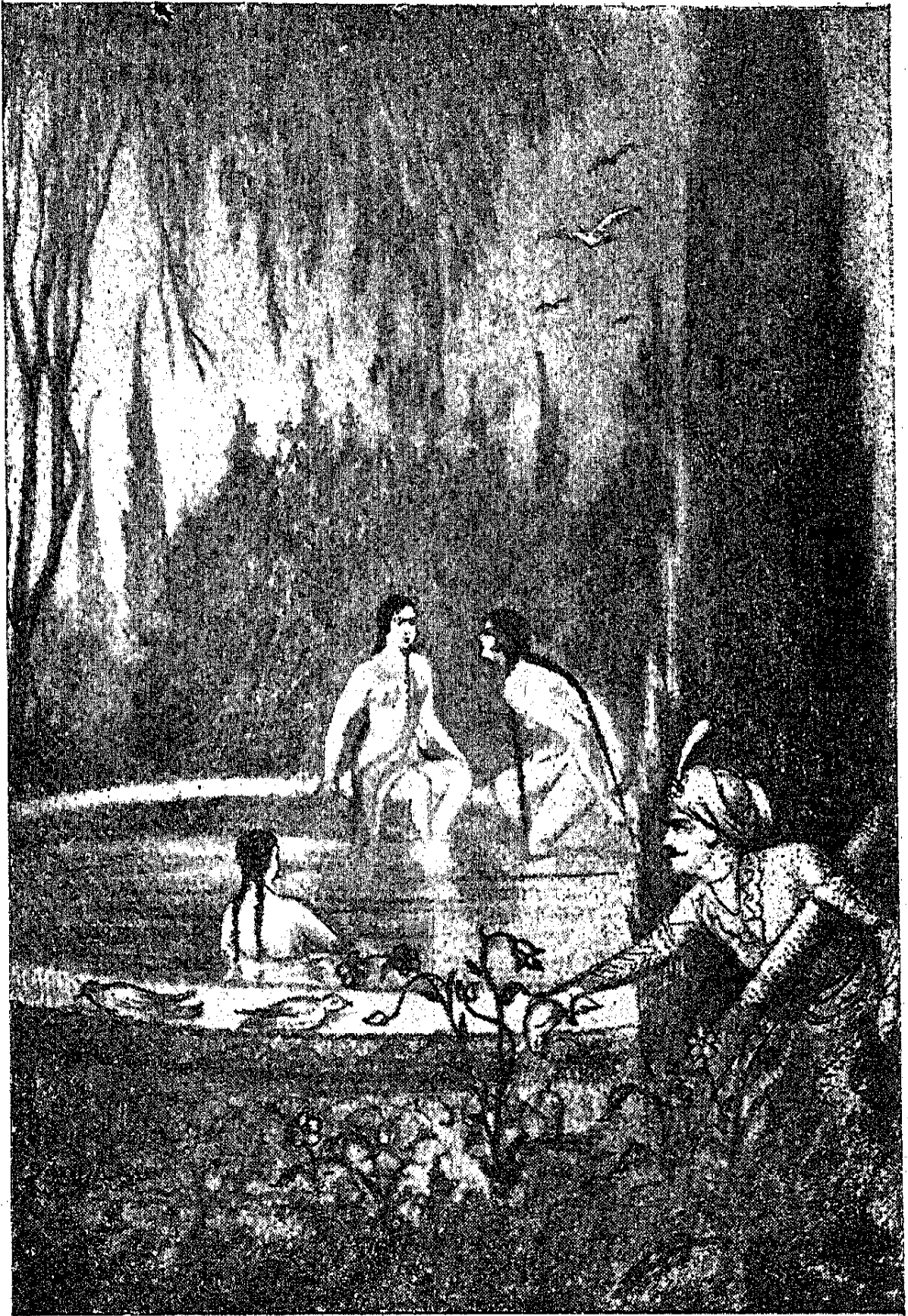
Дядюшки Муталиба посадили их себе на спину и взвились в небо. Долго ли летели, коротко ли, наконец, спустившись в одной местности, говорят:

— Здесь границы наших владений. Дальше вы должны двигаться сами.

Стали они считать, да подсчитывать и высчитали, что до владений отца Муталиба остается сорокадневный путь.

Распрощавшись с дядюшками, они отправились в видневшийся вблизи город. Дойдя до города, они увидели на окраине старуху, собирающую у дороги травку. Муталиб заключил с ней условие, что та сдаст ему свой дом, и они проживут там некоторое время. Старуха провела их к себе и дала им все, что они просили. Ежедневно Муталиб ходил на базар, чтобы узнать новости, и нет ли караванов в сторону отцовских владений. Но надобно сказать и то, что он сильно опасался, как бы во время сна жена не взяла свою сорочку и не улетела. И потому отдал сорочку на хранение хозяйке и строго-на-строго наказал ни в коем случае не отдавать ее жене.

Однажды он, как обычно, отправился на базар, чтобы узнать у приезжих новости, а по соседству была свадьба. Старуха предложила жене Муталиба:

— Дитя мое, почему же ты не идешь на свадьбу?

Накануне девушка, усыпив Муталиба, обшарила все вокруг, но сорочки своей не нашла и подумала, что, быть может, старухе что-либо на этот счет известно. Поэтому, притворившись огорченной, она сказала:

— Бабушка! Я до прихода Муталиба не могу отправиться на свадьбу.

— Почему, дитя мое, иль ты боишься?

— Нет, но у меня есть великолепное платье. Оно стоит очень дорого, царевич хранит его сам, боясь, что я изношу его. А если я отправлюсь не в нем, он будет сердиться.

Старуха, призадумавшись, сказала:

— Дочь моя, Шахзаде Муталиб дал мне на хранение что-то, наказывая: «сбереги это, но если жена просит, не давай ей»; может быть, это и есть то самое платье?

Поняв, что сорочка у старухи, жена Муталиба уверила:

— Ну, конечно, это оно и есть!

Тогда старуха сказала:

— Сюю минуту я принесу, одевайся и идем!

Сказав это, старуха принесла завязанную в узелок сорочку и дала ей. При виде узелка она встрепелась, глаза ее засверкали. Быстро выхватив сорочку, она вдела один рукав на голову одному сыну, другой другому, натянув сорочку на себя, и тут все трое мгновенно обратились в голубей. Взлетев, они уселись на подоконник.

— Бабушка,—сказала она,—передай Шахзаде Муталибу, что он может найти меня в Иремских садах пророка Сулеймана. »

И, сказав это, все трое вспорхнули и улетели.

От страха старуха обмерла и тут же без чувств свалилась наземь.

В полдень Муталиб вернулся домой. Видит, что это?

Дети его сегодня не выбегают ему навстречу. «Что случилось?»—подумал он. Вошел в сени—ни звука. Во-

шел в комнаты— никого. Замер он от изумления. «Что с ними?» И не пришло ему на ум, что могла стрястись такая беда. Вышел он из комнаты и окликнул старуху. Наконец-таки, после долгого ожидания, старуха явилась, ковыляя и переваливаясь с ноги на ногу.

— А где же остальные?—спросил Муталиб.

— А, ну тебя. Собрал кур да цыплят, набил комнату, да назвал их женщинами и детьми.

— Что ты чушь несешь, старуха. Что за куры, что за цыплята? Где жена и дети?

— А почему я знаю, где? В своем гнезде. Набил комнату курами да цыплятами и говоришь, что...

Тут Муталиб так налетел на нее, что старуха волея-неволей рассказала все. Схватился Муталиб за голову.

«Ну, где я их теперь разыщу?»

Подумала, подумала старуха и говорит:

— Она сказала, что «он может найти меня в Иремских садах пророка Сулеймана».

Но к кому бы ни обращался Муталиб, никто садов этих указать ему не мог.

Переходя из страны в страну, он добрался до огромного города. Подумав немного, он решил: «пойду-ка я на базар и посмотрю, кто в этом городе старше всех, быть может, ему известно, где находятся сады Сулеймана». И пошел на базарную площадь.

Смотрит по сторонам и видит, что это? Стоит тут бывший его хозяин, которого он сейчас же узнал. Пригляделся—и город тот же самый.

«Теперь нашел! — подумал он. — Я опять наймусь к нему в нукеры. Во-первых, я отомщу ему, а во-вторых, если мне кто и может помочь, так это моя бабушка. Я опять заберусь на ту гору и оттуда проберусь к ней».

Притаившись в укромном местечке, чтобы старик не узнал его, он придал себе потрепанный вид. Затем подошел к старику, который, стоя на возвышении, кричал:

— Кто хочет наняться ко мне в нукеры?

— Я хочу наняться,—сказал Муталиб.

Внимательно осмотрев Муталиба, старик спросил:

— А как звать тебя?

— Зовут меня Гасаном,—ответил Муталиб.

Старик взглянул в какой-то список и снова внимательно посмотрел на Муталиба.

— Нет, сын мой, из тебя нукера не будет.

Видя, что старик что-то подозревает, он все же решил не отставать от него. Наконец, удалось ему убедить старика и тот взял его на прежних условиях.

Снова повторились те же пиры и угощения. Тридцать девять дней Муталиб ел, пил и отдыхал. Однако, на этот раз он выказывал себя совершеннейшим простаком. На сороковой день они отправились в дорогу.

Как обычно, старик усадил Муталиба в корзину, прикрыл сверху мясом, дал в руки нож. Птица спустилась и подняла его на вершину. Муталиб вылез из корзины и слышит, как старик кричит:

— Ну, бросай, что там есть.

— Хорошо, но я то как потом спущусь? — спросил Муталиб.

Старик в ответ:

— Есть другая дорога, я покажу, и ты спустишься.

— Как бы не так!—крикнул Муталиб и, схватив огромный камень, бросил его прямо на голову старика.

Он бросал камень за камнем, и забросал его так, что тот живо отправился в джаханнам. Тогда он вошел в пещеру. С огромным трудом выбрался Муталиб на равнину. Сев у выхода из пещеры, он передохнул немного и двинулся по направлению к жилищу бабушки. Подойдя к башне бабушки, он постучался в ворота, гары открыла и, увидя его, ударила себя по коленям.

— Что, убежала жена?

— Да, убежала,—промолвил Муталиб.

Они вошли в дом. Как старуха ни доказывала, как ни убеждала: «брось ты эту женщину!»—ничего не вышло. Наконец, написав записку, она говорит:

— Дитя моё, я не знаю, где эти сады, но на расстоянии семидневного пути живет моя сестра. Отдай ей это письмо. Быть может, она поможет тебе.

Взяв письмо, Муталиб отправился. Что ни день, то привал, наконец, он дошел до владений тетушки.

И только он дошел, как его задержали.

Видя, что его тут же без долгих раздумий зарежут и съедят, он вынул записку и подал ее. Тогда привели его к тетушке. Узнав обо всем, тетушка говорит:

— Дитя мое, и я ничего об этом не знаю. Но у нас есть старшая сестра. Быть может, ей это известно.

Сказав это, она написала письмо, вручила ему, дала провожатых и приказала доставить его прямо во владения своей старшей сестры.

Привезли Муталиба к его самой старшей тетушке. Она собрала на совет всех старейшин и мудрецов, но никто ничего не мог сказать. Наконец, один древний старик прошамкал:

— Сын мой, тут живут два царя змея. Один белый, другой черный. Ежегодно здесь на равнине они затевают битву. Если ты сумеешь помочь белому змею победить черного, быть может, он как-нибудь поможет тебе.

— А чем могу я помочь ему?—спросил Муталиб.

— Их битва происходит так: с каждой стороны выходят по змею, и они вступают в единоборство. Победа или поражение одного из них решает исход битвы. Ты должен постараться в этой схватке всадить стрелу в глаз черного змея.

Муталиб согласился. Призвали лучших стрелков и стали обучать его стрельбе.

Время в сказках не идет, а летит. Наступило время битвы. Захватив лук и стрелы, Муталиб отправился на равнину и спрятался за холмом.

Вдруг видит: поднялась невероятная пыль. Вглядевшись, увидел он, что с одной стороны ползут белые, а с другой черные змеи. Звезды в небе можно счесть, но змеев этих не перечесть. Обе стороны выстроились в

ряд, начертили круг. С одной стороны одна страшная черная змея, с другой—прекрасная белая—выползли на арену. Подползли они друг к другу и схватились. И загорелась такая битва, какой от сотворения земли еще не наблюдали очи жизни.

Уперся царевич Муталиб одним коленом оземь, вложил стрелу, натянул тетиву, прицелился. Видит, нет, не может целиться, ибо змеи, переплетаясь друг с другом в клубок, перекатывались из стороны в сторону, и попасть безошибочно было невысказано, да еще в глаз. Тогда воскликнув: от тебя жду помощи, о Али!—он пустил стрелу.

Стрела вонзилась в шею белой змее. Муталиб тут же по самые колена обратился в камень. Прицелился он вторично, и эта, как на зло, вонзилась в хвост белой змее, а Муталиб окаменел до пояса. Смотрит, с одной стороны раны от стрел, с другой—раны от жала черной змеи совершенно обессилили белую змею, и вот-вот черная змея победит. «Будь, что будет»,—сказал Муталиб и, вложив новую стрелу, натянул тетиву, стрела понеслась прямо по направлению к змеям. Покружилась и вонзилась... Куда бы ты хотел?.. Прямо в правый глаз черной змее, и в то же мгновение черная змея испустила дух. Муталиб отряхнулся от сковывавших его камней и, поднявшись на ноги, увидел, что белый змей стоит над самой его головой.

— О, ты, человеческое создание! Скажи, почему ты стрелял в меня?

Муталиб рассказал все, как было.

— Если бы не ты, я был бы побежден. Проси у меня, что хочешь.

— Я прошу у тебя дать мне возможность увидеть вашего царя. У меня к нему просьба.

Змей говорит:

— Мы никого не допускаем к своему царю. Но раз ты оказал мне эту услугу, садись ко мне на спину.

Муталиб уселся на спину змею. Пройдя через лагерь, они подошли прямо к самому падишаху. Вошли в па-

латку, где стоял огромный золотой таз, а в нем тонкая, как шелковинка, зеленая змея.

Приведшая Муталиба белая змея рассказала все по порядку. Повернувшись к нему, змей сказал:

— Проси. Посмотрим, что ты хочешь.

Рассказав по порядку все свои злоключения, Муталиб попросил указать Иремские сады Сулеймана.

— Указать тебе Иремские сады Сулеймана я не могу. Но если ты пойдешь по направлению к востоку, ты найдешь самого Сулеймана.

Переночевав здесь ночь, царевич Муталиб на утро двинулся прямо по направлению к востоку. Шел, шел и на заре следующего утра достиг он подножья горы. Видит, что стоит тут отшельник и совершает намаз. Он спросил его, не знает ли он, где находится пророк Сулейман?

Отшельник засмеялся и говорит:

— Шахзаде Муталиб, Сулейман—это я.

Муталиб почтительно нагнулся и приложился к руке старца.

Пророк Сулейман говорит:

— Желание твое мне ведомо. Но я не могу взять дочь царя гурий и отдать тебе. На этих днях будет ее свадьба. Ее выдают замуж за ее двоюродного брата. Однако, раз ты пришел ко мне, то возьми мою папаху. Если ты наденешь ее, ты станешь для всех невидимкой, но будешь видеть всех. Ступай и делай, что можешь.

Сказав это, он передал царевичу свою папаху.

Говорят, что с того самого дня папаха эта осталась в руках человека.

Муталиб взял папаху и, поцеловав пророку руки, пошел в указанном им направлении.

Дошел он до столицы гурий. Взглянув издали, он увидел у городских стен многочисленную стражу.

Надвинув папаху, он спокойно прошел мимо них и вошел в ворота. Видит, и вправду никто его не приметил. Начал он осматривать город. Так добрался он до

огромного строения. Оказывается, это была школа. Посмотрел, а сыновья его сидят там и завтракают. Бесшумно подойдя, он уселся рядом и поцеловал старшего.

Тогда старший ударил младшего.

— Чего ты целуешься?

Младший заплакал и убежал. Муталиб встал и пошел следом. Так разыскал он дом своей жены. Дети вошли в дом, а он следом.

Усадив детей, мать принесла им покушать. Муталиб, усевшись рядом, присоединился к ним. Жена видит, что обед исчез, поняла, что это неспроста и сказала:

— Кто ты? Человек, джин, иль кто ты есть, заклинаю тебя всем, что тебе дорого, объявись!

Сбросив папаху, Муталиб предстал перед ней.

Жена сказала:

— Муталиб, ты разыскал меня. Значит ты надежен. Но берегись. Отец мой алчет твоей крови. А меня он обещал моему двоюродному брату. Теперь мы должны как-нибудь до свадьбы скрыться отсюда.

Он остался у жены. Оставим их тут на день, на два искать путей к избавлению. А я расскажу тебе об одной старой ведьме.

Как-то раз, увидя во дворе Муталиба, когда тот имел неосторожность не захватить папаху, она, недолго думая, бросилась прямо к самому падишаху.

Тотчас же падишах выслал людей, которые, окружив Муталиба, натянули на него мешок и повели к помосту. Только палач собирался накинуть ему на шею петлю, как раздался громовой голос:

— Подожди, падишах, я должен сам убить похитителя моей невесты.

А это был ее двоюродный брат. Он сошел с коня, обнажил кинжал и только хотел отсечь Муталибу голову, как, задрожав, отступил и выронил кинжал. Муталиб узнал его. Это был тот самый человек, которого он освободил из клетки в сороковом саду своей прабабушки.

— Шахзаде Муталиб! Ты освободил меня из плена, и я не убью тебя. Возьми, я отдаю тебе мою двоюродную сестру. Мир вам.

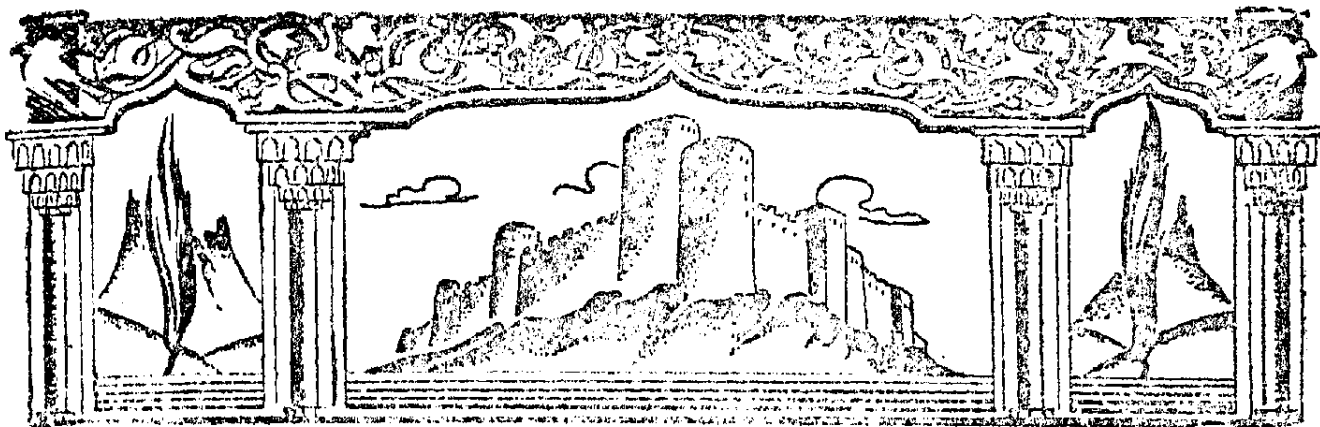
Взяв жену и детей, Муталиб отправился прямо во владения отца.

Он владел престолом, а визиря отца назначил своим главным визирем.

С неба три яблока упало. Одно мне, другое тебе, а третье тому, кто сказку рассказал.

Полакомимся и вы и я.

ХІХ. АГ ГУШ

то-то был, кого-то не было, жил-был один падишах. И сколько ни беременела его жена, дети рождались мертвыми. Падишах был этим сильно огорчен и озабочен. К каким бы лекарям, знахарям он ни обращался, к каким бы молитвам, заговорам и заклинаниям он ни прибегал—все напрасно.

В один из многих дней супруга падишаха вновь забеременела. Когда стало подходить время родов, падишах отправил ее к своему тестю в надежде, что там за ней будет лучший присмотр.

Прошли дни, пронеслись месяцы, и у жены падишаха родился сын. Гонцы поскакали за гонцами. Радости, ликованиям, приветствиям и поздравлениям не было конца. Падишах послал жене строжайший наказ не двигаться с места, а жить у отца, пока дитя не окрепнет, а не то опять случится несчастье.

Оставим их пока там, а мне о ком бы вам рассказать? Расскажу о визире.

Был у падишаха визирь—абиссинец. Давно искал он случая убить падишаха и завладеть престолом, а тут у падишаха еще сын родился. Теперь, если падишах и умрет, ему от этого пользы мало. И решил он убить падишаха и с корнем уничтожить весь его род.

Как-то раз, собрав своих людей, он в полночь напал на дворец, убил падишаха, занял его место и сел на трон.

На утро он послал гонцов к жене падишаха с письмом, подделав подпись ее мужа:

«Приезжай, не мешкая, я болен, хочу повидать сына».

Сев на носилки, супруга падишаха в сопровождении гонцов-заговорщиков пустилась в путь. У подножья огромной горы путники сделали привал.

Как только спустилась ночь и глубокий мрак окутал землю, глава заговорщиков поднялся с места и вошел в шатер царицы. А визирь дал ему приказ: там же на месте покончить и с матерью и с ребенком. Вошел он в шатер и схватил несчастную женщину за руку. Увидела она, что у этого злодея недобрые мысли, взглянула на него и говорит:

— Кто ты, что осмелился замыслить оскорбить супругу своего повелителя?

Глава заговорщиков ухмыльнулся.

— Что говоришь ты, о женщина? Что за падишах? Что за супруга падишаха? Твой муж давным-давно отправился к праотцам. Теперь падишахом у нас визирь твоего супруга. И мы явились по его приказу отправить тебя и твоего младенца к его отцу.

Услышав эти слова, женщина быстро схватила ребенка и выбежала наружу.

Свистнул тут злодей, проснулись его люди и погнались за несчастной матерью. Видит она, что дело плохо, сейчас настигнет ее погоня, оглянулась по сторонам, окинула взглядом землю, окинула взглядом голубеющие небеса и бросила дитя в ущелье.

Тут настигла ее погоня и быстро расправилась с ней. Не пускаясь в дальнейшие поиски ребенка, который, как решили, несомненно разбился при падении, заговорщики повернули коней обратно и ускакали.

Пока они едут с вестями к новому падишаху, я вам расскажу о брате прежнего падишаха.

У прежнего падишаха был брат. В то время, когда происходили эти события, он находился в путешествии. Возвратившись из путешествия и узнав о происшедшем, он понял, что и ему грозит смерть и, собрав горсточку приверженцев, скрылся в горах, расположенных на границе.

Узнав об этом, новый падишах выслал за ним войско, но поймать его не удалось.

И так шли дела. Падишах не мог ни примириться с ним, ни уничтожить его. И проходили так дни их в упорной вражде, постоянных битвах, и дело это затягивалось все дольше и дольше. Меж тем силы у брата падишаха росли день ото дня и число его приверженцев увеличивалось.

Раз он расположился со своими войсками у подножья той самой горы, где некогда сделала привал бывшая царица по пути в столицу.

Один из воинов, спустившись в ущелье, нашел рыващегося у логова льва ребенка и, взяв его на руки, понес брату падишаха.

Взглянул тот на мальчика и видит, что на руке у него золотое запястье. Прочитав надпись, он понял, что это сын его родного брата. А было это то самое дитя, которое мать, спасая его от рук убийц, бросила в ущелье. И так как ребенок был вскормлен молоком львицы, то и называли мальчика Ширзад.²

А Ширзад и впрямь был силен, как львенок. Это был крепкий мускулистый мальчик. С раннего детства не сходил он с коня, метал стрелы, играл копьем и мечом и, достигнув четырнадцати-пятнадцати лет, превратился в подлинного пехлевана. Молва о нем распространилась повсюду. Жив, мол, сын настоящего падишаха и живет у родного дяди. И силы в их лагере стали увеличиваться день ото дня.

Видит тут визирь, что дела его плохи. Думал, думал и решил построить великолепный загородный дво-

рец. Была у него дочь красоты неописанной, которая в ловкости и проворстве не уступала и самому шайтану,— так обманет, что тот и оглянуться не успеет. Притвез ее падишах во вновь выстроенный дворец и оставил там.

Как-то раз Ширзад вздумал выехать на прогулку. Ехал, ехал и подъехал к этому самому загородному дворцу. Он сильно устал и проголодался. Взял стрелу, натянул лук и прицелился. Подстреленная птица, перевернувшись раз-два в воздухе, упала за дворцовую ограду. Поднялся Ширзад на стену и видит—сидит девица, подобная утренней заре, такая красавица, что повелевает реке: не струись! месяцу: не светись!

Завидя Ширзада, девушка встала, распахнула ворота, пригласила юношу во дворец, а сама тотчас послала гонцов к отцу: «Приезжай немедля. Поймала Ширзада».

Ширзад предался веселью и отдыху. Внезапно он взглянул в окно и видит: движется, колыхаясь, как море, полчище войск.

Понял он тут, в чем дело. Поднялся на ноги и первым делом, обезглавив дочь визиря, отправил ее в джаханнам. Затем, быстро спустившись во двор, вскочил на коня и поскакал наперерез врагам. И начался бой. Он один, а врагов—море безграничное: окружили они Ширзада со всех сторон. Уже силы Ширзада иссякали, и вот-вот, сейчас разделаются с ним. Внезапно раздался голос:

— Держись, племянник, иду!

Узнал Ширзад голос дяди, и у него точно силы прибавились, загорелись очи, бросился он в самую гущу, и пошла такая битва, подобно какой не видывал никто с сотворения мира. Часть воинов падишаха погибла в бою, остальные сдались, самого падишаха убили и завладели его столицей.

Ширзад, передав царство дяде, сам стал веселиться и наслаждаться жизнью.

У падишаха—дяди Ширзада—было двое сыновей. Но

падишах любил Ширзада больше их обоих. Это породило в их сердцах жестокую зависть и гнев. Догадываясь об этом, падишах призвал всех трех и говорит:

— Дети мои, все вы трое—мои родные сыновья. Но я люблю храбрых и смелых. Кто из вас таков?

Все трое молча поглядели в сторону.

Тогда падишах молвил:

— Вижу, все вы храбрые молодцы! Тогда я ставлю вам одно условие. Кто из вас в течение нескольких месяцев из страны, куда еще не ступали копыта моего коня, принесет мне нечто невиданное, тот и будет мной любим больше остальных.

Старший царевич выступил вперед, склонился до земли; падишах приказал выдать ему золота, дать коня и отпустил в дорогу.

Сел юноша на коня и поскакал. Обратив дни в ночи, ночи в дни, ехал он ровно два месяца. Когда же наступил третий месяц и он проезжал по одной местности, конь его задрожал, зафыркал и замер. Оглянулся царевич и видит, что у подножья горы лежит ла'л небывалых размеров, невиданной красоты. Сошел он с коня и, решив, что, если б отец видел подобное чудо, то здесь бы на дороге его не оставил, взял ла'л, вскочил на коня и повернул обратно.

Дошла до столицы весть: едет старший царевич. Выслал царь навстречу свиту, и юноша торжественно въехал в город. На утро все разоделись, нарядились, расселись по местам и ждут.

Собралось верховное судилище в полном составе, вышел сам падишах, сел на трон; вошел молодой царевич. В руках у него было огромное золотое блюдо, а на нем драгоценный ла'л невиданной красоты.

Подошел царевич к трону, склонился ниц и положил блюдо у ног падишаха.

Падишах поднял сына, поцеловал в лоб, протянул ему ключ и говорит:

— Сын мой, на окраине города, у подножья горы,

находится пещера. Там у меня сорок комнат, войди в одиннадцатую и положи туда этот ла'л.

Когда царевич вошел в эту комнату сокровищницы, он увидел, что она полна еще более крупными, бесценными ла'лами.

Тогда настал черед среднего царевича. На исходе третьего месяца въехал он в дремучий лес и видит, что он полон роскошных фруктов. Решив полакомиться, он протянул руку и увидел, что фрукты все из чистейшего золота.

Недолго думая, царевич туго набил ими свой хурджин, перекинул его через спину коня и повернул обратно.

Приехал он в столицу. Отец и его, как и старшего, приказал торжественно встретить, а на утро при всем дворе поднести привезенные дары. Когда царевич сложил к его ногам блюда, полные золотых плодов, отец поцеловал его в лоб, протянул ключ и попросил сложить все это в двадцать первую комнату сокровищницы.

Вошел царевич туда, а она до отказа набита еще лучшими.

Дошла, наконец, очередь до Ширзада.

— Дозволь мне взять твоего коня, — попросил Ширзад.

Приказал падишах вывести Ширзаду своего любимого коня. Вскочил юноша на коня и поехал.

Опустив поводья, Ширзад предался воле скакуна. И помчался конь без оглядки...

Ехал он ровно шесть месяцев. Когда наступил седьмой, конь остановился, заржал и стал рыть копытами землю, заржал вновь и настороженно остановился. Ширзад понял, что дальше этого места конь никогда не ходил.

Натянув поводья, он медленно двинулся вперед. Проехав некоторое расстояние, он заметил, что посреди дороги что-то пылает ярким светом. Остановил коня, смотрит, — это самосветящийся светильник.

Осмотрев светильник, он увидел на нем надпись: «На-

шедший этот светильник, знай, что на свете их только два».

«Возможно, что другой найден дядей»,—подумал Ширзад и решил, что, не узнав этого, не вернется обратно.

Захватив светильник и подтянув подпругу коня, Ширзад двинулся дальше. Долго ли ехал, коротко ли,—там меня не было, чтоб счет вести,—доехал он, наконец, до большого города и, подъехав к каравансараю, решил передохнуть там несколько дней.

Ночью слышит, входит в комнату другой путешественник, который достал из сумки самосветильник, похожий на найденный им. Ширзад убедился, что у путешественника как раз второй светильник, который он ищет. Он разговорился с путешественником, рассказал ему свою историю и попросил у него его светильник.

— Я отдам его тебе,—ответил тот.—Но ты должен за это дать мне нечто другое.

— Я готов дать все, что тебе угодно,—живо воскликнул Ширзад.

Тогда путешественник сказал:

— На расстоянии месячного пути отсюда живут дэвы. У них есть редчайшие породы голубей; достань мне пару—самца с самкой—и я отдам тебе свой светильник.

Ширзад согласился. Расспросив, как попасть во владения дэвов, Ширзад рано поутру отправился в путь. Долго ли ехал, коротко ли, через тропинки, через овраги, по горам, по долам и доехал, наконец, до того самого места. Подъехав к подножью крутой горы, он услышал голос. Оглянулся и видит: сидит на самой вершине горы белая птица и зовет его. Ширзад приостановил коня, а птица ему:

— Ширзад! Ширзад! Человек этот послал тебя на верную смерть. Дэвы любят своих голубей больше отца родного. Ты должен дожидаться полуночи, дать им уснуть и только тогда можешь двигаться дальше.

Ширзад сошел с коня, подождал и ночью двинулся

к крепости дэвов. Только подошел он к крепости, как птица окликнула его снова:

— Смотри, Ширзад, чтобы жадность тебя не подвела. Больше одной пары не бери!

Ширзад перескочил через стену и вошел во двор; ползком добрался до голубятни и увидел, что это такие красивые голуби, что нужен глаз, чтобы любоваться ими. Поймал он пару голубей и уже хотел уйти, как ноги его словно приросли к месту и не мог он глаз оторвать от голубей. Наконец, не совладав с собой, он поймал и вторую пару. Словно только того и ожидая, голуби подняли неистовый шум. Дэвы проснулись и схватили Ширзада.

Ширзад рассказал им всю правду.

— Мы дадим тебе пару голубей,—сказал тогда старший дэв,—но с условием, что ты доставишь нам взамен корзину редкостного винограда из владений наших соседей—дэвов.

Снова сел Ширзад на коня и поехал в указанном дэвами направлении. Долго ли ехал, коротко ли, доехал, наконец, до владений тех самых дэвов. Сошел он с коня, притаился под тенью кустарника и слышит, как над головой его раздается знакомый голос. Подняв голову, он увидел, что это та же белая птица.

— Ширзад! Ты не послушался моего совета и попал в беду. Слушай же внимательно, что я тебе скажу. Не прояви опять жадности и ни в коем случае не бери второй корзины.

Ширзад дождался полуночи, перескочил через ограду и спустился во двор. Ползком, на четвереньках, добрался он до амбара. Видит, стоят рядами корзины, полные чудесным виноградом и решил: «Полакомлюсь сперва немного, а потом возьму корзину и уйду».

Сел он перед корзиной. А что такое одна корзина для такого богатыря? Разве останется что-нибудь? Корзину за корзиной, так дошел он до пятой и только протянул руку к последней кисти, как видит—корзина наполнилась до краев.

Ширзад не поверил своим глазам. Потянулся за новой, дошел до последней кисти,—то же самое. Корзина сама собой наполнялась виноградом. Ширзад замер от изумления. Наконец, он встал, взял одну корзину, дошел до самого выхода, как внезапно в голове его мелькнула мысль: «Честно ль не захватить ни одной корзины для дяди?». Искушение было сильно. Ширзад не устоял, схватил вторую, и тут все корзины заскрипели и затрещали.

Прибежали на шум дэвы, схватили Ширзада. Рассказал Ширзад и им все свои злоключения с начала до конца и попросил дать ему одну корзину. Дэвы согласились, но с условием. Старший дэв — огромное чудовище, обратился к нему и говорит:

— Невдалеке отсюда расположены владения белого дэва. У него красавица дочь. Я люблю ее. Доставь ее сюда, и ты получишь корзину винограда.

Словно в воду опущенный, поминутно браня и кляня себя, сел Ширзад на коня и поехал к замку белого дэва. Только подъехал он к владениям белого дэва, как опять послышался голос белой птицы.

— Эх, ты, алчный человек! На этот раз ты едешь на верную гибель. Слушай, что я скажу. Дочь белого дэва сейчас спит глубоким сном, который длится семь дней и семь ночей. Она засыпает так в месяц раз и, засыпая, всеми своими сорока косами бывает привязана к сорока кольцам. Развязать их тебе будет невозможно, если ты не освободишь белого коня. Есть у белого дэва в особой конюшне конь, привязанный сорока путами к сорока кольцам, вделанным в стены конюшни. Птица и та не догонит его. Беги туда. Ты должен перерезать связывающие коня путы, вскочить на него и затем поднять девушку. Подынешь ее с одного разу—подынешь, а нет—твои ноги окаменеют по самые колена; тогда пробуй вторично, подынешь—хорошо, а нет—окаменеешь по пояс. И если не подынешь и в третий раз—окаменеешь с ног до головы и останешься на месте.

Добрался Ширзад до владений белого дэва, вошел в

конюшню и увидел там все так, как говорила белая птица. Стоит в конюшне конь, подобный зверю. Как налетает на турача сокол в небе, так он бросился на спину коня, устроился поудобней, обнажил меч и одну за другой перерезал все сорок веревок, привязывающих его.

Конь, почуяв свободу, стал на дыбы, хотел сбросить седока, да видит—нет, не на такого напал. Направил тогда Ширзад коня прямо туда, где лежала девица, и увидел, что лежит девушка—словно белый журавль муганских степей.

Нагнувшись, он схватил девушку за талию, хотел поднять, но не смог и почувствовал, что ноги его окаменели до колен. Снова нагнувшись, Ширзад схватил девушку обеими руками, рванул, но напрасно—девушка не сдвинулась с места, а сам он окаменел по пояс.

Вцепился тогда Ширзад в поводья коня и крикнул:

— Клянусь всемогущим аллахом, что если я и на этот раз не подниму ее, я переломлю хребет этому коню.

Снова нагнувшись, протянул Ширзад обе руки и, призвав на помощь небо, поднял девушку.

И тогда почувствовал он, как постепенно будто посыпались с него камни и ноги приняли прежнюю подвижность. С девушкой на руках он погнал коня, а в догонку раздались тысячи голосов:

— Лови! лови! Держи, не пускай!...

Не оглядываясь, Ширзад гнал сильнее коня. Через некоторое время голоса умолкли. Ширзад изо всех сил погонял коня. Внезапно опять предстала пред ним белая птица.

— Выслушай меня, Ширзад,—молвила она.—До пробуждения девушки остается ровно час. Очнувшись от сна, она крикнет так, что содрогнутся горы и камни. Твои уши не выдержат, и ты можешь оглохнуть. Сойди с коня, вырой яму шириной в аршин, глубиной в сорок аршин и спрячься туда. Смотри, не вылезай оттуда, пока она не поклянется молоком своей матери.

Ширзад сошел с коня, вырыл такую яму, какую указывала белая птица, и залез в нее. И действительно,

ая птица.
налетает
ну коня,
а другой
го.

ел сбро-
. Напра-
девица,
журавль

о, хотел
его ока-
схватил
девушка
яс.

рикнул:
я и на
му коню.
и, при-

удто по-
ною шо-
а в до-

. Через
сех сил
м белая

До про-
шись от
и камни.
. Сойди
в сорок
оттуда,

какую
ительно,

ровно через полчаса раздался такой пронзительный крик, что у Ширзада под землей, на глубине сорока аршин, волосы стали дыбом. «Вот чудесная невеста,—подумал он.—Да если она, просыпаясь, каждый раз станет так кричать, то все в городе оглохнут!»

Девушка очнулась, оглянулась по сторонам и видит, что вокруг ни души.

А надо сказать, что Ширзад, прежде чем спрятаться, крепко-накрепко привязал ее к дереву ее же косами.

Тогда она принялась молить:

— Кто ты? Я готова поклясться всем, чем ты хочешь,—выйди и освободи меня. Теперь я твоя.

Но Ширзад не выходил до тех пор, пока она не поклялась молоком матери всегда и во всем покоряться ему. Тогда он вышел, развязал девушку, усадил в седло, и они поехали.

Долго ли ехали, коротко ли, как вдруг поднялся ураган небывалой силы, точно повелевал ему спешиться и укрыться где-нибудь. Силы Ширзада иссякали. Тут он увидел неподалеку маленький замок и решил слезть с коня и переждать там непогоду. Но только он хотел направить коня к воротам, как внезапно, точно сокол, налетела на него белая птица с кнутом в когтях и, подхлестывая коня, погнала его, не давая Ширзаду остановиться.

Скачет конь, а белая птица погоняет, мчится конь, а белая птица погоняет. Так ехал Ширзад, невзирая на ураган, ровно два часа; наконец, ветер стал утихать, и белая птица взвилась в небо. Поехали они дальше и видят: пасется на лугу конь, чудный, белый, гладкий, как яичная скорлупа, а на спине золотое седло.

— Ширзад,—воскликнула девушка.—Хорошо бы нам захватить коня, я пересела бы на него, и тогда нам обоим было бы гораздо удобней.

И только успела она это вымолвить, как конь сам, с ласковым ржанием, стал приближаться к ним. Когда конь поравнялся с ними, Ширзад уже протянул руку, чтобы схватить его за уздцы, но, откуда ни возьмись,

белая птица, молнией спустившись с неба, ударила клювом Ширзада по руке, а затем отогнала коня и снова взвилась в небо. Поступок белой птицы сильно разгневал Ширзада, но он промолчал и проглотил и эту обиду. Так доехали они до владений дэвов.

Когда вдали показался замок, опять появилась белая птица и промолвила:

— Подожди, Ширзад. Я вижу, что ты полюбил эту девушку, а она тебя; отдать ее дэвам—не дело.

Белая птица села на плечи девушки, прильнула к ее лицу и что шептала, чего не шептала,—не знаю. Но, наконец, оторвавшись, сказала:

— Пусть эта девушка останется здесь, а ты возьми меня вместо нее; я приму ее облик, и ты отдай меня дэвам.

Ширзад послушался и, оставив девушку, взял белую птицу, отдал ее дэвам, получил корзину винограда и поехал дальше, захватив с собой девушку. Стали они подъезжать к владениям других дэвов, опять появилась белая птица и сказала:

— Подожди, Ширзад. Отдай-ка ты им взамен винограда меня.

Изумился Ширзад ее появлению. Белую птицу, превратившуюся в корзину с виноградом, он отдал дэвам и, получив пару голубей, поехал дальше. Так добрались они до каравансарая, где останавливался Ширзад и где ждал их путешественник. Ширзад вручил ему белую птицу в образе голубей, получил светильник и поехал прямо к столице своего дяди.

Когда подъехали к городу, они увидели у дороги старца.

— Где же это вы пропали? Идите скорей,—крикнул он.

Ширзад понял, что в образе старика с ним говорит тоже белая птица.

Падишах, узнав, что едет Ширзад, выслал ему навстречу придворных, и Ширзаду устроили пышную встречу. Падишах поцеловал его в лоб и молвил:

— Да, дитя мое, ты добыл невиданные доселе сокровища.

Сорок дней и сорок ночей играли свадьбу и выдали девушку за Ширзада.

В свадебную ночь, когда Ширзада с девушкой ввели в брачные покои и оставили наедине, белая птица в образе старика вошла следом и ни за что не хотела выйти. Как Ширзад ни увещевал, как ни уговаривал ее не делать этого, птица не сдавалась.

— Нет, нет, да и только. Я переночую здесь.

Так провели они эту ночь все в одной комнате.

Рано поутру, поднявшись с места, Ширзад отправился к дяде и, рассказав ему вчерашнюю выходку птицы, потребовал ее изгнания.

Падишах со слов Ширзада знал о том, что белая птица выручала его из самых трудных положений и оказывала ему неоценимые услуги. И он стал уговаривать племянника не настаивать на своем требовании, но тот упорствовал.

Наконец, падишах, позвав белую птицу в образе старика, рассказал все.

— Спросите у него, что я ему сделала плохого?— попросила белая птица.

Ширзад угрюмо ответил:

— Во время урагана она не дала мне сойти с коня и переждать непогоду. Она не позволила мне захватить невиданной красоты белого коня с золотым седлом и, наконец, ее вчерашняя выходка!

Вздыхнула тут белая птица и говорит:

— Во время урагана я не дала тебе сойти с коня потому, что ураган этот был не кто иной, как дэв—отец этой девушки. Пока ты был конный, он не мог совладать с тобой, но стоило тебе спешиться, он тут же разделался бы с тобой. Скажи же, о девушка, права ли я?—обратилась белая птица к находящейся тут же девушке.

— Права, права,—подтвердила она.

— Коня с золотым седлом я не дала тебе поймать

потому, что то был не конь, а дядя этой девушки, и стоило тебе протянуть руку и схватить его за уздцы, как он сбросил бы тебя с седла наземь и разбил бы на смерть. Так ли это или не так?—обратилась снова птица к девице.

— Так, так!—подтвердила девушка.

— А сегодняшнюю ночь я провела в твоих покоях потому, что брат девушки обратился в гадюку, прополз в вашу комнату для того, чтобы убить тебя во время сна, но я разделалась с ним и—вот его тело. Так ли это или нет?—И с этими словами она бросила на середину комнаты тело огромной гадюки.

— Все это сушая правда!—подтвердила девушка.

Тогда, еще раз глубоко вздохнув, белая птица сказала:

— Судьба каждого человека при рождении бывает начертана на его челе. На моем было написано, что мне суждено оказать помощь человеку. Если он будет достойным, я выйду за него замуж, а если неблагодарным—погибну. Срок истекает, я умираю. Но вы, если захотите, можете воскресить меня: сохраните меня и, когда у Ширзада родится его первенец, обезглавьте его над моим прахом, окропите его кровью мое тело, и я воскресну.

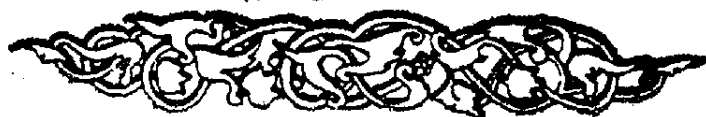
Сказав это, белая птица обратилась в камень.

Все заплакали.

С большим почетом уложили ее в золотой сундучок и спрятали.

Прошел год. У Ширзада родился сын. Тогда достали сундучок, вынули из него тело птицы и, обезглавив дитя, окропили его кровью камень, который тут же обратился в девушку редкой красоты, и стала она Ширзаду сестрой.

Они ели, пили, в землю отошли, а вы живите и жизнью наслаждайтесь.

XX. „АХ-ВАХ“¹

то-то был, кого-то не было; был один купец. И богатствам этого купца, как говорится, не было ни числа, ни счету. Не размещались на земле суда, караваны, драгоценные товары, лавки, каравансарай, золото, серебро, бесчисленные стада овец и верблюдов, нехватало ему только свиней.²

У этого купца был единственный сын и звали его Салим. Родители любили его, как зеницу ока.

Говорят, что любимец матери вырастает амбалом.³ Так было и здесь. Салим ничему не учился и в торговле ничего не смыслил. Наступил день, когда купец умер. Обмыли его, похоронили, справили поминки. Поминали его на седьмой день, поминали на сороковой, а прошло еще несколько дней и позабыли о нем. Все богатство его перешло к Салиму.

Недаром отцы и деды говаривали: «умному сыну не нужно отцово богатство, а дурню и отцовы деньги впрок не пойдут».

Начали дружить с Салимом всякие лоту. За короткое время они обобрали юношу дочиста, и от его ценностей не осталось и помину. А Салимом овладело желание жениться. Был богатый купец, и у него была прехоро-

шенькая дочка. Салим послал сватов, а купец, зная, что из себя представляет Салим, отказал ему и сказал:

— Пусть он принесет столько золота, сколько весит моя дочь.

Сваты вернулись и сообщили Салиму ответ купца. Салим распорядился распродать все, что у него было. Сколько его ни отговаривали, сколько ни увещевали, Салим никого не послушался и, продав все, женился. Женился-то женился, но какой ценой? На другой же день после свадьбы у него не осталось ни одной копейки.

Так прошел день, второй, третий. В конце концов жена и мать начали его упрекать. Помимо того, в своем городе было стыдно наниматься на работу. И Салим покинул его.

Пройдя много стран, он пришел в один город, печально и сиротливо остановился в дверях одной кофейни и стал смотреть по сторонам. В это время подошел амбал, сбросил в дверях шалан, ⁴ уселся тут же и крикнул:

— Эй, подайте мне кофе!

Салим стоял и смотрел на него. Амбал, заметив его и увидев, что чужестранец-юноша стоит пригорюнившись, окликнул его:

— Племянничек, мне кажется, ты не местный житель?

— Нет, я не из этих мест.

— Подойди-ка поближе.

Амбал заказал второй стакан кофе.

После взаимных приветствий и благодарностей амбал узнал, что Салим ищет работу, но Салим скрыл, что он сын купца.

Амбал сказал ему:

— Племянничек, ведь я давно ищу такого человека. В этом городе я стою во главе амбалов, работающих, вон, видишь, на том мосту. Я зарабатываю хорошие деньги. В этом городе никто не сравнится со мной в подъеме тяжестей. Но, да будет благословенно решение аллаха, у меня нет детей.нас всего двое: я и жена. Днем работаем, вечером едим, так и живем. Дай-ка я усыновлю

тебя. Не сглазить бы тебя, ты парень хороший, сумеешь поднимать вьюки. Ремесло амбала—самое спокойное. Работай себе да ешь! Помни: и обувь, и одежду, и харчи—все я беру на себя. Ты говоришь, у тебя на родине жена и дети,—посылай им все, что ты зарабатываешь.

Салим, видя, что предложение амбала не плохое, согласился, и они пошли к амбалу. Жена амбала быстро сшила Салиму рабочую одежду. Рано поутру Салим переделся в новую одежду, взял в руки старый палан своего нового отца, и они отправились на работу. Так дошли они до моста. Смотрит Салим и говорит:

— Отец мой, да тут полно амбалов.

Раздался звон, и люди принялись за работу. Надо было перетащить весь груз с судна в амбар. Салим тоже принялся за работу. Как только он перенес два—три вьюка, как почувствовал, что колени его дрожат. Видит: нет, это не его дело. Не желая показать отцу свою слабость, он продолжал работать. В полдень опять зазвонили. Услышав звон, Салим, сбросив тут же посреди дороги вьюк, побежал прямо домой. Снял он с себя новую одежду, надел свою и потихоньку через другие ворота убежал на базар. Так дошел он до площади. Был базарный день. Народу было так много, что иголке упасть было негде. Стал он осматривать базар и видит, что какой-то старичок, взобравшись на возвышение, громко кричит:

— Эй, кто хочет ко мне в нукеры!

Салим потихоньку пробрался к старику.

— Дядя, возьмешь меня в услужение?

Старик, внимательно оглядев его, сказал:

— Возьму, пойдём.

Старик и Салим двинулись вместе. По дороге старик спросил его, умеет ли он готовить, а Салим кой-что понимал в кулинарии. Долго шли они, наконец, дошли до окраины города. Старик остановился у огромных ворот, нагнулся, поднял с земли большой булыжник и трижды постучал им в ворота. Подошел какой-то

старичок, еще старее первого, отодвинул засов и открыл ворота. Все это было сделано молча, и старики при этом не проронили ни звука. Первый старик двинулся дальше. Салим смотрит: о аллах, перед ним сад такой, что в нем цветы перекликаются друг с другом, а соловей с соловьем. Прошли дальше, и Салим видит роскошный дом, комнаты с широкими, словно из хрусталя окнами.

Протянув Салиму связку ключей, старик молвил:

— Дитя мое, эти нижние комнаты будут в твоём распоряжении. Тут есть все, что ты пожелаешь. Больше у меня ничего не спрашивай. Готовь себе, что хочешь, кушай, пей и корми нас. Но только все кушанья готовь на четверых.

Взяв ключи, Салим обошел все комнаты. Смотрит, а тут масла, меду, рису, яиц,-- словом всего, всего вдоволь. А во дворе куры, цыплята, гуси, утки. Салим живо почистил рис, схватил двух цыплят, зарезал и приготовил вкусный плов с чихыртмой.⁵

Когда же солнце склонилось к закату, пришел старик к Салиму и увидел, что обед готов.

— Ну, дитя мое, подай нам плову на три человека.

Салим взял плов, положил на блюдо, отнес в цветник, поставил блюдо с кушаньем у розового куста на месте, которое указал сам старик, и увидел, что стариков стало три: нанявший его, открывший ворота и еще какой-то другой. Самым молодым из них был нанявший его в нукеры, а остальные были постарше. Поставив блюдо, Салим стал в сторонке.

Когда старики все разом сказали «бисмиллах»,--самый старший начал:

«Подождите! Когда мне было всего два года, родители мои умерли, а я остался у старой тетки, сестры отца. Когда же наследство, оставленное отцом, иссякло, тетка выгнала меня из дому. Я остался на улице, но милостью аллаха со мной ничего не случилось. Я вырос и достиг пятнадцати лет. Один рыбак взял меня к себе в услужение. Пробыв у него немного и видя, что

он не кормит меня досыта, я расстался с ним, взял одно шило, два-три мотка ниток и кое-какие старые башмаки и принялся за башмачное ремесло. Много ли работал, мало ли, а денег на пропитание добыть не мог. Однажды я взял сеть и бросил в воду. Закидываю невод раз,—ничего не выходит, второй, а на третий вижу, что мой невод тяжел, вытаскиваю. Что было бы хорошо вытащить? Огромный сундук! И только я это увидел, как глаза мои загорелись. Я подумал: «Вот где конец моей бедности! Наверное это золото». Я обхватил сундук, но как ни старался,—не могу поднять его! С одной стороны, радуюсь, а с другой,—трепещу, что, если застанет меня сейчас кто-нибудь из служителей падишаха, отнимет у меня мое богатство. Вижу, нет—перетащить это домой я не сумею. Сломал замок, я решил забрать с собой часть, а остальную спрятать и унести ночью. Подняв крышку, я вижу, что в сундуке девушка, которая поднялась и говорит:

— Теперь я твоя, а ты мой.

— Что с тобой, я сам не нахожу куска хлеба, на что мне ты?

— Ты возьми меня, хуже не будет!—ответила девушка.

Словом, волей-неволей взял я девушку и побрел домой. Не успела девушка войти, как спрашивает:

— Чем ты хочешь заняться?

— Торговлей.

— Пойди и купи любую лавку,—предложила она.

— Что ты, с ума сошла, на какие это деньги? Что у меня есть, чтобы еще лавки покупать?—возразил я.

— Это тебя не касается,—ответила девушка.—Ты пойди, разузнай цену и сговорись.

Был в городе купец Ахмед, а у него была ювелирная лавка. Я решил пойти прямо к нему. Только я собрался выйти из комнаты, как вдруг рядом со мной очутились два черных раба, и принялись они терсбить меня. В мгновение ока они раздели меня и облачили в дорогие одежды. Оглянувшись, я увидел, что девушка посмеивается:

— Теперь поверил? Ну, ступай!

Я направился прямо в лавку купца Ахмеда. Мы раскланялись. Меня пригласили, усадили на почетное место. А если бы увидели меня в прежних моих лохмотьях, мне бы, пожалуй, не позволили и двор подмести. Словом, я сторговал лавку. Явились мои черные рабы, я вернулся домой. Вижу—девушка поджидает меня. Узнав, что я купил лавку, она воскликнула:

— Облюбуй себе дом, и я подарю его тебе.

— Дом базарного старосты,—воскликнул я.

— Ступай, купи!—молвила девушка.

Я уже привык к чудесам и направился прямо к дому старосты. Я сторговал дом, рабы расплатились, и я вышел. Вошел я в дом и вижу: сидит там девушка и ждет меня.

Начал я торговать; днем отправлялся в лавку, а вечером по возвращении домой находил девушку стоящей в ожидании меня у ворот. Взявшись за руки, мы входили в комнату. Ели, пили, отдыхали. Мы очень любили друг друга. Казалось, что удались на минуту один из нас, другой не выдержит и тут же лишится чувств. Так прожили мы несколько лет. И не было в этом городе человека богаче меня.

Раз я опять сидел у себя в лавке и покуривал кальян. Вдруг вижу: входит женщина. Осмотрела она разные вещи и, внезапно раскрыв покрывало, показала мне свое лицо и удалилась. Женщина ничего не купила, ничего не взяла, но она унесла мой покой и разум. Владея одним сердцем, я тысячью сердец влюбился в эту женщину. Вечером я вернулся домой, но был слегка задумчив и грустен. Жена, как обычно, поджидала меня. Я вошел в дом. Она опять обняла меня, а мои мысли блуждали в ином месте. Жену охватили сомнения, и она пристала ко мне:

— Скажи, что с тобой стало?

Я ничего не ответил, вытянулся и уснул.

На утро я опять сидел в лавке. Вдруг вошла та же самая женщина. Снова она взглянула на то и на се и,

внезапно сбросив чадру, показала мне все свое тело. Дочь злодея! Она была совершенно нагая. Все мысли разом вылетели у меня из головы. Женщина, снова не купив ничего, удалилась.

Вечером я опять воротился домой. Девушка снова пристала:

— Скажи, что с тобой стало? Может, ты влюбился в другую?

Наконец, я вышел из терпения, рассердился и крикнул:

— Да, влюбился!

— Тогда возьми, брось меня в море и женись на ней.

— Пойду и женюсь!—зло ответил я.

Я поднялся, взял ее и пошел к берегу моря. Я был до того очарован той незнакомкой, что, не задумываясь, сбросил девушку в море, а она лишь успела мне сказать при этом:

— У тебя нет ни ума, ни совести.

А я еще подтолкнул ее при этом ногой, чтобы она глубже погрузилась в море. И только девушка успела погрузиться в море, как я почувствовал на своем лице звонкую пощечину. Оба раба раздели меня до нага. Я остался в одном нижнем белье. Бросился я домой, чтобы одеться, и увидел, что у ворот стоит староста. Я хотел войти в дом, но он не позволил. Он показал мне бумагу. Вижу: рабы продали дом ему и получили деньги. Я побежал в лавку. Вижу—там то же самое.

Оказывается, появлявшаяся в лавке женщина была сама спасенная мной девушка. Она испытывала мою верность. Вижу: нет, оставаться мне в этом городе невозможно. И покинув город, я стал путешествовать. Так, наконец, прибыл я сюда, но здесь... Ах-вах, что я видел... Ах-вах, что я видел...»

И сказав это, старик внезапно упал и умер.

Обед остался нетронутым, никто не прикоснулся к нему. Старик, нанявший Салима, знаком подозвал его.

— Ступай, убери все!

Салим убрал обед. Принесли воду, обмыли старика, совершили намаз и похоронили.

На другой день Салим снова приготовил обед. Когда же наступило время, он пошел, принес и подал обед. Место вчерашнего старика пустовало. Старички взглянули друг на друга и глубоко вздохнули. И только старик, нанявший Салима, произнес «бисмиллах» и протянул руку, как другой остановил его и сказал:

«Подожди! Я сын известного купца. После смерти отца мне остались несметные богатства. Я был в самом расцвете сил. Я решил жениться и женился на дочери известного купца.

Не прошло и года, как жена изменила мне. Я был очень добр и не убил ее, а развелся с ней. Я женился на другой, но и она оказалась не лучше, и я развелся и с ней. Я всегда слышал, что беда одна не ходит. За одной следуют еще две. И потому я не женился в третий раз. По соседству с нами жил богобоязненный, религиозный человек. У него была прехорошенькая дочка лет шести или семи. Я позвал отца и сказал:

— Я буду давать тебе ежегодно огромную сумму, но обещаю вырастить дочь так, чтобы она не видела ни одного мужчины и не слыхала бы ни одного слова о мужчине.

Словом, не хочу утомлять вас, я вырастил эту девушку. Когда девушка достигла десяти-одиннадцати лет, я женился на ней и, построив большой замок, поселил ее в нем. Ежедневно, запирая ворота, я отправлялся на базар, а вечером, возвращаясь, открывал ворота и входил в замок. Раз девочка сказала мне:

— После твоего ухода я прямо готова умереть от тоски. Купи хотя бы немного шерсти и прялку, и я займусь чем-нибудь.

На другой день я купил все просимое. После этого случая прошло некоторое время. Однажды, придя домой, я лег и случайно взор мой остановился на противоположной стене. Смотрю: у самого потолка виден след от плевка. Быстро вскочив, я еще раз внимательно

взглянул туда, вижу: да, плевок! Меня охватило сомнение. Я убедился, что в этом доме был мужчина, потому что женщины лишены адамова яблока и плюнуть так высоко они не могут. Начал я слезку. Незаметно, осторожно, день за днем и, наконец, выследил, нашел. Оказывается, девушка с крыши слюбилась с одним юношей. Оказывается, она спряла из этой шерсти нитки, свила веревку, спустила ее, а он по веревке поднялся к ней, и она спрятала его в сундук. Я ни слова не сказал девушке и, выйдя из дому, пошел куда глаза глядят. Ночью мне пришлось проходить через кладбище, и я решил переночевать там, а утром пойти дальше. Лег я в полуразвалившуюся могилу, вытянулся и лежу. Была полночь. Вдруг появился дервиш, сел, достал из кармана яблоко, прочел заклинание, подул на яблоко, и оно обратилось в красавицу-девицу. Дервиш поговорил немного с девушкой, немного поиграл с ней, а потом, положив голову к ней на колени, уснул. А я лежу и смотрю на них. Девушка, тронув дервиша и убедившись, что он спит, достала из кармана яблоко, прочла заклинание и подула. И яблоко обратилось в красавца-юношу, и стали они целоваться и миловаться. Прошло немного времени. Дервиш зашевелился. Девушка быстро обратила юношу в яблоко и спрятала в карман, а дервиш, обратив девушку в яблоко, тоже положил к себе в карман. Когда он, поднявшись с места, хотел пуститься в путь, я схватил его за полу и говорю:

— Ага, сегодня вы мой гость.

Я привел его к себе домой и приказал девушке приготовить три блюда плову. Девушка удивилась и говорит:

— Ведь у тебя всего один гость. На что тебе три блюда?

— Ты приготовь,—приказал я,—а до прочего тебе нет дела.

Приготовили плов, подали его. Обернувшись к дервишу, я начал:

— Ага, вынь твоё яблоко.

Дервиш замялся. Видит—нет, я знаю в чем дело. Де-

дать нечего; достал, прочел заклинание, дунул и обратил яблоко в девушку. Затем, обратившись к девушке, я сказал:

— Девушка, достань и ты свое яблоко.

Девушка растерялась.

— Говорю тебе, достань,—приказал я.—Я все видел. И девушка, не видя выхода, достала из кармана яблоко и обратила его в юношу. Тогда я обратился к собственной жене и говорю:

— Ну, вставай и ты, и приведи сюда своего возлюбленного.

Видя, что жена не встает, я поднялся сам, подошел к сундуку, открыл крышку и, схватив юношу за ухо, притащил в комнату. Я усадил свою жену рядом с ее возлюбленным у первого блюда, девушку дервиша с ее возлюбленным—у второго, а сам уселся с дервишем у третьего. Мы поели, попили, и я сказал ему, вставая:

— Дервиш, вставай, пойдем! Женщинам доверять нельзя.

С тех пор, переходя из города в город, я попал сюда. Но здесь... но здесь... Ах-вах, виденное мной... Ах-вах... виденное мной...»

И сказав это, старик упал и тут же умер.

Его обмыли, одели в саван, похоронили. Старик возвратился к Салиму:

— Завтра мой черед. Когда я умру, похорони меня под этим розовым кустом.

Затем, передав Салиму сорок ключей, он сказал:

— Здесь есть все, что ты пожелаешь. Оставайся здесь и наслаждайся жизнью. Все эти комнаты я отдаю тебе, но с условием: не входи в сороковую. Она причина нашей смерти, и я нарочно заложил ее двери, чтобы другие не стали таким же несчастными, как мы.

Произнеся эти слова, старик удалился в одну из комнат и больше не показывался в тот день.

Встав поутру, Салим приготовил обед и в полдень подал плов и позвал старика. Старик пришел, сел и сделал рукой знак, приглашая сесть и Салима. Когда Салим уселся, старик начал:

«Я сын бедной женщины. Отец мой скончался, когда я был еще грудным младенцем. Мать содержала нас милостыней. Когда я чуточку подрос, я начал продавать на майдане воду. Это был один из самых больших майданов. Сюда собиралось много торговцев и покупателей, и я продавал им воду. Как-то раз один купец попросил у меня воды. Я поднес ему свой медный кувшин, и он умылся. Затем он сказал мне:

— Хочешь, я возьму тебя к себе в услужение.

— Нет,—возразил я,—у меня есть мать; она не позволит.

Купец вместе со мной отправился к нам. Он переговорил с матерью, дал ей сто туманов и взял меня с условием, что и на будущий год даст моей матери столько же. Оставшись здесь денька два, купец распродал свои товары и, захватив меня, пустился в путь.

Наше судно остановилось у опушки леса. Купец послал меня в лес за хворостом, наказав далеко не ходить. Я отправился в лес и стал собирать хворост. Вдруг вижу—растут чудесные, сочные груши. Я сорвал несколько штук, вижу—на другом дереве еще лучше, а на следующем еще лучше... Я очнулся лишь тогда, когда надвинулись сумерки. Повернув обратно, я, как ни бился, разыскать дорогу не смог. Наступила ночь, а вместе с ней страх и ужас охватили мою душу. Наконец я, утомившись, взобрался на дерево, притаился и сижу. С наступлением темноты поднялась возня: завывали волки, заворчали медведи, забегали лисицы, поднялось такое столпотворение, что только держись. Волосы на голове у меня стали дыбом. Не успела взойти луна, как я слышу: кто-то зарычал, да так, что зашатались все деревья. Вижу: со стороны моря движется что-то громадное, звероподобное, и оно светится. И подошло оно к тому самому дереву, на котором я сидел. Животное было зло и в лапах держало что-то круглое, что положило в дупло. Смотрю я,—это та самая вещь, что излучала свет. А само животное принялось плясать. Клянусь аллахом, рыча, оно бросалось из стороны в сторону так, что ужас леденил душу. Хорошо, что

зверь не видел меня, а не то: хам! и проглотил бы меня одним духом вместе с деревом. Так проплясал он до самой зари, а затем, захватив ту самую светящуюся вещь, удалился. Эта светящаяся вещь заняла все мои мысли. На утро, захватив большой кусок мягкой глины, я забрался на то самое дерево и спрятался в том самом дупле. Стал я ждать. А когда зверь явился вновь, положил эту самую вещь в дупло и, танцуя, отошел в противоположную сторону, я со всех сторон облепил эту вещь в дупле глиной. Вокруг сразу потемнело. Зверь зарычал так громко, что задрожал лес. С шумом ударился он оземь и в ту же минуту испустил дух. Тогда я тотчас взял эту вещь, облепленную глиной, и спрятал в карман. На утро собрались все звери. Поднялась такая суматоха, что только держись. Сперва никто не осмеливался приблизиться к чудовищу, но потом, когда они сообразили, что оно околело, поднялось столпотворение. Начался такой шум и рев, что надо было только видеть и слышать. Внезапно все звери разбежались. Я прислушался. Слышу: раздается страшный треск. Подождал немного, смотрю—идет целое стадо слонов. Слоны подошли, окружили это животное и стали. Потом начали они оглядываться по сторонам. Внезапно один из них заметил меня. Он зарычал и указал на меня другим слонам. Покинув околелшего, они приблизились к тому самому дереву, где я сидел, и принялись знаками приглашать меня спуститься.

Я стал трусить. Как это спуститься вниз?... Вижу, нет, зовут незлобно и вежливо. Я забрался еще выше. Тогда один из слонов поднял хобот и сломал огромную ветвь. Я поднялся еще выше. Видя, что я не спущусь, самый огромный слон осторожно обвил хоботом ствол дерева, потянул вправо, покачнул влево и вырвал с корнем. Свалилось дерево, и я кубарем скатился наземь. Один из слонов подхватил меня хоботом и осторожно поставил на ноги. Все слоны окружили меня.

«Да,—сказал я себе,—видно, пришел мой конец».

Но слоны не тронули меня, а самый большой из них подхватил меня хоботом, усадил к себе на спину, и все

двинулись в путь. Наступали сумерки. Выйдя из лесу, они остановились на лужайке, спустили меня на землю и принялись рвать траву. Нарвали целую кучу, дали мне и двинулись дальше. Долго ли шли, коротко ли, к рассвету слоны, спустив меня на землю, сами ушли. Когда наступило утро, я заметил виднеющийся вдали город. Я захватил с собой траву и пустился в дорогу.

В конце концов я с большим трудом добрался до города и остановился в каравансарае. На следующее утро, взяв часть травы, я отправился на базар. Обойдя базар, я разыскал ряды, где помещались саррафы. Внезапно меня окликнул какой-то сарраф и, когда я вошел в его лавку, он, взглянув на траву, спросил: есть ли у меня еще такая же трава?

— Нет, больше нет,—ответил я.

— А сколько ты за нее хочешь?—спросил сарраф.

Я, не задумываясь, сказал:

— Сто туманов.

Он быстро вынул сто туманов и протянул мне. Я понял, что в этой траве кроется какой-то секрет. И я не отставал от саррафа, пока он не сказал мне:

— Эх ты, глупый человек! Ты даром отдал мне эту траву. Это такая трава, что если прибавить ее к сплаву меди—медь обратится в золото.

Узнав это, я вернулся в каравансарай. Вынув из кармана оставшуюся мне от невиданного зверя светящуюся вещь, оказавшуюся ла'лом, я продал его на базаре, открыл большую лавку и стал скупать медь. По ночам я плавил медь вместе с травой и превращал ее в золото. Вскоре в городе не было человека богаче меня. Я решил привезти к себе свою мать: денег много, чего еще надо. Я послал человека, и он привез мою мать. Так прошел целый год.

Раз ночью, когда я спал, вдруг кто-то, накинув мне на голову одеяло, навалился на меня, и завязалась между нами борьба. Он пытался задушить меня. Вскоре к нему пришел на помощь еще кто-то. Бился я, бился и, наконец, выскользнул из-под одеяла. Смотрю, меня

душили моя родная мать и тот самый сарраф. Видя, что я выскочил, мать приказала саррафу:

— Убей этого собачьего сына!

Сарраф ударил меня кинжалом. Дальше я ничего не помню. Придя в себя и раскрыв глаза, я увидел, что я в бедном доме, а около меня сидит какой-то амбал. Оказывается, они решили, что я умер, вынесли и бросили меня, а затем меня нашел амбал и, увидев, что я еще жив, перенес меня к себе. Он лечил, всячески ухаживал, наконец, вылечил меня. Лицо этого амбала показалось мне очень знакомым.

Раз я пристал к нему:

— Кто ты? Где я тебя видел?

Амбал рассказал мне свою историю. Оказывается, это был тот самый купец, который нанял меня у моей матери. Оказывается, как раз когда я, скрывшись, заблудился в лесу, поднялась буря, и судно его затонуло. Он потерял все свое состояние, но сам кое-как спасся и, не имея возможности оставаться в родном городе, переехал сюда и стал амбалом.

Мы узнали друг друга. Когда я окончательно поправился, то переоделся и вышел в город. Вместе с купцом мы выследили и узнали, что мать моя вышла замуж за того самого саррафа, который захватил мое состояние, и что живут они теперь припеваючи.

Раз я незаметно прокрался в дом и ночью среди сна убил саррафа, а затем разбудил свою мать. Проснувшись и увидев меня, она принялась каяться и просить прощения. Но я не обратил на это внимания, покончил и с ней.

Я отдал купцу все свое состояние, а сам пошел по свету и дошел до этого горсда. Но здесь... но здесь... Ах... виденное мной... вах... виденное мной...»

Произнеся эти слова, старик умер.

Салим взял его, обмыл, одел в саван и похоронил под тем самым розовым кустом. И остался он один-одинешенек.

Да, и так прошло несколько дней. Салим жил тут, ел, пил, жил, как хотел, и наслаждался жизнью. Через

несколько дней принялся он осматривать комнаты. И чего-чего только в них не было! Так, осматривая их одну за другой, он добрался до сороковой комнаты. Взглянул и видит—как говорил старик, так оно и было: двери были заложены.

Два-три дня он сдерживался, не открывал дверей. Но, наконец, не вытерпел. Как он ни крепился, ничего не вышло. Он решил: «проделаю только маленькую дырочку и взгляну, что там».

Он пробуравил маленькую дырочку, взглянул в нее и видит: маленькая комнатка, посреди нее бассейн и постель, а над бассейном в потолке отверстие. Салим с большой опаской вошел в комнату. Обошел комнату, видит—ничего особенного нет: комната, как комната. Лег он, вытянулся на постели и заснул. И только он успел заснуть, как в отверстие потолка влетела птица и села на него. Не успел он еще очнуться, как птица подхватила его и взвилась прямо в небо. Салим решил, что он погиб. Птица летела, летела и вдруг выпустила Салима. Салим лишился чувств и очнулся тогда, когда упал в воду, а упав, сразу пошел ко дну. Не успел он вылезть на поверхность, как его внезапно схватили, бросили на дно лодки и, не дав ему притти в себя, повезли к берегу. Салим видит: тут целое столпотворение—народу на берегу столько, что не счесть. Его привели прямо во дворец, и сам падишах, сняв с головы корону, возложил ее на него и стал низко кланяться ему. А все присутствующие пали ниц и принялись приветствовать Салима. Салим совершенно растерялся. По окончании приветствий его подняли на руки и посадили на трон. Началось пиршество, ели, пили, играли, танцевали, и, наконец, все разошлись. Когда же все разошлись, остался лишь тот, кто возложил свою корону на голову Салима.

— Брат мой,—сказал Салим,—скажи, ради аллаха, что за шутку сыграли вы со мной?

— Здесь царство женщин,—ответил тот.—Пять лет тому назад здесь был мир на мужчин, и все мужчины умерли, остались одни женщины. Теперь среди нас ты не найдешь ни одного мужчины. Все мы женщины.

Пять-шесть дней тому назад моллы заглянули в свои книги, и там было указано, что аллах пошлет нам падишаха-мужчину. Вот почему мы всюду расставили караульных, чтоб, когда аллах ниспошлет нам падишаха-мужчину, гонцы явились бы и сообщили нам о его прибытии. Когда караульные сообщили, что аллах послал нам падишаха, мы явились и привели тебя.

Тут Салим увидел, что падишах и впрямь женщина, и подумал про себя: «Клянусь, я попал в расчудесное место!»

Салим стал царствовать. Он назначил ту самую женщину, которая надела на него корону, своим визирем. Много ли времени прошло, мало ли, женился он на ней. И стали они жить да поживать. Раз утром видит Салим, собрался народ и стоит у камня жалоб. Послал он визиря узнать, в чем дело, явился визирь и рассказывает:

— Народ недоволен, что мы с тобой поженились. Говорят, что ты должен жениться на всех.

Салим видит, что делать нечего, решил покориться. И стал он ежедневно брать себе новую жену. Прошли дни, пронеслись месяцы, и раз визирь говорит ему:

— У нас есть обычай. Раз в год мы должны на месяц выходить на всенародное моление и должны при этом все оголиться. Но ты не можешь идти с нами. Вот почему ты должен оставаться здесь в течение месяца.

На утро все они поднялись и ушли. Город совершенно опустел. Салим остался один и, решив, что более удобного случая не будет, оделся снизу доверху и сверху донизу, забрал деньги, ценности (и да будет проклятье медлящему!), плюнул на свои пятки⁷ и побежал так, что только пятки засверкали.

Шел, шел, что ни день, то новая остановка, что ни ночь—новый привал, и, таким образом, добрался он до одного города. Стал он бродить по городу и дошел до мясной лавки. Там стоя, молча смотрел он по сторонам. И тут его подозвал мясник и, узнав, что он одинокий и не из этих мест, сказал:

— Как раз я бездетный. Будь мне сыном.

Салим согласился и остался у мясника. Прошел

день, другой. Салим заметил, что мужчины в этом городе одеты с головы до ног в черное. Он удивился и спросил мясника:

— Отец, почему здесь все одеты в черное? Разъясни мне эту тайну.

Не успел он это вымолвить, как мясник, схватив секач, бросился на него, но, спохватившись, сказал Салиму:

— Если ты еще раз спросишь меня об этом, я алой кровью омою тебя.

От страха Салим больше не заикался ни о чем. Но куда бы он ни посмотрел, на кого бы ни взглянул, все и все вокруг были одеты в черное. Им овладело сильнейшее любопытство.

«Клянусь, я умру, если не проникну в эту тайну»,— подумал он.

На утро он пришел в лавку и, обратившись к мяснику, сказал:

— Отец, вот нож—вот моя голова. Что хочешь делай, но только объясни мне: почему здесь все погружены в траур?

Тогда мясник взмолился:

— Лучше не спрашивай, ты молод, пожалей себя.

Салим продолжал настаивать.

Глубоко вздохнув, мясник сказал:

— Хорошо, раз тобой овладел бес, и ты не отстаешь, тогда в пятницу я все расскажу тебе.

Наконец наступила пятница.

— Сын мой, лучше откажись от своей затеи, не спрашивай ни о чем.

— Нет, нельзя,—ответил Салим.

Мясник приказал:

— Следуй за мной.

Пришли они во двор мечети. Видит Салим: собрался сюда весь народ. Растолкав народ, они пробрались в середину. Видит Салим—стоит посреди двора чархифелек.⁸

И снова говорит ему мясник:

— Салим, откажись-ка лучше.

— Нет, не откажусь.

— Ну, тогда садись на чархи-фелек и ты поймешь, почему здесь все одеты в черное.

Салим уселся на чархи-фелек. Колесо подняло его на высокий минарет. Прошло немного времени. Видит Салим, что огромная птица, спустившись с неба, уселась на него, схватила его когтями и подняла ввысь. Подымается птица, и он с ней, подымается птица, и он с ней, оглянулся, а земли и не видать. Пролетев так огромное расстояние, птица начала потихоньку спускаться. Спускалась, спускалась и спустила его на землю, а сама улетела.

Салим оглянулся и видит, что он в лесу. Надвигаются сумерки, кругом потемнело. Поднялся он потихоньку на вершину огромной чинары и думает: «подождем, что будет».

Прошло немного времени, как видит: к дереву подошли сорок нежнейших девушек и кольцом окружили дерево, а во главе их стоит одна девушка — такая красавица, что не ешь, не пей, а только любуйся ее чарующей красотой, ее лицом, подобным розе.

Обратившись к своим подругам, сказала девушка:
— Начинайте.

Девушки достали кто тару, кто саз, кто кяманчу,⁹ кто бубен и принялись играть, а остальные по очереди танцевали.

Когда же все протанцевали, девушка, стоящая во главе, вдруг сказала:

— Салим, теперь твой черед, спустись и потанцуй.

Салим до того перепугался, что волосы у него стали дыбом.

«Видно, они заметили меня», — решил он.

Забрался он в самую гущу листвы и не смеетдохнуть.

Спустя немного, девушка подняла голову.

— Салим, не прячься, иди!

Салим окончательно растерялся. Тогда девушка обратилась к подругам:

— Подымайтесь на дерево, спустите его, а не спустится—тогда дайте ему сто ударов.

Видит Салим, ничего не выйдет, и от страха перед побоями спустился вниз.

Девушки окружили его, потанцовали, поболтали, пошмеялись, а затем, взяв его, отправились домой. Видит Салим—тут прямо чудеса. Когда было далеко за полночь, девушка обратилась к Салиму:

— Здесь у меня сорок девушек. Каждую ночь одна из них будет принадлежать тебе. Выбирай.

Взглянул Салим и не знает, как быть: одна краше другой. Наконец выбрал он одну из них. На утро—то же самое. Так прошло ровно тридцать восемь дней и тридцать восемь ночей. На следующую ночь, когда девушка предложила ему последнюю девицу, Салим схватил ее за руку и говорит:

— Я хочу тебя!

— Эх ты, нетерпеливое создание! Сколько людей ни перебывало здесь, дня через два-три жаждали меня и получали возмездие. И только ты один сдерживался, молчал, но в конце концов испортил все. Если бы ты подождал еще один день, добрался бы и до меня. Ступай.

И с этими словами она дала ему звонкую пощечину. И Салим сразу упал на землю. Очнувшись, он увидел, что сидит прямо на чархи-фелеке. Печальный и унылый слез он и вернулся к мяснику.

Тогда мясник сказал:

— Видишь, дитя мое? Теперь ступай, купи себе черную одежду, облачись в нее и горюй: почему ты не сумел подождать?!

Салим расстался с мясником и пустился в дорогу. Шел, шел, наконец, дошел до одного города. Вошел он в город, побродил и, придя к одной мечети, растянулся у входа, положил под голову камень и уснул. Проснулся он от шума голосов. Смотрит, на голову ему уселась птица, а народ старается поймать ее. Он поднялся и шел. Люди поймали птицу и унесли.

Оказывается, падишах этого города скончался, и

народ пустил птицу-дволет,¹⁰ и она села на Салима, когда он спал. Пустили птицу вторично. Снова птица села на голову Салима.

Птицу поймали, а Салима выгнали из города. И снова выпустили птицу, но птица и в третий раз, взлетев, понеслась и, найдя Салима, уселась к нему на голову. Видят, что птица не садится ни к кому иному, и избрали Салима падишахом.

У умершего падишаха была дочь. Салим женился на ней и сел на трон. Прошло немного времени. А надо сказать, что на пальце царевны красовался перстень необычайной красоты. Как-то раз Салим попросил у девушки перстень.

— Нет, это перстень пророка Сулеймана,—сказала девушка,—его я никому не отдам.

Слова эти раздосадовали Салима.

«Хорошо же»,—решил он про себя.

Подождал Салим и, когда девушка уснула, снял перстень с ее пальца и надел на свой. И тотчас перед ним предстали два черных раба.

— Что прикажешь?

— Возьмите всех людей, какие ни есть в этом городе, и бросьте на вершину Каф.

До утра работали рабы и исполнили волю Салима. Остался он в городе один-одинешенек и говорит себе:

«Ну, пусть-ка теперь кто осмелится послушаться меня».

И стал он жить тут один.

Был в этом городе визирь старого падишаха. Еще до кончины падишаха он уехал в путешествие. Приехал он со своей дочерью и увидел, что в городе ни души. И закусил тут палец, сразу сообразив, что видно царевна вышла замуж, а муж овладел кольцом, ибо он знал о существовании чудесного перстня. Вернулся он с дочерью домой и в несколько дней разузнал, что во дворце живет кто-то. Вскоре он узнал, что тот владеет перстнем царевны. Тогда дочь визиря предложила:

— Я сумею снять перстень с его руки, ты только проводи меня к нему.

Визирь проводил дочь во дворец, а сам спрятался в одной-из комнат.

Салим спал. Девушка, видя, что Салим спит, пришла, уселась у его изголовья и начала гладить его кудри. Очнулся Салим и видит—сидит писаная красавица. Быстро вскочив, он крикнул:

— Кто ты?

Девушка, поклонившись, молвила:

— Я жительница этого города.

— Я велел бросить всех на вершину горы Каф, как же тебе удалось спастись?!

— Да будет вечен падишах! Те люди, что выполняли твой приказ, сохранили мне жизнь. Они сказали: когда сердцем падишаха овладеет печаль, ты отправишься к нему.

Салим поверил ей.

— Вот и хорошо,—сказал он.

Он приказал приготовить ужин, а девушка бросилась к отцу и рассказала все, что было. Отец дал ей снотворного. Девушка приготовила кушанье и подсыпала зелье.

Затем она подала ужин. Покушав немного, Салим свалился, как подкошенный, и захрапел. Уснул он так, словно его камнем ударили по уху. Тогда девушка позвала юнца. Визирь явился, снял с его руки перстень и надел на свой палец.

Тотчас, словно из-под земли, предстали перед ним рабы.

— Сию же минуту приведите сюда всех жителей города.

А Салима визирь связал по рукам и ногам. Рабы привели народ. Тогда надела перстень дочь визиря, и снова явились рабы.

— Бросьте Салима туда, где были эти люди.

И бросили Салима на гору Каф. Сколько времени провел он там, не знаю. Только раскрыв глаза, он увидел, что спит на постели в той самой сороковой комнате. Поднялся он на ноги и, когда хотел пройти в другую комнату, заметил на стене зеркало. Он испугался собст-

венного отражения. Видит—брови, ресницы, борода, голова,—все у него побелело, да так, что стал он старше стариков, встреченных им здесь. Теперь только понял он, почему старик заложил эту комнату, а потом и сам он тоже заложил ее.

На утро он отправился на базар, нанял себе нукера, пришли они домой, рассказал ему Салим всю свою историю и, рассказав, умер.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях даются сведения о сказителе, собирателе и месте записи сказки. Помимо объяснений непонятных слов, не вошедших в словарь, указывается соответствие с номером указателя Н.П. Андреева („Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне“, издание Географического общества, Ленинград, 1929 год; кратко обозначается „Указатель“ №).

Рукописи хранятся в архиве фольклорного отдела Института литературы и языка им. Низами АзФАН.

I. СКАЗКА О ХАТЭМЕ

„Указатель“—полного соответствия нет.

1. Хатэм—имя одного арабского владельца племени тай, прославившегося своей щедростью. Отсюда—щедрость великодушных сравнивают с Хатэмом.
2. Дервиш-баба—отец дервиш, принятая в мусульманском мире форма обращения к дервишам (см. словарь).
3. Гюлистан-Ирем (иранск.)—мифический земной рай, обитель пэри.
4. Место на моих глазах—готов к услугам.
5. Лоух (арабск.)—дословно: бумага, дощечка для письма, грамота; тут—заклинание.
6. Дедушка съехал, жильё осталось—соответствует русскому „и след простыл“.
7. Четырнадцатиночная луна—сравнение красавицы с полнолунием.
8. Как шайтан не отходит от кизилового дерева—по существовавшему в народе поверью, сатана первым ожидает плодов от кизилового дерева, ранее других покрывающегося цветами; на деле же плоды кизила бывают позже других.

II. МАММЕД

Сказитель—учитель гор. Нахичевани, Бахшалы Султанов; записано М. Г. Тахмасибом.

„Указатель“—соответствия нет.

1. Здесь владычествую только я, а в Багдаде слепой халиф—народная поговорка, характеризующая самоуверенность, самонадеянность.

2. Его отца сожгут—характерное выражение, означающее, что с ним жестоко расправятся.
3. Заставят мою кошку взобраться на макушку дерева—заставят как следует пережить страх.

III. УСТА АБДУЛЛА

„Указатель“ № 882 ВХ.

1. Уста Абдулла—мастер Абдулла.
2. Башува донум—покручусь я вокруг твоей головы, по смыслу: твое несчастье приму на себя.

V. ИМАМ-СВОДНЯ

Сказитель—житель сел. Чолбештали, Алибайрамлинского района, Самед Самедов; записано М. Г. Тахмасибом в 1935 году.

„Указатель“—соответствия нет.

1. Имам (арабск.)—глава духовенства, духовное лицо.
2. Курбанун олум—да буду я твоей жертвой,—выражение ласки.
3. Афэрин (иранск.)—дословно: творящий, создающий, слава; тут—браво, молодец.
4. Двадцать первый день—траурный день по случаю смерти Али—одного из халифов.

V. СКАЗКА О КЕЛ-ГАСАНЕ

Сказитель—колхозник сел. Гиндарх, Агдамского района, Мирза Алекпер оглы; записано в 1935 году

„Указатель“ № 305.

1. Кел—бык, вол; в сказке кличка, данная за силу и отвагу.
2. Вот тебе майдан, вот тебе шайтан—дословно: вот ристалище, вот сатана, искаженная форма народной поговорки „бу мэрд, бу мейдан“—вот герой, вот ристалище; подразумевается вызов на битву, единоборство.

VI. СКАЗКА О СИМАНЕ

„Указатель“—соответствия не имеет.

1. Черен мой лик перед тобой—народное выражение, говорящее: не сумел выполнить обещание, мне стыдно.
2. Отправилась в джаханнам—отправилась в ад, умерла.
3. Гаф-гора (Каф-гора)—название легендарной горы.
4. Шам, Рум, Миср—соответствует: Дамаск, Греция, Египет.
5. Забрались блохи в шубу визиря—в его душу запала тревога.

VII. СКАЗКА О ДЕВУШКЕ НАРДАН

Сказитель—жительница гор. Баку, Ругия Асад кизы.

„Указатель“ № 313 В.

1. Нардан—дословно: из граната.
2. Урум—искаженное название Рум (Греция).

VIII. АНАКА

„Указатель“—полного соответствия нет.

IX. СКАЗКА О ДЖЕЙРАНЕ

Сказитель—жительница гор. Баку, Ругия Рза кизы.

„Указатель“—полного соответствия нет.

1. Взял Ризван свое сердце в зубы—стиснул зубы, Взял себя в руки.
2. Баш уста—дословно: на голове,—означает готовность выполнить любое поручение.
3. Батман—в быту полпуда; в данном случае подразумевается большая объемистая, тяжелая книга.
4. Я привяжу твоего отца к твоей спине и мешками поручу вывозить твое потомство—уничтожу тебя и весь твой род.

X. ШАХ АББАС

„Указатель“, за исключением сна, соответствует № 725.

1. У курицы одна нога—народная поговорка, определяющая упорство, упрямство человека, не поддающегося никаким убеждениям.
2. Фалагга (фелеккэ)—орудие телесного наказания: длинная палка с веревкой, петлей посередине, в которую продеваются ноги наказываемого и поднимаются на фалагга для ударов по голым пяткам.
3. Умирать так умирать, так зачем хрипеть—народная поговорка, соответствует русской—„двух смертей не бывать, одной не миновать“.
4. Фатьма да Тукезбан—женские имена; тут подразумевается, что он видит только женщин из простонародья.
5. Глаза буйвола, попавшего в овраг—образное выражение, показывающее, что глаза были вытаращены от страха и изумления.
6. Кэджаве—крытое сидение для путешественников, расположенное по бокам мула или иного вьючного животного.
7. Шах-Гули—в народе образ дурачка.
8. Лейли и Меджнун—герои одноименной поэмы азербайджанского поэта Низами, образы, характеризующие преданность в любви.
9. Его руки длиннее его кафтана—народная поговорка, означающая, что вернулся с пустыми руками.

XI. ЖЕНА МЕЛЬНИКА

Сказитель—житель сел. Кишлы, Бакинского района, Беяли Чираг оглы; записано в 1936 году.

„Указатель“ № 880.

ХII. ПИНАЧИ МАММЕД

„Указатель“—соответствия не имеет.

1. Ашуги—народные певцы, импровизирующие стихи, как собственного творчества, так и других ашугов, аккомпанируя себе на струнном инструменте—сазе.
2. Сазандары—музыканты.
3. Шеки—Нуха, Гянджа—Кировабад—старые названия городов Азербайджана.
4. Ла'л—драгоценный камень.
5. Агсаккалы, карасаккалы—белобородые, чернобородые; в данном случае старейшины.

ХIII. СКАЗКА О БЕЙКЕСЕ

Сказитель—жительница гор. Баку, Мелик Ниса Кязым кизы; записано в 1936 году.

„Указатель“—соответствия не имеется

1. Дюния-гозэли—красавица вселенной.

ХIV. СКАЗКА О ГАРА-ВИЗИРЕ

„Указатель“—соответствия не имеет.

1. Дай-ка станем обтесывать камень и построим дом—означает: соединим наше жилье, станем братьями.
2. В каком скверном месте застиг меня вечер—означает: как неудачно сложились обстоятельства.

ХV. АМИР АСЛАН

Сказитель—житель сел. Чолбештали, Алибайрамлинского района, Самед Самедов; записано М. Г. Тахмасибом в 1935 году.

„Указатель“—соответствия не имеет.

1. Кровь моя падет на твою голову—означает, что виновником моей смерти будешь ты.
2. Нож дошел до костей—подразумевается: дальше идти некуда; характерное выражение у азербайджанцев, говорящее о том, что дело дошло до пределов.
3. Амир Аслан—дословно: повелитель львов.
4. Выпал из ее ноздрей—своеобразное выражение, соответствующее русскому—„похож на нее, как две капли воды“.
5. Пехлеваном подобным Рустему—героем подобным Рустему (см. словарь).
6. Эта хна не из тех—народное выражение, означающее, что дело очень сложно; хна—краска для волос.
7. Серкерда (иранск.)—полководец; в данном случае воевода.
8. Пристал к ней, как веревочный пояс—не отстал, соответствует русскому—„пристал как банный лист.“

ХVI. КЕЧАЛ

„Указатель“—соответствия нет.

XVII. ИБРАГИМ

Сказитель—житель сел. Чолбештали, Алибайрамлинского района, Самед Самедов; записано М. Г. Тахмасибом в 1935 году.

„Указатель“—начало соответствует № 926 X.

1. Човдар—искаженная форма иранского слова чубдар—проводник каравана, гуртовщик скота.
2. Пятнадцатидневная луна—обычно в народе красавицы сравниваются с четырнадцатидневной луной.
3. Харамийцы (арабск.)—разбойники.
4. Покупал я бекмез, а получил мед—поговорка, означающая, что она оказалась лучше, чем ожидал.

XVIII. ШАХЗАДЕ МУТАЛИБ

„Указатель“—начало соответствует № 936 X.

1. Самому шайтану сошьет папаху—означает, что проведет самого чорта.
2. Иремские сады пророка Сулеймана—(см. словарь Гюлистан-Ирем).

XIX. АГ ГУШ

„Указатель“—окончание соответствует № 516.

1. Аг гуш—белая птица.
2. Ширзад (иранск.)—рожденный от льва.

XX. АХ-ВАХ

„Указатель“—часть (измена жен) соответствует № 895.

1. Ах-вах—соответствует русскому: ой-ой, беда, увы. Сюжет частично заимствован из поэмы „Семь красавиц“ Низами.
2. Нехватало только свиней—означает обилие богатства, свиней же не мог иметь как мусульманин.
3. Амбал—носильщик, в данном случае—ни к чему не приспособленный.
4. Палан—специальная подушка, навешиваемая носильщиками на спину для облегчения носки тяжести.
5. Плов с чихыртмой—рисовое блюдо с жареным мясом.
6. Совершил намаз—совершил молитву.
7. Плюнул на свои пятки—соответствует русскому „смазал пятки“, т. е. быстро побежал.
8. Чархи-фелек (иранск.)—дословно: колесо небес, колесо судьбы; тут подразумевается примитивная подъемная машина для поднятия грузов на поверхность.
9. Тар, саз, кяманча—музыкальные струнные инструменты.
10. Птица довлет—царь-птица; по сказкам, когда выбирают царя, пускают птицу и царем становится тот, на чью голову она садится. Довлет означает богатство, государство, царствование.

СЛОВАРЬ

общеупотребительных в сказках слов, имен и терминов

Аббасы—серебряная монета, равная 20 коп.

Абид—молящийся, богобоязненный.

Ага—господин.

Агач—мера длины, равная одной миле—7 км.

Аждаха (иранск.)—дракон, название мифического змея, способного поглотить человека. Это чудовище встречается в Авесте и в греческой мифологии. В азербайджанских сказках аждаха обитает у истоков родников, рек и питается птенцами Симурга (см.). Герои азербайджанских сказок обычно убивают аждаха, избавляют птенцов, за что Симург извлекает сердце аждаха и дает герою вкусить, и это придает вкушающему сверхъестественную силу. Аждаха в азербайджанских сказках означает и чудовище вообще.

Айран—прохладительный напиток из пахтанья, которое получается при добывании масла.

Али—зять пророка Магомеда, один из халифов после Магомеда, обожествленный шиитами.

Аллах (арабск.)—бог.

Альчики—бараньи кости, игральная кость.

Бек—помещик, князь, владетель.

Биановые степи (биан)—солодковый корень.

Бисмиллах (арабск.)—во имя бога; слово, употребляемое мусульманами перед совершением любого действия.

Векил (арабск.)—уполномоченный. В новом языке министр, заместитель.

Визирь (арабск.)—министр, советник шаха.

Вилайет (арабск.)—область, губерния.

Гары—дословно: старуха. В азербайджанском фольклоре под этим названием подразумевается старуха-колдунья, способная путем хитрости и чар сблизить и разлучить друзей, влюбленных и т. д. В большинстве случаев гары положительный тип, помогающий героям.

Гюлаб (иранск.)—ароматная вода, извлекаемая из лепестков роз.

Дай—дядя, брат матери.

Даландар (иранск.)—квартильный сторож.

Дарга—ночной сторож.

Дервиш (иранск.)—странник, монах (мусульманский), отрекшийся от мира и проводящий жизнь в служении богу и самоусовершенствовании. Существует около сорока дервишских орденов, называющихся по имени своих основателей. Наиболее известные из них: Мевлевийе, Кадирийе, Рафайе, Юнисийе, Шазилийе, Накшибандийе и др. Члены ордена носят особое платье (хирга), которое у каждого ордена имеет определенный покрой и цвет. Живут дервиши под руководством своих шейхов или пиров (старшин) в особых монастырях или дервишских обителях, называемых тэкие или ханигах. Большую часть своего времени проводят в странствовании. Кроме различных ремесел, которыми они занимаются, дервиши лечат заклинаниями и молитвами, предсказывают будущее и торгуют „чудодейственными“ амулетами. Дервиши некоторых орденов по обычаю, заимствованному от буддистов, весной отправляются бродить нищими по миру; отсюда их другое название—дербедер, странствующий от двери к двери.

Джаханнам (арабск.)—ад, геенна огненная, преисподняя.

Джейнамаз, джай намаз (иранск.)—молитвенный коврик.

Джейран—степная серна.

Джинн-Эджинне (арабск.)—злой дух, бес. В азербайджанских сказках к герою относится враждебно.

Довга—род супа из риса на простокваше.

Дэв—(в адакалийских, сербских сказках див, в азербайджанских дов—дэв)—слово иранского происхождения, по своему значению приближается к слову „гигант“. Упоминается и в Авесте. В азербайджанском фольклоре дэв подразумевается как существо, обладающее необычайной силой, подчас способное летать, жаждущее человеческого мяса. Но ни в одной сказке и легенде упоминания о том, что дэв съел человека, не имеется. В народном представлении дэвы имеют одну, три, семь и сорок голов. Тип отрицательный, а иногда положительный. В сказках фигурируют дэвы добрые и злые.

Зулейха—красавица, влюбившаяся в библейского Иосифа Прекрасного.

Имам Али—(см. Али).

Исфагань—название города в Иране.

Ифрит (арабск.)—злой дух, мифическое существо, могущественное и страшное еще более, чем джинн (см. джинн). К героям относится враждебно и причиняет зло.

Кази (арабск.)—мусульманский духовный судья, разбирающий дела по шариату (религиозное право).

Кальян (иранск.)—курительный прибор, распространенный на Востоке.

Каравансарай—постоялый двор.

Кебаб (иранск.)—рубленное мясо, жареное на шомпурах по способу шашлыка.

Кебин—бракосочетание.

- Кечал—дословно: безволосый, плешивый; излюбленный герой азербайджанских сказок, которые наделяют его плутовством. Он всех обманывает, особенно царей и их служителей.
- Копэк оглу—собачий сын.
- Курбан—жертва.
- Курбан байрам—традиционный религиозный праздник жертвоприношения.
- Локман—древний мудрец.
- Лоту—проходимец, гуляка, кутила.
- Меджлис—совет, собрание.
- Мейдан (майдан)—площадь.
- Молла—духовное лицо, соответствует русскому священнику.
- Мохур (арабск.)—кружочек глины, взятой из почвы Кербалы (город в Аравии); читая намаз-молитву, его кладут перед собой на коврик и касаются лбом при поклонах.
- Мэнгянэ—пресс, орудие для телесного наказания.
- Нахэнг (иранск.)—кит, в данном случае чудовище.
- Нигаб (арабск.)—вуаль, покрывало, забрало на шлеме.
- Нил-море—река Нил.
- Нукер (иранск.)—слуга.
- Овдан—специальная постройка над родником, куда спускаются по лестнице.
- Падишах (иранск.)—царь.
- Палас—грубый ковер без ворса.
- Папах—головной убор из каракуля, шапка.
- Пери, пэри (иранск.)—в противоположность джиннам, исключительно красивое мифическое существо, способное превращаться из одного вида в другой, летать, стать невидимым и пр. Пэри в азербайджанских сказках играет положительную роль, подчас является спасителем героев.
- Пехлеван (иранск.)—витязь, герой, богатырь.
- Пиначи—соответствует русскому „холодный сапожник“, латочник, чеботарь.
- Плов—рисовое блюдо.
- Раммал (арабск.)—кудесник, гадалщик.
- Рубенд (иранск.)—вуаль.
- Рустем-Зала—герой, витязь из „Шахнамэ“ Фердовси.
- Саз—струнный музыкальный инструмент.
- Сарраф (арабск.)—меняла, оценщик драгоценных камней.
- Симург (иранск.)—волшебная птица, соответствует русскому „жар-птица“.
- Суфра (иранск.)—покрывало, скатерть.
- Тендир—происходящий от арабского танур, тэнэввур. В Иране—танур-тандур—азиатская печь, в которой выпекается плоский хлеб—чурек.
- Туман (иранск.)—иранская монета = 10 кранов.
- Ферраш (иранск.)—соответствует русскому—стражник.
- Франк, Франгистан—Западная Европа.

Хазрет (арабск.)—дословно: присутствие; употребляется как почетный титул перед именами пророков, святых.

Хаким (арабск.)—врач, лекарь.

Хал (иранск.)—родинка.

Хан—князь.

Ханский аршин — мера длины, немного меньше метра, равен 20 вершкам.

Хонча—скатерть, поднос с яствами, покрытый платком.

Хош гэлдин—добро пожаловал.

Хурджин, хурджун (иранск.)—двойная сума для багажа, перекидываемая через спину вьючного животного (переметная сума).

Чайханэ—чайная.

Чарыг (чарых)—дореволюционная обувь крестьян, типа лаптей из кожи.

Чинар—чинара, платан.

Чобан—пастух.

Чусты—легкая обувь.

Шайтан, шейтан (арабск.)—сатана, дьявол, чорт.

Шамама—декоративный ароматный плод в виде небольшой дыни, но круглый, желтого цвета с коричневыми полосками.

Шах Аббас—иранский шах сефевидской династии (1585—1628), о котором в Азербайджане существуют многочисленные сказки, рисующие его как положительный, так и отрицательный тип.

Шербет—сироп.

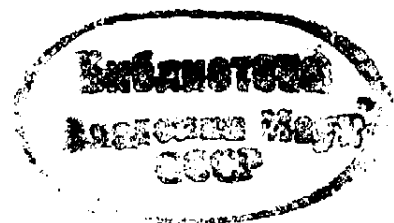
Шесть шахи—шесть пятаков=30 коп.

Эйлаг—горное пастбище.

Юсиф—Иосиф Прекрасный.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	I-VIII
1. Сказка о Хатеме	3
2. Маммед	51
3. Уста Абдулла	59
4. Имам-сводня	64
5. Сказка о Кел-Гасане	76
6. Сказка о Симане	91
7. Сказка о девушке Нардан	129
8. Анака	147
9. Сказка о Джейране	151
10. Шах Аббас	173
11. Жена мельника	235
12. Пиначи Маммед	243
13. Сказка о Бейкесе	254
14. Сказка о Гара-визире	276
15. Амир Аслан	296
16. Кечал	325
17. Ибрагим	330
18. Шахзаде Муталиб	353
19. Аг Гуш	377
20. „Ах-вах“	391
Примечания	413
Словарь общеупотребительных в сказках слов, имен и терминов	418

Редактор З. Алиев

Подписано к печати 19|XI-40. Печатных листов 26³/₄. Тираж 5000. Заказ № 604. ФГ 14350.

Цена 11 руб., переплет 2 руб.

Тип. Азернешр, Дворец книги им. 26, Баку, ул. Али Байрамова.